

Божидар Езерник

ГОЛЫЙ ОСТРОВ
∇
ЮГОСЛАВСКИЙ
ГУЛАГ

Москва
«Лингвистика»
2018

УДК 93/94
ББК 63.3(4)63-4
Е42

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Государственного агентства
по исследовательской деятельности Республики Словении
(Javna agencija za raziskovalno dejavnost Republike Slovenije)
и Философского факультета Люблянского университета
(Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani)

Перевод осуществлен при поддержке
Института славяноведения Российской академии наук
и Центра славянских культур (ВГБИЛ им. М. И. Рудомино)

Ответственный редактор русского перевода:
к. ф. н. Ю. А. Созина

Перевод осуществлен по изданию:
*Jezernik B. Goli otok – Titov gulag. – Ljubljana:
Modrijan založba, d.o.o., 2013. – 294 s.*

Божидар Езерник

Е42 **Голый остров – югославский ГУЛАГ: Монография/Пер. со словен.**
Ж. В. Перковская. — М.: Лингвистика, 2018. — 368 с.: ил., 9 отд. л. цв.
ил.

ISBN 978-5-91922-061-9

В новой книге словенского антрополога, социолога и культуролога Б. Езерника воссоздается трагическая картина Голого острова и других концентрационных лагерей и тюрем, где шла «перековка» идейных противников Йосипа Броза-Тито и возглавляемого им режима в Югославии после Второй мировой войны и где были обобщены и воплощены как идеи «самоуправляющегося социализма», так и «предшествующий опыт» всевозможных разновидностей тоталитарных систем.

Голый остров Тито, о котором до сих пор почти ничего не известно ни в России, ни в Европе, — машина, «управляемая» самими заключенными, по вытравлению любого проявления человечности: доверия, взаимовыручки, достоинства, элементарной помощи нуждающемуся... — не только физическая, но и нравственная «смерть в расщелку».

В основе исследования многочисленные письменные и устные свидетельства; автора интересуют вопросы выживания и сохранения внутренней идентичности в экстремальных условиях.

УДК 93/94
ББК 63.3(4)63-4

ISBN 978-5-91922-061-9

9 785919 220619

© Божидар Езерник (Božidar Jezernik), 2013
© Жанна Перковская, перевод, 2018
© ООО «Лингвистика», издание на русском языке, 2018
© ООО «ПОЛИМЕДИА», оформление, 2018

Оглавление

Что был Сталин, что не было...	5
Политическая и имажинальная география	32
Отец — мерзавец, мать — шлюха	56
Строй-«рукомойник»	67
Вертикальная структура социального дна	84
Нож для резки хлеба	108
Невыносимая сила бессильных	122
Битье определяет сознание	137
Люди с хвостами	153
Одиночество в толпе	167
«Потемкинская деревня Р-101»	180
Марксистский догматизм лагерного меню	192
Султан в гареме	211
Сизифы на «общественно-полезных работах»	228
Зверье в клетке	253
Летающие тарелки над Голым островом	269
«И только дознание вечно»	289
Стену лбом не прошибешь	304
Финал без конца	315
Примечания	330
Избранная библиография	360

Iz jednog ruskog albuma

(Karikatura Z. Džumhura)

Зуко Джумхур.

Из одного русского альбома

(«Книжевне новине». 14.2.1950. С. 2)

Что был Сталин, || что не было... ||

Британский журналист Ньюмен начал свою книгу, посвященную титовской Югославии, анекдотом о человеке, над которым в то время потешались все соотечественники. Сразу по окончании Второй мировой войны он воскликнул: «Долой Сталина!» — и на несколько лет угодил в тюрьму. Выйдя на свободу, он, решив исправить ошибку, возгласил: «Да здравствует Сталин!» — и тут же заработал еще четыре года¹.

Нам, рожденным в послевоенные годы, известно и продолжение этого анекдота. Его герой всё время, пока сидел на казённых харчах, мечтал о чем-нибудь сладеньком. Выйдя из тюрьмы во второй раз, он сразу же направился в кондитерскую и заказал себе пахлавы. Но когда официант спросил, какую принести — греческую или турецкую, человек испугался и убежал: вдруг опять ляпнет что-то не то*.

Коллективную память об исторических событиях, передающуюся из уст в уста, историографией, то есть летописанием, конечно же, не назовешь. Носители устной традиции осмысляют и «усваивают» события, свидетелями которых стали, субъективно, укладывая новые обстоятельства в ранее заданные рамки собственного опыта, и верх берет некая общая, ориентированная на эмоции схема, а малозначимые, невыразительные детали изы-

* В 1953 г. Греция, Турция и Югославия подписали Балканский пакт о взаимной обороне против Советского Союза. Однако вопреки сближению и Греция, и Турция старались уменьшить экономическое влияние друг друга. Турецкие власти, в частности, вели целенаправленную политику по сокращению экономического присутствия греков в Турции. Таким образом, персонаж цитируемого анекдота испугался, что выбор определенного сорта пахлавы будет истолкован как косвенное выражение его приверженности той или иной стороне. — *Здесь и далее постраничные сноски — примеч. пер.; примеч. автора в конце книги.*

маются. Такой процесс допускает существенные изменения и в том, что касается «значимого» и «незначимого» материала. В разные периоды те или иные исторические детали, а то и история целиком рассматриваются различными социальными группами или индивидуумами по-разному, таким образом, внимание рассказчика порой сосредоточивается на тех моментах, которые, возможно, последующим поколениям покажутся незначимыми. Те информационные блоки, которые воспроизводящий не в силах соотносить с личным опытом, либо выпадают из повествования, либо искажаются. Однако сжатие сюжета никогда не затрагивает его «важных» элементов, то есть «фактов», соответствующих ожиданиям и взглядам повествователя и помогают ему строить свой рассказ. Жизнь какого-либо предания, следовательно, может быть представлена как процесс постоянной переоценки его значимости, а в самих рассказах отражаются идейно-политические, этические и другие концепции, в свете которых события трактуются и получают оценку — что и в какой мере еще актуально, а что уже кануло в Лету, что остается важным, а что перестало быть актуальным².

Таким образом, вышеупомянутый анекдот повествует о событиях, имевших место в 1948 г. и позже. Именно они считаются одним из переломных моментов в истории Югославии, которую возглавлял Тито. В свое время при оценке значимости этих событий был достигнут весьма убедительный консенсус: «И хотя историки, мемуаристы, писатели и все те, кто владеет пером, еще долго будут писать о нашем разрыве со Сталиным, об этом поворотном моменте в истории социализма, но следует сказать, что и сейчас уже всё понятно»³.

Однако со временем ясности в данном вопросе не прибавляется — скорее наоборот. Глядя на всё с современной точки зрения, мы никак не можем утверждать, что про тогдашние события, причины и следствия нам «и сейчас уже всё понятно».

Более того — нам всё чаще становится ясно, что этот поворотный момент означает именно то, что вслед за оппозиционными партиями с политической сцены были окончательно сметены и внутрипартийные оппозиционные течения, таким образом еще на протяжении четырех десятилетий утверждалась система однопартийного «единства». Как вспоминали те, кто побывал в концлагерях, именно тогда противостояние Тито и Сталина обернулось «не борьбой за демократию и независимость, а лишь борьбой за власть». Люди старшего поколения еще помнят, что именно после этого столкновения репрессии обрели небывалый размах, от чего больше всего пострадали крестьяне и Церковь»⁴.

Итак, в конце сороковых и в первой половине пятидесятых годов XX века был завершен процесс, начавшийся после войны с физической ликвидации «квислингов» — сторонников предательских вооруженных формирований — и продолжившийся в 1946 году судебными делами генерала Дражо Михайловича* в Белграде и архиепископа Алоизие Степинаца** в Загребе. В течение двух последующих лет в Югославии прошла серия судебных разбирательств против сторонников оппозиции, многие из которых были приговорены к длительным срокам заключения и даже к смертной казни⁵. Людей охватил страх:

«Тито и коммунисты уничтожили оппозицию. Те, кто выступал за монархию и отечество, были объявлены предателями, их близкие ощущали себя проклятыми. Зажиточных объявили кулаками. Яд был раз-

* Михайлович, Драголюб (1893–1946) — югославский сербский военный деятель, командовавший дивизией священников во время Второй мировой войны. Югославские коммунистические власти расстреляли его, место захоронения неизвестно. Реабилитирован в 2015 г.

** Степинац, Алоизие (1898–1960) — хорватский религиозный деятель, ставший впоследствии кардиналом-священником Хорватии. Во время Второй мировой войны в независимой Хорватии сначала поддержал усташское правительство, затем выступал против ряда его преступлений. Выступил с осуждением действий пришедшего в 1945 г. к власти коммунистического режима Иосипа Тито; в октябре 1946 г. был приговорен к 16 годам заключения по обвинению в государственной измене и военных преступлениях, но через пять лет переведен под домашний арест.

брозан по всей стране, и вслед за военным лихолетьем наступило время террора. На войне ты знал, кто твой враг. Немцы, итальянцы, албанские головорезы, исламисты. Они были заодно. Помогали друг другу. Теперь же тебя преследуют твои же братья и родственники»⁶.

Конфликт, разразившийся в 1948 г. после оглашения Резолюции Коминформбюро*, вызвал новую серию массовых арестов, приговоров и депортаций. По официальным данным, репрессивные органы в период с 1948 по 1963 г. арестовали 55 663 человек, которые так или иначе поддерживали кампанию Москвы и Восточного блока против Югославии⁷. По неофициальным данным, в то время из Коммунистической партии Югославии** было исключено 58 596 человек, иные санкции постигли еще 31 142 человека⁸. Это огромные масштабы, ведь на момент проведения V съезда КПЮ***, который состоялся в конце июля 1948 г., ряды партии насчитывали 468 175 членов и 51 612 кандидатов⁹.

По официальным данным, осужден был 16 731 человек, из них 11 694 — привлечены к административной ответственности, а 5037 — получили различные сроки заключения¹⁰. Особый размах приобрели чистки в армии: арестовано более пяти тысяч человек из командного состава, в том числе многие генералы и полковники, главным образом командиры и комиссары бригад, дивизий и армий, в то время как 12 000 — отправлено в отставку¹¹.

Зарубежные источники приводят гораздо более внушительные цифры. По их данным, к 1950 г. в Югославии насчитывалось уже 100 000 политзаключенных¹², в сле-

* Коминформ, или Коминформбюро (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий) — международная коммунистическая организация в 1947–1956 гг., из которой в 1948 г. вследствие разрыва отношений между Тито и Сталиным была исключена югославская компартия. Штаб-квартира организации, первоначально располагавшаяся в Белграде, была перенесена в Бухарест.

** С 1952 г. — Союз коммунистов Югославии.

*** V съезд КПЮ принял новую программу и устав партии. Программа формулировала задачи партии в борьбе за построение основ социализма. Съезд выразил отрицательное отношение к Резолюции Информбюро «О положении в КПЮ», а также обозначил очередные задачи партии.

дующем году число задержанных возросло до 300 000¹³. Оценки западных наблюдателей учитывают общее число жертв политических репрессий. По оценкам, сделанным на Востоке лишь в отношении информбюровцев, в период с 1948 по 1952 г. число брошенных в тюрьмы и лагеря составляло 200 000 или даже 250 000 человек¹⁴.

Инструкции по усилению «бдительности» спускались с самого верха. Сам Йосип Броз-Тито высказался о том, что всех, кто вызывает сомнение, нужно арестовать, ведь «лучше нескольких невиновных посадить в тюрьму, чем одного преступника оставить на свободе»¹⁵. По некоторым источникам, Светозар Вукманович-Темпо, начальник главного политуправления, которому подчинялась также Служба контрразведки в системе Югославской народной армии, составил для её органов инструкцию, приравнивавшую ненадлежащее высказывание в отношении Коминформбюро к теракту: «Разницы нет — наказаны должны быть все!»¹⁶

В период массовых арестов Союзная скупщина приняла закон, имевший весьма жесткую и при этом невинную и довольно практичную формулировку: «общественно-полезные работы». Тем самым были узаконены достигнутые ранее внутрипартийные договоренности¹⁷. Приговоры, вынесенные в соответствии с этим законом, предусматривали два года работ. Однако осужденный никогда не знал, освободят ли его по истечении двух лет. Власти постоянно внушали ему, что не имеет значения, на какой срок он осужден, и если человек «не исправился», то может провести в лагере и все десять лет. Сроки продлевались. Как только истекал предыдущий, назначался новый. Полгода или год. Или два года. Так, Ольга Юранчич-Виренс была приговорена к четырнадцати месяцам «общественно-полезных работ» на Голом острове*,

* В историографии так принято называть хорватский остров Голи-Оток, на котором располагался крупнейший югославский лагерь для политических преступников; точный перевод на русский язык.

а пробыла там почти три года. Фадил Бутурович был приговорен к шестнадцати месяцам, а отбыл более сорока двух; и так далее¹⁸.

А кому-то приговор и вовсе не выносился. Так, например, Данице Талиян-Чурчич никогда не предъявляли документов о том, что она осуждена. Никто и никогда не извещал ее, какой срок ей назначен, не было ни суда, ни приговора¹⁹.

В соответствии с политикой «дать по башке, но не рубить её»²⁰, арестованных наказывали только лишением свободы. В исполнение было приведено лишь два смертных приговора: в июне 1950 г. Окружной суд в Титограде приговорил к смертной казни Любо Боричича, президента Окружного кооперативного союза, и Колю Николича, заместителя начальника милиции города Затриеппче (Титограда)²¹.

«Разумеется, если бы возникла острая угроза со стороны Востока, нас бы ликвидировали. Всех сразу. Мы знали об этом уже тогда и помнили потом — на островах и в концлагере в Билече. Я помню об этом и поныне, — вспоминает один из бывших узников. — Но это нас не очень удручало. Всё это было так понятно, так оправдано ленинизмом на многие годы вперед — “наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы”... Всё это столь неизгладимо наше, что нам, пожалуй, и не пришлось бы досадовать, если бы нас вывели из камер и барачков и покосили автоматными очередями»²².

Большинство арестов пришлось на первые годы конфликта, а именно: 1948 год — 501 арестованный, 1949 — 6260, 1950 — 3019, 1951 — 3550, 1952 — 1407. Позже это число постоянно снижалось. В 1961 г. по делу, которое касалось Информбюро, были арестованы лишь два члена СКЮ. Если анализировать данные с точки зрения национальной принадлежности задержанных, то привлечено к ответственности было в общей сложности 7235 сербов, 3439 черногорцев, 2588 хорватов, 883 ма-

кедонца, 566 словенцев, 436 албанцев, 251 болгарин, 244 венгра, 87 итальянцев и т. д. Арестованным было от восемнадцати до семидесяти лет, но возраст большинства из них составлял от двадцати до тридцати лет²³.

Среди задержанных были «внеплановые» и «плановые» приверженцы Коминформбюро. Дело в том, что югославские власти составляли прогнозы, отражавшие примерное число «прихвостней Информбюро» в отдельно взятых республиках и по всей Югославии в целом. В соответствии с этим, руководителям окружных комитетов УДБА* предписывалось арестовать определенное число коммунистов-информбюровцев. Если таковых не было или их было меньше, чем требовалось, например ввиду меньшей численности коммунистов в определенном районе, в места отбывания наказания отправляли «по разнарядке» — тех, кого еще только предстояло «сделать» сторонниками Информбюро. Зачастую люди становились жертвой личных конфликтов, обид и мести противников. Некоторые судьи, сотрудники госбезопасности и прокуроры тоже устранили невиновных из чисто личных, корыстных побуждений²⁴.

Таким образом, под ударом репрессий оказались генералы, которые якобы «скучали по русским», полковники, которые «намеревались» покинуть страну, «болтуны», утверждавшие, что Югославия вполне может помириться со Сталиным и признать свои ошибки, и даже те, про которых говорят: «Два душой скорбны — третий с головой не дружит»²⁵. Наверняка среди этих людей не было тех, кого, по мнению властей, было больше всего, то есть шпионов: «Шпионов среди нас не было. Ни оплачиваемых, ни бесплатных. Конечно же у СССР были в Югославии свои разведчики, но заявлять о приверженности Коминформбюро от них не требовалось. Хорошо зная себя, ВКП(б) не могла не знать и о повадках своей милейшей

* УДБА — «Управа за државну безбедност» (сербск.) — Управление госбезопасности.

племянницы — КПЮ и вполне представляла себе, чем может увенчаться такое признание»²⁶.

Среди заключенных было относительно много черногорцев: на Голом острове в полном составе оказались райкомы Никшича, Тивата, Даниловграда, Беране и Улциня²⁷. О причинах этого велись жаркие споры, и возобладало мнение, что национальный состав осужденных является скорее данью истории, а не идеологии, ведь черногорцы имели выраженную пророссийскую направленность, в их среде многие годы было принято шутить, мол, «нас и русских — двести миллионов»²⁸. Самые популярные черногорские песни славят Россию: «На Ловчене плачет вила: ой, Россия, мать мила...», «Плывут уточки и гуси — наши земли станут Русью...», «Громче пой слова такие — не спасись нам без России...»²⁹.

До 4 октября 1948 г. о Сталине в Югославии отзывались положительно. Еще 21 декабря 1948 г. в газете «Борба» была опубликована статья под заголовком «Великому Сталину — шестьдесят». И даже сам Йосип Броз 22 июля закончил свою речь на V съезде КПЮ словами: «Да здравствует великий Советский Союз и гений Сталин во главе его!» Делегаты на закрытии съезда хором скандировали: «Тито, Сталин!» В период, когда уже начались первые обыски и допросы, в судах на стенах всё еще висели портреты Сталина³⁰.

Перед войной Партия наказывала своим членам чтить Сталина пуще иконы. По словам Милана Смилянич, в 1941 г. один коммунист сказал ему: «Папаша, Сталин для нас — всё равно, что для тебя Господь Бог!» Поэтому впоследствии многие не смогли вмиг отречься от «церкви» в лице России и «Бога» в лице Сталина³¹.

В начале войны югославские коммунисты пели: «Ой ты, Сталин наш, будь здоровым, всё ты делаешь по праву!» После 1948 г. пластинка сменилась: «Ах ты, Сталин-старикан, Тито понял твой обман!»³² Поскольку всё это произошло в одночасье, многим не удалось моментально

«перевернуться вверх тормашками». Они полагали, что революционер не должен холопствовать и приспособляться, поэтому некоторые бунтовали³³.

Югославские власти пытались использовать репрессивные методы, чтобы не дать Сталину возможности получить «внутреннюю платформу» для переворота в Югославии. Вот почему на первом этапе репрессии коснулись почти всех, кто сомневался в правильности критического отношения к Информбюро или воздерживался от его критики. Исключением не стали и представители оппозиции, хотя они были противниками коммунизма и надеялись при тактической поддержке Запада получить и политическую помощь. Этот процесс был мощным и беспощадным, он не только повлек за собой множество человеческих трагедий, но и стал частью системы, которой была свойственна атмосфера постоянного страха и в то же время стремление к монолитности. Если кто-то не был абсолютно предан власти, если у него к ней были какие-либо претензии, значит, он был против. А если ты против — значит, ты «весьма опасен»...

«Тот, кто не был на сто один процент согласен с позицией ЦК КПЮ, отправлялся “к чертям собачьим”». Как правило, через день-другой после того, как высказался. Некоторые — той же ночью. Иногда реакция откладывалась на неделю, и вокруг свобододлюбивого «спорщика» образовывался вакуум. Типичный коммунистический метод. Ты еще здесь, ты всё еще ты, а люди тебя уже не замечают в упор. Они знают, что тебя тут больше нет. И действительно, за тобой приезжают товарищи на “воронке”. Домой. Реже — на работу. Тогда тебе звонят по телефону и вызывают к проходной. Жена пришла. Или сестра. Или брат. Или кто уж там у тебя есть. Выходишь, и тебя принимает под белы руки — не жена, не сестра и не брат — пара товарищей...»³⁴

По подозрению в симпатиях к Информбюро сажали и беспартийных. Достаточно было всего лишь словечка,

которое можно было бы трактовать как приверженность ему. А иногда обходилось и вовсе без этого. Некоммунисты, антикоммунисты, антисоветчики и, наконец, те, кто ввиду своей аполитичности никогда в жизни не выступал ни «за», ни «против» чего бы то ни было, — все они, с подачи районной милиции или по приговору трибунала, могли попасть в лагерь с клеймом «прихвостень Информбюро».

Атаку на Коммунистическую партию Югославии правящая верхушка использовала как повод упечь за решетку любого, кто так или иначе критикует власть и ее промахи. Здесь очевидным было намерение задавить любую оппозицию и всех, кто не придерживается официальных взглядов на Резолюцию Информбюро, а заодно и всех тех, кто хотя бы в мелочах не согласен с политикой правительства. Было опасно даже шутить. Некто был осужден за остоту о том, что уровень жизни в стране стал настолько высоким, что до него и на самолете не долететь. Свободы лишались и те, кто пересказывал анекдот о цыгане, который на приеме у товарища Тито сказал, что самые смешные шутки — это репортажи об успехах югославской экономики³⁵.

Среди людей, аресты которых были так или иначе связаны с Резолюцией Коминформбюро, оказалось немало тех, кто пытался рассматривать возникшие разногласия аналитически, конструктивно. Но уже это делало их «непригодными» к партийной жизни — их не жаловали ни информбюровцы, ни титоисты. И если бы Резолюция Коминформбюро в Югославии была принята, а Тито свергнут и, как водится, расстрелян, те же люди оказались бы в тюрьме, но уже за то, что усматривали в курсе Тито приемлемые элементы. «Таким образом, Резолюция Информбюро помогла Коммунистической партии Югославии осуществить чистку среди мыслящей части населения»³⁶.

В то время сотрудникам Народной милиции впервые были выданы дубинки. Кто-то в обстановке домашнего

общения заметил: «Милиционер носит дубинку, которую называет жезлом. Какой же это жезл, если это дубинка?» За это единственное прегрешение партийца записали в информбюровцы³⁷.

Влада Живкович отозвался о Жукове как о прославленном талантливом полководце и за это был приговорен к пяти годам лишения свободы в соответствии со статьей 118 Уголовного кодекса — измена родине. Когда маршал Жуков посетил Белград с официальным визитом, югославская пресса много писала о его заслугах и воинской славе. Но Живкович по-прежнему прозябал на Голом острове и был выпущен только после четырехлетней отсидки³⁸.

Аресты приобрели такой размах, что уже не вызывали удивления у граждан³⁹. Утратили свое устрашающее воздействие, и люди стали даже пошучивать. Так, весьма распространен был анекдот о том, как деревенского паренька приговорили к двадцати годам «каторги» за то, что он «в августе 1948 г. — точную дату установить не удалось — с целью разжигания войны и распространения контрреволюции лез под юбку к товарищу Мицке, в тот момент находившейся на рабочем посту в редакции газеты “Народная армия”»⁴⁰.

Поэтому Эдвард Кардель* на одном из пленумов заметил, что из-за того, что аресты происходят с такой частотой и легкостью, они уже не страшат людей, превратившись в обыденность, как грипп или подвывих. Тюремное заключение перестало быть позором, и поэтому необходимо каким-то образом повысить значимость наказания, чтобы угроза тюрьмы снова вселяла страх⁴¹.

* Кардель, Эдвард (1910–1979) — югославский политик, государственный деятель, коммунист. В период с 1946 по 1953 г. занимал пост заместителя председателя правительства Югославии, в 1948–1953 гг. находился на посту министра иностранных дел. Впоследствии был заместителем председателя Союзного исполнительного вече Югославии, председателем Союзной скупщины Югославии, членом Президиума Югославии. Автор ряда работ по проблемам рабочего самоуправления и национальному вопросу.

В июне 1951 г. такого рода перегибы стали даже предметом рассмотрения на пленуме ЦК КПЮ. Александр Ранкович, в то время занимавший пост министра внутренних дел Югославии, в документе «О дальнейшем укреплении правосудия и законности» указал, что, согласно данным прокуратуры и Министерства внутренних дел ФНРЮ, в 1949 г. неоправданными были 47 процентов от общего числа арестов, проведенных Управлением госбезопасности, и по завершении дознания людей выпускали из следственного изолятора, либо суд не признавал их виновными за недостаточностью улик⁴². Приведенные выше официальные данные о числе арестов после 1949 г. говорят о том, что, несмотря на вмешательство самого министра внутренних дел, процент безвинно арестованных нисколько не уменьшился...

О репрессиях, которым подвергались ни в чем не повинные люди, на пленуме высказался и Тито. Вопрос для него как таковой не стоял: «Всё это понятно, ведь речь идет о диктатуре пролетариата, и мы не могли поступать с классовым врагом иначе, даже если случалось пострадать и невиновному...»⁴³

Все эти, на первый взгляд совершенно абсурдные действия, тем не менее имели свой смысл. С одной стороны, режим представлял себя глашатаем демократизации, а с другой — с помощью драконовских мер репрессивный аппарат стер в порошок всех потенциальных оппозиционеров и привил гражданам боязнь сфабрикованных обвинений, на основании которых можно было оказаться в длительной «командировке». В тюрьму попадали и члены КПЮ, и беспартийные, сочувствующие Советскому Союзу. Каждый арестованный тянул за собой кого-то из знакомых или соседей. В тюрьму сажали и тех, кто оказывал материальную поддержку семьям заключенных. Первая начальница женского лагеря Мария Зелич приводит в пример судьбу четырнадцатилетней девочки, сестры одного из сотрудников госбезопасности.

Ее брат сам обратился к сослуживцам с просьбой арестовать ее и отправить в тюрьму, или, если прибегнуть к эвфемизму, в «исправительное учреждение», потому что ее высказывания о том, что «диктатуры пролетариата в стране нет, зато есть красная буржуазия — товарищи, разъезжающие на машинах, и совсем не за это боролись коммунисты», его пугали⁴⁴.

Даже когда в узком кругу встречались старые приятели или друзья, доверия меж ними не было. Слова и темы для беседы подбирались самым тщательным образом. В то время родилась шутка о гражданине, который расспрашивал о своем знакомом: «Еще вчера он был среди нас, а теперь я его что-то не вижу». — «Не задавай лишних вопросов, — отвечали ему, — А то завтра нам придется расспрашивать о тебе!»⁴⁵

Ситуация напоминала ту, что сложилась в Германии после захвата власти национал-социалистами. В тридцатые годы жители города Дахау говаривали: «Тихо... если только пискнешь — прямым ходом отправишься в лагерь». В Баварии уже в тридцатые годы была известна шуточная молитва: «Боже, дай немым мне стать, чтоб в Дахау не попасть!»⁴⁶

Это сходство отнюдь не случайно: в обоих случаях преследовалась цель посеять в людях страх и недоверие. Например, на писательницу Жени Лебл* донес властям именно тот, кто рассказал ей «анекдот, который тянет на два с половиной года»: «Югославия получила первый приз на международном шоу цветов, вырастив “белую фиалку”** весом в центнер»⁴⁷. Некий дознаватель объяснил функцию таких острот следующим образом:

* Лебл, Жени (Йованка; 1927–2009) — сербская писательница, журналист, историк. На Голом острове пребывала с апреля 1949 г. по октябрь 1951 г. Автор книги мемуаров «Белая фиалка».

** Образ «Белой фиалки» закрепился за Тито в югославском коммунистическом фольклоре, здесь обыгрываются слова хороводной песни, весьма популярной во времена его правления.

«Э-э, в этом-то и соль: если кто-то высказал при тебе нечто, направленное против народа и его руководителей, ты должен сразу бежать к нам и заявить. Если это хороший, наш человек, мы его прикроем, а если нет — твой сигнал поможет нам выявить врага народа. Ну, а если ты об этом не сообщил, значит, ты сам враг народа. Вот ты к нам не пришла и не заявила о Войе, а это было ведь твоей обязанностью...»⁴⁸

Ситуация, складывавшаяся в Югославии в 1948 г. и позже, во многом напоминает развитие событий в Германии после захвата власти нацистами. Репрессивные органы проникали во все поры жизни — страна была усеяна тюрьмами. Тайная полиция расставила своих соглядатаев всюду. Упоминали о ней только шепотом. Под предлогом укрепления обороноспособности страны агенты контролировали личную жизнь каждого, кого хоть немного подозревали в недовольстве политикой⁴⁹. По этой причине некоторые западные авторы сравнивали Комитет Национальной обороны Югославии с СС⁵⁰.

Целью широкомасштабных репрессий было не просто запугать людей, но осуществить базовый принцип тоталитарной педагогики: «Non cogito ergo sum*»⁵¹. Это были времена, когда мыслить было опасно, когда право думать было привилегией высшего политического руководства: «Нет, вы только гляньте: юный г-н Джурич, член партии, предается размышлениям вслух, когда надо работать, как швейцарские часы... Что стало бы со страной, если бы все размышляли, как и когда им заблагорассудится? В этот судьбоносный момент Партия думает за нас за всех. Помыслы и дела должны быть едины!»⁵²

Или, как сказал Моше Пияде**»: «Многие годы мы зарабатывали в членах нашей Партии беззаветную веру в то, что мы должны равняться на Москву. И вот столк-

* Не мыслю — значит, существую (*лат.*).

** Моше Пияде — член Политбюро ЦК КПЮ; с ноября 1952 г. — член исполкома Союза коммунистов Югославии.

нули с дьявольской проблемой — как теперь научить их думать собственной головой»⁵³. О том, каким было это обучение, свидетельствует краткий комментарий «ученика»: «Речь идет не о перевоспитании! Ни в коей мере. Нас хотят сделать живыми роботами. Соревнуются в том, кто скорее и бесповоротнее искоренит в нас чувство человеческого достоинства»⁵⁴.

Поэтому золотое правило жизни теперь звучало так: молчание — золото. И бдительное ухо государства не пропустило мимо даже замечаний Перко Шливанчанина, которому было сто с лишним лет. Он сказал: пришли времена, когда нельзя упомянуть и о русской картошке. За это его засадили на целый месяц. Во время ареста его всячески унижали, принудив вынуть даже *«гатник»*, который многие черногорцы использовали вместо трусов. Затем ему приказали: «Руки вверх!» Он поднял руки и отпустил штаны-*«чакширы»* — те свалились. И это повторялось несколько раз — забавы ради⁵⁵. Шпиро Никшевича обвинили в нелояльности за то, что он в отеле «Яворак» в городе Никшич, причем в то время, когда отношения с СССР уже «значительно улучшились», заказал «русский», то есть черный чай. Чаю испить так и не удалось: ревнители безопасности прибыли раньше, чем чай заварился⁵⁶.

Схожесть приведенных случаев ни в коем случае нельзя назвать простым совпадением — аресты одновременно проходили в странах «реального социализма», которые конфликтовали с Югославией. Сначала в Албании, где перед разрывом экономических отношений между Албанией и Югославией в начале июля 1948 г. было арестовано 2000 человек. В Леже расстреляли шестерых, открыто заявивших о своем несогласии с кампанией Коминформбюро⁵⁷.

По некоторым оценкам, в 1948 г. в странах реального социализма четверть членов партии была исключена из ее рядов из-за «антисоветской» или «антипартийной»

деятельности. В Восточной Европе (включая Восточную Германию) из партии было исключено от двух до двух с половиной миллионов коммунистов. Значительное число исключенных коммунистов было арестовано. По оценке экспертов, более 250000 человек попало в тюрьму, то есть около 10 процентов исключенных. В Советском Союзе этот процент был выше: исключение из Коммунистической партии почти автоматически означало лишение свободы⁵⁸.

Согласно официальной точке зрения, репрессии были необходимыми, вынужденными, ведь «мое мнение можно оспаривать, но Голый остров нам был просто навязан!»⁵⁹. С этим соглашается даже Джилас*, считая, что значительное число офицеров, приверженных Коминформбюро (он сам говорит о семи тысячах человек), «представляло опасность и в самом деле нешуточную, хотя здесь несколько “перебдели”»⁶⁰.

Существуют разные оценки того, насколько реальной была угроза. Мнение о том, что спор со странами «реального социализма» действительно представлял собой военную опасность для Югославии, следует из записок бывшего начальника венгерской Военной академии им. Миклоша Зриньи. В июле 1951 г. к нему в кабинет вошел генерал-полковник Генерального штаба Красной Армии Николай Волошин и обвинил академию в распространении антисоветской пропаганды. Он сослался на то, что в курсе военной географии упоминается Прикарпатье, которое является советской территорией. Цель же военной географии — обучение будущих офицеров генштаба действиям на потенциальных полях сражений.

* Джилас, Милован (1911–1995) — югославский политик, известный своей диссидентской деятельностью. В частности, обосновал тезис о возникновении в СССР, Югославии и других социалистических странах нового правящего класса — привилегированной партийной бюрократической верхушки. Автор философско-публицистической книги «Новый класс: Анализ коммунистической системы» (1957), а также ставшей всемирным бестселлером книги «Разговоры со Сталиным» (1961). Неоднократно был осужден на различные сроки тюремного заключения.

Советская территория уже никогда не станет ареной битвы! Если же слушателей уверяют в обратном, то это и есть антисоветская пропаганда, которую следует немедленно прекратить.

«Ваши слушатели должны иметь понятие об одном-единственном поле боя, об одной-единственной враждебной территории — Югославии. Если разбудить студента вашей академии среди ночи и спросить его о военных характеристиках реки Вардар, он должен ответить правильно и сразу»⁶¹.

Справедливости ради следует сказать и о том, что имеются и другие мнения по этому поводу. Так, бывший офицер пограничных войск югославской армии, который до ареста часто инспектировал венгерско-румынскую границу, вспоминает:

«Я никогда не подумывал о том, чтобы перебежать на другую сторону. Встречался я чаще всего с румынскими офицерами, и они всегда приветствовали меня первыми и весьма любезно. Я бы сказал, что все эти рассказы об оказываемом давлении и подготовке к нападению лишь нагнетают обстановку и являются выдумкой. Всё это подается и воспринимается по принципу “у страха глаза велики”. Нужно было каким-то образом оправдать и идиотское перемещение заводов из Сербии, и строительство подземных и надземных дворцов для “Верховного Командования”»⁶².

В этом контексте интересно отметить, что в 1949 г. на III съезде Народного Фронта сам Тито отрицал существование такой угрозы, заявляя, что всё это западная пропаганда, цель которой — посеять страх и панику в Югославии и помешать реализации задач, намеченных на пятилетку. Авторы монографии о Югославии и «новом коммунизме» дают ряд объяснений тому, что югославские власти отрицали эту угрозу в то время, когда другие считали ее величайшей, а затем утверждали, что она присутствовала всегда. Одно из них заключается в том, что югославское руководство и через год после «пере-

лома» было неспособно понять, насколько оно уязвимо. Другое — основано на том, что элементом тактики Тито было сознательное сведение природы конфликта к пустякам. Согласно третьему, угрозы советского военного вмешательства не было вплоть до 1950 г., когда Югославия установила связи с Западом, но затем, в ретроспективе, представлялось, что она существовала всегда. Еще одна версия — это то, что реальное вторжение Югославии не грозило никогда, однако позже Тито был заинтересован в том, чтобы считалось, будто такая опасность присутствовала. И наконец, авторы считают, что все объяснения содержат рациональное зерно⁶³. Британский корреспондент, аккредитованный в Югославии, упоминавшийся в самом начале этой книги, сообщал в этой связи следующее:

«Здесь много вранья. Тито столь сильно нуждается в американском оружии, что выдумывает инциденты на границах своей страны — или по крайней мере преувеличивает значимость мелких приграничных стычек. Может сложиться впечатление, что сателлиты России вот-вот нападут на него, хотя этого не произойдет»⁶⁴.

Невзирая на то, насколько серьезной была опасность, если она вообще когда-либо существовала, в начале пятидесятых годов велись тщательные приготовления к тому, чтобы дать отпор советским войскам, этому были посвящены репортажи новостных агентств по всему миру. Было это и предметом секретных рапортов югославских спецслужб. В период с 1950 по 1956 г. почти половина югославской действующей армии была сосредоточена на границах Болгарии, Венгрии и Румынии. Из опасения, что последует военное вмешательство, в 1951 г. был даже разработан план полного перекрытия Дунайского водного пути через Джердап. Было решено, что «на крайний случай» на этом самом узком и самом крутом отрезке Дуная будет заминирован горный массив Мироч, который при взрыве обрушится в русло Дуная и перекроет путь силам агрессора. Такой план в военно-стратегическом

смысле был неприменим, потому что, согласно всем законам географии, возвращение этого региона к доисторическому геологическому периоду посредством восстановления Паннонского моря было невозможно. Но для настоящих профессионалов невозможного нет. У людей, которые считали преобразование мира своим призванием, слово с делом расходилось редко. Подготовительная работа на берегах Дуная велась в полной тайне, и военнослужащие, участвовавшие в этой акции, давали подписку о неразглашении. Отпуска им предоставлялись редко, а если это и случалось, то контроль был строгим — перлюстрировались письма, отслеживалась и иная коммуникация. На самом высоком уровне было принято решение создать так называемую стратегическую территорию (имелось в виду — от гор до моря) и целый ряд военных заводов по производству легкой и тяжелой артиллерии, боеприпасов, расходных материалов. С этой целью был построен металлургический завод в Никшиче. В числе всего прочего, план предусматривал эвакуацию крупных заводов и перемещение значительной части населения из северных и восточных районов страны в центральные регионы Югославии, чтобы ресурсы не достались агрессору. Поэтому оружейный завод был переведен из Крагуеваца в Травник, авиазавод — из Кралево в Мостар, а завод по производству грузовых автотранспортных средств — из Раковицы в Марибор. Началось перемещение мелькомбинатов, маслобоен, складов и животноводческих ферм из равнинных сельскохозяйственных регионов на «стратегическую территорию». В горах Боснии пробивались туннели, которые способствовали бы оказанию сопротивления⁶⁵.

Все эти меры представляли собой тяжкое бремя для экономики и жизни обновленной страны, поскольку на нужды обороны приходилось 22% национального дохода. Югославия пережила две жестокие засухи, поэтому снабжение населения продовольствием, особенно в го-

родах, было весьма скудным. Витрины магазинов опустели. Вместо продуктов в них красовались фотографии членов Политбюро. К тому времени относится и анекдот о советских агентах, тайно посетивших Югославию с целью доложить Сталину о ситуации. И они доложили: голову даем на отсечение — там тоже строят социализм! — Неужто? — строго спросил Сталин. — А что, — отвечали агенты, — у них там такие же пустые витрины, как и у нас! Ну, просто точь-в-точь!⁶⁶

Судебные процессы — статья особая. Судопроизводство — как в Югославии, так и в странах реального социализма — было закрытым, общественности на заседаниях делать было нечего. Приговоры не публиковались в прессе, о них не извещали семьи. Публичные слушания были привилегией тех, кто по каким-то причинам «представлял особую важность», это были самовлюбленные люди, готовые тут же повиниться, раскаться на показ и, если они до той поры этого не сделали, молить Партию о пощаде и повторном принятии их в свое «материнское» лоно⁶⁷.

Тех же, кто рассчитывал повести себя на заседании суда, как Георгий Димитров, ждало разочарование: «Я очень сожалел об этом. Мне хотелось, чтобы нашелся хоть кто-нибудь, кто дал бы миру понять, что не все обделались перед лицом суда, как об этом сообщалось в репортажах с публичных судебных процессов»⁶⁸.

Над судебной системой довлела большевистская «теория права», унаследованная Партией сразу после войны и навязанная ею правоохранительным органам. Такая судебная система считалась «прогрессивной», не обремененной буржуазными предрассудками, её основным качеством была революционность. Это означало, что виновным был тот, кого обвинила Партия или УДБА, выступавшие от имени диктатуры пролетариата, а значит, решение принималось на уровне партийного руководства, и суд его только оглашал.

Вину тех, кому приписывались враждебные действия против народа и Партии, не требовалось доказывать — наоборот, это обвиняемый должен был доказать, что всё совсем не так. На этапе следствия ему предлагали перечислить, какие именно враждебные действия им предпринимались. Что подразумевалось под «враждебными действиями» — можно было только догадываться. Полиции оставалось лишь выбрать из показаний фрагменты, которые могли быть истолкованы нужным образом, и мысли, которые ранее нигде не прозвучали. Это-то и было целью: вырвать из уст арестованного потаенную мысль и обратить ее против него и других. Ведь уже сама мысль считалась уголовным преступлением, если она не соответствовала официальной идеологии. Когда же «доказательства» были собраны, дело выносилось на суд, который проходил по накатанному шаблону. Судья задавал официальный вопрос обвиняемому: нужен ли ему адвокат. Ответчик отказывался, суд назначал адвоката *ex officio**, и такие «защитники» выступали скорее как прокуроры. Бывало и так, что назначенные адвокаты, равно как и присяжные заседатели, которым многое становилось известно, впоследствии осуждались и направлялись на Голый остров⁶⁹.

Кульминацией судебного процесса был приговор, выносимый «именем народа» — зачастую основанный на предположении о том, что могло бы случиться, если бы были осуществлены намерения, в которых обвинялся подсудимый, пусть даже бездоказательно. Такого рода гипотезы оправдывали и план политической «перековки», разработанный верховным политическим руководством⁷⁰.

Тогдашняя власть — в духе всех юных революций — действовала, исходя из своей исторической непогрешимости, поэтому нетрудно понять, что среди осужденных в ходе этих процессов были и те, кого признали винов-

* В общепринятом порядке (*лат.*).

ным на основании совершенно абсурдных обвинений. Так, например, Венко Марковски был осужден, потому что некий Дуца Цазим показал, что тот был личным секретарем Гитлера⁷¹.

Кара зависела от общественной опасности преступника и тяжести его деяния. Об этом вспоминал судья Джуро Полак, приговоривший одного сотрудника госбезопасности к десяти годам лишения свободы за то, что на суде в Загребе после оглашения приговора тот воскликнул: «Да здравствует вождь пролетариев всех стран Иосиф Виссарионович Сталин!» Вынесенный строгий приговор судья обосновал так: «Если это прозвучало в суде, то что же он проповедует в других местах?» Кроме того, ему не хотелось создавать прецедент⁷². Судья Полак сознавал, что любой член общества является потенциальным преступником, поскольку нет необходимости запрещать то, что никому не нужно, и наоборот — запретный плод сладок⁷³.

Посему — потенциальным преступником является любой. Но в реальности нарушителем был далеко не каждый. И тут рождается зависть: почему он посмел пойти на это, а я — ни-ни? Пример увлекает за собой: нарушитель запрета может вызвать лавину массовых нарушений. Поэтому его следует подвергнуть санкциям, ведь запрет эффективен лишь до тех пор, пока он соблюдается всеми, на кого распространяется. Поведение, нарушающее запрет, может быть пресечено лишь в случае, если запрет подкреплён достаточно действенными средствами принуждения. Кара, постигшая нарушителя, касается и других членов общества: тот, кто впредь нарушит определенный порядок, будет наказан. Но это еще не всё. Наказание, которому подвергают преступника, позволяет другим членам общества насладиться удовольствием, которое в какой-то мере замещает удовольствие, испытанное сорвавшим запретный плод⁷⁴.

Обращение с подозреваемыми соответствовало не только инструкции, спущенной сверху, но и традиционному пониманию справедливости, бытовавшему в некоторых регионах Югославии и описанному англичанином Генри Блаунтом еще в первой половине XVII века. По его словам, Османское правосудие «было хоть и не столь проработанным, как мы привыкли думать, но тем не менее склонным скорее покарать двух невиновных, чем допустить, чтобы хоть один виновный избежал казни, и потому считалось, что казнь невиновного, которого сочли преступником, имеет ту же убедительную силу, что и казнь действительно виноватого...»⁷⁵ Или, если привести высказывание некоего чиновника из Секретариата внутренних дел, «лучше посадить в тюрьму десяток ни в чем не повинных людей, чем упустить одного информбюровца»⁷⁶.

Так среди арестованных и осужденных коммунистов оказалось немало тех, кто был полностью согласен с ответом ЦК КПЮ на Резолюцию и считал, что руководство КПЮ не должно присутствовать на заседании Коминформбюро в Бухаресте, и всё же они были причислены к информбюровцам. Среди заключенных, сосланных на Голый остров, были даже православный священник и католический богослов. Последний в разговоре с кем-то сказал, что раздор между югославскими коммунистами и их русскими «учителями» напоминает ему пословицу: «Когда черту делать нечего, он готов колотить и родную матушку». Это высказывание стало поводом для того, чтобы человека, который заведомо не был коммунистом, обвинили в симпатиях к Информбюро⁷⁷.

Серьезные последствия ожидали и судей, которые «не желали проявлять строгость»; на Голый остров попали и прокуроры, «не прислушивавшиеся к мнению полиции» и требовавшие доказательств. Председатель Верховного суда Югославской народной армии генерал Мирко Крджич был арестован как информбюровец, поскольку он соглашался далеко не со всеми приговорами.

Два месяца его истязали в Банице, и в результате пыток он умер. Военный прокурор Велько Жижич был арестован и отправлен на Голый остров за отказ посылать людей на каторгу в обход закона, который власти считали «не слишком строгим»⁷⁸.

Среди осужденных преобладали те, вина которых квалифицировалась как «вербальный деликт», или «словесное преступление», поскольку на первом этапе конфликта, если не принимать в расчет отдельные попытки создания мелких подпольных организаций, иное сопротивление было невозможно. В такой атмосфере репрессивные меры сами по себе или их жестокость постоянно приводили к появлению новых «преступников»:

«Когда Партия устранила с политической сцены кое-кого из своих противников, те занялись правдоискательством, тем самым снабдив Партию новыми доводами в пользу того, что «врагов», ведущих «подрывную деятельность», следует уничтожить не только политическими средствами, но и с привлечением всего полицейского и судебного арсенала»⁷⁹.

На четвертом пленуме ЦК КПЮ обсуждалась и независимость судей. Суды фактически находились под «колпаком» Управления госбезопасности. Приговоры базировались на признании обвиняемого, возможность привлечения свидетелей защиты игнорировалась. Министр внутренних дел Александр Ранкович приводил пример того, до какого абсурда доходило «правосудие»: если обвиняемый на главном слушании отрекался от признания, сделанного им в ходе следствия, некоторые суды признавали и это уголовным преступлением⁸⁰.

Конфликт с бывшими союзниками нагнетал напряжение не только на государственных границах — сильное напряжение царило повсеместно. Сталинистов выявляли повсюду, в том числе среди чиновников высшего звена. Поэтому сомнения и недоверие охватили всех. Так, Милован Джилас еще в самом начале конфликта с

горечью сказал Александру Ранковичу: «Хуже всего — не знать, кто враг. Вчерашний товарищ вдруг становится врагом, врагом в наших рядах!»⁸¹»

Примерно такими же воспоминаниями делится и Милан Апих*. Он рассуждает о том, как такая ситуация влияла на проводников режима, как у них «постепенно открывались глаза» и как в души бывших профессиональных защитников системы, которую им некогда предложили в качестве образца и которой они в силу этого сознательно подражали, вселялись гнев и подозрительность по отношению ко всему, что приходило «оттуда». Нарекания, поступавшие из социалистических стран, у большинства чиновников вызывали резкое ощущение того, что «все иллюзии, которые питали нас доселе, почти в одночасье рухнули». Те, кто продолжал колебаться или даже поддерживать позицию Информбюро, находили всё меньше понимания у приверженцев режима, которым «всё яснее становилось то, что к таким следует проявлять особую строгость и, прежде всего, нужно *подозревать* каждого — эта подозрительность стала превращаться в одержимость»⁸².

По оценке тех, кто неплохо ориентировался в сложившейся ситуации, при таком раскладе Москве могла успешно противостоять «только ленинистская, или сталинистская партия». «Как ни парадоксально, но это так: титоизм в Югославии смог устоять именно потому, что Югославия была единственной страной из всех сателлитов Советского Союза в Европе, где установилась коммунистическая диктатура, которая выработала у себя государственно-партийную модель, максимально приближенную к сталинской»⁸³.

* Апих, Милан (1906–1992) — один из руководящих сотрудников Управления госбезопасности Югославии в послевоенные годы. Невзирая на занимаемые им посты, проявлял критическое отношение к методам, которые использовались органами. В конце восьмидесятых — начале девяностых годов продвигал идею примирения политических противников и строительства гражданского общества, занимался правозащитной деятельностью.

Это сходство было очевидным и для других проводников режима. Например, Джилас еще до Резолюции Информбюро от 28 июня 1948 г. в беседе с Ранковичем заметил: «Теперь мы поступаем со сторонниками Сталина точно так же, как он поступал со своими противниками!» На что Ранкович ответил, не скрывая отчаяния: «Не смей говорить так! Не смей!»⁸⁴

«Оглядываясь назад и относясь ко всему максимально критично, я и сейчас думаю, что избежать концлагерей для информбюровцев было невозможно. Наша партия была сталинистской в самом буквальном смысле и уже обладала монополией на власть: толерантность, легализация оппозиции внутри партии при агрессивном давлении со стороны советского блока и зарубежных компартий могли привести к расколу и установлению просоветских взглядов на власть. Ущербность, а заодно и беда диктаторской, теперь уже тоталитарной власти заключается в том, что она никому не может позволить вести оппозиционную деятельность, не подрывая собственных устоев»⁸⁵.

Существенно, что в тот же самый период в странах, которые вступили в спор с Югославией, сложилась весьма сходная ситуация. Только там вместо сталинистов преследовались так называемые титоисты⁸⁶. Преследование титоистов в государствах — союзниках Советского Союза имело последствия, аналогичные тем, которые имело преследование сталинистов в Югославии:

«Шаг за шагом мы погружались в туман недоверия; раньше мы могли дискутировать, выражать свои суждения и даже критиковать; мы собирались и решали проблемы сообща. Теперь люди вдруг начали “уходить в себя”, с большой неохотой делились мыслями с друзьями. И так ли уж мала была вероятность того, что эти друзья в своем революционном порыве наутро объявят тебя титоистом или националистом?»

В то время стало иссякать нечто, бывшее нашим основным достоинством в период Сопротивления и застенков: солидарность, взаимовыручка, готовность ид-

ти на риск, подвергать себя опасности. Скольким товарищам в те времена тайком оказывалась помощь! Сколько избитых и измученных пытками сокамерников выходили другие заключенные! Теперь же отношения между людьми, которые я считал характерными для коммунистов, неуклонно вырождались, освобождая место неловкости, неуверенности и тоске, причина которых нам была неизвестна»⁸⁷.

О том, как люди ощущали себя в тот период, пишет Йиржи Пеликан:

«Это было как нож в спину. Волна арестов и судебных процессов сначала нас оглушила. Мы пытались понять причины, которыми руководствовалась Партия, возбуждая эти процессы. Каждый трясся за свою шкуру. С кем я говорил? С кем встречался? Что ему сказал? Может ли Партия истолковать то или иное высказывание как проявление нелояльности к ней? Вдруг эти друзья — еще и провокаторы? А вчера — не слишком ли я мягко повел себя в беседе, не слишком ли вяло отстаивал линию Партии?

Одна бессонная ночь сменяла другую, а я, занимаясь самокопанием, искал признаки своей возможной вины. Даже когда человек убежден в собственной невиновности, он всё же копается в себе и, бывает, даже не зная состава своего «преступления», успевает так хорошо подготовиться к аресту, что, когда за ним приходят, ему это кажется совершенно оправданным»⁸⁸.

Будучи усердным учеником Сталина, Тито, конфликтуя с «московским Папой», его же методами уничтожил своих бывших товарищей, соратников, надежных коммунистов. Устранение последних «внутренних врагов» значительно укрепило позиции Тито, поскольку в стране уже не осталось какого бы то ни было ядра инакомыслящих⁸⁹.

Политическая и имажинальная география

Замысел устройства концлагеря для просоветски настроенных коммунистов возник осенью 1948 г.: когда начались аресты, лагерь развернут еще не был⁹⁰. Как позже вспоминал Милован Джилас, решение о создании лагеря для информбюровцев принял Тито:

«Я полагаю, что идея тоже принадлежала ему, но, возможно, в ее разработке участвовал кто-то еще, например Кардель. Главное — то, что решение принимал Тито и только он, а значит, он и был автором проекта. Политбюро для принятия такого решения не собиралось... Но даже если бы заседание Политбюро и состоялось, то в любом случае его утвердило бы. Тито пользовался огромным авторитетом, его непосредственное влияние на Партию и государство было определяющим. Поэтому Политбюро, быть может, с незначительными комментариями, но всё же приняло бы такое решение»⁹¹.

Итак, югославская политическая верхушка придумала, как нейтрализовать (потенциальную) оппозицию, с мотивировкой, что, «если мы не создадим такой лагерь, Сталин превратит в сплошной кошмарный лагерь всю Югославию»⁹². Очень долго в это верили, однако это было простым прикрытием. Настоящей причиной создания концентрационных лагерей было то же, что и во всех тоталитарных странах: расправа с (возможными) политическими оппонентами. Во всех тоталитарных государствах Европы концлагеря играли важную роль в деле нейтрализации политических противников. Это верно и в отношении «единственного концлагеря для политических преступников» в титовской Югославии.

Так называемые информбюровцы осуждались по уголовным статьям, либо же людей привлекали к ответственности согласно Административному кодексу, который — и это было самым существенным моментом — предписывал изоляцию, то есть направление на «определенное место жительства», или «общественно-полезные работы». Осужденные отправлялись в «неизвестность», то есть в различные тюрьмы, такие как Стара-Градишка, Билеча, Пожаревац и т.д. Места заключения вскоре были переполнены реальными и воображаемыми сторонниками Информбюро, поэтому власти начали использовать для организации лагерей отдельные острова в Адриатическом море (Голи-Оток, Свети-Гргур, Раб, Углян).

Первая группа, состоявшая из 1300 политзаключенных, прибыла на о. Голи-Оток 9 июля 1949 г., а к концу года там уже находилось 3663 человека, то есть половина тех, кто был задержан в ходе первой волны арестов с июня 1948 г. по декабрь 1949 г. До 1954 г. на Голом острове содержались только гражданские лица, затем туда из Билечи перевели и остальных — осужденных военным трибуналом. После 29 ноября 1956 г. большинство информбюровцев покинуло остров, и на нем осталось лишь несколько сотен «неисправимых». Сюда стали свозить осужденных за наиболее распространенные тяжкие уголовные преступления, а также политзаключенных из различных югославских тюрем, так называемых усташей*, четников** и «джиласовцев». Последний заключенный покинул Голый остров в конце 1988 года⁹³.

Прибытие уголовников и политических заключенных, осужденных по иным статьям, вызвал большое негодование среди информбюровцев, которые там всё еще остава-

* Усташи (1929–1945) — хорватская фашистская ультраправая националистическая, клерикальная организация и ее военизированные формирования, созданные по образцу немецких СС.

** Четники — в годы Второй мировой войны югославская (сербская) монархическая партизанская организация националистического толка.

лись. Они заявляли: «У нас нет ничего общего ни с четниками, ни с усташами, равно как и с агентами ЦРУ или других разведок во главе с Милованом Джиласом»⁹⁴.

По официальным данным, в период с июля 1949 г. по 1953 г. на Голом острове побывало 11 611 заключенных, в том числе 870 женщин. Впервые женщин отправили туда в апреле 1950 г., ранее они содержались в лагерях Рамски-Рит и Забела. После побега группы узниц из лагеря Рамски-Рит через Дунай в Румынию всех остальных перевели «в более безопасные, удаленные места заключения». За то же время через другие «исправительно-воспитательные учреждения» — Стара-Градишка, Свети-Гргур, Раб, Углян и Билеча — прошел 2881 заключенный, в большинстве своем бывшие военнослужащие⁹⁵.

По неофициальным оценкам, число узников было намного выше. К 1958 году, когда на Голый остров доставили уголовников, на нем уже побывало около 20 000 информбюровцев. Согласно оценке одного из начальников лагеря Голого острова, Анте Раштегораца, число лиц, которые были направлены на Голый остров в административном порядке, составляло 18 000 человек, а число тех, кто был отправлен туда на основании решений гражданских судов и трибуналов, равнялось 13 000 человек, в общей сложности это 31–32 тысячи человек⁹⁶.

До 1949 г. о. Голи-Оток был необитаем. Иногда пастухи из села Лопар привозили туда на выпас своих овец. Остров использовался австро-венгерскими властями во время Первой мировой войны — здесь был концентрационный лагерь для русских военнопленных, которые работали в каменоломнях. Незадолго до Второй мировой войны генерал Душан Симович предложил обустроить здесь концлагерь для коммунистов, но это предложение не было реализовано — не хватило времени⁹⁷.

О. Голи-Оток был не единственным местом заточения людей. В его окрестностях, на расстоянии всего не-

скольких миль, пустовал и о. Свети-Гргур. Пригодным для пребывания заключенных его сделали узники, которые возвели на Свети-Гргуре девять бараков. Заселение состоялось в 1951 г. — главным образом «матерыми преступниками», то есть «двухмоторниками» (информбюровцами, брошенными в лагерь повторно) или теми, кому военный трибунал назначил длительные сроки. Некоторое время здесь содержались и женщины. Все обитатели этого лагеря в 1952 г. были переведены в Углян⁹⁸.

Первая группа заключенных с о. Свети-Гргур на о. Углян прибыла в начале 1952 г., чтобы подготовить всё необходимое для устройства концлагеря. Они возвели высокий забор из колючей проволоки и подготовили к заселению бараки, построенные еще итальянцами. В феврале 1952 г. туда были переведены все информбюровцы с о. Свети-Гргур. На Угляне узники оставались до ранней осени 1952 г., после чего их отправили в Билечу⁹⁹.

Некоторые информбюровцы отбывали срок в континентальной части страны. В Билече они пребывали в тюрьме, некогда служившей казармой, а перед Второй мировой войной переоборудованной в концлагерь для коммунистов. С 1949 и до начала 1954 г. (когда всех оставшихся заключенных перевели на Голый остров) через него прошло 3567 осужденных. Среди них были и женщины, хотя и немного¹⁰⁰.

Большинство офицеров, осужденных за симпатии к Информбюро, были направлены в лагерь Стара-Градишка. Для них это было «жестокое и вместе с тем трагическое столкновение с реальностью», поскольку в то время там уже находились «квислинги, которых постигло возмездие за их преступления еще в 1945 г. по окончании войны». В основном они работали в мастерских, среди них были и мастера, которые — после прибытия сюда информбюровцев — приняли «бывших партизан», своих заклятых врагов, под свое начало, в «ученики»: велено было «научить их работать»¹⁰¹.

Важной задачей Голого острова, равно как и других тюрем и лагерей, где содержались информбюровцы, было запугать и отбить охоту к проявлению недовольства. Секретность, связанная с существованием и функционированием Голого острова, таким образом, была отнюдь не случайна — напротив, она нагнеталась преднамеренно. Уводя подозреваемых из квартиры, родственникам наказывали нигде об этом не распространяться, не отвечать на вопросы даже в том случае, если они поступят с места работы подозреваемого. Уехал человек — и всё, а куда — не знаем, наверное на родину¹⁰². Такая тактика позволила властям добиться желаемого и предсказуемого длительного эффекта, о чем наглядно свидетельствует следующее замечание:

«Если в 1948–1949 годах (и впоследствии) по ночам из круга родственников и знакомых вдруг бесследно исчезали бывшие влиятельные министры, сотрудники госбезопасности, испанские добровольцы, довоенные коммунисты, самоотверженные борцы за идею, генералы и прочие представители элиты новейшего времени... Если вокруг ходили слухи и даже было известно, что ночью людей увезли, чтобы ликвидировать — что тогда могло ожидать тех, кому было «с ними по пути»??? Этот страх настолько глубоко внедрился в нас, что мы и сегодня, в иные времена, боимся слежки, подслушивания («об этом — не по телефону»), анонимных доносов, ночных квартирных обысков, незаконных задержаний, побоев... и возможно, эти ощущения не свойственны лишь представителям самого юного поколения, лишь они не страдают от этого»¹⁰³.

Полог секретности, покрывший концлагеря, усугублял эффект устрашения — это и есть самая распространенная и проверенная практикой репрессивная методика. Так, в тридцатые годы XX века пришедшие к власти в Германии национал-социалисты окутали лагеря ореолом секретности, одновременно распространяя по официальным каналам слухи о том, что условия содержания в них ужасны. Население Германии не знало, что

именно происходит за колючей проволокой, но страха, что там может оказаться кто угодно, было достаточно, чтобы люди держали язык за зубами¹⁰⁴. Отгородив Голый остров завесой тайны, югославские власти зашли дальше нацистов: острова, расположенные между Рабом и Крком, на некоторых географических картах не были обозначены вообще.

Заключенных строжайшим образом изолировали от окружающей среды: побег для них был делом почти невыполнимым, контакты с внешним миром полностью исключались. «Титоисты пытаются скрыть свои преступления против народа. Они лгут, что на этих островах дислоцированы воинские части, которые проводят там учения. Посещение этих островов запрещено»¹⁰⁵. К острову заключенных не мог приблизиться никто, даже крохотная рыбацкая лодчонка (что впоследствии случилось, — нам не известно). Интересно и то, что материковые жители, обитавшие напротив, могли «только подозревать, что здесь что-то прячут»¹⁰⁶.

После Второй мировой войны мало кто верил, что граждане Германии ничего не знали о концентрационных лагерях и о том, что в них творилось¹⁰⁷. Бывший югославский лагерник Янез Езершек вспоминает:

«Столкнувшись со всем этим, я вспомнил: многие немцы после войны утверждали, что им ничего не было известно об ужасах концлагерей. Тогда я считал их лицемерами, но сегодня я им верю. Гестапо умело хранить свои тайны, и наша госбезопасность у них училась»¹⁰⁸.

Первый начальник лагеря на о. Голи-Оток об этом писал:

«В то время, когда сооружался лагерь на острове Голи-Оток и мне было поручено руководить строительством, мы не делали из этого никаких тайн. Информация об этом была столь же доступна, как и сведения о других задачах милиции. Миф о какой-то сверхсекретности был создан лишь впоследствии. Ведь если

бы ставилось целью сохранить в тайне информацию о том, для кого предназначен Гольй остров, кто станет его обитателями, то заключенным из лагеря в Лепоглаве, которые строили бараки, не позволили бы дожидаться первого конвоя информбюровцев, повидать их. Многие из тех лагерников вскоре вышли на свободу, отбыв свой срок. Именно они рассказали другим о том, где были, что делали, кто сменил их на острове. То есть тогда секретов не было»¹⁰⁹.

О том, куда помещали информбюровцев и что с ними происходило до 1953 г., не знали даже ближайшие родственники. Да и самим заключенным не сообщали, ни куда их везут, ни где они находятся¹¹⁰. Так, бывшая узница вспоминает, что ее жестоко избили за то, что во время помывки в море она заплыла слишком далеко:

«Мария (Зелич, начальник женского лагеря. — *Б. Е.*) сказала мне: ты хотела сбежать вплавь. Зная, где мы находимся, я ответила: не уверена, что кто-то в состоянии доплыть отсюда до Риеки. Она спросила: откуда ты знаешь, где мы? Я сказала: знаю, слышала. И добавила: до Риеки довольно далеко, не знаю, смогла бы я доплыть или нет. Она сказала: нет, не смогла бы — тебя сожрали бы акулы»¹¹¹.

Примерно о том же вспоминал бывший узник мужского блока лагеря:

«По другую сторону от того участка острова Свети-Гргур, где мы находились, располагался остров Крк. Его необжитая часть. Эту пустынную, каменистую местность сравнивали с поверхностью Луны. Однако то, что находилось от нас на расстоянии семи, десяти или пятнадцати километров, то, что мы могли видеть с места, где работали, выворачивало это сравнение наизнанку. Ландшафт острова Крк был более каменистым, более однообразным и более пугающим, чем лунный. Тем не менее один из далматинцев, знавших эти края, утверждал, там есть жизнь! В расщелине гребня, выпирающего из морской пучины, раскинулась деревня. Отсюда её не было видно. В довоенное время о ней знали лишь то, что её жители бродили по

всей округе и попрошайничали. Далматинец рассказал об этом многим — в результате ему объявили бойкот. Нам ведь нельзя было знать, где мы находимся. Да мы этого и не знали. Только гадали, где мы — на острове или на континенте»¹¹².

Голый остров не утратил своего таинственного ореола, даже перестав служить своему изначальному предназначению. Например, еще в 1988 г. один из его бывших узников отметил, что «Голый остров и по сей день окутан пеленой секретности»¹¹³. Годом позже о том, что само название Голого острова «до сих пор вселяет в людей ощущения на грани ужаса», писали и в газете¹¹⁴. Местоположение лагеря вполне способствовало запугиванию людей, и для этого местность должна быть действительно незаурядной. Нацисты размещали концлагеря в заброшенных, необжитых местах, «людьми и Богом забытых...»¹¹⁵ Выбор местности был тщательно продуман тогдашними югославскими властями, поскольку Голый остров был творением не полиции, а политики. Решающую роль в его выборе сыграли «соображения безопасности», с этим выбором была связана и «определенная символика: именно здесь покоились кости русских солдат — лагерников»¹¹⁶.

О том, каким образом выбор пал на о. Голи-Оток, впервые рассказал помощник Ранковича Слободан Крстич. Его начальник узнал от соратника Тито, генерала Стево Крайачича, что известный скульптор Антун Августинчич обратил его внимание на то, что на небольшом острове, расположенном неподалеку от Риеки, есть запасы весьма качественного мрамора, который когда-то вывозился в Венецию; здесь можно было бы разбить лагерь, а заключенных использовать на работах в каменоломне. Ранкович дал Крстичу в подчинение двух офицеров, тот вместе с ними сел на катер в Риеке, и они поплыли к о. Голи-Оток. Остров был совершенно заброшен: они с трудом высадились на пустынном каменистом берегу,

где обнаружили трех коз, колодец и руины лагеря, в котором австрийцы удерживали русских военнопленных во время Первой мировой; узники гибли здесь один за другим. Будучи жителем сухопутным, Крстич пришел к выводу, что сбежать отсюда под силу только птице, — и доложил Ранковичу, что местность идеально подходит для обустройства лагеря¹¹⁷.

Мемуары Крстича подкрепляются утверждениями Владимира Дедиера*, который говорит о том, что Стево Краячич подал идею использовать Голи-Оток в качестве лагеря для изоляции «пятой колонны Сталина». Краячич рассказал Дедиеру следующее:

«В поисках качественного мрамора, такого как карарский, я вместе с Августинчицем посетил все наши каменоломни. Наконец мы прибыли на Голи-Оток, к югу от Сеня. Я рассказал о нем Карделю, и тот загорелся мыслью устроить на этом острове концлагерь»¹¹⁸.

Телеграммой из Белграда Крстич был назначен начальником лагеря. В помощь ему дали двести уголовников из тюрьмы в Лепоглаве, и он предоставил им «полную свободу в этой пустыне» (в том числе закупал для них спиртное и позволял им рыбачить) с условием, что за два месяца они построят пристань и тринадцать барачных (один для конвоя и офицерского состава, двенадцать — для информбюровцев); аналогичное подспорье было выделено под обустройство Освенцима его первому коменданту Рудольфу Хёссу¹¹⁹.

При выборе острова возможность получения мрамора, несомненно, была определяющей: об этом также свидетельствует и то, что сотрудники Министерства внутрен-

* Владимир Дедиер (Влодо; 1914–1990) — историк, публицист, ветеран Национально-освободительной борьбы Югославии. В 1952–1954 г. был членом ЦК СКЮ. Против него выдвигались обвинения в том, что, будучи редактором газеты «Борба», он готовил к печати материалы, написанные Милованом Джиласом. Устранившись от партийной работы, занялся литературно-публицистической деятельностью и в 1955 г. эмигрировал в США. Один из авторов учебника «История Югославии после 1918 года».

них дел, упоминая об острове, использовали шифр — «Мрамор» или «Камень». Официально это был не лагерь, а «исправительно-воспитательное учреждение Раб», «рабочий участок Мраморный цех»; а если кто из заключенных на острове случайно называл это лагерем, на него тут же накидывались с побоями¹²⁰.

Голи-Оток (вместе с островами Раб и Свети-Гргур) еще во второй половине XVIII века упоминал итальянский естествоиспытатель Альберто Фортис в своих путевых заметках о Далмации. Фортис сообщал, что видел там «большие запасы белого мрамора, пригодного для ваения и по зернистости идеально соответствующего тому, кои использовался древними римлянами и не всегда был греческим, как принято считать. Греческий мрамор не обладает белоснежностью, характерной для мрамора из Каррары, однако зачастую вводит в заблуждение как скульптора, так и ценителей его работы»¹²¹. К подробному описанию свойств местного мрамора Фортис добавил следующее:

«Это открытие порадовало меня больше, чем любое прочее наблюдение, поскольку мне казалось, что оно в наибольшей мере полезно государству и наилучшим образом позволит нам избежать значительных ежегодных издержек по перевозке двух крупных партий мрамора из Каррары»¹²².

Посему рассказ Крстича звучит довольно убедительно. Особенно с учетом того, что особоопасных заключенных часто упекали на рудники. Работы на рудниках (а каменоломня — тот же рудник) еще во времена Древнего Рима считались наказанием, равным по своей тяжести смертной казни. Например, в Дакии вся тяжелая работа на рудниках под контролем легионеров выполнялась рабами, осужденными *ad metalla**¹²³. На Балканах это наказание применялось весьма долгое время уже после падения Рима. Турецкий путешественник середи-

* Осуждение к работам на рудниках (*лат.*).

ны XVII века сообщает, что на его памяти заключенные, например в руднике Ново-Брдо (Сербия), добывали серебряную руду для нужд Османской империи¹²⁴.

Памятуя об этой традиции, министр внутренних дел Александр Ранкович и Светозар Вукманович-Темпо впервые задумались о возможности использования инфорбюровцев в качестве рабочей силы на рудниках. В апреле 1949 г. Ранкович отправил Крстича в поездку по рудникам Сербии, чтобы тот выяснил, где можно устроить лагерь. Слободан Крстич пришел к выводу, что ни один рудник для этого не подходит — просто по соображениям безопасности, поскольку на каждую тройку работяг должен приходиться один квалифицированный бригадир, в распоряжении которого динамит: «А эти трое разнорабочих, в данном случае заключенные, — в основном принадлежат к интеллигенции. Их начальник будет менее образован, чем они, и влияние рабсилы на специалиста перевесит его квалификацию — можно только догадываться, к чему всё это приведет. Поэтому я считаю, что использование заключенных на рудниках исключено». Со своими выводами Крстич ознакомил Ранковича, и тот решил, что лагерь можно устроить на небольшом острове поблизости от Риеки, где заключенные будут работать в каменоломне.

Но не всё так просто, как представляется на первый взгляд. Первый начальник «Мраморного цеха» упоминает, что мрамор добывать там было вообще невозможно:

«Интересна еще одна подробность, касающаяся каменоломни на острове Голи-Оток. Разработки находились возле лагеря, то есть это лагерь был устроен вблизи каменоломни. Пока мы строили бараки, никто не задавался вопросом о том, каковы реальные возможности применения камня, да от нас этого и не требовалось. Я и сейчас не знаю — то ли мы действительно не ставили перед собой таких вопросов, то ли нам казалось, что всё само собой устроится... Даже не знаю, размышлял ли вообще кто-то об этом. Позже выяснилось, чего, конечно же, заранее нельзя было

предугадать, что в этой каменоломне мрамор добывать невозможно в принципе. Что касается камнедобычи, то работа здесь была построена совершенно несуразно. Но, с точки зрения безопасности, Голи-Оток был удачным решением. Не знаю, думали ли обо всём этом те, кому пришла в голову идея устроить здесь лагерь, или же им было наплевать»¹²⁵.

Много лет спустя Йово Капичич* утверждал, что Ранкович направил его на Голи-Оток с задачей рекогносцировки на местности: «Мирослав Крлежа** узнал от скульптора Августинчича, что в Кварнерском заливе есть мраморный остров, на котором можно было бы разместить наших информбюровцев»¹²⁶. Капичич посетил Голи-Оток в сопровождении профессора геологии Белградского университета. Они увидели, что Голи-Оток был «маленьким скалистым островом, кишацим змеями», и для добычи мрамора он «непригоден»¹²⁷.

На то, что добыча мрамора не являлась самоцелью открытия «рабочего участка», указывает и организация работ. Если бы власти при выборе места действительно руководствовались соображениями добычи мрамора, они, конечно же, оснащали бы рабочих инструментом посерьезнее — а тем порой и вовсе не выдавали никаких орудий труда. Смысл работы заключался не столько в результатах, которые могли бы достигаться, сколько в ее «воспитательной роли», то есть в пытках и унижении заключенных. Но об этом потом.

* Капичич, Йово (1919–2013) — генерал Управления госбезопасности, помощник министра внутренних дел Ранковича. В период обострения отношений между ФНРЮ и СССР в связи с кампанией Коминформбюро был инициатором массовых арестов сторонников Информбюро среди югославских партийно-государственных лидеров, большинство из которых оказались в концлагере на Голом острове.

** Крлежа, Мирослав (1893–1981) — югославский поэт, прозаик, драматург, эссеист. Часто упоминается как величайший хорватский писатель XX в. С 1918 по 1939 г. состоял в КПЮ, из рядов которой был исключён за свои взгляды на искусство, за отрицание соцреалистического канона, а также за несогласие со сталинскими репрессиями в СССР. Разрыв Югославии с СССР способствовал возвращению его влияния в югославской культуре. В 1947 г. занимал пост вице-президента Академии наук и искусств ФНРЮ.

Другой наиболее часто приводимой причиной этого выбора является местоположение Голого острова. Вот что отметил бывший высокопоставленный чин Управления госбезопасности:

«Лагерь был устроен в этом месте, потому что мы в любой момент ожидали нападения... В действительности мы хотели удалить информбюровцев из мест, по которым прокатилась бы первая волна военной интервенции. А что в этом случае могло быть лучше, чем заброшенный остров? Голый остров можно было бы назвать и Райским островом, звучало бы это иначе, однако он вполне годился для тюрьмы»¹²⁸.

Утверждение, что Голый остров, идеальное место для изоляции политических противников, можно было бы назвать «райским», конечно, не выдерживает никакой критики. Имя Голый остров стало нарицательным для всех тюрем и лагерей в титовской Югославии, и это непреложный факт...

К тому же, хотя Голый остров действительно был удален от восточных границ страны, за ним следила лишь горстка охранников, которых, конечно же, было бы недостаточно, чтобы отразить морской десант. Так что доводы безопасности представляются тоже весьма умозрительными. В основе того, что о. Голи-Оток был выбран в качестве места для изоляции информбюровцев, а затем стал общим названием для всех югославских тюрем и лагерей, предназначенных для политических противников, лежит не добыча мрамора, не соображения безопасности, а имагинарная — образная география.

В истории Европы заточением на необитаемом острове нередко заменяли смертную казнь; в английском языке имеется особое слово «*taroon*». Согласно словарю Вебстера, этот термин впервые был употреблен в 1709 г. в значении «высадить кого-то на необитаемом острове или на пустынном берегу и оставить на произвол судьбы, либо изолировать безо всякой надежды на легкий побег»¹²⁹. В конце XVIII века британское законодательство

в некоторых случаях заменяло смертную казнь на поселение в колонии¹³⁰. Муссолини в период своего правления ссылал политических оппонентов на острова Южной Италии; по мнению ряда авторов, именно острова-колонии, созданные Муссолини, стали прототипом гитлеровских лагерей¹³¹.

Большевистские власти для так называемой «переводки» политических противников создали концлагерь на Соловецком архипелаге вскоре после Октябрьской революции 1917 г. Соловки расположены неподалеку от финской границы, и уже в середине двадцатых годов на Западе были опубликованы первые сведения об этом лагере — из уст тех, кто находился там в заключении и кому удалось сбежать¹³². Однако вплоть до 1929 г. архипелаг оставался единственным местом, где действовали советские концлагеря¹³³.

Необжитые скалистые острова среди морских просторов всегда оставались излюбленными местами диктаторских режимов — сюда можно было сослать «несогласных». О таких островах в Эгейском море рассказывают и древнегреческие мифы. Режим «черных полковников», установившийся в Греции в 1967 г. в результате военного переворота, облюбовал для этой цели пустынный каменный остров Гьярос, который называли «тюрьмой современной Эллады», или «адам среди Эгейского моря»¹³⁴. Точно так же и румынские власти сочли наиболее подходящим местом для заключения неугодных небольшой пустынный остров Левка* в Черном море¹³⁵.

Решающим аргументом при выборе этих островов всегда являлось «топопсихологическое» измерение — узники оказывались в тотальной изоляции, что сделало некоторые острова «островами» в большей степени, нежели другие. Порой достаточно произнести слово «остров», наполнив его определенным смыслом, и термин получа-

* Известны множество названий этого острова: Левка, остров Ахилла, остров Блаженных, Филоксий, Фидониси, Илан-Ада, Шерпилор, Змеиный.

ет сверх-значение: Блаженные острова, Остров мертвых, Таинственный остров, Остров любви, Райский остров...¹³⁶
И, конечно же, Голый остров:

«Помимо всего прочего, и само местоположение лагерей — Свети-Гргур и Голи-Оток — нагнетало ощущение безнадежности. Пустынные, голые острова, каменистый ландшафт без какой бы то ни было растительности. Питьевой воды нет, слышен лишь плеск морского прибоя. Летом солнце палит невыносимым зноем; зимой кажется, что порывистый северный ветер Бора и велебитские вихри задались целью смыть в море бараки вместе с нами. Куда ни бросишь взор — никаких признаков жизни. Для человеческой психики это губительно»¹³⁷.

Многие, узнав, как называется остров, думали, что это его «прозвище»:

«Когда-то я изучала флору и фауну, но на Голем острове не было никакой флоры, потому что еще не был изобретен каменный цветок, а единственным видом фауны были мы, и нас пытались превратить в беспозвоночных. «Голый остров» — какое верное название! Я подумала было, что это просто эпитет и, выбравшись отсюда, я сверюсь с картой. Но так оно и оказалось. И никто не подозревал, что мы одели его своими телами, полили своим потом»¹³⁸.

Лагерь на Голем острове многие называли пеклом, «настоящим адом»¹³⁹. Многие спрашивали себя: «Уж не Дантов ли это ад, и не хуже ли здесь, чем там»¹⁴⁰.

Как вспоминал первый начальник лагеря, размещенного на Голем острове, уголовники «работали по ударному», поэтому вскоре лагерь был полностью готов к прибытию новых узников. «В этой странной компании придурков два зека постоянно спорили насчет скотоложства — почему тот, что совокуплялся с коровой, заработал три года отсидки, а тот, что с козой, — пять!»¹⁴¹

В первом лагере было четырнадцать барачков. Обнесенные колючей проволокой, они размещались в крутой воронке, в километре от небольшой пристани. С прибы-

тием все новых конвоев «Жица»*, или «Колючка», стала слишком тесна. Тогда был разбит новый лагерь — с восточной стороны, в так называемой Велика-Драге («Большой залив»). Строили его из камня: предполагалось, что он прослужит многие годы. Деревянные лачуги старой «Колючки» для этого не годились. Кроме того лагерь Велика-Драга был просторнее и не так мозолил глаза, хотя Голый остров и сам по себе достаточно скрыт и удален от всего¹⁴².

Заключенные, как правило, отправлялись на острова через пересыльную тюрьму в Риеке. Оттуда они малыми партиями (30–50 человек) ночью вывозились грузовиками в порт Бакар, где их ожидали специальные суда, чаще всего катер «Пунат». Под ор и тычки конвоиров заключенные должны были прыгать в трюм. «Вали, скотина! Рысью, друг за другом! Пшли, предатели партии!» — орали «удбовцы» — сотрудники госбезопасности. Удары сыпались градом: «Мать вашу бляху! Русских им подавай, бандюкам... То-то мы им вставили, ептить...»

Для всех конвоев — как мужских, так и женских — процедура была одна. Открывали фургон, и надо было сначала спрыгнуть наземь, а затем с пирса через люк в палубе — в трюм. Это было весьма непросто, так как заключенные были скованы попарно... Много было стонов и проклятий — кто-то вывихнул руку, кто-то — ногу. Но прыгали все — и не потому, что был отдан приказ, а просто-напросто чтобы увернуться от ударов милицейскими дубинками — побои сыпались со всех сторон. Те, кто спрыгнул первым, еще не успевали отползти в сторону, как на них валились другие — люди барахтались, не в силах выбраться из нарастающего кома, и это доставляло всё новые муки. Конвоиры, не привыкшие ждать, подгоняли людей пинками, а если вдруг какая-то пара мешкала, то обоих хватали и швыряли в люк¹⁴³.

* Проволока (сербск., хорв., словен.).

В трюме царил крошечный мрак, слышались только стоны и всхлипы избитых и покалеченных. Многих рвало, кому-то случалось обделаться. Наверное, «Пунат» не знал такого рейса, в ходе которого пассажиров не охватывала бы паника: люди начинали подозревать, что их посадили на это судно лишь затем, чтобы утопить в открытом море — потом ищи-свищи...¹⁴⁴

Смертный ужас, охватывавший тех, кого везли в трюме «Пуната», имел свой глубинный смысл. Думаю, это играло важную роль и в процессе принятия решения об отправке информбюровцев на острова. Харон, персонаж древнегреческой мифологии, на лодке перевозил души усопших в мир иной, через реку Стикс. Перед тем как душа направится в Тартар, богопослушные родные клали покойнику под язык монету, чтобы он смог оплатить услугу алчного подземного лодочника. Считалось, что если у тебя за душой нет ни гроша, тебе еще долго придется ждать своей очереди на берегу¹⁴⁵.

Такой же путь проходили души усопших согласно верованиям и других народов. Прежде чем умершего серба или черногорца выносили из дома, его ближайший родственник вкладывал ему деньги в руку или в рот, чтобы было чем «оплатить путь на остров душ»¹⁴⁶. В XIX веке монету вкладывали усопшему в рот во многих регионах Албании, Греции, Румынии и Малой Азии¹⁴⁷.

По поверьям некоторых из южных славян, потусторонний мир отделен от нашего мира священными водами — это так называемое «Йованово русло», которое представляет собой врата в мир иной. «Всё войдет в Йованово русло», — так говорилось в народе¹⁴⁸. Подобные поверья были широко распространены и среди других народов. О том, как хоронили своих предков викинги на исходе первого тысячелетия нашей эры, можно узнать в Музее викингов в Осло — там экспонируются ладьи, в которых покойников предавали течению реки¹⁴⁹. Археологические свидетельства о том, что существовали способы по-

гребения, при которых тело покойного помещалось в ладью, были обнаружены и в ряде регионов России¹⁵⁰.

Я полагаю, что именно это и было причиной животного страха, охватывавшего людей. Доказать это попытаюсь рассказом о том, как 9 сентября 1949 г., когда в трюм судна стала проникать вода, пассажиры начали молиться, хотя в подавляющем своем большинстве были коммунистами¹⁵¹. А ведь югославские коммунисты, как известно, «и от Бога открестились»¹⁵².

Лишь когда судно причаливало к берегу и двигатель умолкал, пассажиры «Пуната», особенно те, кто всю дорогу ждал, что их вот-вот утопят, могли вздохнуть с облегчением¹⁵³. «Мы были счастливы, что нам удалось хоть куда-то добраться живьем, что судно встало на якорь. Мы больше не могли переносить это море, этот воздух, всю эту неопределенность, эту неизвестность — а неизвестностью было всё»¹⁵⁴.

Таким образом, Гольй остров был идеальным местом для организации «рабочего участка» не только потому, что на нем имелся мрамор, и даже не потому, что здесь легче было контролировать ситуацию, а главным образом по соображениям «топопсихологического» характера. Тогдашние югославские власти, не уничтожая своих политических противников физически, самым безжалостным образом давали понять им и их близким, остававшимся «на свободе», что они полностью вырваны из человеческого общества. Живые мертвецы.

На Голом острове многие теряли всякую надежду выжить. В первые недели люди исподволь искали глазами трубу крематория, полагая, что всё происходящее с ними вряд ли окончится иначе. Когда же становилось ясно, что крематория на острове нет, уверенности в том, что они здесь всё равно умрут, не убавлялось¹⁵⁵. Некоторые чувствовали себя, как в могиле: «Когда спускается мрак, меня охватывает ощущение, будто я погребен заживо. Все мы здесь обитатели огромной, одной на всех гробни-

цы. Реальный мир, жизнь — всё это так далеко, где-то за морем. А может быть, уже и не существует вовсе. Уж не в склепе ли я и в самом деле...¹⁵⁶»

И наконец, те, кто возвращался с островов Голи-Оток, Свети-Гргур, Углян, из Билечи, словно «прибывали с того света»¹⁵⁷...

Там, где все прочие аргументы представлялись недостаточно убедительными, заключенным напоминали о смерти, производя над ними ритуальные действия, к которым относились и торжественные «похороны при жизни»¹⁵⁸. Такие ритуалы осуществлялись во всех тюрьмах и лагерях, где содержались информбюровцы, и уже это доказывает плановость такой практики. В поселке Стоц, в Сербии, где содержались женщины, аналогичные ритуалы тоже были в ходу: «По вечерам организовывались погребальные шествия — досрочные “похороны” тех, кому был объявлен бойкот: их заставляли “умереть”, заняв место на носилках, которые две другие узницы должны были под молитвы “попов” пронести по тюремному двору в сопровождении процессии, в которую выстраивали всех арестанток»¹⁵⁹.

Где же в таком случае располагался Голый остров? Как мы уже убедились, ответ на этот вопрос не столь прост, как могло бы показаться с первого взгляда. Политическая география ответить на него не в силах, зато имагинарная география нам вполне может помочь. Только в ее контексте становится очевидным, что Голый остров был краеугольным камнем строения, называемого титовской Югославией. Собственно говоря, можно утверждать, что он был *conditio sine qua non** существования всего государства. Несмотря на то, что упоминать об этом острове было не принято, по крайней мере вслух, и он был несколько задвинут за кулисы общественной реальности, он присутствовал всегда и всюду. А окуты-

* Непременное условие (*lat.*).

вавшее его молчание делало его непоколебимым. Чем глуше было молчание, тем тверже был грунт острова. Это было своего рода предостережением: мудрый — молчит. И лишь став предметом публичного обсуждения, остров пошел трещинами. Сначала едва заметными, затем всё более очевидными — до тех пор, пока не превратился в нагромождение поросших скудной растительностью скал, расположенных неподалеку от восточных берегов Адриатического моря, куда пастухи с соседних островов и ныне порой привозят на выпас овец¹⁶⁰.

Спустя несколько лет после того как Янез Езершек был направлен на строительство автомобильной дороги Лопар — Раб, ему впервые удалось пообщаться с местными жителями, и те рассказали, что «удбовць» распускали о заключенных, впервые доставленных ими на Голи-Оток и Свети-Гргур, самые невероятные слухи. «Одна из девушек, увидев нас, не смогла скрыть своего крайнего изумления, когда оказалось, что мы такие же люди, как и все. Она побежала за матерью, которая тоже пришла взглянуть на нас собственными глазами. Пожилая женщина призналась: местных жителей известили о том, что острова будут заселены «советскими прихвостнями», заодно предупредив, что эти люди выглядят более чем странно — и головы у них не такие, как у всех, и растут у них во лбу рога, и мало ли что еще...»¹⁶¹

О событиях года или, точнее, целого ряда лет «большого перелома» написано немало; однако в сведениях о судьбе «отщепенцев» по-прежнему оставались лакуны. «Большой перелом» помимо всего прочего породил новое понятие — «информбюровць», «ИБовць». Упоминались они то и дело, особенно если кто-то выступал с докладом, в котором перечислялись категории внутренних врагов, препятствовавших развитию страны, но о том, как им жилось в изоляции, югославская общественность не име-

ла представления вплоть до восьмидесятых годов. Еще в 1968 г. вышла небольшая брошюрка Даниела Елинчи-ча «*Правда о Голом острове*», в которой об информбюро-цах не было ни слова. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что в восьмидесятые годы XX века какой-то школь-ник, отвечая на вопрос анкеты о том, кто такие «ИБов-цы», ответил: «Люди племени Ибо».

Фактически Голый остров — как символ репрессий против сторонников Информбюро — в титовской Юго-славии был табуированной темой, которая долгое вре-мя присутствовала лишь в «прозе политической исте-рии», где «мраморные люди», как мы будем их называть, осуждались радикально и безоговорочно (и это были официальные, системные эдикты). Потом ее начали ка-саться в художественной литературе — сначала робко, а затем всё смелее (с сопутствующим официозом пред-словия в жанре псевдодокументальной публицистики, для которой было характерно то, что в ней никто не под-вергался осуждению — по крайней мере палачи)¹⁶².

Многолетнее замалчивание этой темы в Югославии нарушила книга Антоние Исаковича «Мгновение-2»*. Прежде чем книга в 1982 г. была допущена к печати, ею занималось — ни много ни мало — 23 рецензента. И «поку-да суд да дело» рукопись уже распространилась завидным тиражом, тайно передаваясь от одного читателя к другому и формируя своего рода общественное мнение¹⁶³.

Многим уже казалось, что сороковая годовщина «большого перелома» станет моментом, когда это табу будет полностью снято. Однако в сентябре 1988 г. Неца Йованов направил от имени Комитета по защите свободы мысли и выражения** послание к югославской общественности, из

* Антоние Исакович (1923–2002) — сербский писатель, сценарист. Названный ро-ман под оригинальным заглавием «Трен 2» вышел в 1982 г.

** Оппозиционная правозащитная организация, сформированная в 1984 г. и вклю-чающая в себя членов Союза писателей Сербии и Сербской Академии науки и ис-кусства во главе с Добрицей Чосичем (1921–2014), сербским писателем, политиком и теоретиком сербского национального движения.

которого мы узнаём, что дело о запрете на распространение сдвоенного выпуска газеты «Книжевне новине»* от 1 июля 1988 г. увенчалось определением Верховного суда Социалистической Республики Сербии за номером Kz-II-431/88: выпуск был запрещен потому, что в нем «содержалось множество не соответствующих действительности и вселяющих обеспокоенность утверждений об огромном числе жертв на острове Голи-Оток и ответственности лиц, занимавших самые высокие посты в составе государственного и партийного руководства СФРЮ, что может взбудоражить общество». Такую информацию содержала статья Драгослава Михайловича «Преступники и жертвы», написанная в форме ответа Боривое Вискичу, бывшему офицеру госбезопасности, которого внедрили в среду заключенных, отбывавших срок на острове Голи-Оток, и те запомнили его как человека «звериной жестокости и небывалой моральной нечистоплотности»¹⁶⁴.

За рубежом воспоминания о тюрьмах и лагерях для информбюровцев и о порядках, царивших в них, начали публиковаться югославскими эмигрантами гораздо раньше. В декабре 1949 г. в Риме вышла публикация «La Jugoslavia sotto il terrore di Tito»**, в которой упоминаются острова на Адриатике как место изоляции политической оппозиции. Довольно подробная и достоверная характеристика Голого острова, «одного из нескольких лагерей смерти в Югославии», прозвучала в передаче радиостанции югославских «революционных» эмигрантов 19 мая 1951 г. Там, в частности, говорилось и о том, что «лагерь для коммунистов и честных патриотов на Голем острове титоисты ввели в действие в июле 1949 года»¹⁶⁵.

Если в свое время Саво Кржавац и Драгослав Маркович писали о том, что первая книга такого рода вышла лишь в 1958 г. в Албании, то это следует принять как до-

* «Литературная газета» (сербск.).

** «Югославия под террором Тито» (итал.).

казательство того, что поговорка «ОЗНА* всё знает» не всегда была верна¹⁶⁶.

Итак, Голи-Оток и другие острова изгнания долгое время были обречены на замалчивание. Молчали все — и семьи, и общество. Не только из-за страха перед репрессиями. Лагерные власти стремились посеять в среде заключенных недоверие друг к другу, поощряли проявление жестокости по отношению к сокамерникам, так что сами жертвы становились наиболее прочной опорой репрессивной системы. Вот почему некоторые из них столь неохотно вспоминали о своем тюремном прошлом — они стыдились своего поведения. «Как ни верти, любому из нас, тех, кто был на Острове, похвастаться нечем»¹⁶⁷. «Они умалчивают о своем лагерном прошлом, как если бы переболели сифилисом. Ведь даже излечившись, сифилитик для окружающих навсегда останется изгоем»¹⁶⁸. Многие бывшие заключенные не хотели ни говорить, ни вспоминать об Острове, потому что «не стоит мертвому ослу хрен мерить»¹⁶⁹.

«Надо ли доказывать, что революционер — это человек, смысл жизни которого в значительной степени исполнен словом. Революционер выступает на подпольных собраниях, митингах, агитирует, учит, провозглашает лозунги, а во время революции идет в атаку, увлекая за собой других... Потому-то и думаю я, что результаты “перевоспитания” на Голом острове стали выдающимся достижением “педагогики” определенного пошиба: бывшие революционеры вернулись из мест заключения — и молчат!»¹⁷⁰

Существующие источники — это в основном воспоминания, которые не всегда точны. Несколько лет назад в журнале «Младина»** были опубликованы мемуары человека, отбывшего срок на Острове, и дотошный читатель

* «Отдел по защите народа» — служба безопасности и разведки ФНРЮ, учрежденная в 1944 г. В оригинале на сербском языке поговорка рифмуется: «OZNA sve dozna».

** «Mladina» — «Юность» (словен.).

обнаружил в них явную несуразность: «Сначала меня остригли и сбрили всю растительность на теле, а назавтра таскали за волосы, выдирая их целыми клоками»¹⁷¹.

Личные мемуары, хотя и представляют ценность для масштабных исследований, никогда не свободны от необъективности, поверхностности, а также ошибок. «Мне, к примеру, вспоминается, что на острове обитали филины — я слышал их по ночам. Я до сих пор помню их жуткое уханье, но один из тех, с кем я отбывал срок, пытался убедить меня в том, что это неправда. О том, были ли на острове филины, я спрашивал еще двоих, но и они сказали, что этого не припомнят. Я и теперь задаюсь вопросом — были там филины или нет? Но ведь я их слышал...»¹⁷²

Скрупулезный читатель выявит в имеющихся мемуарах еще один недочет: «Все те, кого пытали, изображают себя только жертвами. Их мучили и избивали, а сами они никому не причинили зла. Сведения для досье поставляли другие; шестеренки механизма, действовавшего на Острове, подмазывали другие — ни в коем случае не они сами»¹⁷³.

В следующей главе, разумеется, места хватит всем — и тем, кого били и пытали, и тем, кто бил и пытал сам.

Отец — мерзавец, || мать — шлюха ||

Информбюровцы узнавали о своем новом юридическом статусе («пятая колонна», предатели и ренегаты), как правило, еще до того, как с ними что-то случилось: люди вдруг начинали шептаться, избегать их, а те, кто их не чурался, задавали «неудобные» вопросы. Такая неопределенность продолжалась некоторое время, и обычно ее прерывало появление пары блюстителей порядка, которые, как правило, забирали жертву среди ночи, не тратя лишних слов. Иногда они являлись по месту работы, и кто-нибудь сообщал жертве: жена пришла. Или сестра. Или брат. Или еще кто-нибудь, о ком было известно, что таковой существует. Реже всего арестовывали прямо на улице.

Круг, который уже начал сжиматься вокруг жертвы, таким образом замыкался: человека изымали из мира людей, и для окружающих он переставал существовать. «Опасную занозу вынули из здорового организма нации», — так говорилось в те времена. Родственникам, как водится, о судьбе несчастного не сообщали, но всё же иногда их напрямую уведомяли, что человека уже нет в живых. Жене Милана Калафатича, который не вернулся домой в ноябре 1949 г., его друзья сказали, что он сбежал в Россию¹⁷⁴. Родным и близким Йоже Юранчича было сообщено, что он пытался нелегально пересечь границу и был застрелен неподалеку от Радгоны¹⁷⁵.

Вместе с тем террор со стороны властей распространялся не только на тех, кого обвиняли или подозревали в сочувствии информбюровцам; тирании подвергались и их семьи. Трудоспособные члены семей не могли устроиться на работу, а тех, у кого работа была, увольняли.

Семьи изгонялись из своих квартир, их имущество конфисковывалось, им не выдавали продовольственные карточки. Осведомители УДБА следили, кто посещает семьи информбюровцев, куда ходят члены их семей, с кем они встречаются, о чем говорят и так далее. Одним словом, родственники информбюровцев оставались на свободе, но свободы у них не было¹⁷⁶.

Когда в 1948 г. югославская революция начала «поедать своих детей», она не пожалела и их семьи. Кроме того все те, кто пытался помочь этим семьям, сами рисковали оказаться в тюрьме. Среди заключенных были такие, кто напрямую обвинялся в оказании помощи семьям арестованных¹⁷⁷.

Разделить тяготы родителей-информбюровцев пришлось и их детям. Если малыш посещал детский сад, родители других детей на собрании требовали его исключения, «чтобы ребенок информбюровца пагубным образом не повлиял на других». Детей старшего возраста исключали из института или вышвыривали из общежития за то, что отец был «предателем»¹⁷⁸.

Подвергая семьи информбюровцев террору, власти старались заставить семью отречься от осужденного. Особенно это касалось жен — власти вынуждали их подавать заявления на развод точно так же, как в свое время Гестапо предлагало женам политических противников национал-социалистической партии развестись со своими мужьями. Женам говорили, что их мужья будут приговорены к длительным срокам тюремного заключения, а у них впереди вся жизнь. Нужно думать прежде всего о себе и о детях, ведь теперь вся забота о них ляжет на мать. Если же это не действовало, женщину уверяли в том, что ее муж вел аморальный образ жизни, имел связи на стороне. Следователи оказывали давление на отдельных заключенных, заставляя их подписывать признания в том, что на свободе у них было много любовниц и внебрачных детей, потом такие «откровения» показы-

вали женам. Если же о ком-то было доподлинно известно, что жене он не изменял, его записывали в педерасты. Применялись и иные подходы. Если женщина состояла в партии, то ее убеждали в том, что она не должна связывать себя с человеком, который считается предателем ее Партии. Угрожали обвинить ее в том, что она покрывает мужа — поди докажи, что тебе о его «делах» ничего не было известно. И действительно, среди женщин-заключенных было довольно много тех, кого лишили свободы как раз за то, что они приходились осужденным женами, сестрами или дочерьми. Например, на Голом острове отбывала срок Милуша Йованович, сестра Арсы Йовановича, — за то, что ее брат бежал в Албанию¹⁷⁹. То есть югославские власти интерпретировали закон аналогично тому, как это происходило в Княжестве Сербии в 1880 г., когда, к примеру, власти района Голубац взяли под арест жену и двух детей подозреваемого, которого не удалось поймать¹⁸⁰.

Среди задержанных преобладали мужчины, поскольку в преимущественно патриархальном обществе политика считалась делом мужским. Для многих из них самыми тяжкими были раздумья о жене: не осуждает ли она его, верна ли, как воспитывает детей и т. д. Рано или поздно каждый начинал сомневаться:

«Если говорить о них (женщинах), то они ненадежны, поверхностны. Женщину приводит в восторг блеск и лоск, но глубже она не заглядывает. Она помнит своего мужа таким триумфатором в нарядном обмундировании, утонченным и изысканным, но стоит ей прийти в тюрьму на свидание, как ее взору предстаёт поблекшее, изможденное, обессиленное существо мужского пола, которое выглядит не краше пугала. Разочарованная, она тут же подает на развод, ссылаясь на жестокое обращение со стороны мужа, чего на самом деле и не было, его вспыльчивость или склонность к измене. Некоторые жёны отрекались от мужей публично»¹⁸¹.

Власти пытались очернить и женщин, подозреваемых в симпатиях к информбюровцу. Ведь тоталитарной власти недостаточно лишить своих (потенциальных) политических противников свободы. Об этом пишет Даница Талиян-Чурчич:

«Что ещё меня сильно смущало? Сегодня у тебя с кем-нибудь прекрасные отношения, а завтра его арестовывают. И тут же тебя готовы объявить курвой, и мерзавкой, и всё в том же духе. Неужели человек, совершивший политическую ошибку, не может быть просто хорошим человеком? Женщину всегда норовят посчитать шлюхой. Замарать, вывалить в грязи. Это был уж явный перегиб»¹⁸².

Как упоминалось, следователи оказывали давление на семьи также и для того, чтобы те отреклись от осужденных: родители от детей и наоборот, брат от брата: «Что вы цепляетесь за этого негодяя, предателя и шпиона?»¹⁸³ Или, как вспоминала Колет Смильянич:

«Мы были *врагами государства*. С нами разводились мужья, от нас отрекались отцы и матери. Мой отец был врачом, в то время он был полковником ЮНА*, работал в Военно-медицинской академии, и от него потребовали, чтобы он от меня отрекся; я этого никогда не забуду. Муж от меня не отрекся, но подал на развод»¹⁸⁴.

В таких случаях достаточным основанием для развода было то, что супруг или супруга осуждены как сторонники Информбюро. Чаще случалось, что женщины отрекались от мужей, разводились с ними. А кому-то просто могли сказать, что жена от него отреклась, хотя это и было неправдой. Известно также много случаев, когда мужчины оставляли своих жен, попавших в тюрьму¹⁸⁵. В качестве причины развода они указывали, что не хотят «жить под одной крышей с врагом нашего государства»¹⁸⁶.

* Югославская народная армия.

В борьбе с информбюровцами власти пытались использовать их близких, чтобы морально сломить узников, заставить их «пересмотреть» свои позиции и признать себя врагами. Человеку внушали, что его покинули все, в том числе и друзья, что всё общество настроено против него. Показывали сфабрикованные доказательства того, что от него отреклись мать, жена, брат, сын или дочь. Или, например, ему могли «открыть глаза» на то, что во время оккупации Марибора его жена сожительствовала с немцами¹⁸⁷.

Письма, в которых члены семьи сообщали заключенным о своем отречении от них как от предателей, в лагерях зачитывались вслух. Во многих из них говорилось о том, что женщина снова вышла замуж и забрала с собой детей, потому что ее новый избранник не предатель и сумеет воспитать их лучше. Кто-то получал вместе с письмом фотографию своей жены, обнимающейся с любовником. Такие письма имели мощный эффект, они «рвали на части душу и сердце узников-коммунистов»¹⁸⁸. Известие о том, что от тебя отреклись даже родные и близкие, причиняли сильнейшую боль и без того страдающим людям: «Вот так за несколько месяцев рухнули все мои мечты, я лишилась всего, что у меня было. Осталась совсем одна: только я, камни, ночной Борей* и ненависть...»¹⁸⁹

Власти прилагали все усилия к тому, чтобы разрушить дружбу и солидарность между людьми даже в тех случаях, когда родственники или друзья оказывались в лагере вместе. Брат должен был погонять брата, сын — отца, бывший участник освободительной борьбы — своего прежнего соратника. Общепринятой практикой стало назначение честных людей, которые пользовались в лагере авторитетом, на должность надсмотрщиков — с тем чтобы заставить их себя скомпрометировать. Бранко Петричевич Каджа самым безжалостным образом принуждал

* Северный бурный ветер (из греческой мифологии). У римлян — Аквилон. У славян на Адриатике получил название «бура».

к работе Владо Дапчевича, Милован Четкович — Милана Калафатича, при том, что когда-то они плечом к плечу воевали в Испании. То, как сын подталкивал носилками-«каселой» своего отца, одного из ветеранов Первой пролетарской бригады, потрясло всех, кто стал свидетелем этой сцены. Но ужасней всего было, когда старик, прошедший обе Балканские войны, а потом переживший Первую и Вторую мировые, изнемог под тяжестью «каселы», заплакал и воскликнул: «Меня погоняет мой же сын, будь отец его трижды проклят!»¹⁹⁰

Переписка поначалу была полностью запрещена. Затем узникам разрешили получать и писать по одному письму в месяц. Содержание отправляемых писем было более или менее стандартным: я здоров, чувствую себя хорошо, работаю. Еды хватает — посылки не надо. Далее следовали расспросы о здоровье родных — это не возбранялось. Узники писали о том, что глубоко сожалеют о своих поступках и хотели бы вернуться на путь нашей Партии, которой они верят и надеются, что она их простит... Непременным элементом такого письма была приписка: «Тито — Партия!» — или что-нибудь в этом роде. Упомянуть о том, где они находятся и какие работы выполняют, запрещалось. В качестве обратного адреса указывались «почтовые ящики», например для сербов — Белград, п/я 45, для словенцев — Любляна, п/я 64 — и так далее. Только спустя многие годы семьи узнали о том, что скрывал под собой адрес «Мраморный цех, почтовое отделение Бакар»¹⁹¹.

Писать можно было только по линейкам почтовой карточки. Сколько линий — столько строк. Многие старались писать мелким почерком, чтобы уместить больше текста. Все письма составлялись по одному и тому же шаблону, по пунктам, которые диктовала лагерная жизнь: вопрос, здоровы ли дети, хорошо ли учатся. Звучала в этих посланиях и робкая надежда на то, что придёт момент — и вся семья снова воссоединится под одной

крышей. Несмотря на ограниченное число строк и заранее заданное содержание, кое-кому удавалось проявить находчивость, сообщить что-то промеж строк. Жени Лебл смогла перехитрить цензуру и всё-таки сообщить родным о том, как ей тяжело живется: «Милые мои, я здорова, у меня всё хорошо, но мне так хочется обняться с мамой! С ней мне будет намного лучше». Цензура в этом письме не усмотрела ничего подозрительного, но родственники-то знали, что матери уже нет в живых¹⁹².

Вся почта, которую отправляли или получали заключенные, подвергалась строжайшей цензуре, поэтому писать можно было только по сербско-хорватски. За наивные письма, к которым цензура предъявляла претензии, многие вновь и вновь подвергались бойкоту, а это почти автоматически лишало человека права на переписку. В начале, когда заключенным только разрешили писать письма, это могли делать лишь «члены коллектива» и «активисты»¹⁹³. Типичное письмо с Голого острова выглядело примерно так:

«Дорогие мои, за меня не волнуйтесь. Я здоров, и всё у меня в порядке. Партия о нас заботится, и после пути предательства страны и Партии мы вновь встаем на путь чести, которым ведет нас великий Тито. Любовь Тито к нам безгранична. Тито помнит о нас и печется о наших семьях. Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути уж не сойдемся. Назад мы возвратимся другими людьми. Ждите нас и радуйтесь — скоро мы будем дома...»¹⁹⁴

Цензурировались и получаемые письма. Узнать из них можно было немного. И всё-таки: узник замечал, что теперь его родные живут в другом месте. Ему становилось ясно: семью выселили, и теперь его близкие влчат жалкое существование, Бог знает где. Письма позволяли составить довольно точное представление о том, как выглядит новое жилище. «Жена одного из узников Острова в одном из писем написала:

«Вчера вечером я хохотала, как ненормальная. Сплю я и вдруг сквозь сон чувствую, что кто-то меня щекочет. Ты ведь знаешь, как я боюсь щекотки. И вот я начала во сне смеяться и смеялась до тех пор, пока не вздрогнула и не проснулась. Снаружи бушует гроза, а вода — она же всегда найдет, куда просочиться — оп! — и потекла мне за шиворот. Капля за каплей... Я вскакиваю, скорее передвигаю кровать, подставляю кастрюлю, потом смотрю на нашу Санечку. Спит себе сладким сном, ну, тогда и я опять легла. Заснула под звук капель, падавших в кастрюлю».

Можно было узнать и о том, как живет семья:

«Сегодня Санечка отлично пообедала! Мне удалось достать не только мяса, но и прекрасную косточку, из которой я сварила ей супчик. Я положила в него побольше сельдерея — спассеровала его и сделала кашичку. Мало-помалу она съела полную миску. Немного мяса я отварила, часть обжарила и залила смальцем, чтобы оно не испортилось. Нам его хватит до следующей раздачи. Если бы ты знал, как быстро Санечка растет! Она уже понимает, что папа в командировке, что он вернется и будет счастлив, когда Санечка сможет его поцеловать...»¹⁹⁵

Горше всех приходилось тем, кого вызвали в комендантуру, чтобы взять расписку в получении письма. Это были так называемые «любовные послания с печатью». Чаще всего в них было написано, что жена требует развода, потому что ее муж находится в тюрьме как предатель. Никому не верилось, что жена просит развода по своей воле. Узники рассуждали так: уж если они сами были вынуждены делать то, чего никогда не сделали бы раньше, то и жена могла действовать по принуждению. «Вот вернусь, и всё наладится!» — думали они. Впоследствии письма родителей, братьев или сестер такую иллюзию разбивали вдребезги. Человеку, которого постигал такой удар, казалось, что почва уходит у него из-под ног: он лишился последней опоры, в то время как для кого-то другого письма от жены являлись самой надежной поддержкой¹⁹⁶.

После 1953 г. те, кто уже «пересмотрел» свои взгляды, могли ежемесячно получать от своих родственников по одной семикилограммовой посылке по адресу: Риека, п/я 39. Посылки выдавались получателям при строгом соблюдении определенных правил. Все они вскрывались в присутствии заключенного. Должностное лицо проверяло содержимое посылки. Контроль производился самым тщательным образом: хлеб протыкали ножом, колбасу тоже, сахар и соль высыпали из пакетов, зубную пасту выдавливали из тубы, печенье извлекали из пачки, то же самое касалось и папирос. Только после такой проверки заключенный мог забрать свою посылку¹⁹⁷.

Изначально все посылки передавались на хранение старостам камер. Это означало, что ежедневно староста выдавал заключенному какую-то часть содержимого посылки — по собственному усмотрению. Запасы при этом куда-то быстро улетучивались. Протестовать было бесполезно. После 1954 г. заключенные уже имели право распоряжаться посылкой самостоятельно. Каждый из них был вправе решать — разделить ее с «коллективом» или пользоваться единолично. Были введены и санкции. Если посылка поступала в день, когда на заключенного распространялся запрет на получение посылок, он мог передать её в распоряжение «коллектива», но сам потреблять присланное не имел права.

Среди заключенных образовывались небольшие группы, внутри которых люди потребляли содержимое посылки «вскладчину». Это были ближайшие соседи по камере или те, кто работал в одной бригаде. К небольшому числу обычных «дольщиков» добавлялось немало «сторонних». Так люди делились друг с другом последним¹⁹⁸.

Посылки и денежные переводы — «казалось, что в мир первобытных людей вдруг пришла цивилизация» — усугубили различия между заключенными. Возможность распоряжаться имуществом и деньгами способствовала тому, что многие повели себя крайне эгоистично. Нахо-

дились и такие, кто вовсе не делился едой с товарищами и сам съедал всю посылку до крошки, хотя его тут же тошнило. В этом контексте интересно, что так поступали политические, в то время как уголовники всегда делились своими посылками. Тем не менее большинство заключенных проявляло высокую степень солидарности, хотя и страдало за свой альтруизм — такое поведение считалось «враждебным»¹⁹⁹.

После 1953 г. на Голом острове самыми волнующими были считанные дни, когда разрешались свидания. На свидание допускались только ближайшие родственники. Тех, кому объявляли бойкот, свиданий лишали. Если кто-то потерял право на свидание с родственниками, а те уже были в пути, то из какой бы дали они ни ехали, им приходилось возвращаться домой не солоно хлебавши — так и не встретившись с родным человеком. Посетители перед встречей с заключенным подвергались обыску. А то, что встречи надо было ожидать часами, прочно вошло в свод правил «лагерного протокола».

Во время кратковременного свидания узники были закованы в наручники, поговорить с родными «по душам» им редко когда удавалось. Правила поведения во время свиданий были строгими, равно как и санкции для тех, кто не придерживался установленного порядка: например, наказать могли за то, что осужденный рассказывал о жизни в тюрьме или спрашивал посетителя о делах или о здоровье кого-нибудь, кто не принадлежал к кругу близких родственников. Единственным разрешенным физическим контактом было рукопожатие — через довольно широкий стол. Поцелуи были строго-настрого запрещены, и людей об этом предупреждали заранее.

Оторванные от дома, от семьи, заключенные с нетерпением ждали свидания, хотя его продолжительность составляла всего полтора часа. Они изо всех сил старались держаться как можно бодрее и выглядеть опрятнее: тщательно умывались и брились, заимствовали у това-

рищей одежду получше. В ночь перед приездом родных мало кому удавалось заснуть: все думали о том, как и что сказать за эти недолгие минуты, как в присутствии конвоира сообщить промеж слов что-то важное, «обмануть незримый всевидящий глаз, всеслышащие уши»²⁰⁰.

Жизнь в экстремальных условиях развивалась по своим жестоким законам. В лагере нельзя было раскидаться: эмоциональный мир заключенных словно «окукливался», превращаясь в подобие каменного цветка²⁰¹. Бывали времена, когда месяцами не думалось ни о доме, ни о родных, потому что человеком овладевало одно-единственное стремление — выжить. Между лагерниками и людьми, находившимися на свободе, была неодолимая пропасть... Тем, кто приезжал на свидание в тюрьму, казалось, будто бы они вдруг, придя из мира живых, «увидели, как это довелось Данте, все девять кругов ада»²⁰².

Однако встреч с родными с нетерпением ждали все, а поэтому посещения родственников играли важную роль в «воспитательном» процессе. Именно они стали причиной «раскаяния» тех, кто считался «твердым ядром» оппозиции. Был среди лагерников человек, сохранивший верность своим идеалам на протяжении семи лет (2555 дней), проведенных в ледяной одиночной камере, в «норе», под бойкотом. Никакие насильственные действия не могли заставить его отказаться от своих воззрений. За такое упорство его считали глупцом, чудачком. Он подвергался бойкоту, и свиданий ему не полагалось. Да они ему были и не нужны — он верил, что и так дождется иных времен. И всё это — до того самого дня, когда ему стало известно, что у него родился внук²⁰³.

Строй-«рукомойник» ||

Какое место отводилось в обществе информбюровцам — предателям и ренегатам, — наиболее наглядно демонстрировала процедура их прибытия в лагерь. Новичкам был уготован «торжественный приём» с колотушками: заключенные выстраивались в шеренгу, длина которой составляла от 500 метров до полутора километров, и все вновь прибывшие должны были пройти сквозь этот строй, при этом задачей «встречающих» было показать, насколько они сами уже «перековались» и как презирают тех, кого только что привезли. При этом в ход шло всё — от резиновых галош и дубинок до прочих всевозможных предметов. Новичков колотили и пинали со всех сторон, их лупили по голове, по лицу, по глазам, били в пах и по спине.

Всё это было частью ритуала, который сопровождал и знаменовал собой переход из внешнего, гражданского мира в некий иной мир — мир «исправительно-воспитательного учреждения». Целью такой «инициации» было показать арестантам, что сам характер общества и положение индивидуума в нем теперь иные. Многие авторы считают, что такой переход из одного общества в другое был скрупулезно просчитан, хотя и осуществлялся по тем же правилам, какие были распространены во всех тоталитарных учреждениях (тюрьма, психиатрическая больница, казарма); данная процедура, в сравнении со всеми прочими, отличалась только своей крайней жестокостью — она была страшнее, чем в немецких концлагерях. Механизм, которому в этом ритуале перехода отводилась особая роль и значимость, был известен под именем «прогон сквозь строй» — такая практика существовала еще в деревнях царской России²⁰⁴.

В лагерях для информбюровцев такого рода встречи устраивались в самом начале. Первые обитатели лаге-

ря на острове Голи-Оток, то есть построившие его уголовники, встретили строем первую группу информбюровцев. Когда же в сентябре 1949 г. сюда прибыл второй конвой, он был точно так же встречен первой, июльской группой²⁰⁵.

По устным свидетельствам, администрация «исправительно-воспитательного учреждения» Стара-Градишка в наведении порядка принимала непосредственное участие:

«Сначала так всегда и бывает. Даже в Библии Бог сперва всё должен был делать сам — и наказывать, и повелевать, и управлять, до тех пор, пока этому не научались те, кто следовал за ним, и потом уже они учили других.

Надзиратели врываются в камеры по зову своих подручных, которым не удавалось собственными силами справиться с непокорными, и избивали оказывавших сопротивление, а то и уводили их туда, где ими занимались с особым пристрастием... В фаворе была небольшая кучка уголовников, и это удерживало потенциальных бунтовщиков от неповиновения. Вечно пассивное большинство ожидало исхода “разборки” и демонстрировало свою приверженность победителю. А надзиратель рапортовал начальству: “жернова уже мелют сами”²⁰⁶.

На островах Голи-Оток и Свети-Гргур мужчины называли такую процедуру «строем», «палками», «чистилищем», «санобработкой», «прожаркой»²⁰⁷. Женщины для ее обозначения использовали только одно слово — «шеренга»²⁰⁸.

Большинство бьющих старалось нанести удар в голову или плюнуть в лицо. Горе тому, кто пытался «хоть чуть приподнять голову»:

«Ты уже и себя не помнишь, только чувствуешь, как голова мотается влево-вправо. Не могу сказать, зачем я это сделала, но я подняла голову, не зная, что ее надо было склонить. Быть может, во мне еще теплилась коммунистическая гордость: встретить смерть

с высоко поднятой головой. Представьте себе, какой я была дурой. Тогда одна черногорка мне шепнула — а ведь и подсказывать что-либо было запрещено: “Не подымай головы своей глупой, девонька, не кажись умнее, лучше всех. Бабы тебе ее снесут, проломают. Лучше нагнись чуток, покайся”»²⁰⁹.

Поднятая голова или прямая осанка — символ гордости и достоинства, а в лагере этому нет места. Поэтому из шеренги всегда орал: «Башку вниз, банда!»²¹⁰

Некоторые новички не могли идти быстро, а тем более бежать. Они теряли равновесие, спотыкались, падали, поднимались вновь. Поднимались и падали. Некоторые уже не могли встать. Лагерники поднимали их с земли ударами и пинками. Кому-то удавалось продолжить путь, другие падали снова. Тогда им щупали пульс, по мере необходимости оттаскивали от строя и на рабочих носилках-«трагаче» волокли в барак, служивший лазаретом.

Трагическими были сцены, когда кто-то, кто еще мог ходить, тащил на себе другого. Такая помощь вознаграждалась двойным количеством ударов, потому что человек, взваливший на себя товарища, передвигался медленнее. Иные новички успевали воспользоваться этим и, прикрывая голову руками, неслись вперед во весь опор; это сокращало время прохождения сквозь строй и уменьшало число ударов. От побоев, плевков, а иногда и летящих в лицо человеческих экскрементов можно было спастись, лишь со всех ног устремившись в лагерь. Тот, кто достиг его черты, мог считать себя уцелевшим. Но горе тому, кого удалось перехватить. Строй начинал орать: «Ага, он тут самый умный!» «Хитреца» тут же окружали разъяренные зеки и избивали до потери сознания. Некоторые из прибывших упорно шагали вперед до самого конца, и им удавалось под градом ударов достичь цели, не упав, но такая победа обходилась дорого — они были в крови и в синяках с ног до головы. На этой Голгофе кто-то из строя мог задать тебе вопрос: ты за кого — за Тито или

за Сталина? Тех, кто был за Сталина, сразу же «учили уму-разуму». Если же кто-то оказывался за Тито, его всё равно били: врешь!²¹¹

Строй, «торжественно» встречавший новичков, был своего рода игольным ушком, мимо которого на Голом острове не удавалось пройти никому. Через него прошел и кавалер «Спомяницы-1941»*, офицер авиации Душан Копанья, одноногий инвалид. Он ковылял на костылях в самом конце колонны. Медленно. Хорошая мишень для битья. Вскоре он запнулся за костыль и упал. Подошел кто-то из лагерного начальства, возможно, следователь, поднял его и опять поставил на костыли. Затем приказал строю: «Этого — не бить, только оплевывать, обругивать и стыдить!» Копанья продолжал свой путь вдоль строя под плевки и ругань. В сопровождении дознавателя, который шел с ним рядом²¹².

«Строевой механизм» работал с оглушительным шумом. Тут и там раздавались вопли: «Бей банду!», «Вот тебе Сталин!», «Привет от Информбюро!», «Это тебе от Тито!», «Это от Партии!», «Долой прихвостней!», «Долой слепцов!», «Вот вы и здесь, подонки, предатели, мать вашу бандитскую!», «Мать вашу информбюровскую!», «Говны сталинские!», «Бойкот, бойкот предателям... Перебежчики... бойкот банде!» Разрозненные возгласы переходили в скандирование: «Долой банду! Доло-о-ой! Долой предателей народа и Партии! Долой! Долой!» Всё это сопровождалось ритмичным хлопаньем в ладоши и скандированием: «Бей-банду! Бей-банду!» Затем это превращалось в «Убей-банду! Убей!..» И опять — слаженные хлопки сотен ладоней²¹³.

Пройдя сквозь строй, люди едва стояли на ногах. Избитые, окровавленные, они молчали. Никто не смел даже застонать, чтобы не спровоцировать новых побоев. «Старожилы» ходили вокруг и отпускали замечания на

* Памятный знак, которого в СФРЮ удостоивались бывшие партизаны, вступившие в Национально-освободительную борьбу против фашистов в 1941 г.

счет внешности «новеньких». Еще пара плевков, еще несколько ударов. Затем старосты камер коротко разъясняли внутренний распорядок — конечно же не забывая упомянуть о том, что малейшее нарушение строго карается²¹⁴.

Строй менял облик новичков до неузнаваемости. То, как они выглядели после «торжественной» встречи, было неопишимо:

«Нет такой кисти, которая могла бы передать черты лица, омывтого соленой водой. Особенно если оно было разможено ударами. Тут были и синяки под глазами, и фиолетового цвета кожа, и кровоподтеки самых фантастических оттенков, и сломанные носы, и разорванные уши, а в первую очередь — бессилие и унижение, которое выражалось всей фигурой заключенного. Забыть этот скорбный взгляд невозможно. Когда я вспоминаю обо всём этом, мне становится дурно»²¹⁵.

У тех, кто прошел сквозь строй, отовсюду текла кровь — из носа, из ушей, из глаз, после битья всё было опухшее, синее. Некоторые теряли сознание или, получив серьезные травмы, становились лежачими, а кто-то в результате избиения умирал вскоре после прибытия в лагерь. Так, бывшие еще до войны коммунистами Мирко Кошир и Лудвик Мрзел, скованные вместе, потеряли сознание на полпути к Острову. Очнулись они лишь в лазарете. Кошир на протяжении четырех дней ничего не видел, а на пятый или на шестой день был увезен «в неизвестном направлении»²¹⁶.

На Голом острове тех немногих новичков, которые достигли конца строя, передвигаясь на своих ногах, хватили собравшиеся там лагерники и макали их головой в бочку с морской водой, чтобы «замочить эту банду»²¹⁷.

В лагере Стара-Градишка новичков в день прибытия приводили в так называемый «актовый зал», где их тоже ждал «торжественный прием». Их выстраивали на сцене, а зал заполняли несколькими сотнями «членов коллектива». Вновь прибывших приветствовал представитель

лагерной верхушки, или «Центра», а затем заводил — сам или кто-то еще — маловразумительную речь о том, чего от них ждут в «исправительно-воспитательном учреждении», вопрошал, что они сами о себе думают, и постепенно разговор сосредоточивался на одном из «новеньких», который, вероятно, уже заранее был назначен «худшим» в конвое или представлял собой «крупную дичь». Потом начиналось типичное «разоблачение врага», в которое тотчас же вмешивалась толпа, заполнявшая зал, — начиналось скандирование избитых лозунгов. Стоял всеобщий ор и вой, кто-то вскакивал на сцену и кидался на новичков, атмосфера быстро достигала «точки кипения». Такие действия неизменно приводили к общей потасовке. Драка кончалась, когда старостам отдавали приказ развести новичков по камерам. Толпе было велено расступиться, образовав коридор, и пока новички шли сквозь него, на них сыпались удары, в них летели плевки²¹⁸.

Строй, оказывавший узникам «торжественную встречу», стал неотъемлемой частью обряда «посвящения», и его роль в управлении информбюровцами была очень важна; по словам Лудвика Мрзела, бывшего узника Дахау, а затем лагеря на Голом острове, здесь процедура прибытия в лагерь была «более жесткой, чем в фашистском Дахау!» Каждого из вновь прибывших потрясала до глубины души ее невиданная жестокость и беспощадность. До той поры многие все еще полагали, что здесь они смогут найти товарищей, друзей из числа тех, кто еще не утратил гордости и самоотверженности, надеялись на то, что в лагерной среде меж заключенными имеется хоть какая-то солидарность, свои конспиративные тайны, что тут они встретят родственную душу — кого-то, кто характером походил бы на Павку Корчагина, Павла Власова, Олега Кошевого, Сережку Тюленина... Многие ожидали, что встретят здесь опытных, проверенных революционеров, у которых можно будет учиться жить и выживать, которые знают, как себя вести. Вместо

этого перед ними представляли жалкие существа, уроды, махавшие руками, издававшие животные вопли, провозглашавшие бессмысленные лозунги²¹⁹. Такой «приём» обескураживал и ужасал. Отсюда и до «искренного пересмотра своей позиции», и до «обрубания хвостов» было недалеко. Многие новички, попадая после оказанного им «приёма» в свое новое обиталище, видели там «норников» и в полной мере испытывали на собственной шкуре прелести первого «товарищеского вечера» — как тут не вступить на путь, который представляется единственным способом спасения?

Особое внимание уделялось информбюровцам-«повторникам», которых на островах Голи-Оток и Свети-Гргур окрестили «двухмоторниками» или даже «трехмоторниками» — в зависимости от числа «ходов». Сам по себе этот термин указывал на то, что человека посадили за незыблемую убежденность в своей правоте уже во второй раз — именно такой устойчивостью обладает летательный аппарат с двумя (или тремя) двигателями. Когда упрямец поступал в лагерь, его выделяли из числа остальных и бросали «в круг», где он достаивался добавочной порции побоев. Студенты должны были избивать студента, черногорцы — черногорца и так далее. Каждого в отдельности. Некто из переживших заключение на Голом острове, рассказал о прибытии группы новичков, которые не знали, что означает слово «двухмоторник». Один из них сказал, что он из Дурмитора — дурмиторец. Его неверно поняли и, прежде чем недоразумение прояснилось, здорово побили²²⁰.

Чем более высокий пост занимал новичок на свободе, тем больше его унижали по прибытии. Кавалеров памятного знака «Споменица-1941» и довоенных коммунистов били нещадно, как если бы они были виной всему происходящему; особым «лакомством» были те, кому довелось воевать в Испании, ветераны национально-освободительной борьбы, министры и другие высокопоставлен-

ные чиновники. Специальный режим пыток и унижений ожидал также осужденных высокого армейского ранга и чина. «Активисты» над ними просто измывались. «До какого звания ты дослужился? — спрашивали они. — Ах, ты был майором, и тебе было мало? В генералы метил? Ну, я тебе покажу генерала!»²²¹

Строй в лагере служил не только для «торжественного приёма», через который проходили все новички. Он моментально организовывался при каждом случае неповиновения на работах. К тому же, неписанный уклад Голого острова в годы самой иступленной «перековки» подразумевал, что день для «банды» должен начинаться с побоев; чтобы заслужить свое место среди работающих, нужно сначала пройти сквозь строй. Перед политчасом и после него бойкотируемых прогоняли вдоль шеренги, состоявшей из соседей по бараку. Чтобы заслужить вечерний отдых, тоже приходилось идти сквозь строй — каждый вечер перед отбоем выстраивалась шеренга. Бойкотируемый порой шел сквозь строй, составленный из тех, кто прибыл на Остров одновременно с ним, и все плевали ему в лицо. Те же, кто этого не делал, были оплеваны сами²²².

Человек способен привыкнуть ко всему, и заключенные информбюровцы привыкли сосуществовать бок о бок с этим фантастическим механизмом. Он стал частью их мира. Те, кому довелось пройти через него неоднократно, знали, что идущему впереди приходится тяжелее всего. Строй еще полон сил и рвения — первые удары самые сильные. Точно так же тяжело идти замыкающим. Лагерные надсмотрщики шли за тобой по пятам и смотрели, не «мажут» ли бьющие. Таким образом, более-менее везло тем, кто шел сквозь строй в середине процессии. Когда наставал их черед, они потупляли головы, сутулились и прикрывали глаза руками. И — бежали вперед. Чем быстрее, тем лучше. По своему опыту они уже знали, что из сотен зеков, стоящих в строю, всерьез бьет

лишь какой-то десяток — от таких надо было уворачиваться. В людях развилась своеобразная смекалка. Тот, кто знал, что ему придется идти сквозь строй, подкладывал что-нибудь на спину под рубашку или шинель, ведь идти надо было пригнувшись. Картонку, тряпку, кусок резины, хоть что-то — «защитить почки»²²³.

Строй — это не только боль, ранения, травмы. Прежде всего, он разрушал доверие к ближнему, пробуждал гнев и ненависть. А затем... Затем люди сами вставали в него, становились «наставниками». Однако тот, кто стоял в строю, бил сокамерников, новичков или бойкотированных не (только) потому, что ненавидел их. Многие били потому, что знали: за ними следят. Они стремились «понравиться» своим палачам и приблизить свободу, поскольку тот, кто бил изо всей силы, вступал на правильный путь «перековки». Иные били, рассудив, что лучше самому ударить посильнее, чем потом пройти сквозь строй, ведь тот, кто «мазал», подлежал такой же экзекуции. Опять же, некоторые в строю, нанося удары, как бы мстили за то, что и их когда-то били: ты мне, я тебе. Для некоторых чужие страдания стали развлечением, доставляли удовольствие. А кто-то отыгрывался за свое прошлое, за свои муки и свой стыд, свое унижение. Поэтому многие из тех, кто был в строю, наносили удары не просто с целью причинить боль, а для того, чтобы «искалечить этих ублюдков раз и навсегда», ведь исполнитель наверняка «не сможет вдарить как следует, но как бы случайно на это способен любой»:

«По некоторым нашим “внутренним” критериям, у нас имеется 16 “бьющих”, из которых семеро — “убийцы”. Против них — те, их примерно 55 человек, кого можно считать “товарищами”. Они не бьют — я имею в виду, не бьют прицельно и напоказ — в строю всё немного по-другому; главное, они не плюют и не бьют. Они орут и имитируют удары. Есть, однако, еще 25 человек, которые “ни рыба ни мясо” — в основном, это баракло, трусы. Они бьют “по необходимости” и всегда

делают это “выборочно”, то есть бьют того, кого бьют все. Нас, немногих, уж ты-то понимаешь, о ком речь — тех, кто уже “не жилец”, бьют все подряд. Тех, кто тут зовется “ненадежными”. Это наименование изобрели наши “вожди”, и мы это сочли приемлемым»²²⁴.

Конечно, не все были готовы «пересматривать» свои взгляды таким образом. Некоторые свое рвение просто имитировали. Их удары были не столь сильными, и за волосы они таскали не так рьяно, как казалось со стороны. Можно было, конечно, и демонстративно скрестить руки на груди, но на практике это означало бы болезненное и, как правило, весьма длительное самоубийство. Крайне редко попадались такие, кто отказывался поднять руку на другого, и за это их самих отделявали по полной программе. Легче было притворяться: размахнуться что есть силы, а ударить едва-едва. В общей суматохе это могло и «прокатить». Однако тех, кто во что бы то ни стало хотел нанести и второй удар, да так, чтобы это заметили те, кому надо, тоже хватало, но были и те, чей кулак опускался на их проворные руки. Иногда имитировавшие рьяность сознательно мешали другим.

Но любое притворство следовало очень искусно скрывать, иначе притворщику грозило наказание. Ведь случалось и так, что тот, кто пребывал в бойкоте, выдавал того, кто бил его «понарошку». Возле строя на всякий случай дежурили конвоиры, которым было велено замечать, все ли бьют в полную силу или кто-то «филонит» — таких, как правило, самих пропускали сквозь строй — сразу или на следующий день. А если оказывалось, что кто-то поступал так неоднократно, ему вскоре объявляли бойкот.

Следователь лагеря Голый остров вспоминал о том, что узника, наказанного за недостаточное усердие в строю, били гораздо сильнее: ему мстили за то, что он был «чище» остальных. Заключение, желая убедить дознавателей в своей лояльности и бескомпромиссности, сами доносили на тех, кто их бил вполсилы — это прибав-

ляло им очков и считалось доказательством того, что они «перековались».

Само собой разумеется, в строю могли находиться лишь те, кто уже «перековался». Те, кто считался «бандой», правом бить наделены не были, и если кто-то из них в данный момент не прогонялся сквозь строй, то должен был стоять чуть поодаль. Рукоприкладство «банде» разрешалось лишь тогда, когда прибывал новый конвой. Каждого из новичков, прежде чем он восходил на более высокий уровень «перекованности», должны были избить и оплевать такие же заключенные, как и он сам. Если кто-то оказывался в строю и получал право бить, для него это было хорошим предзнаменованием²²⁵.

Кое-кто нередко использовал строй для личных расчетов с теми, кто якобы «действительно заслужил это», то есть с «порочными личностями» и особенно с «провокаторами»²²⁶. Так, Милка Пуцина-Воркапич вспоминает:

«Я схватила ее за волосы и сказала: ты меня помнишь? Посмотри на меня хорошенько. Я жена Марка Пуцины, и теперь я тебе покажу, какая ты “честная” — это ты очернила своего соратника, с которым делила кусок хлеба. Теперь ты попала в мои руки, чтобы я судила тебя, мать твою так! Я стала избивать её. Я была вне себя, хотела её задушить. Надзирательницы едва растащили нас. Я била её смертным боем. И это единственная женщина, которую я избивала с наслаждением. Другие же наблюдали, не вмешиваясь. Если ты не бьешь, то тебя саму прогонят через шеренгу. А кто испытал это на себе однажды, тот знает: второй раз лучше не попадать»²²⁷.

Таким образом, принцип, который лежал в основе действия строя, гласил: неуклонное мщение и ненависть к новичкам. Это был порог, через который они шагали в мир, перевернутый вверх тормашками: «старожилье» измывались над новичками так, как если бы это они были теми, кто обрел их на каторгу на Голом острове, отправил их туда. На самом деле всё было совсем наоборот:

многие новички оказались там потому, что их «сдал» кто-то из «старожилов».

Посредством строя власти поставили и «старожилов» перед лицом страшного парадокса: доказательством того, что кто-то «перековался», была его готовность к физической расправе с «бандой». Кто этого не принимал, тот сам становился «бандой». Логика насилия властей была простой: кто не желает «поквитаться» с «бандой», тому отсюда путь заказан. Если ты не готов участвовать в расправе, значит, ты сам неисправимая «банда». А «банда» свое всё равно получит — для этого есть «перекованные». Таким образом, как бы человек ни вел себя по отношению к «банде», это никому не облегчало жизнь: тут ты не можешь помочь никому, даже лучшему другу — зато сам огрести можешь вполне... И вот уже — не одна жертва, а две... Таким образом, каждого вынуждали решать для себя поистине гамлетовскую дилемму: «Бить или не бить?» Бьешь — уцелеешь. Не бьешь — будут бить тебя. И поминай как звали»²²⁸.

Итак, чтобы «перековаться», необходимо бить «банду», «неперекованных», то есть свою шкуру можно было спасти, идентифицируя себя не с тем, кого ты бьешь, а с теми, кто занимается «перековкой», важным элементом которой, таким образом, было то, что жертвы должны примкнуть к своим палачам. Результатом такой самоидентификации было отречение жертвы от собственно «я» в пользу «супер-эго» палача. Жертва перенимала его мировоззрение, в соразмерном объеме лишаясь пространства, отведенного для собственного «эго»²²⁹. Или, как сказал бывший заключенный Милосав Малета Бабич, «Со временем человек оскотинивается. Ну, если ты решишь никого не бить, то человеком ты останешься. Но если уж потом начнешь это делать — пиши пропало. Прежде всего, тебе уже не верят следователи, затем — заключенные и, в-третьих, ты сам перестаешь верить в себя»²³⁰.

В то время власти сознательно использовали заключенных и их незавидное положение против них самих. Против всех. Против тех, кто должен был пройти сквозь строй, против тех, кто их бил и оплеывал: «Если били тебя, это сильно уродовало душу, но еще сильнее — если бить ты был вынужден сам»²³¹.

Этот диковинный механизм с большой эффективностью превращал жертву в палача. Используя его, палачи не только «умывали руки», но и сваливали собственные преступления на тех, кто был жертвой — мол, издевательства были способом сведения счетов между заключенными²³².

Последствия «работы» строя ощущались даже после того, как участники процедуры разбрелись кто куда. Так, на следующий день лагерникам, стоявшим в строю, тут и там попадались те, кого они вчера избивали, — изувеченные, в кровоподтеках, с заплывшими глазами. Кое-кого при виде избитых мучила совесть. Да, они хотели доказать, что они «перековались», «пересмотрели» свои взгляды, и в то же время они видели передвигавшихся ползком по лагерю тех, кто уже не мог ходить. В воздухе на два-три дня повисало молчание, люди не могли смотреть друг другу в глаза: «Это было тяжелое психическое состояние, оно охватывало всех. Этого и добивались “те”, я имею в виду администрацию; их методика, их система были четко продуманны — нас подминали и психически. В каждом из нас уничтожали личность, убивали веру в себя, нас превращали в зверей»²³³.

Самые циничные дознаватели даже отмечали, что строй возник по инициативе самих заключенных и использовался исключительно для выяснения отношений между ними. Или если привести слова Йово Капичича, генерала Управления госбезопасности и помощника министра Ранковича, то:

«Повторяю еще раз: никто и никогда не планировал преступных деяний на Голом острове. Если понадобится, я буду утверждать это и под присягой. Впрочем,

на Голом острове создавалась такая атмосфера, что заключенные, среди которых было немало невиновных, самое большое зло причиняли друг другу сами. Правда, власти смотрели на всё это сквозь пальцы. Случай, когда следователь пытал кого-то из подследственных, мне не известны! Да, он мог оскорбить заключенного, вклеить ему затрещину, но самым частым делом были стычки между теми, кто уже «раскаялся» и кто еще этого не сделал. Пусть психологи разберутся в этом по всей науке — имелось ли тут принуждение. Таким образом, есть доля правды в том, что издевательства над заключенными имели место, но всё это было действиями заключенных по отношению друг к другу. Случались и смертельные исходы, однако совсем не по той причине, которую указывают»²³⁴.

Йово Капичич защищал свою извращенную позицию и десятилетия спустя: «Какие-такие пытки? Заключенные конфликтовали друг с другом, дрались, науськивали одних на других, шпионили друг за другом... Они унижали друг друга, потому и не хотят об этом говорить»²³⁵.

Впрочем если бы это было действительно так, то далеко не во всех лагерях новичков-информбюровцев встречали бы строем. Но фактически это происходило везде, и единственным исключением был женский лагерь в Забеле²³⁶. Уже это достаточно убедительно говорит о том, что такие действия были спланированными. Да и само функционирование данного механизма никогда не пускалось на самотек — за «работой» строя всегда наблюдали конвоиры, остававшиеся в стороне: «Побои всегда начинались по команде. Команду нужно выполнять, следовать ей. Режиссировала всё лагерная администрация. Например, если одна из узниц была слишком хилой, нам говорили: эту — только оплевывать, не бить... Для того чтобы “перековаться”, нам приходилось колотить, мутузить и валять друг друга в грязи»²³⁷.

Власти были хорошо осведомлены о том, сколь важную роль играет строй в деле «перековки» информбюров-

цев. О лагере на Голом острове было известно и Ранковичу — очевидно, процедура его не смущала²³⁸. Если бы строй возник по инициативе заключенных, власти должны были бы этому воспрепятствовать, но до 1953 г. они этого не делали. Следовательно, администрация преднамеренно использовала строй как «умывальник для рук». В своих воспоминаниях Джилас описывает пример Блажа Раичевича, черногорского коммуниста-ветерана:

«В 1950 году Ранкович сказал мне, что в концлагере на Голом острове толпа “раскаявшихся” линчевала Раичевича. Должен признаться, что никто из нас, руководящих работников, не стал о нем горевать. Более того, Ранкович распорядился составить подробный рапорт, в котором с его людей снималась бы вина. Мы все вздохнули с облегчением, ведь то, как погиб Раичевич, “смыло вину” и с нас, освободив от всех дальнейших хлопот»²³⁹.

Бывший представитель администрации Голого острова наблюдал эту трагедию вблизи и описывал произошедшее следующим образом:

«Значит, так... В какой-то потасовке, в строю, находившийся под бойкотом Б. Р. подвергся линчеванию, и был забит до смерти. Всё это видел его сын, но ничего не мог сделать — попробуй выступить против толпы. Он был врачом и впоследствии умер. Б. Р. был старым коммунистом, но его объявили троцкистом. Вы себе только представьте: прямо на твоих глазах убивают твоего отца!

— Вы это осуждаете, не так ли?

— Дело не в этом. Осуждаю, не осуждаю... А почему так случилось, почему люди мучили друг друга, издевались друг над другом? Вот в чем вопрос...»²⁴⁰

Строй, используемый властями, хорош был не только тем, что его «работа» позволяла им быть уверенными в том, что своих рук они не замарали. Этот механизм прекрасно годился и для сеяния раздоров и ненависти в среде жертв, поскольку жертвы ненавидели прежде всего тех, в ком видели продолжение «длинных рук» системы.

Бывшая узница Голого острова, которую неоднократно прогоняли сквозь строй, вспоминала, что каждый раз она плевала в лицо тем, кто бил её сильнее остальных, хотя и знала, что будет за это наказана. Ее пропустили «сквозь строй» трижды. Своих мучительниц она называла «уродками» и «фашистскими тварями» прямо в лицо: «Мне приходилось лихо, но душу я себе облегчила»²⁴¹.

«Коллегиальный» характер «работы» строя имел еще одно полезное свойство: он освобождал от ответственности всех, кто в нем был задействован. Таким образом руки оставались «чистыми» и у тех, кто непосредственно участвовал в экзекуции:

«Грусы не могут не бить. Ты еще увидишь, как это выглядит. Строй — изобретение хитрое, если не сказать — гениальное, его придумали умнейшие злодеи. Каждый человек, стоящий в строю и бьющий другого, думает: «Вряд ли его убьет именно мой удар, а если это и так, то он подвернулся мне под руку уже крепко побитым. Я не могу отвечать за всех, кто бил его до меня!» А тот, кто бежит, пригибаясь под ударами, надеется, что бить его будут не все, что есть еще хорошие люди, товарищи, которые будут только «делать вид». Он думает, что в строю стоят люди, а люди милосердны, такими их создал Бог. И вот он бежит и верит, что вот-вот достигнет конца строя, а если и упадет, не добежав совсем чуть-чуть, то следователь, который где-то тут, поблизости, сжалится над ним и подаст шеренге знак: «хватит, стоп». Не каждый же, подобно Нерону, обратит большой палец к земле. И даже если этого не произойдет, он уже никогда не узнает, да и никто никогда не узнает, а можно будет только предполагать, чьей ногой или рукой он был умерщвлен. Тому, кто умирает, — какая разница?»²⁴²

В 1953 г. кровавые «приёмы» были прекращены²⁴³. Причиной тому была смерть Сталина, но не сама смерть кумира «сталинистов» привела к тому, что они стали зверствовать меньше, — нет, просто проводники режима уже не испытывали прежнего страха перед ним. Они и

впоследствии показали свое «человеческое лицо» — уже в изменившихся обстоятельствах. Таким же образом они воздействовали на людей и вне тюрем и концлагерей — там, где после всего этого насаждали «самоуправление» — «социализм с человеческим лицом».

Вертикальная структура социального дна

Арестанты, а тем более «предатели», всегда находятся на дне социума: ниже падать некуда. Поэтому, например, некоторые лагерницы после нескольких недель тюремного заключения были готовы признать себя женщинами легкого поведения, только бы не слыть изменницами Родины:

«Она говорит мне: ты шлюха, хотя в то время я уже была замужем. И я подумала: уж лучше быть шлюхой, чем предательницей, потому что меня тогда могли бы обвинить в государственной измене. Но я же не враг! Я ей отвечаю: все мои родные пали за свободу. Я просто рыдала, всё это оскорбляло меня ужасно. Пусть лучше я сто пятьдесят раз окажусь курвой, лишь бы не обвиняли в предательстве»²⁴⁴.

При первом рассмотрении в сообществе заключенных вроде бы все равны. В лагере Стара-Градишка утратила свою силу даже строгая военная иерархия: «Лишь бы уравнять нас всех — капитанов и генералов: все мы одного поля ягоды, все в одинаковых лохмотьях, все — “банда”. Ни рангов, ни имен — все “прихвостни”»²⁴⁵. В отношениях с администрацией на самом деле все были равны. Символически это выражалось в обращении исключительно на «ты» даже к тем узникам, к которым ранее, в силу их высокого социального положения, все обращались на «вы». Теперь им говорили «ты» и низшие чины администрации, и заключенные. Со временем это настолько вошло в привычку, что «бывшим» становилось неловко, если кто-то обращался к ним на «вы», даже если собеседник был значительно младше, а тем более, если он вдруг говорил «пожалуйста»²⁴⁶.

Подчиненное положение узников выражалось и в безусловной обязанности приветствовать представителей администрации. Если кто-то из них шел навстречу, нужно было посторониться, встать по стойке «смирно» и снять головной убор. Его надо было снимать и перед конвоиром, даже если на спине был мешок с цементом. До самого 1953 г. лагернику предписывалось заложить руки за спину, склонить голову и потупить взгляд (точно так же, как в Османской империи надлежало делать членам христианской общины, когда мимо проходил мусульманин). Как правило, представитель власти даже не удостоивал взора того, кто с ним здоровался, не говоря уже о том, чтобы ответить на приветствие. Но если оно звучало недостаточно громко и внятно, узника тут же обзывали «проклятой бандой».

До 1953 г. каждый раз, когда мимо проходил кто-то из следователей или конвоиров, пусть даже это было время обеденного перерыва, заключенные должны были встать. Старинная поговорка о том, что даже каторжника не поднимают из-за обеденного стола, на них не распространялась²⁴⁷.

Входя в кабинет дознавателя, надо было отрапортовать: «Товарищ следователь, осужденный такой-то, учетный номер такой-то, приговоренный к стольким-то годам лишения свободы с привлечением к общественно-полезным работам ввиду предательства партии и народа, на доклад прибыл». Многие считали этот обряд, пожалуй, самым противным: рапортовать приходилось каждый раз, и если случалось посетить дознавателя двадцать раз на день, то — все двадцать раз²⁴⁸.

Так уж повелось, что следователи и охранники далеко не ко всем заключенным относились одинаково — кого-то они, по различным причинам, могли и выделять. Однако это правило действовало лишь до тех пор, пока «всё было в порядке», пока сохранялась ясность, «кто есть кто». Одним словом, до тех пор, пока этот порядок никто

не «подрывал». Всё моментально менялось, если случилось событие из ряда вон выходящее, и лагерный уклад оказывался под угрозой краха — например, если вдруг кто-то из лагерников совершал побег. Ведь это означало отрицание основополагающего принципа лагерной системы (строгое ограничение свободы передвижения) и в то же время грозило тюрьмой самому охранявшему. Поэтому такого рода попытки подавлялись особенно жестко; когда риск побега возрастал, с заключенными начинали обращаться строже: «Если тебя везут на грузовике — ты знаешь: голову промеж колен, молчать и не озираться. Охранники, словно позабыв об установленных порядках и правилах поведения в лагере, становятся совсем другими...»²⁴⁹ Однако, несмотря на все меры безопасности, кому-то случалось и бежать, и тогда всё сразу становилось на свои места: «Не было уже ни “активистов”, ни “членов коллектива”, ни “отсроченных”, ни бойкотируемых. Мы все были едины. Осужденные, каторжники, “банда”. В этой массе оказывались и старость»²⁵⁰.

Хотя по отношению к представителям власти все заключенные были равны, их сообщество было стратифицировано. Расселение по камерам и режим не был одинаков для разных категорий заключенных, и различия эти были велики:

«Я объясняю ему, хотя мы все и равны, но кто-то сыт, обут, вправе делать с другими всё, что ему заблагорассудится, например староста, в то время как некоторые заживо гниют в камере, у них отказывают почки, но они таскают камни до тех пор, пока не свалятся. Лучше быть среди первых. Главное — выжить»²⁵¹.

Равенство заключенных означает то, что охранники должны в одинаковой мере бдеть над всеми, однако это не очень-то служит «перековке». Поэтому необходимо вмешательство извне, которое вносило бы различия среди узников (особенно создание системы привилегий для отдельных заключенных). Ведь разделение людей

на категории — существенный элемент любой казарменной муштры, и это сыграло значимую роль в лагерях для информбюровцев. В каждом бараке, на работах, при раздаче пищи, «пропаривании одежды», во время сна и т. д. нужно было строго соблюдать «чины». Возобладал принцип: как можно меньше равных. Или, как когда-то, напившись, орал пьяный Л. С., «большая скотина» на Острове: «Я смешаю вас с говном, но каждое говно воняет по-своему...»²⁵²

Концлагерь для (политических) противников, в котором соблюдался бы принцип равенства всех заключенных, был проектом заведомо неосуществимым. В немецких концлагерях, к примеру, заключенные были разделены на три уровня, которые различались условиями жизни и питания. Изначально все находились на втором уровне, а затем, в зависимости от «поведения», кого-то поднимали на более высокий первый уровень или, наоборот, опускали на уровень наказанных (третий), где спать приходилось на голых досках, а питание урезалось. Третий уровень был также уделом тех заключенных, чье прошлое требовало особо строгого надзора.

Основополагающим правилом иерархически структурированных сообществ является то, что все их члены кому-либо подчиняются и в то же время есть те, кто ниже их по статусу. В этом смысле лагеря для информбюровцев не стали исключением:

«Бригадир был малым богом, староста камеры — великим богом, а те, кто нас окружал и сопровождал каждый день, осуществляя волю вышеупомянутых, — мелкими божками, которые хотели бы подрасти»²⁵³.

Однако даже те, кто занимал верхнюю часть иерархической шкалы, не могли выбраться из этого порочного круга, внутри которого под каждым был кто-то «нижний», а над каждым — кто-то «верхний»:

«Как будто мы разыгрываем пьесу, где мы — исполнители главных ролей, а следователи — режиссеры.

Среди них изредка попадаются честные, достойные люди. Но и они заняты в “пьесе”. Они должны проявлять осторожность по отношению друг к другу, и особенно — по отношению к нам. Везде и всюду над каждым есть некто вышестоящий»²⁵⁴.

Вертикальная топография социума, в котором динамика всего, что творится в обществе, проистекает из противоречия между верхним и нижним, имеет еще одно следствие, значимое для поддержания его внутренней стабильности. Агрессия, накопленная жертвами под тяжким физическим и психологическим гнетом, не может быть направлена на источник этого гнета, поскольку у тех, кто осуществляет власть в обществе, имеется достаточно сил, и любое сопротивление обречено заранее. Поэтому агрессия направляется туда, где не встретит сопротивления, против тех, кто имеет меньшую (социальную) мощь: «Эти люди не придерживались основополагающих принципов этики, у них не было лица, а если и было, то здесь оно стиралось. Здесь держались принципа: кланяйся тому, кто выше, топчи того, кто ниже!»²⁵⁵

Лишение свободы для информбюровцев означало падение на самое дно общества, их лишали всех прав человека, даже права на собственное имя. Официально никто не называл их информбюровцами — только предателями, врагами, пролезшими в Партию; они были «бандой», которую необходимо жестоко подавлять, не заморачиваясь соображениями человечности или закона; вынуть из них душу, которую они продали Сталину и русским. Для администрации слово «банда» служило единственным возможным, обобщенным и конкретным именем для всех: «Ну, банда, расскажи-ка, что ты думаешь о войне в Корее?», «Банда, больше камня грузи!», «Банда, ты сегодня за пожарника!»... «Банда» не смела поднять головы, а если вдруг кто-то ненароком бросал взгляд в сторону, «перекованный» сразу ставил сокамерника на место: «Банда, чего озираешься?»

«Бандой» было около тридцати процентов заключенных. Но и сама «банда» не была однородной: она могла быть «новой» и «старой». «Новую» составляли только что прибывшие, а «старая» состояла из тех, кто в строю наносил удары вяло и без рвения; по отношению к бойкотуемым они вели себя мягче, не раздавали им оплеух и не преследовали; во время «политчасов» не кивали на тех, кто работал «спустя рукава», одним словом, это были «бесперспективные», «бесполезные членья» лагерного «коллектива».

«Банда» оставалась «бандой», покуда не утрачивала своей (политической) идентичности, то есть до тех пор, пока не «перековывалась». За то, чтобы это произошло скорее и безусловнее, отвечал «коллектив». Здесь даже не нужно было искать причин для битвы: ярлык «банда» был достаточной причиной. «Банда» должна была доказывать и доказать «коллективу» свое искреннее стремление вернуться в лоно Партии, свою любовь и преданность Центральному Комитету и товарищу Тито. Как это делается, знали все, равно как и о том, что «обман и ложь» будут беспощадно караться, и только от самого узника зависит, сколько времени он еще проведет здесь и станет ли до истечения срока наказания «свободным строителем социализма».

Тот, кто хотел «перековаться», должен был показать, насколько он благодарен Партии и бдителен по отношению к врагу, готов к борьбе с ним. Врага же воплощала «банда», особенно те, кого бойкотировали, поэтому именно бойкотуемые становились материалом, на котором другие доказывали, что наконец «исправляются», «пересматривают позицию» и тем самым накапливают бонусы. Это была бы очень простая и эффективная арифметика подчинения и поощрения, если бы здесь не было одного «но». А этим «но» был враг, который никогда не дремлет, а только притворяется спящим. Поэтому одних лишь революционных расчетов с бойкотуемыми было недостаточно: тот, кто действи-

тельно «перековался», должен был постоянно следить за «двурушниками», затаившимися вокруг.

Для «двухмоторников», которые считались неисправимыми, на «общественно-полезных работах» был предусмотрен особый режим. Их содержали отдельно, словно они были прокаженными. Но бить и оплевывать их при удобном случае мог каждый. «Двухмоторники» для всех прочих были сырьем для «перековки». Все самые тяжелые, рутинные, грязные работы были уделом «двухмоторников», и даже в свободное время отдохнуть им не удавалось. Если требовалось принести котел с пищей или воду для мытья, отдраить барак — это всегда было обязанностью «двухмоторника». Даже в процессе работы арестанты соревновались, кто из них «лучше» будет гонять «двухмоторников» в хвост и в гриву. Заключение, носившие «трагач», периодически менялись местами, поскольку переднему всегда было тяжелее, а «двухмоторник» бесменно работал «на переднем крае». Когда он был полностью изнурен и не мог сделать больше ни шагу, на него сыпались новые удары: «Ишь, филонит! А сам-то предал нашу Партию уже во второй раз!²⁵⁶»

На «общественно-полезных работах» каждый барак, каждая камера считались «коллективом», однако не все обитатели барака были «членами коллектива». Различия между заключенными зависели от результатов «дознания». Тот, кто сумел убедить дознавателя в том, что он «вывернул карманы», «выложил всё начистоту», «раскаялся», «перековался» и «завязал», продвигался в тюремной иерархии, прокладывая себе путь к свободе. Тот, кто в присутствии сокамерников сам себя признавал предателем, принимался по предложению старосты в «коллектив». Или, если перевести это на пафосный язык Голого острова, то этой чести достаивалась «банда», осознавшая, что у «коллектива» достаточно решимости и твердости для того, чтобы свести счеты с любым из тех, кто не желает свернуть с пути предательства; «осозна-

ние» подразумевало, что ты отдаешь себе отчет в том, где находишься и чего от тебя ждут. А если вдруг кто-то всё никак не желал «осознать», товарищи разъясняли ему вопрос следующим образом: «Последнего героя из себя корчишь? Да насрать на тебя хотел этот гребаный сталинский ленинизм! Ты еще на коленях приползешь просить, чтобы мы тебя приняли в коллектив. Знай: кто не кается, тот здесь не выживает».

Опять же, и «члены коллектива» были равны далеко не все: кое-кого всегда можно было вышвырнуть за его пределы, вернуть на предыдущий «уровень». Право голоса в лагерном «самоуправлении» было, пожалуй, самой большой привилегией «членов коллектива». Они ходили на работу, но, работая в колонне, могли занять место сбоку от «трагача» или позади «каселы». В день они получали по пять папирос, раз в месяц им разрешалась переписка и получение одной посылки; ежемесячно им позволяли свидание с родными²⁵⁷.

Большинство узников изо всех сил старалось попасть в «коллектив». Но были и такие, кто к этому не стремился. Так, например, Георги Георгиев отказывался стать «членом коллектива», несмотря на уговоры старосты; он так и вышел на свободу, не достигнув этого статуса²⁵⁸.

Прием в «коллектив» нужно было заслужить, для этого существовал ряд испытаний. Во-первых, представить «коллективу» свою позицию. Мало кто зарабатывал себе привилегированное положение с первой попытки — как правило, перед «коллективом» необходимо было исповедываться неоднократно. Прием в «коллектив» был торжественным моментом, который сопровождался поздравлениями и лобзаниями. По сформировавшемуся обычаю, «старые члены коллектива» дружески поздравляли вступивших — как если бы те совершили подвиг. Новобращенные и сами чувствовали гордость и облегчение, став «равноправными членами коллектива»: теперь им не нужно бояться всех подряд²⁵⁹.

«Меня поздравляют — сперва староста, затем остальные, из которых самые рьяные — а их было большинство — еще недавно пинали меня или плевали мне в лицо.

– Ну, вот, теперь ты чист. У тебя открылись глаза на себя самого!

Я тупо смотрю на них: с чего бы такой резкий поворот, откуда этот всплеск “товарищеского” отношения ко мне? Слишком долго мы жили как кошка с собакой... почти два года! Пятьсот пятьдесят дней целенаправленного преследования, пока я не стал выгладеть, как узник Дахау... я хотел умереть... валялся в лазарете. Меня дружелюбно треплют по плечу и повторяют один за другим:

– Ну, наконец-то... Прозрел!

Протягивают хлеб, словно ритуальное приношение, и восклицают:

– Ешь, товарищ, ешь! Наконец-то у тебя открылись глаза...

Я ничего не понимаю... всё это так внезапно. Удивленный и в то же время довольный тем, что происходит, я смотрю на них, словно окаменев, у меня нет слов, и уверен я лишь в одном: гонениям наступил конец, меня больше не презирают. Это у них получилось отменно — изнурить тело, вынуть душу, подточить разум... И что мне теперь... одуреть на радостях?.. Остолбенелый, как мертвец, я не вижу ничего, кроме хлеба, который суют со всех сторон. Помощник старосты с радостным видом предлагает мне целую буханку, у меня в охалке уже столько половинок и четвертей хлеба, что я вот-вот начну их ронять. Спустя двадцать три месяца я имею право без предварительной команды расположиться на ближайших нарах, положить хлеб возле себя и смотреть на него, как на святыню... и потом заглатывать его кусками... жрать»²⁶⁰.

Такой «коллективизм» царил не только в пенитенциарных учреждениях, он был идеалом Коммунистической партии, которая пыталась насадить его во всех сферах общественной жизни. Надзор над людьми и контроль за их трудом были одними из самых броских черт

коммунистического режима. И для Партии было характерно, прежде всего, подозрительное отношение к своим членам: индивидуум постоянно испытывал гнет со стороны «коллектива», он нигде не мог вздохнуть свободно, всегда был под подозрением — на свободе и в тюрьме, в войне и в мире²⁶¹. Ведь именно коллективизм обеспечивает лучший контроль со стороны общества; современные исследователи считают, что как раз он-то и является препятствием для культурного прогресса. Коллективизм подразумевает формирование послушной толпы с иерархией лидеров, а это неизбежно ведет к регрессу как среди ведомых, так и среди ведущих²⁶².

Коммунисты организовали свою «коммуну» в тюрьмах Королевства Югославии еще в тридцатые годы XX века. «Коммуны» оказали большое влияние на жизнь своих членов; даже узурпировали право цензурировать частные письма: «коммунарам» разрешалось писать родным только то, что им велели идеологи и «комиссары»²⁶³. Как раз опыт таких «коммун» сыграл важную роль в формировании коллективистского духа «общественно-полезных работ».

Верхний слой заключенных был представлен так называемыми «членами актива», или «активистами». Они составляли около десяти процентов численности барака или камеры. Это были заключенные, за плечами у которых была длительная отсидка, «дознание» в отношении них было уже завершено, и взгляды свои они уже «пересмотрели», покаяться в своих заблуждениях и грехах, доказав «на деле», что ничего общего с информбюровцами у них нет. Поэтому они активно участвовали в «перековке» остальных заключенных, помогали старостам камер и их помощникам и, наряду с ними, представляли собой «длинные руки» администрации, были глазами и ушами дознавателей. Активисты «бдели» над другими заключенными, особенно над «бандой», то есть с наибольшим рвением оскорбляли, унижали и избивали «банду» и «отсроченных».

У «активистов» было больше привилегий, чем у «членов коллектива». Их кормили лучше, чем «коллектив», им выдавали по десять папирос в день, разрешали получать письма и посылки, давали свидания с родственниками. Они были приличнее одеты — более опрятно, «по-человечески», то есть внешне выглядели почти как лагерный персонал. Они выполняли работу, которая считалась «чистой»: были подсобными рабочими в мастерских и на пристани, работали при кухне или подавали обед представителям лагерной администрации. Из рядов «активистов» администрация назначала старост, их заместителей, «прорабов», «взводных», бригадиров и т. д.

«Актив» должен был «коллективно» контролировать обстановку в бараке или в камере, равно как и работу каждого заключенного, а также предлагать нужные меры. За каждым «активистом» числилась своя «банда», которой он должен был «оказывать товарищескую помощь» в «перековке»: сломить человека и выжать из него все возможные и невозможные признания. «Активисты» знали, что досье, пополняемые «бандой», сокращают расстояние до материка, и конечно же следователям удавалось вырывать признания. «Активисты» принадлежали к тому разряду заключенных, кто словом и делом поддерживал «воспитательные» меры. Были также и такие «активисты», которые писали искрометные заметки в стенгазету, выступали на собраниях «коллектива», но не «задавали банде перцу», а значит, на деле «активистами» не являлись. Случалось так, что некоторым из заключенных было не в чем признаваться или они продолжали искусно скрывать связи, которые имели на свободе. Формально они считались «двурушниками» или «пассивными», но, тем не менее, перед освобождением их производили в «активисты». Некоторым повезло удостоиться этого титула, несмотря на то, что на самом деле своих взглядов они не меняли. Одним из них был Стево Дриняк. Как бы критикуя «банду», он взывал к ней: «Банда,

уверуй в наше партийное и государственное руководство. Наше мудрое руководство добилось непревзойденных успехов во многих областях. Возьмем, к примеру, принятие Закона об уничтожении коз, Пакт с турками и тому подобные акты!» Различия между «активистами» особенно наглядно представляют термины, которые были в ходу: «активист-погонщик», «фальшивый активист», «активист-отлынищик», «суррогатный активист».

«Активисты» всё время проявляли «революционное» отношение к «банде» и «отсроченным». Они орали на жертву, оплевывали и били ее, скорее, для того, чтобы обеспечить собственную безопасность, а не для того, чтобы «перековать» кого-либо. Они не доверяли друг другу и старались сделать всё для того, чтобы их не обвинили в излишней мягкотелости. Неписаное правило гласило: «член коллектива», «активист» должен всегда оставаться непримиримым по отношению к тем, кто находится на более низком уровне политической «перековки», иначе может повредить себе. Большинство из них, конечно, приноровилось к ситуации, во всяком случае, так казалось. Однако тем самым они вносили свой вклад в формирование особого мира социальных отношений, поскольку окружающие зачастую не могли угадать, кто притворяется, а кто действует на полном серьезе.

В значительной мере поддержанию атмосферы всеобщей неуверенности в чем бы то ни было способствовали и действия лагерной администрации, которая могла ни с того ни с сего, совершенно неожиданно для всех произвести в «активисты» кого-нибудь из «упертых» лагерников, которые изо всех сил противились «перековке». В результате возникала полная путаница. Тем более что это обычно имело место перед выпуском заключенных на свободу в связи с различными амнистиями по случаю государственных праздников; и это также приводило к падению и без того мизерного доверия заключенных друг к другу²⁶⁴. В лагере Стара-Градишка в 1949 г. админист-

рация с целью как можно ниже «опустить» информбуровцев могла использовать и других политических заключенных: руководителями бригад она назначала «усташей-убийц»²⁶⁵.

Высшим звеном «коллектива» считались старосты, каждый из них в своем бараке был «и Бог, и бич». В каждой камере или каждом бараке был староста — тоже из числа заключенных. Староста наделялся большой властью: он выполнял приказы следователей, определял, кому оставаться в бойкоте, кого «отсрочить», кто заслужил принятия в «коллектив», кого можно назначить «активистом» и т. д. Старосты играли очень важную роль в репрессивной системе: вместе с другими «активистами» они были глазами и ушами следователей, их «длинными руками», их кнутом и рупором для заезженных клише, таких как: «он сошел с правильного пути», «они предали Партию и народ», «кто, как не Партия, открыла им все дороги, позволила им перековаться» и так далее.

В действиях «активистов» и старост, которые старались заставить «банду» признать свои преступления, было, конечно, много своеволия, но поступали и распоряжения со стороны администрации: кое-кого было бы неплохо «размягчить» или «согнуть в бараний рог» — и они знали, как это сделать (верно и то, что тех, кто делал это с удовольствием, было предостаточно). В исполнении наказания и различных других «процедурах» было слишком много системности, и это позволяет утверждать, что идеи не могли исходить исключительно от «активистов». Но те помнили: хочешь сохранить приобретенный статус и не попасть в число «отсроченных» или даже бойкотируемых — соответствуй «при реализации предложений и директив» требованиям и ожиданиям тех, кто над тобой.

Понятное дело, не все исполняли свои обязанности одинаково истово: некоторых, уличив в «двурушничестве», вновь швыряли на лагерные жернова и, чтобы другим было неповадно, обращались с ними самым жес-

токим образом. Сколь бы ни был высок статус заключенного в лагерной иерархии, риск низвержения присутствовал всегда, и преданность режиму приходилось доказывать ежедневно. Если кто-то обращался со своими «подчиненными» слишком по-товарищески, сокамерники могли «сдать» его администрации. Статус старосты был суровым испытанием для того, кто хотел сохранить уважение к себе; есть даже мнение о том, что для многих назначение на эту должность было худшим уделом из всех возможных.

Старост назначала и снимала администрация лагеря, они должны были в своих действиях руководствоваться инструкциями, спускаемыми сверху. Старосты докладывали о поведении тех или иных заключенных, а дознавателям эти рапорты помогали определить, кто «перековывается», а кто — нет. Таким образом рука следователя простиралась гораздо дальше, чем могла это сделать физически. Следователь как бы находился рядом с подследственным круглосуточно: то, что можно было утаить от дознания, было гораздо труднее скрыть от старосты, если это вообще было возможно. Заключенные чувствовали себя крайне неуверенно, ощущали свое полное бессилие. Убедившись в отсутствии малейшей возможности затаиться, отчаявшись получить поддержку и помощь даже со стороны товарищей по несчастью, многие «ломались», понимая, что настаивать на своем бессмысленно и надо «спасать свою шкуру за счет других».

В глазах лагерной администрации старосты вместе с другими «активистами» были, в первую очередь, инструментом разрушения духа солидарности и товарищества среди заключенных. С их помощью можно было сохранять руки «в чистоте». Многие представители администрации любили рассматривать свои руки, а еще пуще — демонстрировать их: мол, вся эта грязь, все эти мерзости — не наших рук дело. Однако грязи на их руках было немало, и тем очевиднее был деспотизм влас-

ти. Ведь деспотизм предстает во всей своей красе именно тогда, когда деспот устраняется от вмешательства в действия рабов, от управления ими. Следователи обычно не вмешивались в действия старост и, как правило, не присутствовали ни при производстве работ, ни на «политчасах». На Голом острове конвой редко заходил на территорию так называемой «Большой Колючки». Однако его отсутствие еще не означало, что лагерный режим был результатом «самоинициативы», ведь именно она отражала одну из существенных черт деспотизма: ее обязательное дублирование. Как заключает Алан Гросрихард, настоящему деспоту нет нужды присутствовать лично, его устами и глазами становится министр, выступающий от его имени; деспот же лишь отдает команды через своего вассала²⁶⁶.

Но не только старосты были возвышены над массой заключенных. Помимо старост, управление бараком или камерой осуществляли также их помощники, референты по «культурно-просветительской работе», бригадиры и политинструкторы. Каждая камера представляла собой бригаду, возглавляемую бригадиром, который в то время обладал большой социальной властью. Староста обычно имел своего «денщика», который приносил ему еду, чистил его одежду, стирал белье, наводил порядок в документации и т.д. Будучи заключенными, старосты представляли лагерную аристократию, хотя и низшую, в то время как высшей аристократией были представители лагерных «управ»²⁶⁷.

Некоторые из заключенных, представивших свою «пересмотренную» позицию, принимались в «коллектив», иных оставляли «на второй подход». Они считались особой категорией — так называемых «отсроченных». Мало кому из заключенных удавалось миновать эту ступень и сразу же стать «членом коллектива». «Отсроченным» уже можно было немного распрямиться, приподнять голову и прикурить папиросу, но права голоса у них еще

не было. Во время «политчасов» им разрешалось сидеть на нарах вместе с остальными лагерниками. По вечерам им уже не надо было проходить сквозь строй — ну, разве что кто-то из «активистов» замечал, будто они недостаточно усердно били «банду» в строй. «Отсроченным» приходилось доказывать, что они «обрубили все хвосты», «перешли Рубикон» и теперь способны «самым революционным образом поквитаться с бандой». Наиболее убедительным доказательством этого было нанесение побоев своим же товарищам. Надо же их как-то вразумить, чтобы и они последовали доброму примеру.

Как правило, «отсроченные» тут же вызывались, когда староста искал добровольцев на работу. Если вставало под разгрузку судно, они вместе с «бандой» разгружали и таскали цемент, известку, репу и прочие грузы. Иначе говоря, «отсроченные» работали вместе с остальными, но их не погоняли так жестоко, как «банду». Они имели право на две папиросы в день. Раз в месяц им разрешалось послать почтовую карточку родным и получить пакет весом не более пяти килограммов, а также письмо. Один раз в месяц их могли навестить близкие родственники. Имея право на продовольственные посылки, они не могли располагать ими в полном объеме. Даже если табака присылали вдоволь, курить было позволено лишь две три папиросы в день. Конечно, не было никакой гарантии в том, что все эти папиросы дождутся адресата²⁶⁸.

Лагерная иерархия строилась на страхе — это было первейшее условие. Причин для страха было множество, и самой важной из них была постоянная неопределенность: гарантий безопасности не существовало ни для кого, как бы высоко лагерник ни взобрался по иерархической лестнице. Жизнь в условиях «общественно-полезных работ» была полна перемен и напряжения. Тот, кого сегодня похвалили, завтра мог быть подвергнут бойкоту. Из «коллектива» было два пути — в «актив» или в бойкот. Представитель «актива» мог «переплыть море» или

опять стать «бандой». Не было никакой определенности, стабильности, и каждый, даже тот, кто ходил задрав нос, внезапно мог стать бойкотируемым. Быть может, он уже успел о чем-то забыть, где-то промахнуться, а может, что-то из дальних земель тем временем достигло Острова.

Продвигали тех, кто зарекомендовал себя в работе. Но одного только усердного труда было недостаточно: работать умеют даже предатели, и порой даже лучше прочих. Вот почему было не менее, а то и более важно проявить себя в беспощадной борьбе против «банды», то есть представить «революционные доказательства» своего отношения к ней. Например, если кто-то из «норников» проходил мимо, нужно было сказать что-нибудь в духе: «Башку вниз, бандюк, мать твою!» Тот, кто уже далеко ушел по пути «перековки», мог и плюнуть, чтобы еще больше угодить дознавателям и администрации, тем самым облегчив себе наказание. Кроме того, необходимо было время от времени являться к следователю с докладом, общаться с «активистами» и втираться к ним в доверие²⁶⁹.

Тому, кто не демонстрировал надлежащего отношения к «банде», клеили ярлык «двuruшник»:

«Если внутри определенной иерархии известно, кто ты есть, что входит в твои задачи и какова твоя цена, тебя нужно опустить, дисквалифицировать, но тут возникает вопрос — как это сделать? На острове для этого существовало весьма уместное волшебное слово: “двuruшничество”! Что значит “быть двuruшником”? Допустим, ты бригадир, ты заслужил эту должность и делаешь всё, что от тебя требуется. Но однажды — по определенным причинам — тебя надо убрать. Если сказать, что ты для этого не годишься и плохо работаешь, кто-нибудь спросит: “А как он вообще оказался на этом месте? Значит, администрация допустила ошибку?” Такого рода соображения приводили к следующей формулировке: “На это место он попал вполне заслуженно, он хорошо работал, но потом стал *двuruшником*”! И это с тобой может сделать кто угодно: попадется тебе бывший начальник, односельчанин,

родственник и “разоблачит” тебя: дескать, не проявил по отношению к нему “должной строгости”, скрывает от “коллектива” свои “колебания” — а значит, “двурушничает”»²⁷⁰.

В условиях лагеря большинство узников рано или поздно сдавалось: тоска по свободе, по родным и близким брали свое. Те, кто стоял у руля лагерной системы, использовали эти переживания в своих интересах, они обещали заключенным свободу — ценой угнетения других. Если перевести это на язык символов, то: возвышались те, кто подавил множество других. Чем менее щепетильным был человек, тем на более хорошем счету он был у администрации²⁷¹.

Каждое крохотное проявление товарищества, солидарности строго запрещалась. Например, в лагере на острове Свети-Гргур один из охранников носил витамины и еду своему бывшему командиру периода освободительной борьбы, который под пытками его же и выдал: охранник был приговорен к четырнадцати годам заключения. Тут солидарности быть не могло и в помине: товарища, который еще не выбросил этого понятия из головы, надлежало бить, гнобить, уничтожать. Сын пихал носилками отца, брат — брата, соратник — соратника. Тот, кто не избивал других согласно революционной законности, был обречен на бойкот. Люди обычно проявляли интерес к другим только в том случае, когда рассчитывали улучшить свое положение или облегчить свое ярмо. Брат был вынужден бить брата, если тот не желал «перековаться», и только так сам делал шаг к своей «перековке». Среди заключенных, доставленных на Остров из тюрьмы Стара-Градишка, был Владимир Дапчевич. В блоке «Петрова-Рупа» («Петрова Дыра») «активистом» был его брат. Сразу же после прибытия новых заключенных «активисты» начали свое кровавое пиршество. Старший брат набросился на младшего. Он был сильнее, и в руках у него была дубина. Он честил брата-новичка последними сло-

вами и колошматил так, что другим пришлось вмешаться, чтобы предотвратить убийство.

Сведение счетов между заключенными весьма эффективно разъедало их солидарность, поскольку взаимные обиды были столь сильны, что у большинства лагерников возникала ярая ненависть и недоверие к остальным. Брат не доверял брату, товарищ подозревал товарища. Каждый ожидал, что заключение свяжет их дружескими узами с сотоварищами, но что ни день — они убеждались в противоположном. «Старые партизаны» и «закаленные коммунисты», которых молодежь привыкла почитать, теперь представляли в ином свете. Руководство лагеря контролировало абсолютно всех и вело их, как стадо, по этому позорному пути²⁷². Вучич Булатович упоминал о том, что Веселин Булатович, начальник Голого острова, пообещал немедленно освободить его, если он убьет своего отца при первой же встрече²⁷³.

Идеалы, ради которых многие раньше рисковали собственной жизнью, рассыпались, как карточные домики. Мир перевернулся вверх тормашками. На Острове у барака сын сказал отцу: «Ну, и где теперь твой Сталин — тебе на него положить, да и ему на тебя тоже?» Отец отвечал: «Сынок, это говоришь не ты, а те, кто стоит за тобой. Я ведь знаю, что у тебя на душе». А сын ему: «Заткнись, банда! Мерзавец!»²⁷⁴

Теперь перед ними был не тот идеальный мир, который они отстаивали, будучи членами коммунистической партии, — теперь они сами, собственными руками строили некий извращенный мир, какого до той поры еще не было:

«Мне трудно это объяснить: существовало нечто такое, что можно было бы назвать лицемерием, но и это выражение не подходит, поскольку как жертва, так и тот, кто помышлял ею, знали, что здесь что-то порочно. Однако мучитель убеждает жертву в том, что такова истина. В этом преимущественно и заключалось понятие о том, как надо вести себя на Острове. Это один

из аспектов, с которым я ранее не сталкивалась. Физические пытки были ужасны, но столкнуться с такого рода лицемерием мне доселе не доводилось»²⁷⁵.

Общим принципом деятельности органов госбезопасности было то, что они стремились проникнуть во все поры общества, в любую среду, в любое учреждение, в интимные отношения. Плотная сеть доверенных лиц и «связей» по всей стране служила не только для того, чтобы получать информацию обо всем, что происходит, но и для того, чтобы влиять на происходящее. К этому стремились и лагерные власти, сея среди заключенных уверенность в том, что доносительство принесет им благосклонность руководства, и они смогут улучшить условия своего пребывания в лагере или им даже «скостят» срок; это был «пряник». Людям то и дело приходилось «закладывать» своих близких, сообщать о тех, кто «затаил дурное» и хочет ввести в заблуждение власти. Те, кто не «стучал», не доносил на своих товарищей, объявлялись «пассивными» — их ждал «кнут».

Система стукачества в лагерях была настолько развита, что следователям даже не требовалось посещать барак, чтобы знать обо всем, что в нем происходило, да и не только в нем, — вплоть до деталей. Однажды два лагерника стояли на пригорке посреди Голого острова. Они смотрели на море и на соседний остров. Один из них сказал: вот бы броситься в воду и доплыть до него. Интересно, сколько на это потребуется времени... В тот же день его вызвали на допрос, после чего он опять стал «отребьем». Или — еще один случай: Брана Маркович обругала соседку, а та не пожаловалась, за что ее вызвали в администрацию и избили, чтобы впредь помнила, как надо себя вести.

Роль «стукача» была весьма неблагоприятной. Любой, кто «стучал», знал, что он предатель, и боялся последствий в случае, если вдруг прекратит доносить. Чаще всего он пытался найти выход в «двурушничестве», то есть

слегка лукавя, пытался «сотрудничать» со следователем, и с каждым днем все больше боялся того, что его уличат. Обязанностью всех, кто «стучал», было вызывать на откровенность соседей по камере — это называлось «харанга» — от французского слова «harangue» — «велеречьность». Староста инструктировал их, как спровоцировать собеседника на разговор. «Харангой» считались нарекания по поводу жизни на Острове или условий труда, любой намек на плохое питание, нехватку воды, плохую гигиену, грязь и т. д.; в результате жалобщик подвергался наказанию.

Иногда «харанга» находила обратное применение: далеко не у всех заключенных еще что-то было «за душой», кроме озлобленных, едких замечаний или сетований на действия старосты, кого-либо из «активистов», конвоиров, начальников... В мире, где невинность не котировалась, «харанга» не воспринималась как явление невинное, ее не считали проявлением наивности, и кончалось это всегда плохо.

Поскольку по крайней мере какое-то время было неизвестно, кто «стучит», каждый боялся каждого и постоянно был настороже, чтобы не попасться. Боялись и высказываться, и слушать: «Здесь и стены имеют уши». Никто никому не решался на что-либо пожаловаться, собеседник мог оказаться «стукачом», ведь узники и так постоянно находились под прицелом «радаров» и «эхолотов». Страх проникал внутрь, внедрялся в самое существо человека. Поскольку узники не разговаривали меж собой, они кричали друг на друга, оскорбляли один другого, и чем дальше, тем громче — чтобы слышали не только они, но и те, кого сейчас тут нет! Искусственно насаждаемое «двуличие» разъедало личность, а эгоизм подавлял чувство солидарности²⁷⁶.

Страшно было не только заключенным, но и тюремщикам. Ведь они тоже подозревали любого, скрывали свои мысли, лгали, притворялись. Один из бывших ла-

герников рассказал о том, как следователь В. П. из Боки Которской предупредил вызванного на доклад заключенного: «Послушай, в будущем я смогу тебе помочь. Но остерегайся троих... Слишком много ты болтаешь в их присутствии... И если собрать всё, что они говорят, — скоро тебе не выйти!» И тут в кабинет вошел другой следователь, тогда В. П. стал кричать на узника и, угрожая ему, вытолкал за дверь²⁷⁷.

Такая обстановка полностью подавляла волю к сопротивлению. Противиться системе было бессмысленно, и это понимали все. Здесь оставалось место лишь для сомнений: а уж не было ли все то, во что они верили, то, в чем заключался смысл их жизни, просто заблуждением? Система была, безусловно, эффективной: заключенные не подняли ни одного («коллективного») мятежа, не объявляли голодовок, не мстили «стукачам». Хотя многие из них в свое время были борцами за свободу, героями, они не предпринимали попыток побега и никому не давали отпора. Как мне представляется, наряду с боязнью строгого наказания, одной из причин являлось стремление «меньшей кровью» выпутаться из беды.

В большинстве своем они считали организованное восстание бессмысленным, а побег им не представлялся возможным — слишком велико было расстояние между островом и материком, преодолеть его вплавь было бы трудно. Кроме того, они полагали, что, если массе заключенных все же удастся доплыть до берега, туда сразу же придут войска, численности которых хватит, чтобы утопить сопротивление в крови. Таким образом, «это было бы уже не бунтом, а массовым самоубийством». Чтобы организовать такую акцию, нужно время для ее обсуждения, а «общественно-полезные работы» не давали заключенным ни малейшей передышки.

Было еще одно серьезное препятствие для организованного сопротивления — и тюремщиков, и заключенных терзали одни и те же вопросы. В подавляющем боль-

шинстве заключенные были коммунистами. Как могло случиться, что свои же люди бьют своих? Все были за социализм, за коммунизм. А теперь кто-то оказался здесь, и как это понимать? Если все коммунисты, то почему некоторые — здесь? До войны нам твердили: это неправда, что Сталин совершает недопустимые поступки. А теперь вдруг все говорят, что он мерзавец. Тех, кто не верил в Сталина и в то, как прекрасна жизнь в Советском Союзе, когда-то даже уничтожали. А теперь нас мучают, потому что мы верили всему, что нам говорили раньше — понять это невозможно...²⁷⁸

В такой ситуации беспартийным жилось легче: те, кто их мучил, не были «своими». Членам Партии приходилось туже: коммунистам легче было пройти через фашистские лагеря, чем через собственные, коммунистические. Есть народная присказка: «Кто тебе выколол глаз?» — «Брат». — «Так вот почему рана так глубока!» Народ — знает, о чем говорит: оба брата — его плоть и кровь²⁷⁹.

Поскольку заключенные никогда не сопротивлялись своим мучителям, те привыкли их считать ущербными, презирали, говоря: «Эти лагерники — просто отребье, они не могут даже постоять за себя!»²⁸⁰

Однако Владо Дапчевич в своем интервью указал, что на Голом острове он был руководителем подпольной организации заключенных: «Я возглавлял эту организацию. Для этого надо было быть, по меньшей мере, безумцем. Мы творили чудеса, спасая людей, и находили для этого сотни возможностей»²⁸¹.

В процессе социализации люди начинают понимать, какое поведение требуется от них в определенных обстоятельствах. Когда процесс идет довольно длительное время, люди (по крайней мере в большинстве своем) принимают свою роль как нечто само собой разумеющееся, как нечто такое, что они приняли бы и без внешнего принуждения: навязываемая роль становится частью их самоидентификации: «Если кто-то не захотел встать

на наш путь, мы заставим его сделать это. Здесь прева-
лирует наш закон, и каждое нарушение будет караться;
любое неповиновение станет губительным, любые коле-
бания — судьбоносными»²⁸².

По таким правилам возводился мир социальных от-
ношений, который представлялся узникам как данность,
как довлеющая над ними необходимость. Конечно, такой
мир существовал только до тех пор, покуда преобладаю-
щее большинство подтверждало его правоту самим сво-
им поведением, покуда «перекованные» чинили насилие
над «неисправимыми». Именно это и происходило во вре-
мя «перековки»: «Для одних в беде — счастье, для дру-
гих — наоборот. Новички плохо переносят невыносимую
жару и особенно нехватку воды. Мы, их учителя, точнее,
мучители, смотрим на них, как на детей. Они просят
и плачут, а мы диктуем им наш образ жизни»²⁸³.

Прибытие уголовников изменило политический об-
лик Острова. Уголовники отринули любые попытки про-
мывания мозгов в духе лагерного «самоуправления». Для
них ничего не значило право голоса, они не прилагали
усилий к тому, чтобы получить статус «отсроченного».
Представителям администрации они смело заявляли
о том, что это не самый подходящий способ «перевоспи-
тания», и утверждали, что их отцы и матери были парти-
занами, поэтому и с ними следует обращаться гуманно.
Заклученные-уголовники были особенно непримиримы
к «стукачам», отыгрываясь на них по поводу и без пово-
да. Если им удавалось разоблачить доносчика, они вы-
вешивали «маляву» на стене, зачитывали ее вслух и тем
самым вызывали такую вспышку праведного гнева, что
никакая УДБА не могла бы изобрести более жестоких
санкций. «Стукачу» ничего не оставалось, кроме как
звать на помощь, но когда вмешивался надзиратель,
уголовники все как один заявляли, что он ругал госуда-
рство, поносил Маршала последними словами и клеветал
на всех, кто поддерживает порядок в тюрьме²⁸⁴.

Нож для резки хлеба

Сразу после того как было принято решение об изоляции «сталинской пятой колонны», возник вопрос, как это сделать. Возобладало мнение о том, что данная мера не позволит достичь желаемого результата, если лица, подпадающие под эту категорию, будут рассматриваться как политзаключенные, то есть им будет разрешено читать литературу, оставаться при своих убеждениях и бездельничать по тюрьмам. Это неэффективно. Если уж ставить перед собой цель их «перевоспитания», им нужно создать совсем иные условия. С этой целью был устроен лагерь на Голем острове, где заключенные подвергались грубому физическому насилию (в том числе заставляли голодать) и другим формам унижения человеческого достоинства²⁸⁵.

Все это содержало в себе и определенную иронию, ведь, по некоторым источникам, режим в лагерях для информбюровцев определяли те, кто в послевоенное время был в Советском Союзе на обучении: потому-то югославские лагеря и были устроены по образцу советских²⁸⁶.

Еще Макиавелли признавал, что политические стратегии определяются не этическими идеалами, а целесообразностью и эффективностью. Поэтому югославским властям в деле подавления информбюровцев так пригодился опыт германских концлагерей, которые изначально служили для «перевоспитания» политических противников национал-социалистической власти. Верхушка СС во внутренней переписке то и дело использовала термин «воспитательные лагеря» — чего уж там обиновать среди «своих»²⁸⁷. В таких лагерях прежде всего при помощи физического насилия «опасных марксистов» превращали

в «правильных немцев». Например, в 1933 г. в Шпандау заключенные на вопрос: «Кем мы были вчера?» — должны были отвечать: «Коммунистами». «А кем будем завтра?» — «Национал-социалистами»²⁸⁸.

С заключенными обращались крайне жестоко, особенно в первые месяцы: по некоторым свидетельствам, поступавшим из восточной части Германии, к узникам применялись методы пыток, аналогичные бытовавшим в период Средневековья. Чтобы вырвать у человека признание, сотрудники УДБА пытали узников электрическим током, рвали им ногти. Заключенных часто запирали в подземелье, где они по нескольку дней должны были стоять по пояс в воде²⁸⁹.

Лагерный режим был основан на муштре, издевательствах и принуждении к работам, не имевшим никакого смысла. Тирания и самоуправство представителей администрации, с которыми узникам приходилось иметь дело, укрепляли их в мысли о том, что, попав в лагерь, они утратили все и всяческие права человека. Заключенным запрещалось буквально всё. Нельзя было ни говорить, ни слушать, ни смотреть по сторонам. «Справедливость» вершилась по усмотрению «вершителей». Не было никаких правил, никакого закона. Действовало лишь право сильного.

Считалось, что режим на протяжении всего времени существования лагерей был одним и тем же, однако с прибытием новых конвоев в нем что-то менялось. В период с 1949 по 1951 г. жестокость обращения с заключенными постоянно возрастала, впоследствии условия содержания стали более сносными. Если в то время, когда конфликт только разгорался, информбюровцы считались злейшими врагами режима, то в шестидесятые годы администрация стала относиться к ним с большей терпимостью, чем к другим категориям политзаключенных. Режим то ужесточался, то становился менее строгим: принцип «горячо — холодно» был одним из базовых элементов лагерного

«перевоспитания»: так, за периодом террора следовал период ослабления «вожжей», и наоборот²⁹⁰.

Определенное влияние на обстановку, которая складывалась в том или ином лагере, имело самоуправство представителей лагерной администрации, которым доставляло особое удовольствие «поставить на колени» ветерана КПЮ или высокого партийно-государственного деятеля²⁹¹. Один из лагерных заправил признавался:

«Здесь господствовал и наш произвол. Предоставленные сами себе, вдали от всех, мы были свободны от постоянного контроля и могли делать всё, что заблагорассудится. Я признаю, что между нами были большие расхождения в том, что касалось осознанности, нравственности, квалификации. Далеко не все начальники вели себя одинаково. И если к этому добавить наши предыдущие успехи в добивании четников и усташей, вранье, понесенные нами потери (мой лучший товарищ был убит в 1946 г. под Ястребацем), веру в то, что инфорбюровцы готовы ко всему — вот только придут русские — понятно, что иначе быть и не могло. Тюрьма — это тюрьма, а тюрьма на «военном положении» — это уже лагерь»²⁹².

Наверное, для того чтобы лучше понять эти отношения, стоит привести слова Марии Зелич, поскольку, когда говорят о действиях представителей лагерной администрации, то и дело упоминают о присущей им порочности и садистских наклонностях: «Никто из нас не был садистом, никто не был монстром, мы были психически здоровыми людьми. Иначе нас не отправили бы туда, ведь наше психофизическое здоровье не должно было вызывать сомнений. Однако ситуация была такова, что все это нас угнетало, травмировало»²⁹³.

Кроме того, у самой лагерной администрации было не так много пространства для маневра. Те, кто усердно выполнял свою работу, были вовлечены в крайне бесчеловечные, преступные действия. А тот, кто пытался быть справедливым, постоянно находился под пристальной

слежкой со стороны своих коллег. Каждый боялся того, кто рядом, и все подчиненные испытывали страх перед начальством. Для дознавателя «невиновных» не было: безвинно в тюрьму не посадят. Они не могли считать по-другому, так как сразу же оказались бы под подозрением. Вот почему они «добивались своего»²⁹⁴.

Лагерные власти были суровы и бездушны особенно по отношению к тем, кто сопротивлялся «перековке» и не признавал за собой никакой вины в связи с Резолюцией, несмотря на суровый террор, которому эти люди подвергались в ходе следствия и на Голом острове; они вели себя по отношению к представителям администрации так, как если бы те были их классовыми врагами. «Неисправимых» нужно было каким-то образом замарать. Им предлагали написать статью, в которой человек должен был подвергнуть себя нелицеприятной коммунистической самокритике. Затем этот материал перепечатывали, редактировали, обрабатывали и включали в сборники и книги антисоветского содержания, которые использовались при «перековке». «Неисправимые» были столь опасны потому, что смущали тех, кто мог усомниться — правильно ли они поступают.

Используя метод кнута и пряника, администрация пыталась втемяшить в головы заключенных мысль о том, что иного способа выйти на свободу, кроме как «перековавшись», не существует. Любой, кто не примет правила игры, рано или поздно будет сломлен. А если кто-то все же будет упорствовать, то «ляжет костями» в лагере. Под постоянным давлением насилия и неизвестности большинство заключенных лишалось способности мыслить здраво и воспринимало эту угрозу как нечто непреложное:

«Быть арестантом на Голом острове — все равно что попасть в яму, кишашую змеями. Ты не знаешь, какая из них самая ядовитая или которая ужалит первой. Здесь нас жалят провокаторы. Система Острова превратила их из нормальных людей в каннибалов.

Ужаль противника, иначе он ужалит тебя. Если ты этого не сделаешь, с Острова не вернешься...»²⁹⁵

Поскольку физическое и психическое давление было слишком мощным, а сопротивляться мучителям было невозможно, многие из заключенных стали вымещать злость, накопленную в нечеловеческих условиях вынужденного пребывания в лагере, на тех, кто обладал меньшим (общественным) весом. Слабейшие, таким образом, становились объектом мести и извращенных удовольствий. Вот один лишь пример того, как это сказалоь на дальнейшей жизни узников:

«Однажды в субботу я поссорился с женой, и она стала орать на меня, как сумасшедшая. Я толкнул ее, она упала с лестницы. До сих пор не могу вспомнить, как в моих руках оказался топор. Увидев кровь, я словно взбесился и махал топором, пока жена не перестала подавать признаков жизни. Уж поверь, я перед собой видел не жену — я видел всех тех, кто причинял мне боль, и, наслаждаясь мщением, бил, как били меня»²⁹⁶.

Проводники лагерного режима оправдывали применение особо жестких репрессивных мер тем, что были вынуждены пойти на них ради предотвращения еще большего зла. Один из представителей администрации Голого острова, «народный герой» Анте Рапштегорац в письме Дедиеру категорически утверждал, что никто из УДБА не спускал им директив, как вести следствие. Дескать: «Собачье это было время, недоброе. Либо — либо. Как в переломные дни войны. Либо Сталин нападет на нашу родину и подчинит ее, либо мы сможем отстоять себя, как мы это делали в самых кровавых битвах»²⁹⁷.

В том же ключе высказался и один из бывших следователей с Голого острова, имя которого не называется:

«Я не согласен с теми, кто сегодня с легкостью осуждает репрессивные методы времен Информбюро. Это подход или поверхностный, или злонамеренный. Не подумайте, будто я фанатик, готовый все оправдать,

совесть моя нечиста и я изо всех сил хочу скрыть то, что я себя запятнал. Нет. Я всего лишь считаю, что все это нельзя рассматривать только с одной точки зрения, в черно-белом цвете, пусть даже с гуманистических позиций, забывая об исторических обстоятельствах, реальности, перед лицом которой мы оказались, о ситуации, в которую нас поставили русские и Сталин. Уж простите меня, но разве гуманнее было бы позволить им перехватить инициативу, чтобы они победили, чтобы из Югославии устроили ГУЛАГ! Те поколения, которые не помнят об этом, сейчас бы нас прокляли. Тогда было только две возможности: или мы, или они»²⁹⁸.

Если бы методы «перековки», которые применялись на Голом острове и на других «рабочих участках», были разработаны только силами лагерных властей, и это противоречило бы пожеланиям их вышестоящих руководителей, многие были бы наказаны и уволены, стоило бы руководству лишь узнать о том, что происходит. Но этого не произошло даже после того, как обсуждение некоторых наговоров и длительных сроков заключения, постигших невиновных, было вынесено на пленум ЦК КПЮ, который состоялся в июне 1951 г. На этом пленуме Александр Ранкович в докладе, тема которого формулировалась как «Дальнейшее упрочение правосудия и законности», осудил грубые нарушения, имевшие место в деятельности силовых ведомств. Как раз во время проведения пленума был опубликован доклад полковника Йована Биелича, представлявшего федеральное министерство внутренних дел. Из доклада следует, что югославскому политическому руководству было известно (по крайней мере в общих чертах и по крайней мере отдельным лицам), каково было положение в тюрьмах и лагерях; это стало также причиной вмешательства высшего партийного органа. Очевидно, что членов Партии ознакомили лишь с общей информацией о нарушениях, в то время как сведения о реальном положении дел по-прежнему оставались достоянием «узкого круга»²⁹⁹.

О применении репрессивных методов в деле «перековки», таким образом, знала, хотя и не во всех деталях, и соглашалась с ними верховная политическая власть Югославии. Из всех ее представителей публично по этому поводу высказался только Милован Джилас:

«То есть: в общих чертах я был согласен, но не могу сказать, что принимал это во всех нюансах. После одной из бесед с Добрицей Чосичем в 1953 году я впервые серьезно вмешался в дела Ранковича и — через него — повлиял на Карделя. С Голого острова сюда поступали отдельные сигналы, например покаянные исповеди известных коммунистов, они публиковались в газете “Борба”. Я сказал Ранковичу, что не в восторге от этих заявлений. Видно было, что людей “прижали к ногтю”. Я слышал и о том, что их плохо кормят, что некоторых избивали при прибытии, и кое-кто на этот счет даже отпускал шутки в духе “черного юмора”. Нельзя сказать, что мы совсем ничего не знали, но даже Ранковичу были известны не все подробности о пытках. Эту сферу он поручил аппарату, на который возлагалась порочная и неблагодарная задача повлиять на сознание людей, собственно говоря, “перевоспитать” их, изменить их политические взгляды. А без “особых” методов это сделать невозможно»³⁰⁰.

Однако говорят, что, когда один из следователей спросил подследственного о том, как повели бы себя лагерники, если бы роли вдруг поменялись и арестантам удалось засадить своих тюремщиков, тот ответил: «Если бы это мы сажали вас, Йово, то вели бы себя точно так же, как вы. Дело в том, Йово, что нашим учителем была наша общая жизнь»³⁰¹. Поэтому на вопрос о том, кто стоял у истоков лагерного режима, однозначного ответа нет и быть не может: «Нет его, и не ищи. Это все равно, что искать изобретателя ножа. Ну, а если ты, допустим, его и найдешь — он тебе скажет, что изобрел нож для резки хлеба, а не плоти!»³⁰²

С точки зрения законодательства, преступник всегда ставится на грань правового поля и виноват уже в том, что он таков. В этом закон разночтений не допускает:

тот, кто не подчиняется его положениям, — нарушитель. То есть, если закон утверждает, что ты преступник — значит, ты и есть преступник, а если это и не так — ты все равно преступник. Законодатель, согласно закону, всегда прав. Вот почему «истинный коммунист» не имеет права на «шатания»: он всегда должен знать, что правильно, а что нет. Руководство КПЮ не ошибалось, восхваляя «сталинский рай», хотя ему и было известно о «перегибах», которые там имели место, и, опять же, оно было право, когда этот «рай» в момент был провозглашен царством зла и источником всего дурного. Руководство Партии ожидало от партийцев полного понимания, ведь просили же их «думать своей головой». А тех, кто не понял, чего от них хотят, следовало «проучить». «Урок» заключался в том, что в коммунистическом мире нет более бесправной, одинокой и презренной фигуры, чем опальный коммунист. В политических тюрьмах, трудовых лагерях и местах ссылки он занимает «гораздо худшее положение, чем политический преступник, не являющийся коммунистом»³⁰³.

Информбюровцы, с точки зрения властей, были своего рода еретиками, а для верующих еретик — еще больший враг, чем неверующий. В периоды ожесточенной борьбы между христианскими течениями, дискуссий о том, как избавиться от еретиков, некто, кому даже инквизиции казалось мало, предложил во время причастия давать еретикам отравленную просфору. По его мнению, это не противоречило бы христианским принципам, поскольку все еретики так и так обречены на «геенну огненную»; отравленная просвира только ускорит их попадание в ад. А если при этом пострадает кто-то из истинно верующих, то это не меняет сути дела, в этом случае яд приблизит человека к мигу вечного блаженства — ведь он попадет в рай³⁰⁴.

13 мая 1949 г. на юбилей Управления государственной безопасности в Доме гвардии в Топчидере собрались

сотрудники ведомства и все партийно-государственное руководство. Сначала Александар Ранкович поведал об успехах органов «в деле ликвидации остатков банды». Вслед за ним выступил Тито. Сначала он отметил, что Ранкович поскромничал, представляя результаты, которых добилась УДБА. Затем обратил внимание слушателей на то, что теперь приходится иметь дело с самым опасным противником. Как вспоминала Мария Зелич, которая в тот майский день присутствовала на мероприятии, именно эти слова Тито стали ее главным ориентиром в период, когда на нее были возложены обязанности начальницы женского лагеря:

«Я все время думаю о том, о чем говорил Тито: мы столкнулись со злейшим врагом, с самым опасным врагом, которого нужно снова обратить в друга, вернуть его на позиции Партии и, если удастся, вновь принять его в ряды Партии. Это означает — по-человечески протянуть людям руку, помочь им выбраться из грязи»³⁰⁵.

Таким образом, главной задачей лагеря было убедить узника в том, что он вступил на ложный путь, что его действия противоречат принципу интернационализма и что он является предателем. Ему предлагалось доказать, что он искренне пересмотрел свои позиции и «перековался», если он хочет выйти на свободу, а это возможно лишь в случае непримиримости к врагу. Посещая «рабочий участок», представитель администрации лагеря держал спонтанную речь, в которой вновь и вновь упоминал, что люди, предавшие Партию и народ, героями отсюда не вернуться! Кто не раскается, пусть о свободе забудет. Он просто «ляжет костями» на этой работе. Когда же Радивое Вукичевич спросил, почему бы в таком случае не уничтожить его сразу, ему ответили: «Нет, банда, героем тебе не стать. Мы тебя так сразу не убьем. Нам не надо, чтобы ты стал героем. Мы хотим превратить тебя в скота»³⁰⁶.

В конце 80-х годов Мария Зелич на канале «Радио Белград» рассказала, что, принимая новых заключенных, она сразу же говорила, что считает их «порочными» и указывала им на их «морально-политические недостатки»: «Если бы вы жили в Советском Союзе, вас давно бы расстреляли!» Она давала им понять, что в лагере они «загнуты», если не «пересмотрят» свою точку зрения и не сообщат обо всех своих связях с информбюрцами, не отнесутся должным образом к работе, властям и окружающим. Она уведомляла их о том, что они привлечены к административной ответственности в форме «общественно-полезных работ» и направлены «по месту производства работ» для того, чтобы «пересмотреть» свою позицию. При этом она обещала им свое содействие. То, что они совершили, считается государственной изменой. Изменой в самый тяжелый момент. На румынской границе стоят русские танки, на болгарской границе — болгарские, на венгерской — венгерские, а они в этот самый момент вонзают Партии нож в спину. Это гадко, это предательство, и это нужно понимать!³⁰⁷

Однако в заявлении она не упомянула о самой важной части своей речи перед новичками. А жертвам об этом вспоминалось всегда:

«Мария сказала, что с Голого острова “чистенькой” не уйдет ни одна из нас, все будем запятнаны. Цель всего этого заключалась в том, чтобы уничтожить человека не только физически, но и психически, чтобы он вел себя, как животное; надо довести его до такой степени, чтобы ему, даже если он лишится рассудка, и во сне не привиделось, что он кому-то помог или получил помощь. Именно Мария постоянно живописала все, что предстоит испытать каждой из нас, а иначе свободы не видать никому. Все то время, пока она находилась там, она успешно и неукоснительно достигала поставленных целей»³⁰⁸.

Британский пенициллин начал XIX века отметил, что следствием наивысшей степени страданий является

наивысшая степень подлости³⁰⁹. Системы концлагерей, разработанные различными тоталитарными режимами, основывались именно на этом постулате. Это правило действовало и на Голом острове, и в других местах размещения информбюровцев. Заключение из числа литераторов описал такое воздействие следующим образом: «Мы и в самом деле были животными. Полное озверение. Все работало на этот результат. Не было такой берлоги, в которой можно было бы укрыться. Нет убежища ни в сердце, ни в голове. Мысли скукожились, сознание разложилось»³¹⁰.

Человек, ставший жертвой этой системы, охарактеризовал режим, господствовавший в лагере на Голом острове, следующим образом:

«Система насилия, бытовавшая на Голом острове, была бы триумфальной и в глубинах ада. На «благодатной» почве Острова насилие и унижение стали заветными, почитаемыми ценностями, которые позволяют вырвать любую привилегию. Мясорубка Голого острова перемалывает тебя в фарш. В нутре ничего не остается. Ты пуст. У тебя нет иного выбора, кроме жестокой грызни с товарищами по несчастью ради выживания. Тот, кто не бьет других, *упускает свой шанс*. Страх, что не выживешь, точит хуже, чем ржавчина. Мертвые, добитые, вычеркнутые не в счет, для властей предержавших они ничто. Многие из нас под давлением становятся амфибиями. В биологическом смысле уцелеть можно только в том случае, если бьешь другого. Азиатское вторжение варваров на остров — это и есть превращение человека в урод, в «стукача», в того, кто шпионит за самим собой и за всеми остальными. От массового насилия никуда не денешься. Новички прибывают толпами. Длинна рука Острова — дотянется до самого потаенного уголка страны»³¹¹.

Принято считать, что заключенные, которые первыми прибыли на Голый остров, были «упертыми», твердо стояли на своем и были готовы всячески противостоять тюремным репрессиям. Согласно данным, которые при-

водит Анте Раштегорац, среди заключенных было много ветеранов: уже в первом конвое их было около 150 человек. В большинстве своем они были убежденными коммунистами, которые и прежде не очень-то дорожили своей головой и, прибыв на Голый остров, продолжали в том же духе. Когда Раштегорац стал допрашивать одного из этих узников, тот плюнул ему в лицо — вот тебе, предатель коммунизма!³¹²

Однако лишение свободы и обстоятельства, которые в вынужденной изоляции становятся все более жесткими и суровыми, делают свое. Желание сопротивляться ослабеваает, а стремление выйти из-за колючей проволоки и воссоединиться с семьей, с теми, кого ты любишь, усиливается, бунтарство сходит на нет. Когда иного выхода не видно, перемены в сознании человека происходят довольно быстро, особенно если эта косная среда, в которой человек изо дня в день ведет смутное существование, начинает его бомбить доводами о том, что он ошибся и что его самоотверженность, которую он проявляет «по ту сторону баррикад», бессмысленна. Вот так и случилось то, что «упорство первого конвоя», как значилось в официальном досье, быстро улетучилось, когда на Голый остров прибыл другой конвой — из Боснии: эти люди тут же были готовы «пересмотреть свою враждебную позицию». Предполагается также, что именно это и заложило фундамент всей системы «политической перековки». Один из заключенных, прибывших в составе первого, «упертого» конвоя, вспоминал об этом так:

«Я мог бы выдержать многое: и бессмысленные усилия по добыче камня, и его транспортировку под палящим солнцем на острове. Тогда я был молодым, сильным — сто кило веса, два метра роста — я мог всё... Я помогал другим, тем, кто был слабей меня. Но когда прибыли “новички”, через три месяца, настала другая пора. Мышцы уже не слушались. Постепенно истончалась грань ненависти между нами и “надсмотрщиками” — червь сомнения поселился в недрах

барачков. Никто и никому не доверял. Никто этого и не скрывал. Наоборот, произошел “раскол в обществе”. Началось это с так называемых “политчасов”, где некоторые “каялись” и “перековывались”, а другие пытались сохранять “непоколебимость”. Вражда была неизбежна. “Раскаявшиеся” образовали сеть агитаторов, в том числе — барачные “комитеты”, а из их числа — “Центральный комитет агитации и пропаганды”, и так было во всех лагерях. В соответствии с этой “кадровой схемой” в систему политической “перековки” было включено около 300 заключенных. И так, жребий был брошен...»³¹³

В ходе «перековки» ее объекты усвоили главный урок. Те, кто хотел когда-нибудь покинуть этот «ад», должны были подчиниться воле агентов УДБА, стать инструментом в их руках. В процессе «перевоспитания» они постепенно отказывались от своих убеждений и, таким образом, становились «вероотступниками» коммунизма. Некоторые пытались выжить, прибегая к лицемерию, притворству. В кругу близких друзей человек мог по-прежнему выказывать симпатии к СССР, но если его выдавали и он предстал перед властями, то категорически отрекся от своих убеждений и во всеуслышание поносил Советский Союз³¹⁴. Поэтому «пересмотр политических взглядов», которого якобы удавалось добиться от заключенных, был всего-навсего подтасовкой:

«Однако же, эта общепринятая подтасовка “пересмотра” на языке Острова означала, что заключенный любыми средствами, как правило, дикими, был вынужден доказывать, что он “пересмотрел” свою точку зрения. Арестанту приходилось избивать и оплевывать других заключенных, шпионить за товарищами по несчастью и возводить на себя напраслину, признавая за собой грехи, которых как таковых не было. Моральная и человеческая деградация делала его объектом манипуляций и презрения; не способный к достойной жизни, он до конца своих дней влачил жалкое, растительное существование»³¹⁵.

Чем усерднее арестант доказывал, насколько кардинально он «перековался», тем очевиднее было, сколь он жалок:

«На Острове были самые разные люди, уж поверьте, однако большинство их них составляли невиновные. Но были, клянусь, всякие. Были и платные агенты, и кадры, включенные в “сталинский список новой власти”, и те, кто слепо верил в правоту Москвы. Хватало и тех, кто не понимал, в чем дело, и карьеристов, и людей с темным прошлым, злобствующих. Мне кажется, что сначала к “возмездию” обратились именно последние. А затем все это превратилось в стихию, в стиль отношений, в систему доказывания “истовости”.

– И вы на это никак не влияли?

– Напрямую — нет.

– Но вам это не мешало?

– Довольно долго не мешало. Они за нас выполняли нашу работу. Сами приходили к нам и предлагали “рассказать все как есть”»³¹⁶.

Многие бывшие лагерники ощущали этот гнет еще длительное время после того, как оказались на свободе. И не столько потому, что они испытывали в лагере физические страдания, — их точил стыд. Перед глазами вставали люди, которых они избивали и провоцировали, на которых они доносили, лишь бы дорваться до свободы³¹⁷. Ощущение унижения и стыда было столь сильным, что люди стыдились даже тех, кто втравил их в действия, которых они по собственной воле никогда бы не предприняли. Они избегали встреч с бывшими хозяевами лагеря даже потом, на воле: «Он знает, что я все это видел, — так сказал бывший представитель лагерной администрации, служивший на Голом острове. — Я видел, как они себя вели: били, “стучали”, врали, наговаривали. Те же, кто, невзирая ни на что, на это не пошел — те глаз не прячут. С ними мне есть о чем поговорить»³¹⁸.

Невыносимая сила бессильных

Перед теми, кто управлял «исправительно-воспитательными учреждениями», ставилась задача: «перековать» заключенных, избегая применения силы; даже Йосип Броз Тито, выступая с речами, похвалялся — «мы их перевоспитываем». Однако такая задача непременно подразумевала и особые, еще не проверенные практикой методы: «УДБА совместно с “раскаявшимися” и наемниками формировала лагерные “органы самоуправления” — так их и называли! — которые приняли на себя функцию непосредственного принуждения, или “перековки”»³¹⁹. Система пыток того времени, изобиловавшая унижениями и издевательствами, являлась плодом так называемого «самоуправления». Осужденные «перековывались» сами, а следователи и прочие лагерные чины, как правило, «за колючкой» даже не появлялись. Хотя верится в это с трудом, но, тем не менее, именно такой режим был особо жесток: «Люди постоянно следят друг за другом, подслушивают, кто что говорит, оскорбляют и наказывают друг друга, и никто, кроме “взаимно активных” не вмешивается в это “сообщество” — вот вам картина социального устройства ада»³²⁰.

Однако мнение Джиласа о том, что это были «непроверенные» методы, является необоснованным. Подобные попытки организовать «самоуправление» заключенных уже предпринимались в XIX в. в таких тюрьмах, как Оберн, Синг-Синг, в тюрьме для личного состава военно-морского флота в Портсмуте — под влиянием Томаса Осборна, который некоторое время добровольно побыл узником, прежде чем стать надзирателем³²¹. Уже в то время психологи заметили, как сильно влияет на поведение заключенных их (социальное) окружение:

«Любой порядочный человек из приличной семьи ужаснулся бы, узнав, что люди могут настолько оскотиниться. Человек заурядный весьма подвержен влиянию, которое на него оказывают поведение и пример окружающих, ведь свободным от их общества он быть не может. Уже через год он практически неузнаваем — настолько он за этот срок успевает перенять речь, привычки и взгляды тех, кто его окружает»³²².

«Самоуправление» на «общественно-полезных работах» было не только использованием зарубежного опыта — в его формировании важную роль играл и опыт коммунистов, которые бывали в тюрьмах Королевства Югославия. Там они основали «сообщество» — «массовую организацию революционного пролетариата», — которое регулировало повседневную жизнь заключенных: «Через него Комитет, будучи высшей инстанцией коммунизма в тюрьме, держал под своей властью узников-коммунистов точно так же, как и правительство Коминтерна при помощи советского государственного аппарата — народы России. “Коммуна” заключенных в местах лишения свободы также выработала своего рода процедуры “перевоспитания”». Здесь правилом стало следующее: согласно коммунистическим принципам, тот, кто совершил предательство, мог смыть свой грех, признав «ошибку», и полностью снять его с себя, ведя «революционную работу» в тюрьме. Среди заключенных это вызвало «настоящее состязание в том, кто исправит свою “ошибку” наилучшим образом». Эффективность работы «коммуны» охарактеризовал человек, который сам подвергся такого рода воздействию: «Эгоизм и карьеризм, всячески маскируемые “бескорыстием”, сделали жизнь узников столь невыносимой, что даже те, кто осудил их на заключение, наверняка не предполагали, что борцы за “красный рай” превратят тюрьму из красного кирпича в “красный ад”. Это был настоящий ад...»³²³

Физические методы выстраивания отношений между заключенными был весьма продуманным способом «пе-

ревоспитания». Узники становились «палачами» таких же заключенных, как и они сами, не потому что ненавидели их, а потому, что «встали на путь истинный», то есть «пересмотрели» свои взгляды. Побоища происходили только из-за того, что людей подкупали и науськивали друг на друга лагерные власти: если узник «сотрудничает со следствием» и бьет других узников, погоняет их на работе до полного изнеможения, лишает сна и отдыха, не разговаривает с ними и пишет на них доносы (которые бережно хранятся в архивах, ведь их всегда можно использовать и против написавшего), то ему самому светит работа полегче, питание получше и табак. Мощнейшим шантажом стало обещание в случае «пересмотра взглядов» вернуть заключенному свободу, реабилитировать его, восстановить в чинах и званиях. Такое «самоуправление» оказывало самое разрушительное действие: оно полностью парализовало политическую волю заключенных и раскалывало любое ядро сопротивления еще до того, как оно вообще могло сформироваться³²⁴.

Генерал-майор Бранко Петрович, заместитель начальника Главного политуправления Югославской народной армии, один из попытавшихся совершить государственный переворот, испытал действие этого механизма «на собственной шкуре»:

«Позже, когда я находился в тюрьме, все в моей голове перемешалось. Это было ужасно. Постоянное запугивание и всеобщая подозрительность, унижения, отчаяние — все убеждало меня в том, что жизнь прошла зря, мимо, что я существую только физически: хожу, ем, думаю, как бы выжить, но не знаю, зачем. Души больше нет. Все пошло прахом: честь, люди, репутация, карьера. Ты живешь как скотина — презренный, поставленный на колени».

Под давлением Петрович «пересмотрел» свои взгляды, но на этом не остановился: «Решив измениться, я сразу взял курс на непримиримое отношение к тем, кто продолжал стоять на своем. Я знал, что покоя от них не

будет, я не смогу усидеть на двух стульях, жить в двух лицах. Да и невозможно это было в условиях тотального контроля»³²⁵.

«Изюминкой» лагеря Стара-Градишка были группы головорезов, которые доминировали. Они избивали узников-информбюровцев, а администрация наблюдала за этим террором с благосклонностью и никогда не защищала избиваемых. Тех, кто бил, называли «добровольными вершителями произвола». Этой кучке боевиков, дубинками колошмативших своих «несгибаемых» товарищей, лагерная администрация не присваивала статуса в иерархии, «активистами» они не считались. Они врывались в камеры и били: чем ты лучше нас, почему сопротивляешься, чего молчишь! Да ты у нас еще запоешь, мать твою! В лагере Стара-Градишка все их боялись: ведь завтра, когда они выйдут на свободу, они сменят личину и даже не будут стыдиться своих поступков. Потому все должны были быть равны, одним миром мазаны, заклеяемы. «Бойцы-эзекуторы» квитались за долги и, как правило, успешно. После их вторжения даже самые «твердолобые» склоняли головы и «завязывали»³²⁶.

Очень важным свойством «самоуправления» было то, что оно позволяло властям «не марать рук». «Разборки» проводились не властями, а «честными осужденными», которые хотели как можно скорее вернуться в лоно «матушки-Партии». Власти лагеря это прекрасно сознавали. «Перевоспитание», основанное на том, что заключенные дрались между собой, мучили и убивали друг друга, позволяло властям не прилагать собственных усилий: физические издевательства и моральное унижение людей не прекращались, а сами власти при этом оставались «чистенькими» и сохраняли моральное превосходство. Одному из допрашиваемых следователь на Голом острове сказал: «Дать тебе зеркало? Видишь свою голову? Тебя опять били... и кто? Твои же товарищи! Ну что вы за люди!» Драголюбa Йовановича начальник Контрразведки од-

нажды упрекнул: «Вы, информбюровцы, — редкостное дерьмо! Только информбюровец способен бить своего товарища информбюровца. Истинный коммунист никогда не поднял бы руку на своего товарища!» Кое-кто из представителей лагерных властей десятилетиями твердил, что все это было сведением счетов между заключенными, администрация не вмешивалась. Один из них, Данило Крстаич, и по прошествии десятилетий якобы никак не мог понять, «почему, почему они дрались друг с другом, коммунисты, до вчерашнего дня военные соратники, — почему брат бил брата, сын — отца, почему они унижали, оплевывали друг друга, лгали, пресмыкались — каким дьяволом были одержимы эти люди...»³²⁷

Одному из членов администрации лагеря Драгослав Маркович задал вопрос: какую конкретную цель преследовали лагерные власти, унижая людей и их достоинство, порождая лицемеров и фальшивых «перекованных». Для того чтобы добраться до сути и изменить отношение к догме? Тот, кому этот вопрос был задан, удивился — уж не собираются ли ему «пришить» «идеологическую выгоду»? По его мнению, лагерная администрация функционировала как «арбитр» и не вмешивалась в порядок, установленный самими заключенными³²⁸.

Мирко Батричевич, сам некоторое время бывший членом «Центра», описал функционирование «самоуправления» так: «Я бью пса, пес кусает себя за хвост, так что из хвоста шерсть летит, и скулит»³²⁹. Однако, несмотря на столь тщательно создаваемую видимость, режим пенитенциарных учреждений никогда не оставался прерогативой «самоуправления»: «били только те, кого назначал староста, и битыми были только указанные им»³³⁰. Насколько ограничивались роль и значение «самоуправления», становится еще более очевидно, если принять во внимание то, что определенные правила были на удивление одинаковыми для всех лагерей, в которых содержались информбюровцы, даже в тех случаях, когда си-

туация с виду казалась совершенно нерегулируемой. Это сходство демонстрируют и два следующих случая: первый имел место в мужском лагере на Голом острове, второй — в женском лагере в Стоце.

Однажды на Голом острове всех заключенных собрали на общий сбор. На трибуну взошел «перековщик» в облачении вельможи и раскланялся. Затем развернул свиток и зачитал: «Люди, внимайте! Вас приглашают на церемонию коронавания». Послышались удары по кухонному котлу. Приблизилась торжественная процессия, в центре которой ступал кто-то из заключенных, накрытый белой попоной. Глашатай велел ему сесть лицом к людям. Принесли «венец», изготовленный из раскрашенного «золотянской» картона. И, когда «венец» был водворен узнику на голову, тот встал, поднял правую руку и громко произнес: «Я король лжецов»³³¹.

В Стоце одну из заключенных короновали огромной короной из тряпок, нанизанных на проволоку, с надписью «Королева бала Информбюро», а на головы ее свиты надели высокие колпаки из цветной бумаги. К спинам женщин вместо шлейфа прикрепили мешки, в руки дали по пучку крапивы вместо цветов. Обуты они были в башмаки с отворотами, на которых красовался ярлык: «Сделано в СССР»³³².

Такие формы публичного осмеяния были известны и в Билече, где некоторым заключенным вешали на шею таблички с надписями: «Король врунов», «Царь воров» и так далее³³³. Прежде аналогичные методы были протестированы в немецких концлагерях, например в Папенбурге в 1933 г. Там лагерные власти приказали еврею де Йонгу сплести терновый венец для лидера Второго Интернационала Эрнста Хейльмана, который затем был водружен ему на голову. После этого Хейльмана, обряженного в тернии, заставили на четвереньках залезть в собачью конуру, возле которой стоял шарфюрер Эверлинг, и тот спросил: «Хейльман, как теперь звучит при-

ветствие Второго Интернационала?» И Хейльман зала-
ял: «Гав-гав!»³³⁴

Когда лагерь на Голом острове только-только всту-
пил в строй, все обитали в блоке Стара-Жица («Старая
Колючка») — как заключенные, так и тюремщики. Пос-
ледние проживали в таких же деревянных бараках, что
и заключенные. Правда, кормили их лучше и питьевой
воды у них было вдоволь, но и они вместе с заключенны-
ми жарились на раскаленных камнях. В ту пору дозна-
ватели все время находились рядом с заключенными и
часто заговаривали с ними. Из этих разговоров заклю-
ченные поняли, что следователям от них не нужно ниче-
го, кроме признания в том, что они «пересмотрели свои
взгляды», отказались от своей позиции в отношении Ре-
золюции — тогда они смогут вернуться домой. В самое
ближайшее время. Ведь следователям тоже хотелось пос-
корее покинуть эти места.

Линия фронта между дознавателями и заключенны-
ми была четко прочерчена до тех пор, пока на остров не
доставили так называемую «боснийскую группу», насчи-
тывавшую примерно 150–200 человек, и это случилось
вскоре после прибытия первого конвоя. На узников из
Боснии и Герцеговины «старожилы» взирали с удивле-
нием, особенно когда те заявили о том, что они «пере-
смотрели свою позицию»:

«А если “пересмотрели” — почему они здесь? Раз-
ве следователи не призывали нас к “пересмотру по-
зиций”, чтобы мы могли вернуться домой? В чем же
дело? То есть: мы исправились, а вы? Разве вы не ви-
дите, что все мы заблуждались? Нет! Ты понимаешь,
что мы были предателями? Но — ведь пролетарии
всех стран... Видно было, что эта группа представля-
ет собой однородное целое. Это было наиболее очевид-
но, когда администрация собрала всех заключенных
и организовала митинг, собрание. Один из этих “пе-
ресмотревших” держал покаянную речь перед заклю-
ченными, он говорил о заблуждениях, которые приве-

ли его к измене, о необходимости вернуться на путь Партии и народа. И вот тогда на Голом острове раздались первые лозунги: Да здравствует Коммунистическая партия Югославии! Да здравствует товарищ Тито! Нет клеветникам!»³³⁵

«Центр самоуправления» образовался на Голом острове в июле 1949 г., когда туда прибыл помощник Александра Ранковича Йово Капичич. «Центр» состоял только из заключенных: «командира» участка, референта по культурно-просветительной работе и «прораба». В бараках имелись старосты и их заместители, бригадиры и «активисты». Миссия «Центра» заключалась в формировании жизненного уклада в том или ином лагере. Старосты получали инструкции из «Центра», а «Центр» — от администрации. «Центр» наделялся также определенными полномочиями в сфере содействия допросам. Прежде чем явиться в администрацию, заключенные должны были сообщить об этом «Центру», который подчинялся администрации, а та с его помощью осуществляла «обработку» осужденных и заключенных, как бы не принимая непосредственного участия в «перековке».

Формально всем распоряжался староста камеры. Следователи, даже ведущие, оставались на заднем плане. Таким образом, «самоуправление» осуществляли лагерники, в то время как по-настоящему все это регулировалось администрацией, которая всегда оставалась «с краю», не выпячивалась. «Руководство» работами, возглавляемое «прорабом» (или «прорабшей»), заключалось в генерировании директив, как должен поступать со своими сокамерниками заключенный, желающий выйти на свободу. На ком можно отыгаться — было известно каждому. Без санкций администрации истязаний быть не могло: «расскажавшиеся» превратились в «длинные руки» администрации. Физически власти в лагере не присутствовали, но, тем не менее, они «видели всё», что в нем происходило. Снаружи всего не разглядишь так же четко, как изнут-

ри; никто из «удбовцев» не видел всего того, что видел сокамерник. Власти лагеря лишь принимали меры к тому, чтобы ничего не пускать на самотек. Старосты камер ежедневно навещали следователей, чтобы получить от них инструкции — как общего характера, так и вполне конкретные, касавшиеся определенных лиц.

Таким образом, конвоиры стали ненужными, лишними, а надзор достиг почти совершенства. Старосты помогали следователям устроить так, чтобы заключенные дрались между собой, оговаривали и «наказывали» друг друга. В конечном итоге следователь выступал даже в роли спасителя, вынося в отношении кого-либо из узников суждение о том, что тот находится «на правильном пути», и тем самым позволяя ему занять более высокую ступеньку в тюремной иерархии. А тот, кто этого еще не заслужил, должен был продолжать «проявлять себя», если хотел проложить себе путь к свободе. «...И ведь били, на самом деле били, даже тогда, когда этого не видел никто из администрации, и ведь нельзя сказать, что им приходилось это делать, потому что за ними наблюдали. Узники должны были “проявлять себя” друг перед другом, администрация расценивала это как добродетель, от этого зависела жизнь, свобода!»³³⁶

О том же вспоминает и бывшая узница лагеря:

«Удивительно: мы находились вдали от администрации, от Марии Зелич, от конвоя, но здесь не случилось ничего такого, что не было бы заказано администрацией, согласовано с ней “по телеграфу”. Они своих рук о нас не марали. Они почти никогда не показывались. Все было в духе “самоуправления”: “Do it yourself!”* Мы сами выцарапывали друг другу глаза — этого не делают даже вóроны»³³⁷.

Правоту лагерницы подтверждает даже бывшая надзирательница Мария Зелич:

* Сделай это сам! (англ.).

«Они сотрудничают с нами, они работают с нами очень тесно, то есть они и в самом деле — наши “длинные руки”. Сами составляют протоколы, сами принимают новых заключенных, потому что хорошо знают друг друга, сами предлагают бойкот, а я иногда советуюсь с ними — кого уже пора выпустить»³³⁸.

Одна из заключенных это «самоуправление» ощутила весьма остро:

«Я записалась на беседу с товарищем Хилдой. Она хорошо меня приняла, выслушала, побеседовала со мной и несколько раз повторила: “Не ходи в Центр”. “Центр” — это некое внутреннее руководство работами, или лагерем, он состоял из заключенных. Она сказала неоднократно: выйдешь отсюда — в Центр не ходи. Но я этим пренебрегла. Когда я вернулась в лагерь, мне понадобился карандаш, а поскольку я не знала, где его взять, то пошла в Центр и обмолвилась, что была в администрации у товарища Хилды. И сразу на меня посыпались страшные оплеухи и тумачи, а я даже не знала, за что. И тогда поняла: ведь Хилда велела не ходить в Центр. Так следователи подавали сигнал Центру. Если кого-то после собеседования отсылали в Центр, там его били. Если нет — этого не происходило»³³⁹.

Членами «Центра» были в основном заключенные, которым УДБА доверяла. Лагерными командирами и «центровыми» назначали тех, кто ранее занимал видные партийные посты и кого полиция, вероятно, еще на предыдущем этапе удалось сломить³⁴⁰. Как свидетельствует ряд источников, наиболее ярких успехов в этой «ломке» полиция добивалась в Боснии, особенно в Сараеве, ведь именно из числа боснийских узников создавались своеобразные «ударные» отряды, которые осуществили «первую реальную “облаву” на узников Голого острова». Первым командиром «Центра» на Голом острове был Омер Пашич³⁴¹.

Интересно и то, что в женском лагере власти тоже использовали узниц из Боснии. Это заставляет думать о том, что власти поставили себе на службу предубежде-

ние, с которым относились к боснийцам заключенные, принадлежавшие к другим югославским народам. Однажды начавшись, процесс шел своим чередом. В жестких условиях лагеря предрассудки только упрочивались, ненависть росла. Таким образом, узницы считали, что боснийские лагерницы поступали так, как они поступали, не потому, что к этому их вынуждала администрация, а потому, что они были «конченными мерзавками»: «Особенно невыносима была группа босниец. Я не знаю, откуда их привезли и как они стали такими. Они были невыносимы. Хитрые, злые, жестокие. Погоняли они беспощадно. Так они хотели ускорить свое освобождение из этого ада, покинуть Голый остров». Бывшая узница Голлого острова Новка Вуксанович высказалась еще яснее: «О боснийках я и говорить не хочу. Это были сволочи особого рода»³⁴².

Насколько такое мнение было ошибочным, нагляднее всех показал Веселин Попович, бывший майор УДБА, начальник лагеря в Забеле. Вот что он рассказывал о «покаявшихся боснийках»: в 1948 г. бóльшая часть боснийского руководства полностью или частично приняла сторону Резолюции Информбюро. Тогда руководителей вызвали в Белград, и они под тяжестью убедительных аргументов, содержащихся во внутренних и иностранных полицейских досье довоенных времен, которые бережно хранились в архивах органов госбезопасности, «сдали» свои позиции. Затем вернулись в Боснию и потребовали от всех, кто поддерживал Резолюцию Информбюро, «пересмотреть» свое мнение. Неслыханная травля разыгрывалась уже в следственном изоляторе. Провокаторы, ранее бывшие «квистлингами», стали правой рукой тех, кто насаждал этот террор. Кроме того, в заключение попадали обычные бродяги и уголовники, которые точно так же, «по зову сердца», избивали заключенных, поддерживавших Резолюцию и не желавших менять свою точку зрения:

«Здесь была создана “ячейка по перевоспитанию” узников Голого острова, в том числе и женщин боснийского происхождения. И вот вам результат: группа босниец, прибывшая около полуночи спецтранспортом в Забелу, пела: “Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути уж не собьемся”. Их пение меня разбудило. Я пошел взглянуть на них. Удручающее зрелище: поступая в тюрьму, они возносят хвалы тому, кто их сюда упек. Просто кошмар. Увидев меня, они запели громче. Я приказал им замолчать, и на протяжении всего того времени, пока я был начальником, они больше никогда не пели эту песню, и их поведение не отличалось от поведения всех остальных...

Мария Зелич лучше знает, как она задействовала их после моего отъезда.

<...> Но я думаю, что виноваты не они, а те, кто сотворил из них такое»³⁴³.

Полная зависимость лагерного «самоуправления» от властей очевидна также и потому, что «самоуправные» действия всегда согласовывались с планами и интересами организаторов «работ». Строгость и жестокость тюремных порядков полностью зависели от тех, кто «шлеп свои сети за сценой». До тех пор, пока им это было выгодно, насилие и жестокое обращение были в ходу, когда же это становилось не нужно, наступали изменения, по словам бывшего начальника лагеря в Билече, — «вмиг». Так, в 1953 г. произошло внезапное и полное упразднение «самоуправления». Эта перемена состоялась во всех лагерях по указанию министра Александра Ранковича. После того как в 1953 г. прошли заседания государственной комиссии, новый начальник лагеря в Билече, получивший задание навести порядок и законность в лагере, рассказывал о своей первой встрече с «Центральным штабом»:

«В ту же ночь заступив на пост, я вызвал к себе их “командира”, заключенного с длительным сроком, и объявил ему о том, каким отныне должен быть порядок. Я потребовал от него немедленно собрать всех

“активистов” и известить их, что они больше не вправе по собственному произволу осуществлять какие бы то ни было репрессии, поскольку “внутренний распорядок” лагеря относится к исключительной компетенции начальника».

Вскоре «командир» вернулся и стал любезно объяснять, как он и (Каджа) Петричевич собрали «штаб» и общим мнением было то, что от столь скорого и крутого поворота к законности ничего хорошего не выйдет: «Да ведь банда сразу поднимет голову! Раз уж это так необходимо, то лучше действовать постепенно, без спешки!» Нового начальника эти доводы не убедили, и он продолжал настаивать на своих требованиях: «Я был потрясен тем, сколь широкий размах приобрела их система взаимного подавления, сколь прочно она воцарилась в тюрьме. Я резко ответил, что мои приказы должны исполняться незамедлительно и безоговорочно и что за порядок в лагере несу ответственность исключительно я...»³⁴⁴

То, что события впоследствии развивались именно таким образом, как требовал следователь, может быть истолковано по-разному. Толковому начальнику это говорило о том, насколько «испорчены» были арестанты. А кто-то иной мог разглядеть в этом случае бесспорное доказательство того, что лагерный режим приспособлялся прежде всего к требованиям лагерной администрации, и заключенные при этом не имели сколько-нибудь серьезной возможности повлиять на него, даже при всем желании.

То же самое происходило и в лагере Стара-Градишка, куда министр Ранкович в срочном, «безотлагательном» порядке направил генерала Йово Капичича. Министр дал ему понять, что ему известно о вопиющих нарушениях, которые имеют место в этой тюрьме, вплоть до пыток, велел генералу разобраться в происходящем и немедленно принять меры к выправлению ситуации. Вскоре после прибытия в лагерь Стара-Градишка новый

начальник дал указания «Центру» изменить порядок жизни и работы в лагере. Строго-настрого запрещалось повышать голос в камере, выкрикивать лозунги, играть на гармошке, петь и тому подобное. И здесь тоже распоряжение вступило в силу сразу: у членов «Центра» вообще не было права на возражения, они могли только подчиниться приказу. Основным законом, по которому с тех пор строились быт и трудовая деятельность в этом лагере, стал «Внутренний распорядок», который отменял всю существовавшую ранее практику «политической перековки» осужденных присущими ей методами — такими как бойкот, «нора», нанесение взаимных побоев, пытки, унижительные клички и ярлыки, разделение заключенных на «порядочных» и «мерзавцев», на «пересмотревших позиции», «банду», «двурушников», «отсроченных», «активистов» и другие категории. Все осужденные стали равны перед законом и вновь обрели право на имя и фамилию. Более того: за запретом на нелегитимные действия последовало и закрытие самого лагеря, из Стара-Градишки заключенных перевели в лагерь Свети-Гргур и Углян, а затем в Билечу, где условия жизни были гораздо более благоприятными.

В лагере Стара-Градишка эти перемены не обрадовали «порядочных» — те были «серьезно озабочены»:

«Что из этого выйдет? Все чувствовали себя обманутыми. Страх заставил их продать душу дьяволу, а теперь всё как ни в чем не бывало! А ведь так приятно было полеживать на своей шконке, покуда “норные” драят, скоблят, вымывают дерьмо. “Центровые” прочно вжились в рабовладельческую систему. Раб ведь для того и существует, чтобы его гнобить. Это историческая истина. Дубасить как собаку, а то и крепче. Если не выбить из него самосознание, он опасен. Собака никогда не посмеет цапнуть хозяина! Исполнит ли “матушка-Партия” свои посулы, выпустит ли досрочно на “заслуженную” свободу? Ведь теперь они во всем уравнены с “бандой”!»

Оказывая “революционное воздействие” на “банду”, “порядочный” действовал так же, как тот, кто клянется в заведомой лжи, сжимая при этом в кулаке желудь. Не меня постигнет кара — она перейдет на желудь! И если кто-то из “банды” падет под ударами, то это случится не только потому, что его бил я. Его били и другие»³⁴⁵.

Не случайно многие авторы считают, что Голый остров, Стара-Градишка и другие места заключения информбюровцев стали «экспериментальными лабораториями», а томившиеся там заключенные — «подопытными кроликами, на которых выверялась теория самоуправления, разработанная Карделем». Эту мысль впервые озвучил Милован Джилас³⁴⁶, а наиболее полно ее изложил Миломир Марич:

«Как мне представляется, Голый остров — очень важная штука. Ведь на нем было протестировано социалистическое самоуправление. Когда это произошло там, опыт был распространен на всю страну, ибо идея Эдварда Карделя, а также его заказчиков и коллег заключалась в том, чтобы превратить всю Югославию в Голый остров. Они не считали практику Острова порочной, для них это было идеальное состояние общества. Вот что такое “самоуправление”: каждый шпионит за всеми, каждый на другого клеветает, все постоянно подозревают друг друга — одним словом, это идеологический транс. Я думаю, что Голый остров стоял у истоков, он являлся как бы “пробным камнем” новой эры — “социализма самоуправления”»³⁴⁷.

Битьё определяет сознание

Как вспоминает Милюша Йованович, однажды Тито в связи с «перевоспитанием» информбюровцев высказался следующим образом: «Кому мало слов, тому хватит дубины!» Таким образом, одним из основополагающих принципов «перевоспитания» сталинистов он сделал фундаментальный принцип сталинской педагогики: «Битьё определяет сознание» (так заключенные советского ГУЛАГа перефразировали знаменитый постулат марксизма: «Бытие определяет сознание»). Проводники лагерного режима, у которых определено имелись обширные пробелы в марксистском образовании, заполняли их с не меньшим рвением, говоря: «Не хочешь похорошему — придется по-плохому. Врагу пощады нет...» Согласно этим принципам и поговорке о том, что «кнут пришел к нам из рая», обыденное течение «общественно-полезных работ», как правило, отвечало духу латинской поговорки: «Nula dies sine*... дубинь»³⁴⁸.

Такое «перевоспитание» предусматривало, прежде всего, унижение. Достоинство каждого следовало изничтожить, растоптать, чтобы с самого дна своей униженности мог взрасти, словно родившись заново, иной, «лучший» человек. Для людей из традиционной, патриархальной среды телесные наказания сами по себе были наихудшим унижением. Позволю себе проиллюстрировать это анекдотом конца XIX века. В 1876 г., после того как в местности Волчи-Дол отгремела война, некий черногорец нашел пистолет и выстрелами разрядил его. Он повел себя неосмотрительно, ибо стрелять в то время было строго за-

* «Ни дня без...» (лат.).

прещено. За это прегрешение старейшины постановили его высечь. Как только приговор был оглашен, несколько гвардейцев пошло в лес за прутьями: они наломали с деревьев веток, «наибольшие из которых длиной не превышали голубино пера». Осужденному черногорцу велели лечь ничком. Под ударами прутьев он громко вопил, как если бы ему действительно было больно, хотя гвардейцы его «скорее поглаживали, чем секли». Тем не менее, он страдал: его унижало уже то, что он был приговорен к порке³⁴⁹.

Для того, чтобы «преступник» в полной мере почувствовал тяжесть своей вины и «воспитательный» эффект был максимально мощным, сила удара порой подкреплялась дополнительными унижениями. Например, экзекуция осуществлялась в уборной, где осужденного ставили на четвереньки, а конвоир бил его дубинкой по ягодцам. До тех пор, пока избиваемый не лишится чувств. Когда же осужденный приходил в сознание и просил пить, довольно часто вместо воды ему подносили мочу³⁵⁰.

Наказания с целью «перевоспитания», как правило, ничем не ограничивались: «Применялось все, что подсказывала фантазия. Запретов не было»³⁵¹. Например, существовала «игра» с использованием бутылок из-под пива — это было похоже на игру в кегли. Два заключенных лицом к лицу сидели на большом столе на пивных бутылках. Следователь приказывал одному из них ударить другого, затем — наоборот. Если команда не выполнялась или в исполнении не было должной прыти, следователь сам показывал пример: как оплеухами сбить человека с бутылки. После каждого падения узник должен был снова усесться на бутылку. Игра повторялась до тех пор, пока это не надоедало следователю³⁵².

Поскольку считалось, что приходится иметь дело с особо опасными врагами, под предлогом защиты самых светлых целей все средства были хороши: «Они — бывшие, мы — готовы на всё. Под лозунгом “Наша мораль —

это интересы пролетарской революции” можно было порубить в фарш даже собственного внука, ради себя и тех, кто эту революцию возвращает и лелеет»³⁵³. О таком чрезмерном рвении многие из числа бывших жертв отзывались так: «даже Гитлер обращался со своими врагами мягче»³⁵⁴.

Таким образом, применяемые наказания отражали ценности различных культурных субстратов бывшей Югославии, а исполнители использовали всё то, что считалось постыдным, унижающим человеческое достоинство, недостойным человека. Хотя полет фантазии ничем не тормозился, фактически выбор наказания был ограничен процедурами, которые считал унижительными тот, кто их назначал. Большинство сотрудников лагерных администраций были выходцами из деревни — и им было велено «гнобить» заключенных, в том числе и на Голом острове. Посреди двора вбивали шест, к которому веревкой длиной три-четыре метра привязывали осла, а рядом с ним — «банду». Мучитель гнал обоих по кругу, как при молотье³⁵⁵. Или же наказуемого заставляли стоять по стойке «смирно!» лицом к солнцу. Он не был связан, но руки держал «по швам», в правой держал панаму. Его «товарищей» строили в колонну по одному и проводили мимо. Каждый проходящий плевал наказуемому в лицо, а тот должен был стоять недвижно, глядя на солнце, и не мог даже утереться³⁵⁶.

Генерал Джоко Миращевич был кавалером Ордена Звезды Карагеоргиевичей, медали Милоша Обилича за храбрость и ряда высоких наград периода Национально-освободительной войны. Его били и выдирали ему усы, заставляя признаться в том, что он был французским шпионом, поскольку кроме всего прочего он был награжден и Орденом Почетного легиона за военные действия на Салоникском фронте. Чтобы унижить его и подорвать его авторитет в глазах других заключенных, администрация Острова, прикупив осла и два бидона, поручила

Мирашевичу вывозить помои за пределы «Колючки». У ворот, при выходе с территории, он должен был снять головной убор и доложиться конвоиру: «Товарищ командир, разрешите нам покинуть расположение!» — «Разрешаю обоим, Джoko», — отвечал тот³⁵⁷.

В связи с этим можно выделить и некое общее правило: невзирая на «революционное» отношение власти к законности, в тех краях, где когда-либо уже функционировало правовое государство, произвола и грубого насилия было меньше — и наоборот. Так, Данило Крстич, отбывавший срок в лагере Свети-Гргур, вспоминал, что сильнее всего его били «родные» черногорцы, в то время как бывшие словенские офицеры бить отказывались, несмотря на то, что их самих за это неоднократно подвергали побоям. Наносить побои не соглашались и те, кто пребывал в офицерском чине еще в довоенной армии: они считали это унижением для себя и потому сами карались как «банда»³⁵⁸.

На «общественно-полезных работах» — как вытекает уже из самого названия — работе отводилась особая роль. Любой, кто хотел «перековаться», должен был работать. «Активисты» усердно следили за тем, чтобы работали и те, у кого уже не оставалось сил. Самым изможденным, тем, кого было уже бессмысленно подгонять, в лагерях Голый остров, Свети-Гргур и Билеча на грудь вешали каменную плиту. Так, пятидесятилетний судья, у которого была сломана нога, должен был каждый день стоять с каменной гирей на шее у обочины маршрута, по которому другие переносили грузы; за это его прозвали «регулирующим»³⁵⁹. Камень, который вешали жертве на шею, был, конечно же, с Голого острова — здесь в них недостатка не было. Эту пытку изобрели более тысячи лет назад. В частности, еще в давнем 924 году на Сплитском Саборе было принято решение: злодей, одержимый духом дьявола, который, подобно Иуде, преднамеренно убил своего господина, подлежит епитимье — его изгоня-

ли из города с камнем на шее и железной перевязью вокруг пояса³⁶⁰.

Тех, кто не выдерживал темпа работ и больше не мог передвигаться, невзирая ни на какие окрики и побои, помещали «под пресс». Жертву укладывали на каменный пол или так, чтобы голова находилась над парашей, а на грудь клали каменную плиту («как на могилу») или носилки, полные камней. Под таким гнетом дыхательные мышцы вскоре уставали, амплитуда вдоха становилась всё меньше, и человеку не хватало воздуха. Когда было видно, что жертва задыхается (плита прекращала вздыматься), груз «чуточку» поднимали, и дыхание возобновлялось. Этот процесс умирания без наступления смерти можно было растянуть на несколько часов. Если, однако, наказание с применением плиты или «касель» не давало должного результата достаточно быстро, то сам палач садился сверху. В ходу было несколько вариантов применения этой формы пыток. При одном из них жертва лежала на земле, а один или двое лагерников, «пересмотревших свои взгляды», спрыгивали на него со второго или третьего яруса нар — хруст костей разносился по всему бараку. Или же «банду» ставили возле стены, а а ему на закорки помещали корзину. Затем «перекованные» накладывали в корзину камни, и позвоночник жертвы гнулся под тяжестью груза³⁶¹. Несмотря на то, что в различных лагерях такое «перевоспитание» присутствовало в различных вариантах, пресс не был оригинальным изобретением. Он был всего лишь несколько урезанной формой пытки, которую на Балканах (в Албании) знали под названием «томбук»: человека укладывали на пол и помещали сверху груз, который затруднял дыхание³⁶².

Виды наказания, практиковавшиеся в «воспитательных» целях, были не только традиционными. Власти в этом отношении не отличались особой избирательностью и умели с толком использовать опыт нацистов, особенно наработанный в первые годы существования немец-

ких концлагерей: фраза «Труд освобождает» не осталась просто лозунгом. В 1933 г. нацисты неоднократно ставили узников к стенке, делая вид, что вот-вот их расстреляют. Однако исполнение «откладывалось» или расчет стрелял мимо — дескать, сегодня это была пристрелка, а завтра мы тебя расстреляем не понарошку³⁶³. Точно таким же образом любили «пошутить» и в Югославии: заключенным не раз приказывали раздеться догола и ставили их к стенке, как для расстрела, а затем по той или иной причине «исполнение» откладывалось³⁶⁴.

«Операционный стол», или «испанский заплыв», был одним из самых изощренных методов пыток, известных со времен инквизиции. Его применяли во всех лагерях по отношению к тем, кто не хотел «открыть рот». Жертва лежала, связанная по рукам и ногам, рот ей затыкали мокрым кляпом, голову запрокидывали назад, а затем медленно вливали в ноздри воду, чтобы воспрепятствовать дыханию. Кому-то в нос даже мочились³⁶⁵.

Система «коллективного сознания» вскоре была подкреплена подробным сводом правил о наказаниях, который, естественно, составлялся «самоинициативно», непосредственно в бараках. Согласно правилам, характер наказания определял «коллектив»: это могло быть «предупреждение», изъятие курева, внеплановое дежурство, «пожарное дежурство», карцер и бойкот. Бойкот был самым жестоким из наказаний, которое мог наложить «коллектив». Во время бойкота наказуемый утрачивал статус рядового арестанта. Он был всего лишь самым гнусным человеком, «бандой», и по отношению к таким «коллектив» был беспощаден³⁶⁶.

Бойкоту подвергались те, кто не «помог следствию» в самом начале своего пребывания на «общественно-полезных работах», а впоследствии и те, кто «что-либо утаил от дознания». Однако подвергнуться бойкоту можно было и по многим другим причинам. Один из узников, венгр по национальности, путал сербские слова с венгер-

скими. За это его регулярно били и подвергали бойкоту: считалось, что он глумится над окружающими. А кому-то назначили бойкот, потому что он читал стихи Венко Марковскогo, который находился в том же лагере.

Каждый вечер после поверки в камеру заходил староста, держа в руке блокнот, который навoдил ужас на заключенных: в нем был поименный список тех, кому предстоял бойкот. Список бойкотируемых составлялся ежедневно, и поводом для того, чтобы тебя в него внесли, были «сигналы» со стороны «перекованных». Староста «сигналы» регистрировал и наутро докладывал о них следователю, который определял, насколько суровым должно быть наказание. Поэтому каждый еще с вечера знал, каков будет его статус назавтра. Того, кто подлежал бойкоту, с воплями сбрасывали с нар, и он тут же, согбенный, представал перед «коллективом» камеры.

Бойкот, как правило, продолжался от двух недель до двух-трех месяцев, в исключительных случаях — и больше. Бойкотируемыми обычно становились все новички, которые затем переползали из бойкота в бойкот до тех пор, пока следователю не убеждался в том, что «дознание прояснено». В Билече один заключенный бойкотировался в течение трех лет, потому как дознаватель считал, что он не хочет «помочь следствию». Самые длительные бойкоты практиковались в лагере «R-101», в том числе с момента прибытия на Остров и до самой смерти бойкотируемого. Редкие лагерники не были подвергнуты бойкоту хотя бы единожды, а многие побывали в бойкоте и по несколько раз.

Продолжительность бойкота формально определялась «коллективом»: надо было создать впечатление, будто администрация лагеря в это не вмешивается. После публичного заслушивания «позиции» староста отмечал, что арестант всё еще не принял предложенных ему условий политической «перековки», а значит, «созрел» для бойкота. Обычно он обращался к заключенным за советом, как

долго подобает бойкотировать «эту банду». «Члены коллектива» вносили свои предложения. Тем самым осужденному выносился еще один приговор. Барак напоследок вздрагивал от усердных поддакиваний, рева и свиста, а самые «истовые» доказывали свою преданность Партии, еще раз избивая осужденного и поколачивая также и других бойкотируемых, потупившись стоявших у стены.

Основная заповедь бойкотируемого была: «Молчи!» Согласно «внутреннему распорядку», вступать в разговор с бойкотируемым не смел никто, кроме тех случаев, когда его нужно было подстегнуть на работе или оскорбить: «Молчать!», «Не гавкай!», «Придержи язык!» Бойкотируемый ни в коем случае не должен был отвечать — ни на ругательства, ни на худшее из оскорблений. Ведь всё, что с ним происходит, — это «ему же на благо», это делалось, чтобы «помочь» ему поскорее «прозреть»:

«Ты должен оставаться смиренным, быть стойким, хотя каждый раз тебя так и подмывает взорваться. Ты можешь лишь молчать... За стиснутыми зубами бушует вулкан, гейзер, в тебе трясется всё — от кончиков волос до ногтя мизинца... Вот тогда-то ты и признаёшься во всех своих тайных прегрешениях. Это *главная формула, основная практика* местных властей, опыт Острова. Каждого надо поставить на грань срыва, чтобы он выплеснул свои мысли или эмоции... или, как это принято называть на Острове, — «довести до ручки», когда физическое истощение и душевное напряжение рассекут человека напополам. Обступившие меня люди клеймят меня как врага государства, демонстрируя соседям свою приверженность новой, народной власти, и сквозь широкие окна островного “дворца” нам всем выносит свою оценку *полицейская классовая борьба*»³⁶⁷.

Помогать бойкотируемому не смел никто и ни в чем. Это правило распространялось на всех «людей племени Ибо» — и на мужчин, и на женщин — без исключения. Бойкотируемый мог обратиться к тому, кто его «сопровождал», только в случае исключительной, неотложной

необходимости и лебезить, отвечая на вопросы тех, кому было дано право говорить с ним в силу занимаемого положения. Однажды у бойкотируемой узницы Острова надулся флюс. Соседка дала ей платок, чтобы та могла укутать щеку. «Коллектив» осудил ее за это. И даже сама страдальца согласилась со всеми в том, что дать ей этот платок могла только «банда».

Бойкотируемого легко было распознать по походке, на работе, в очереди за едой, в хоре, везде: на протяжении всего времени бойкота ему не разрешалось даже поднять голову — уж если он не заслуживает даже взгляда, то о том, чтобы он сам смотрел на кого бы то ни было, даже речи не было. Бойкотируемым было строго запрещено смотреть даже друг на друга и говорить даже друг с другом. Двое уличенных бойкотируемых дорого заплатили за один-единственный взор. Это было непростительным нарушением: «банда» переговаривается взглядами, поддерживает друг друга. Бойкотируемый должен был все время молчать, стоять на «пожарной вахте» через ночь по два-четыре часа, ему не полагались папиросы, он выполнял самую тяжелую работу, часами простаивал в «ослином углу» барака, спал отдельно от всех и на всем протяжении бойкота сносил «презрение коллектива». Те, кто стремился на свободу, могли плевать ему в лицо, угрожать ему, оскорблять его, избивать. А бойкотируемый должен был молчать, он не смел даже застонать, ибо «у нас в стране скотине слова не дают». Исключением были случаи, когда старосте или «активисту» хотелось что-то разузнать о его «враждебной деятельности», об оставшихся «хвостах»³⁶⁸.

Для измученных, обессиленных людей бойкот был чрезвычайно тяжелой формой давления: страх и неизвестность внедрялись в самую сущность человека. Избавить от бойкота могло только «принятие в коллектив». Потому большинство бойкотируемых старалось как можно скорее «врасти» в новую культурную среду:

«Могу сказать, что после второго бойкота я уже была не совсем человеком. В меня вселился страх, я больше походила на животное, которое старается увернуться от ударов, и думала только о том, как не угодить под бойкот снова, о том, чтобы хоть что-нибудь съесть. Каждая передышка вздымала во мне волну благодарности, и больше ничто меня не интересовало»³⁶⁹.

Бойкот позволял представителям режима, не пачкая рук, эффективно разрушать солидарность между заключенными:

«Пребывая в бойкоте, я исподлобья взглянул на незнакомого мне бывшего партизана, скорее всего такого, который был способен лишь на говорильню и которого, на потребу Освободительной борьбы, поспешно приняли в кандидаты, а может быть, он уже и был партийцем, и теперь на Острове ему поручено высосать из меня всю кровь, вынуть душу. Это ведь уже не человек, это чудовище в человеческом облике, ставшее янычаром, садистом, только чтобы выжить самому. Я бы разодрал этого добровольного погонщика в клочья, как лютей зверь... Подобно пиявке, он пьет мою кровь, мой мозг. Так и убил бы его, потому что я больше не могу выносить его садизма. В глазах друг у друга мы читаем эту жажду убийства — у меня это от отчаяния, у него — по соображениям выгоды. Бойкот нескончаем, и внутри меня растет порыв: вот бы убить, разнести моего погонщика в клочья, расчленив на атомы. Откуда берется этот накал, эта мания убийства, зовущая к преступлению, к мятежу, который избавит меня от вездесущего зла, денно и ночью довлеющего надо мной? Все это бродит в недрах моего существа, и взгляд исполняется гневом, бессилием, невыносимостью того, на что ты не в силах повлиять, это прозябание в вечной тьме без малейшего проблеска, и над тьмой — лишь каменный гнет. Я внушаю себе, что я сильнее Геркулеса, а назавтра не в состоянии сдвинуть с места камня, не могу его заставить катиться. Поменять что-либо — не в моих силах... Я не мог нанести удар тому, кто гнал меня вперед, не в силах был сопротивляться ему, и всё же ничего не возж-

делел с той же страстью, кроме как убить его. Я был бы счастлив прихватить еще кого-то в царство тьмы, туда, где нет больше ничего. Подбежать бы к обрыву каменоломни и потянуть за собой напарника. Бессилие и бунт сливались в единую дьявольскую злобу, отчаяние, разодранность души. Меня беспокоило — не обращусь ли я в двуличную тварь. Пока длился бойкот, на меня вылилось столько жестокости, столько садизма, столько злости. Я был готов убивать... ведь иного выхода нет... нет спасения... но во мне нет оголтелости, я не способен на месть»³⁷⁰.

О том, насколько жестоким наказанием считался бойкот, свидетельствует лагерная байка о трех заключенных. Однажды следователь вызвал к себе трех бойкотируемых, чтобы снять с них бойкот. При этом он каждого спросил, есть ли у него какие-либо желания. Первый ответил: «Есть! Застрелите меня, только не терзайте больше». Следователь, заорав: «Мать твою!», влепил ему затрещину и вышвырнул из кабинета. Второй сказал: «Мое единственное желание — покончить с собой». — «Ну, и кто тебе мешает, сталинский выродок?» — заметил следователь, выгнав и его. Третий, интеллигент, сказал: «Мне бы книжку почитать...» — «Будет тебе книжка!» — ответил следователь, захлопывая папку с рапортом. Затем первым двум продлил бойкот, а третьему — отменил и выдал «Логарифмические таблицы Брадиса»³⁷¹.

Если постулатом лагеря было то, что все заключенные являются преступниками, то они, конечно же, ими и являлись — поскольку вели себя, подчиняясь этому правилу; поэтому некоторые пытались нарушить заданные нормы. Конечно же, и те, кто поступал вразрез с правилами лагеря, были преступниками по определению. Кроме того, полное несоблюдение предписанных норм тоже в определенном смысле являлось стандартным поведением. Например, в женском лагере Свети-Гргур Брана Маркович отказывалась разговаривать с кем бы то ни было — «молчала, словно в рот воды набрав». Часто слу-

чалось так, что во время еды к ней подходила одна из «активисток» и выплескивала содержимое миски Бране в лицо. Та лишь молча утиралась. «Активистки» и прочие «перекованные» не упускали возможности оплевать ее. Брана утиралась, не проронив ни слова. И всё же кое-кто из заключенных пытался добиться от нее хоть возгласа. И тогда она сказала «подругам», которые издевались над ней: «Вы меня подвергли бойкоту и вдруг хотите говорить со мной. Но теперь я не хочу с вами разговаривать. Это не вы бойкотируете меня, а я бойкотирую вас, это я не хочу с вами говорить...»³⁷²

Нормы, принятые на «общественно-полезных работах», усваивали — по крайней мере в определенном объеме — и те, кто сопротивлялся:

«Я защищался, но духовная разнузданность массы заставляла и меня самого с каждым днем становиться всё более нервным, жестоким по отношению к окружению.

Сопротивление я оказывал прежде всего тем, кто стремился унижить меня как интеллектуала по приказу старосты, и на каждое оскорбление с их стороны реагировал с таким же пылом. Вот почему мой лексикон стал почти столь же вульгарным. Мне, работнику просвещения, так вести себя не полагалось, но среди подлецов иное невозможно»³⁷³.

Подобные методы были известны и в других институтах, например в монастырях и тюрьмах. Так, те, кто попадал в монастырь трапистов «Звезда Мария» вблизи города Баня-Лука, должны были прекратить любые сношения с близкими, не есть мяса, а то и рыбы. Вставать надо было в два часа ночи, и все были обязаны работать — или в поле, или по дому. Спать ложились летом — в восемь, зимой — в семь вечера, спали, не раздеваясь, не снимая обуви. О гигиене можно было забыть. Спальня была одна на всех — длинный зал, где «кельи» разделялись лишь холстиной. В «келье» было ровно столько мест, чтобы там встала кровать. Подушкой монаху служил

мешок с опилками, одеялом — дерюга. Под подушкой была плеть для самобичевания, а над кроватью — дешевая иконка с изображением Девы Марии у кропильницы. Вместо двери была полотняная занавеска. Источник света, расположенный в центре зала, освещал все углы, горя всю ночь³⁷⁴.

Обет молчания угнетал монахов, поскольку потребность говорить является врожденной и подавить ее не просто. Поэтому они старались воспользоваться единственной доступной им возможностью высказаться. После заутрени они отправлялись в колонный зал, расположенный рядом с церковью. Там не реже трех раз в неделю, в том числе по воскресеньям, зачитывали выдержки из устава Ордена Святого Бенедикта. Затем настоятель подавал знак, и те, кто нарушил правила ордена, должны были публично в этом покаяться. Настоятель на латыни возглашал: «Nunc autem loquamur de ordine nostro» («а теперь поговорим о нашем Ордене»). И тот, кто чувствовал себя в чем-либо грешным, немедленно выходил из рядов и бросался ничком наземь. Настоятель спросил: «Quid dicitis?» («Что ты говоришь?») «Грешники» тут же отвечали: «Mea culpa!» («Я согрешил!»), — после чего вставали и, один за другим, каялись в своих грехах. Признания эти порой были столь наивными, что слушатели просто диву давались. Кто-то говорил: «Отче! Мне трудно пробуждаться по утрам, и я на целую минуту опоздал на службу — я плохо пел в церковном хоре — я вошел в церковь чрез ворота, кои не были мне предназначены — я во время работы озирался по сторонам — я был «лакомником» (!) — я с любопытством взирал на чужое ложе». И так далее, и тому подобное³⁷⁵.

Обязательное немотствование заключенных в качестве средства «перевоспитания» широко использовалось в тюрьмах. В Обернской тюрьме в штате Нью-Йорк в первой половине XIX века заключенные должны были днем и ночью предаваться раздумьям в полном уединении,

здесь даже не было «развлечения» в виде работ. В других блоках той же тюрьмы узники по ночам пребывали в одиночных камерах, однако днем им разрешалось работать — сообща, но молча. Безмолвие поддерживалось в Оберне под страхом кнута. Заключенных бичевали уже за то, что они посмели поднять взор «горе», вместо того чтобы обратить его к работе. Капитан Элам Линдс, начальник тюрьмы, человек неумолимой суровости, не верил, что узники исправимы: он добивался лишь послушания и держал их «за семью замками». «Узники и в самом деле слушались — этого не мог отрицать никто. Шеренги безгласных людей, бредущих из камеры в мастерскую или в столовую, понуриив головы, производили сильное впечатление на многих наблюдателей»³⁷⁶.

Бойкот как дисциплинарное средство успешно применялся членами КПЮ еще задолго до Второй мировой войны. Решение о бойкоте в отношении того или иного партийца публиковалось в издании «Пролетер», и это означало, что «преступника» должны бойкотировать все члены партии. Тот, кто игнорировал это требование, сам объявлялся предателем. Для поддержания дисциплины среди членов партии бойкот использовался и в тюрьмах старой Югославии. В те времена коммунисты, отбывавшие срок, добились от властей содержания отдельно от уголовников и на своей «территории» ввели «самоуправление». В местечке Сремска-Митровица в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, тех, кто нарушал принципы и вел себя, как им заблагорассудится, коммунисты-лагерники в наказание исключали на полгода из коммуны; по истечении полугода те, кто признал свои ошибки, могли быть приняты обратно. Бойкотируемые подвергались остракизму в самых различных формах — пребывание в тюрьме должно было стать для них невыносимым³⁷⁷.

Много чего происходило и на «общественно-полезных работах». Например, «активист» мог подойти к бой-

котируемому и начать его провоцировать: «Ну что, банда? Ссышь? Глаз поднять не смеешь? Ну-ка, глянь мне в глаза! Знаешь ведь, что ты говно и предатель!» А когда бойкотируемый медленно поднимал голову, чтобы взглянуть на того, кто к нему обращался, тут же оказывался на земле. «Сведение революционных счетов с бандой» всегда могло окончиться трагически. В рапорте федеральных органов госбезопасности от 17 июля 1951 г. врач-полковник Йован Биелич, проинспектировавший лагерь на Голлом острове, отметил, что «в результате чрезвычайного режима бойкота имеет место множество травм и контузий, в том числе черепных травм, несовместимых с жизнью»³⁷⁸.

По некоторым данным, бойкот практиковался до осени 1953 г.; другие источники датируют его прекращение концом 1954 г.³⁷⁹

В лагере Голый остров высилась стена — длина ее составляла около пятидесяти метров, высота — около трех метров. У стены было место, где проходили собрания или митинги. Кроме того неподалеку был возведен обелиск высотой 15–20 метров и шириной около метра. Спереди на нем большими буквами было высечено: «Мы вновь обращаемся к Партии и Тито». Рядом с лагерной уборной, возле «позорной стены», дежурил «караул», «охранявший» сортир. В него включали тех, кто вел себя «неподобающим образом», то есть позволял себе различные «бесчинства»: например, прогулки вблизи соседнего барака, внеочередное получение обеда, кражу башмаков, собирание во дворе окурков или пищевых отходов и т.п. Провинившихся выстраивали за стеной. Рядом с каждым из них стоял кто-то из «активистов». После отмашки каждый из виновных должен был выйти из-за стены к публике и поведать, в чем состоит его прегрешение. Назвать имя и фамилию, свой территориальный орган госбезопасности и «состав преступления»: я украл ломоть хлеба, я пытался получить добавку, перехватить

лишний кусок, лишнее одеяло, невзирая на то, что кому-нибудь не хватит... Каждая исповедь сопровождалась восклицаниями и лозунгами: «Позор ворюгам! Долой хапуг! Банда, банда!» Несчастных оплевывали и оралли: «У-у-у, ворюги! У-у-у, мерзавцы! У-у-у! Чтоб вы сдохли!» Оплеываемые стояли как изваяния, некоторые плакали. Многие не желали выставлять свои проступки напоказ, но «активисты» делали это за них, извещая всех об их прегрешениях³⁸⁰.

Отдельных нарушителей дисциплины помещали в карцер (например, если кто-то поругался или подрался с тем, кто выше его по статусу). Карцеры были очень тесными, пол покрывали лужи. К одной из стен крепилась дощатая шконка. У самого потолка в стене зияла отдушина, но свет через нее почти не проникал. Лампочка под высоким потолком едва тлела. Ее зажигали только при раздаче еды, которую обитатели одиночек получали через день³⁸¹.

Люди с хвостами ||

«Перековка» заключенных начиналась с момента их поступления в лагерь. Сначала новички должны были пройти *rites de passage**, серию унижайнейших процедур. Целью этого церемониального «опускания» было добиться тотального контроля над узниками и, таким образом, полной предсказуемости их поведения, создать эффективный механизм, который позволил бы превратить довольно сложную личность свободного гражданина в примитивное существо — так называемого информбюровца, находящегося на «общественно-полезных работах». Люди, которые пережили такую символическую смерть, как бы возрождались в облике совершенно новых существ, «банды».

Важным элементом обряда приема в лагерь было убийство свободного гражданина, его символическая смерть. Это находило свое выражение и в том, что сразу после прибытия в лагерь узники должны были раздеться догола и сдать администрации всю свою одежду и вообще всё, что у них было при себе. Изъятию подлежали и драгоценности, в том числе обручальные кольца. Перевод в разряд «банды» производил на новичков мощнейшее впечатление:

«Это было в начале августа 1951 г. Я подумал, что мы оказались среди умалишенных. «Старожилье» в большинстве своем были почерневшими от солнца, полуголыми, в ветхих драных штанах, в совершенно разбитой обуви. Тощие, скелетообразные, они были похожи на зверей. Меж тем я успел узнать в лицо кое-кого из моих соратников и пришел в ужас: я тоже скоро стану таким! Куда мы попали, что с нами станет?»³⁸²

* Обряды перехода (фр.)

Конфискованные вещи связывали в узлы, на каждом проставляли имя того, кому они принадлежат, и отправляли на склад. Затем новичков стригли, сбрасывали им все волосы на теле и посыпали кожу дустом. Это была особо унижительная фаза превращения гражданина в «бандита». Такие действия вызывали у жертвы ощущение полной беспомощности, подавляли ее морально. Грубость и болезненность процедуры, при которой не обходилось без глубоких порезов и выдирания целых пучков волос, были ее неотъемлемой частью. Так люди внезапно оставались без всего: они чувствовали, насколько они теперь одиноки в целом мире; отныне их единственное достоинство — это их обнаженное существо; узникам не полагалось иметь при себе даже спичек³⁸³.

В ходе этой процедуры кое-кто из лагерных властей «взимал дополнительную плату» за свою работу. Имущество заключенных изымалось и «в обход закона». Лагерный начальник Анте Раштегорац выявил, что Чечо Стефанович и некоторые другие администраторы, помощники министра Ранковича, присваивали предметы роскоши, фотоаппараты, золото и драгоценности; он даже сообщил об этом Ранковичу, «но тот защищал их»³⁸⁴.

Процедура в целом была похожа на процедуру приема, бытовавшую в немецких концлагерях. Сходство между немецкими концентрационными лагерями и лагерями для информбюровцев проявляется даже в такой детали, как обращение с людьми, носившими очки. «Очкарик» считался интеллигентом, которого нужно наказывать еще строже, бить еще сильнее³⁸⁵. «Тамошняя жизнь была такова, что даже самый осторожный запросто мог остаться без своих “вторых глаз”... У нас многие просто терпеть не могут тех, кто носит очки, насмеваются над ними и отыгрываются на них при первой же возможности. Зубной протез, особенно если вставной была верхняя челюсть, тоже доставлял мучения»³⁸⁶.

Обязательный отъем одежды и личного имущества означал не только унижение жертвы, грубое вторжение

в интимный мир человека, но и утрату им индивидуальности. Нагота устраняет все различия между людьми, которые присутствовали в прошлой жизни. Таким образом, люди символически обращались в докультурное, «натуральное» состояние, которого можно было достичь, лишь переступив через стыд, ведь человек тем и отличается от животных, что ему свойственно стыдиться своей наготы. «Голый человек уязвим, неуверен...»³⁸⁷

Вынужденная нагота в таких условиях уже сама по себе вызывает чувство неловкости. А тут еще со всех сторон орут: «Ты только глянь на эту косматую банду!» Или: «Да он мохнатей, чем Виссарионыч! Ну, погоди, мы тобой займемся!» Или: «Погляди, какой у этого стручок! Сам и не мужик почти, а думает, что мудястей Сталина!»³⁸⁸ Цирюльник, бривший лобки, почитал особым остроумием собственную шутку: «Драть тебя хотел твой Сталин в два дупла — уж не он ли наградил тебя мандавошками?»³⁸⁹

Прибывших в лагерь брили наголо и затем повторяли эту процедуру, чтобы «головы забурели на солнце, как помидорь»³⁹⁰. Утрата волос также имела свою глубинную, символическую значимость. Существует много доказательств того, что коротко подстриженные волосы у мужчин — свидетельство того, что человек склонен подчиняться дисциплине, быть помыкаемым, в то время как длинные волосы обычно говорят об обратном, о склонности нарушать установленный порядок. Бритье головы является как бы символической кастрацией: Самсон утратил свою силу, оставшись без волос. Поэтому, как считал Эдмунд Лич*, здесь применима формула: «Длинные волосы = необузданная сексуальность, короткие волосы или частично обритая голова = обузданная сексуальность, голова, побритая наголо = целибат»³⁹¹.

* Эдмунд Р. Лич (1910–1989) — британский социоантрополог, наиболее известный своими исследованиями обществ Южной и Юго-Восточной Азии; профессор социальной антропологии в Кембридже; был ректором Королевского колледжа.

Как и в немецких концлагерях, в лагерях Югославии в отношении информбюровцев действовало неписаное правило, согласно которому длинные волосы были привилегией исключительно «старожилов» и тех, кто занимал видные позиции в лагерном «самоуправлении»³⁹².

Мужчинам, прибывавшим в лагерь, сбрасывали также усы, а если они были «сталинскими», человека ожидало бритье «всухую». Бритье было еженедельной процедурой. Заключенный садился на перевернутый ящик, и один из лагерников наскоро натирал ему лицо мылом, а другой тупой бритвой «сдирал» растительность. После бритья нельзя было даже умыться, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться каким-либо дезинфицирующим средством. В результате лицо воспалялось, щеки покрывались струпьями, из-под которых постоянно сочился гной. Таких страдальцев были десятки; диагноз был следующим: «*sicosa barba**»³⁹³.

В лагере на Голом острове брадобреем был Мустафа Трбонья. У него было две машинки. Одна хоть и брила чуть лучше, чем другая, но всё равно была непоправимо тупой. Она предназначалась для снятия волос с лица и головы; вторая же служила для ворса на теле. Она страшно дергала волосы. Но и это было предметом для веселья:

«Мы все смеялись, когда каждый из нас должен был поймать своего “Тома” за голову и принять мошонку в кулак, чтобы Мустафа мог повыдергать волоски вокруг. Именно повыдергать. Многие орали от боли.

– Ну и “Том” же у тебя, Новица!

– Уж какой есть — а что я могу поделать?

– Подбери его — и яйца тоже, двумя руками. Брить невозможно! — свирепо отвечает Мустафа.

Все вокруг смеются. Каждый норовит встрять. Новица был парнем крепким, но застенчивым, как девушка»³⁹⁴.

* Фолликулит подбородка (*лат.*)

По прибытии в лагерь обривали наголо и женщин. Утрата волос травмировала их больше, чем мужчин. Как вспоминают первые узницы, в первые дни они выглядели особенно «кошмарно», «как козы и овцы» или «как козы, а не как люди». Насильственная стрижка традиционно считалась худшим оскорблением для женщины³⁹⁵. Впоследствии женщинам разрешали отращивать волосы, и только «банду» в наказание брили налысо. «Перекованные» заплетали себе косы. Каждая старалась немного по-иному повязать платок, сделать себе особую прическу. Они чаще мылись — для этого у них было больше возможностей. Летом надевали платки: их можно было смочить водой и тут же покрыть голову — было очень жарко³⁹⁶.

Изменения в общественном статусе индивидуумов подчеркивала и новая одежда, которую узники получали по прибытии в лагерь. Теперь они «щеголяли» в тюремной робе, перекроенной из старого милицейского или военного обмундирования, а также в «казенном» белье; настоящие рабские одеяния с номером на спине выдавались только в лагере Стара-Градишка, начиная с февраля 1950 г. Новое «платье» было рассчитано на то, чтобы шокировать и унижать людей: одежда была ветхой, заплатата на заплате, пуговицы вразной, если они вообще имелись, некоторые робы недосчитывались рукава, колени на штанах чаще всего были протерты до дыр. Одежда заключенных обыкновенно была грязной и воняла — чтобы надеть ее, приходилось подавлять брезгливость. При раздаче носильных вещей размер не учитывался: что тебе сунули в руки, то и носи. У кого-то был тридцать пятый размер ноги, а доставался сороковой... Эта процедура сильно удручала новичков, ущемляла их достоинство. Ко многим приходило ощущение того, что они уже не люди и больше ни на что не годны³⁹⁷.

Изменение внешнего вида стало существенным компонентом «ритуала перехода». Если еще несколько часов

назад узники были «похожи на людей», то, надев выданные им грязные обноски, они выглядели «как чучела»³⁹⁸. Новая одежда меняла их до неузнаваемости: все были расхристаны, все обриты «под ноль», все отощавшие, изнуренные. Похожие друг на друга, «как две капли воды»³⁹⁹.

У лагерников не имелось иных вещей, кроме тех, что на них были надеты. На протяжении первых лет узницы пребывали в одной и той же одежонке практически день и ночь: ложась, никто не раздевался. Только разувались перед тем, как лечь. Впоследствии перед сном всё же раздевались и спали в рубашках и трусах, а одежду клали под голову. Если одежка рассыпалась в прах, новую приходилось выпрашивать у старосты⁴⁰⁰.

Столь сильный удар по внешности не оставался без последствий: человек лишался возможности выглядеть прилично, а ведь это стремление для него вполне естественно. Люди страдали и от того, что были вынуждены созерцать уродство и вокруг себя. Угнетали и почти полное отсутствие возможностей для соблюдения личной гигиены, и быстрая физическая деградация. Не хватало даже питьевой воды — о том, чтобы вымыться, и мечтать не приходилось. В самом начале, когда заключенных к морю не допускали, негде было даже умыться. Потом возле каждого барака установили лохани, там было несколько кранов. Искупаться удавалось (хотя и редко) в море или в морской воде из бочек, служивших резервуарами.

Летом водили на море: это было радостное событие, хотя узникам четко указывали, докуда им позволялось заплывать. Лагерники, и мужчины, и женщины, должны были при мытье в лагере раздеваться догола, а купаться в море мужчинам можно было в трусах, женщинам — в трусах и лифчиках. Зимой иногда воду подогревали в котле прямо в бараке и поливали друг друга из ковша.

На протяжении многих лет заключенные, которых содержали на Голом острове, не могли помыться с мылом — им его не давали. Вместо мыла женщины исполь-

зовали для мытья волос глину, которую собирали в щелях между камнями⁴⁰¹.

Тем, в отношении кого действовал бойкот, мыться не позволялось вообще: люди ходили грязными, на потные тела налипала каменная пыль. Даже тем, кто добывал песок в море, зачерпывая его лопатой, не позволялось побрызгать себе водой в лицо и хоть таким образом умыться — нарушителей ждал «строй»⁴⁰². Все это выделяло бойкотируемых из числа прочих узников. Тучи пыли садились на потную разгоряченную кожу. Опаленные солнцем, продуваемые «бурей», люди казались друг другу «медными скелетами-пугалами»⁴⁰³. Точно так же было и в женском блоке, где только у одной из лагерниц была «хорошая кожа» — узница омывала ее собственной мочой⁴⁰⁴.

Еще труднее было стирать и сушить белье: не хватало не только воды и мыла, но и времени. Одежду на Острове можно было постирать только в морской воде; отрепья, схваченные грязью, становились «как панцирь»⁴⁰⁵. У заключенных не было ни иголки, ни нитки, чтобы заштопать обветшалое или изодранное тряпье. Пуговицы, чтобы не потерять, прикручивали проволокой, а проволоку для этих нужд плющили камнями⁴⁰⁶.

Таким образом, заключенные в скором времени неминуемо обретали именно такую внешность, которая вполне соответствовала представлению лагерной администрации об их противниках-«нелюдях»:

«Среди окружавшей нас красоты мы были тем еще зрелищем! Вид был поистине кошмарен! Живот свисал вниз, подобно черному закатанному переднику; тощие, кривые ноги, у некоторых — отеки до невозможности, налитые водой. Волосы на теле редкие, поседевшие. Пустые мошонки свешиваются чуть не до земли. Кожа темная, обожженная, всех оттенков от черного до белого — в тех местах, куда не добралось солнце. Поистине — распятые на собственном скелете. Люди ширококостные и крупные выглядели страшнее других...»⁴⁰⁷

В Забеле первым узникам выдали хлопчатобумажные трусы и комбинезоны «ярко-фиолетового цвета»⁴⁰⁸. Летом женщины были одеты в белые блузы без рукавов и синие льняные юбки, а зимой носили накидки из дерюги и однотонные серые юбки. Обувью им служили «опанки», изготовленные из отслуживших свое автомобильных камер. Белья не было. Если у кого-то с собой оказывались носильные вещи, их не отбирали, и, например, в холода можно было поддеть блузку под зимнюю одежду. «Пересмотревшие свои взгляды», работавшие в мастерской, где имелся уют, одевались лучше других. Некоторые из узниц периодически мазались жиром, оставшимся на свиной шкурке, чтобы смягчить кожу⁴⁰⁹.

С наступлением холодов выдавали зимнюю одежду. Это были преимущественно ветхие гимнастерки, брюки и шинели, опять же «скорее лохмотья, чем одежда». Попадались и иссиня-серые платья. Быть может, как раз те, в которые в стародавние времена обряжали каторжниц. Но на фоне всех прочих «нарядов» эти робы выглядели чуть ли не вечерними туалетами; их носили «центровые», барачная «верхушка» и кое-кто их бригадирш. От тяжелой работы и скудного питания все были настолько худыми, что зимние тряпки висели на теле, «как на вешалке». Гимнастерка была слишком широкой, шинель — слишком длинной. Однако это было не важно: лишь бы всё это грело⁴¹⁰.

Зимняя одежда вряд ли могла защитить от стужи и Борея. Узники Острова пытались спастись от холода при помощи «жилета», который выкраивали из мешка из-под цемента: такое приспособление называлось «панцирем» или «джерпером». Это «облачение» было почти у всех. В мешке прорезалось ножом отверстие для головы и рук, его надевали поверх гимнастерки, а чтобы он лучше прилегал к телу, обматывались широким куском рожи. Лишь бы не было дождя. Цементная пыль липла к телу и колола кожу, но холод был страшнее. «Панцирь»

пользовался популярностью даже в те времена, когда за него можно было схлопотать бойкот⁴¹¹.

Сменной одежды не было. После дождя одежда сохла прямо на теле, что было особенно неприятно во время Борея⁴¹². Однако на это не жаловались — не смели:

«У меня всё в порядке, всё хорошо. А у тебя? Прекрасно, и у тебя тоже. Ни в коем случае не жалуйся! Ибо это — “харанга”, и тот, кто слушает, — враг. А с “врагами” дело ясно: собрание и — “У-у-у-у-у!” “Доло-о-о-ой!” “Бой-кот бан-де!”»⁴¹³

У прибывших в лагерь обувь не отбирали. Многие новички были в большой растерянности, оставшись босыми: в сутолоке у них похищали ботинки. Это была огромная потеря — приходилось ступать босиком по острым камням, пока не смастеришь себе на замену «опанки». Если похититель башмаков попадался, его били. Случалось, били и того, кто признал свои ботинки, уже красовавшиеся на ногах сокамерника. Ноги тех, кто был бос, кровоточили, но таких бригадиры погоняли еще более яро — таскать камни надо было бегом. Впоследствии тех, у кого не было обуви, не допускали к работам⁴¹⁴.

Обувь носили до тех пор, пока она не разваливалась. Как правило, долго ждать этого не приходилось; впрочем и разбитые башмаки еще долго обматывались проволокой. Таким образом, большая часть лагерников была обута в своеобразные резиновые «опанки», которые на Голом острове получили название «Христовы сандалии»; в лагере Стара-Градишка их называли «лягушками». Это был кусок старой автомобильной шины, которая крепилась к подъему веревкой, ходить в такой обуви было крайне неудобно⁴¹⁵.

Однажды Милуша Йованович, узница женского Голого острова, инвалид, сняла свои «опанки» — у нее разболелись ноги. Вечером того же дня ей задали изрядную взбучку за то, что она, мол, устроила злонамеренную демонстрацию того, как «наша Партия на Голом острове изводит инвалидов»⁴¹⁶.

Носков как таковых не было ни у кого, но каждый старался найти какую-нибудь тряпку помягче, чтобы обернуть ступни⁴¹⁷. Однако добыть ткань было сложно, а газеты использовать было нельзя: тебя тут же обвинят во «враждебных действиях». «Нет, вы только подумайте, товарищи: “банда” использует нашу прессу для того, чтобы!..» И сразу: «У-у-у-у!»⁴¹⁸

В дополнение ко всем другим невзгодам, заключенных терзали срамные вши, клопы и блохи, которые докучали и днем, и ночью, ведь их было «по миллиону всякой твари». Бороться с ними можно было лишь «прижав к ногтю», для чего многим не хватало ни времени, ни сил: «Одного убьешь — сотня припрется на похороны»⁴¹⁹. Мало кто отваживался скинуть свою одежду на муравейник, чтобы муравьи сожрали вшей. Затем муравьев можно было вытряхнуть из лохмотьев и снова облачиться в них⁴²⁰.

От насекомых пытались избавиться, периодически пропаривая одежду (раз в две недели). Пропаривание производилось в так называемой «партизанской бочке», то есть канистре из-под бензина, на дне которой кипела вода, и пар шел под крышку, придавленную тяжелыми камнями. Несмотря на то, что пар вырывался из емкости и летел во все стороны, такая «дезинсекция» все же не уничтожала клопов и вшей. Пока одежда пропаривалась, заключенные голышом выстраивались в очередь на стрижку и бритве⁴²¹.

Если не было никакой другой работы, бойкотируемые в вечернее время должны были вычищать блох из одеял. Эта работа им засчитывалась только в том случае, если блоха попадалась. Тогда надлежало встать и объявить: «Я, банда такой-то номер, — одна блоха». Тот, кто контролировал работу, говорил: «Давай еще!»⁴²²

Новая одежда меняла не только внешний вид узников. Изменения закладывались глубже. Заключенные носили свое тряпье как костюм, принимая на себя ту роль, которая ему соответствовала:

«На Голом острове присутствует лишь тень человека — не сам человек; это тень бывшего борца за свободу. На Острове люди стали предметами, номерами; с ними обращаются, как с массой, они ходят в отрепьях. От зари до сумерек скорбная процессия людей бродит по пустыне, имя которой — Голый остров»⁴²³.

Вследствие такой трансформации заключенный, помимо всех прочих изменений, которые с ним происходили, вдруг переставал быть личностью. Лишь очень немногим удавалось сохранить свое самосознание и достоинство. Одним из них был Драголюб Йованович. Когда в лагере Стара-Градишка ему велели самому написать текст для нагрудной таблички, он вывел: «Злейший враг Партии, народа и социализма» — каллиграфическим почерком⁴²⁴.

То, как лагерник был одет и обут, давало окружающим совершенно четкое представление о стадии «перековки», на которой он находится. С одной стороны, были бойкотируемые, которым доставались отрепья. Другой полюс представляли собой «активисты» и «центровые», у которых были хорошие портки, добротная рубашка и сандалии, относительно длинные волосы. Тем же, кто находился под бойкотом, намеренно выдавали худшую одежду, чтобы их все узнавали и били, глумились, измывались над ними. Однако и этого было недостаточно, чтобы их выделить — в лагерях Голый остров и Свети-Гргур их заставляли носить особые одеяния: на брюки нашивались красные «лампасы» — знак, по которому можно было отличить «генерала», как насмешливо называли эту категорию узников. «Лампасы» ушли в прошлое лишь в 1953 г.⁴²⁵

На Острове «банде» вменялось в обязанность носить так называемый «мундир» — это была короткая «праздничная» куртка, или парадная форма титовской гвардии — синего цвета. «Банда» носила ее шиворот-навыорот, так, чтобы синяя лицевая сторона была внутри, а красная подкладка — снаружи. То есть «банду» метили

и таким образом, ведь красный цвет, по правилам дорожного движения, предостерегает, и в этом тоже была своя символика. В любом случае, «меченые» бойкотируемые были видны издали. Их было легче пинать, гнობить и унижать⁴²⁶.

«Двухмоторникам» полагалось носить черные рубашки — они должны быть заметны всюду, вблизи и издали, на работе или на отдыхе (черные рубашки считались символом фашизма). Носить черную рубашку заставляли и месяц, и два. Это было суровое наказание. Поговаривали даже о том, что черная рубашка стала причиной многих самоубийств⁴²⁷.

В лагере Стара-Градишка с целью усовершенствования и ускорения «перековки» осужденных внедрили публичную стигматизацию «бандитов-норников». Вплоть до 1951 г. каждый «норник» должен был носить на груди картонную табличку, свидетельствующую о его статусе. Снимать ее можно было только на работах и во время сна. Чем худшим «гадом» был узник, тем большего размера была его табличка. На ней было написано то, что сочинил «коллектив». Узник должен был сам подобрать табличку подходящего размера и написать на ней заданный текст: «Я самый отвязавленный мерзавец», «Я злейший враг социализма», «Я предатель», «Я солдат Сталина», «Шпион НКВД», «Шпион ОВРА*», «Шпион Сигурими**», «Командир четников», «Сталинский ублюдок», «Сталинское дерьмо», «Собака», «Банда» и т. п. Заключение могли заставить вести собаку на поводке, а на груди у него была табличка с надписью: «Я, эта собака и все мои родственники — мы за Информбюро». А еще ему

* L' OVRA (Organizzazione per la Vigilanza e la Repressione dell' Antifascismo — «Организация бдительности и подавления антифашистского движения») — тайная полиция фашистской Италии с 1930 по 1943 г. и Итальянской социальной республики с 1943 по 1945 г.

** Сигурими (алб. Drejtoria e Sigurimit të Shtetit — «Директорат государственной безопасности») — албанская спецслужба и тайная политическая полиция в период коммунистического режима.

на шею вешали кость и табличку с надписью: «Грызу кости, как собака»⁴²⁸. Таким образом, «банду» выпустили из некоторого затворничества на публику, что дало простор «революционному возмездию» и многим предоставило гораздо более широкие возможности для демонстрации лояльности, ибо каждый «честный осужденный» мог теперь спровоцировать драку в любое время и в любом месте⁴²⁹.

Некоторым заключенным, которые еще не «помогли следствию», пришивали «хвост»: сзади к поясу привязывали обрывок ткани. Длина хвоста указывала на размер вины. Иногда прикрепляли даже настоящий коровий, овечий или свиной хвост. Его носителя называли «хвостатым» и на работы гнали дубинками. Подразумевалось, что он еще не «пересмотрел своей позиции» и, что еще хуже, на свободе оставались его товарищи, друзья, единомышленники, не выданные в ходе следствия, — то есть его «хвост»⁴³⁰. «Хвостиками» в вооруженных силах старой Югославии пренебрежительно называли рядовых⁴³¹. Говорят, что грань меж скотом и информбюровцами провел Джилас, когда, посетив Голый остров, сказал кому-то из лагерников: у скотины хотя бы есть хвост⁴³².

В Билече женщины, считавшиеся самой отъявленной «бандой», должны были носить «фередже». Изготовить такой наряд было легко: голову обматывали черным платком или надевали партизанский головной убор (пилотку-«титовку»), надвинув его на лицо и повернув таким образом, чтобы отворот был спереди. В пилотке или платке прорезались небольшие отверстия («шпионки»), чтобы «банда» могла хоть что-то видеть перед собой, само же лицо было скрыто от других заключенных. В «фередже» работали, ели, спали⁴³³.

Как ни парадоксально, поводом для введения «фередже» в Билече, стало, скорее всего, принятие Народной Скупщиной Боснии и Герцеговины закона, запрещающего ношение чадры и паранджи. По этому закону,

принятому 28 сентября 1950 г., с нарушительниц взымались высокие денежные штрафы, а сам этот закон якобы должен был способствовать искоренению женского неравноправия и вызволению мусульманских женщин из рабства. В этом контексте весьма интересен случай, описанный в одной из исторических хроник города Сараево: в конце XVIII века старик по имени Яшар-баша примерил фередже своей жены, и его тут же прозвали «Фередже-Яшар». «Он этого очень стыдился»⁴³⁴.

Использовался в лагере и поводок. «Банде» надевали на шею веревку и тащили вперед. На работах один из погонщиков дергал за поводок, а второй, «поддавая газу», подталкивал узника сзади «каселой». Когда югославская сборная по футболу выиграла у сборной СССР, по двору лагеря на поводке таскали бывшего артиллерийского дивизионного командира Югославской народной армии — столь «патриотично» была отмечена эта победа⁴³⁵.

Специальные опознавательные знаки существовали не только на самом дне лагерной иерархии: представители администрации тоже имели отличия, помимо обмундирования. Сотрудникам госбезопасности и конвоирам выдавались полуметровые резиновые дубинки, которыми многие ловко научились «жонглировать», перекидывая из руки в руку перед носом заключенного; этот фаллический символ власти имелся и у конвоирш в женских лагерях. Почетный атрибут доверялся и заключенным, которые руганью («Мать твою бандитскую!») и побоями «перековывали банду»⁴³⁶.

Одиночество в толпе

Спустя четыре года по окончании войны Югославия из руин пока еще не поднялась, однако недостатка в тюрьмах и лагерях не испытывала. Во времена правления короля Александра и принца Павла они были рассыпаны по всей стране. В период войны оккупационные власти и те, кто с ними сотрудничал, увеличили их число. Однако вместимость всех этих тюрем, изоляторов и концлагерей, устроенных королем Александром, регентом Павле, гестапо Гимmlера, а также иными «радетелями порядка», аппетитам властей не удовлетворяла.

Поэтому «исправительно-воспитательные учреждения» были перенаселены. Так, в бараках, рассчитанных на полсотни человек, где жили заключенные, сосланные на «общественно-полезные работы», размещалось не менее двухсот узников. Воздух был тяжелым, душливым. Изначально бараки строили из дерева, позже были возведены каменные постройки, которые были просторнее — они могли вместить до двухсот заключенных. Бараки были размещены в заливе и подразделялись на так называемые «Большую Колючку» и «Малую Колючку». В «Большой Колючке» располагались «спальни», а в «Малой» — карантин. Бараки были окружены колючей проволокой и охранялись вооруженными постами. Внутри «Колючки» размещался пищеблок, а всё остальное было за ее пределами⁴³⁷.

Штат госбезопасности не переставал «заботиться о людях» даже после их ареста. Мария Зелич, ставшая первой начальницей женского лагеря, охарактеризовала эту «заботу» так:

«Стоит рассказать и о том, как об этих женщинах *заботились*. Когда начались осенние дожди, УДБА

перевела нас в Забелу. Изначально это была тюрьма, где содержались только мужчины, но затем их из одного барака выселили и приспособили его для проживания женщин. Лагерниц разместили не в дощатых бараках, как это было в лагере Рамски-Рит, а в великолепном прочном здании, где были водопровод и душ. В лагере Рамски-Рит женщины спали на нарах, а теперь у них были кровати, благоустроенный двор, кухня»⁴³⁸.

Новичков на какое-то время отправляли на карантин. Однако в этом случае речь шла не об изоляции с целью предотвращения эпидемий — вновь поступивших там готовили к «новой жизни». Карантин продолжался до тех пор, пока его не отменял следователь. Это было увертюрой к «перековке», целью было подтолкнуть узника к «катарсису», дать ему возможность поразмыслить о том, чего он пока еще не «вспомнил» — или кого: быть может, кто-то в его присутствии неодобрительно отзывался о государстве или о его лидере⁴³⁹.

В бараках и камерах нары были единственной мебелью, отопление отсутствовало. Вокруг бегали крысы, «огромные, как кошки», даже на Острове. В бараках на островах Голый остров и Свети-Гргур было только одно-единственное «спальное место», если так можно выразиться, — зато оно тянулось от стены до стены в два этажа, без каких бы то ни было перегородок. Деревянные нары-стеллажи стояли в три ряда; спали на них в два ряда, голова к голове. Заключенные лежали, стиснутые, «как сельди в бочке», и по команде одновременно переворачивались. Тому, кто пошел в уборную, по возвращении лечь было некуда, пока по нужде не встал кто-то из соседей, и тогда можно было устроиться на его месте. У каждого узника было два одеяла: одно подстилали под себя, другим укрывались. Подушек не было: зимой под голову клали шинель, летом — робу. Днем «кровать» должна была быть запровлена, иначе беда⁴⁴⁰.

Бойкотируемые должны были спать на голых досках, их «одеяла» были как решето — больше дыр, чем ткани. Если одеял было слишком мало и их не хватало на всех, проблемы из этого не делали: достаточно отобрать одеяло у бойкотируемого, и вопрос решен. Частенько не хватало и нар, тогда кому-то приходилось спать под ними, на полу, без одеяла. Места там было слишком мало — ни повернуться, ни разогнуться: как забился, так и спишь. Разумеется, на того, кто лез под нары, градом сыпались тычки и отборная брань обозленных соседей⁴⁴¹.

Об ужасающей тесноте в бараках свидетельствует и рапорт врача Йована Биелича, составленный в 1951 г. Биелич, в частности, пришел к выводу о том, что на Голлом острове заключенные проживают в бараках в весьма стесненных условиях (1,8–2,1 кв. метра на человека вместо 4), по этой причине в летние месяцы ночью у многих поднимается температура — вплоть до потери сознания; 40–50 % узников были нетрудоспособны, но, тем не менее, их принуждали выходить на работы: им приходилось в крайне тяжелых условиях добывать и таскать камень; в лазаретах ежедневно находилось 500–600 заключенных, причем вдвое больше лежащих оставалось в бараках. Ситуация изменилась лишь в пору «зрелости» Острова, после 1953 г., когда на каждого осужденного приходилось примерно по 4,9 кв. метра площади. К тому времени были построены 17 жилых бараков, сооружены спортзалы и спортплощадки для лагерного персонала. Бараки были одноэтажными, их возводили из камня, цементируя швы, крыли кирпичной черепицей. Решеток на окнах не было, но колония в целом была обнесена колючей проволокой. Спали заключенные на деревянных нарах⁴⁴².

Представителю старшего командного состава Йовану Биеличу пришлось проявить крайнюю осторожность при составлении рапорта, чтобы его не обвинили в антигосударственной деятельности; поэтому его язык столь сух и

официален. Более эмоционально живописала крайнюю стесненность одна из бывших узниц: «Входя в барак, тут же чувствуешь страшную вонь, смрад. Столько немых, пропотевших насквозь женщин! Но мы привыкли к этому, точно так же, как в компании, где все наелись чесноку, его запаха уже не чувствует никто. А там мы все источали смрад»⁴⁴³.

Примерно такими же были условия жизни и в лагерях Стара-Градишка, Билеча и Рамски-Рит, где в камеру помещали по семьдесят человек. Всюду в два ряда стояли двухэтажные нары из неотесанного дерева, матрасом служило одно солдатское одеяло, а другим — укрывались⁴⁴⁴.

Национальный состав обитателей барачных камер был весьма пестрым — «Югославия в миниатюре». По некоторым источникам, словенские заключенные содержались в специально для них предназначенных бараках, отдельно от других⁴⁴⁵.

По истечении некоторого времени большое скопление людей на крохотном пятачке создавало ощущение одиночества, что, на первый взгляд, может показаться несколько парадоксальным, но это было так — ведь каждый из этой массы постоянно следил за любым движением соседа, что препятствовало сближению людей. Все были отделены друг от друга невидимыми, но тем более прочными стенами. Хотя контакты между заключенными из различных барачных камер не запрещались, их в основном избегали: «Мы были коммунистами и знали: то, что ты скажешь, всегда скрывает в себе подоплеку — она-то и имеет значение, а вовсе не то, что ты сказал»⁴⁴⁶.

А уж если при этом такая масса людей, запертых на небольшом пятачке, постоянно подвергается различным формам принуждения и живет в постоянном страхе, это становится невыносимым бременем. Людям хотелось общения, которого они были полностью лишены. Страх мешал им контактировать с другими, даже когда такая

возможность возникла, когда общение больше не воспрещалось. Чем меньше люди отваживались на разговор, тем больше им хотелось с кем-нибудь поговорить. В такой ситуации небольшой отсек в углу общего барака, где осуществлял свою деятельность, а также спал староста, воспринимался огромной привилегией⁴⁴⁷.

Заснуть — этого хотелось весь день. Сон позволял узникам хотя бы на какое-то время «сбежать» от действительности, пока утренняя побудка не возвращала к ней. Во сне можно было наесться досыта, было вдоволь воды — и в ней можно было плавать; можно было безнаказанно вырваться на свободу, встретиться с родными, а иногда и повстречать свою бывшую любовь; кое-кому из женщин грезился даже Грегори Пек. Многие из бывших заключенных вспоминают, что их часто посещали и дурные сны: они «пересматривали позиции», но их всё равно били и пытали.

Ночью было слышно, как люди во сне бредили, задыхались, приглушенно рыдали, вздыхали, стонали, кричали. «Мне, например, чаще всего снились следователи, дознание... всё то, что в моей жизни и преобладало. Ведь что, собственно говоря, наполняло мою жизнь все эти восемь лет заключения на Острове... Непрерывное, дурацкое *разбирательство!*»⁴⁴⁸ В больнице на Голом острове некий врач, македонец, и во сне яро утверждал, что он невиновен, крича: «Товарищ Тито, я не предатель! Я люблю Партию, я люблю Родину! Умоляю — снимите с меня эти свинцовые сапоги!» «Активисты» такие сны трактовали самым превратным образом, утверждая: «банда» выдала себя, совесть ее нечиста, взгляды не «пересмотрены»⁴⁴⁹.

Ночные кошмары мучили людей и спустя годы после выхода на волю. Многие бывшие заключенные помнят, что после возвращения с Острова им еще долго снилось, будто они арестанты и находятся на допросе у следователя: они в чем-то провинились, и вот-вот последует наказание⁴⁵⁰.

На Голом острове было опасно разговаривать даже во сне. Итальянцу Эмилио однажды объявили бойкот: во сне он назвал какое-то имя, а дежурный «активист» его записал, и началось «дознание». Наверное, следователь полагал, что судьба дала ему в руки ниточку, за которую стоит только потянуть — и последует разоблачение всей итальянской группировки в Югославии⁴⁵¹.

Панто Вушуревич из Цетине был инвалидом. Он жил, веря в то, что мир узнает о Голом острове и прогрессивная часть человечества «нажмет» на Югославию, чтобы лагерь как можно скорее был распушен. Кое-кому он признался в том, что ему грезилось, будто бы российские подлодки подходят к берегу и освобождают заключенных. Денно и ночью островные «товарищи» пробуждали его от этих грез ударами и плевками. Они это делали для того, чтобы заработать плюсы в глазах лагерной администрации и облегчить собственные тяготы. На все удары и плевки Панто отвечал: «Бейте, сволочи! Попробуете такое сделать, когда придут российские подлодки». Защищая свое достоинство, он подавал плохой пример другим заключенным, поэтому в 1950 г. лагерные власти, решив «сбить с него спесь», организовали «похороны Резолюции Информбюро», которую положили в небольшой гроб, а Вушуревич должен был пронести его сквозь длинный строй заключенных. Вся эта церемония сопровождалась столь привычными возгласами: «У-у-у-у, банда!» Присутствовавшие при экзекуции живые скелеты даже веселились. Слышался смех. Вушуревичу велели выкопать могилу для «Резолюции» и похоронить ее. Затем, в сопровождении нескольких «товарищей», он должен был прочитать заупокойную молитву. А чтобы похороны выглядели еще правдоподобнее, использовались кадила, ладан и прочие аксессуары.

Подобная церемония была организована и в 1952 г. на «Рабочем участке R-101», где в той же роли, что и Панто из «Колючки», выступил Векослав Смолья, бывший партийный работник и хорватский госслужащий⁴⁵².

«Перековка» зачастую происходила и ночью. Самые рьяные «активисты» будили тех, кто еще не «пересмотрел» свои взгляды, и шептали им на ухо: «Эй... Слышь, давай-ка, признавай свои преступления... разберись сам с собой... отрекись поскорее. Чтоб ты знал — я хочу тебе помочь!» Среди женщин тоже были умелицы выпытать за ночь от сокамерницы то, что ей пока еще удавалось скрыть, а затем донести администрации⁴⁵³.

Бойкотируемой «банде» приходилось работать весь день без передышки, и даже во время обеда им не разрешалось присесть. Если вдруг работы не было, бойкотируемые всё свободное время стояли, отвернувшись от других заключенных, склонив голову и заложив руки за спину, подобно отъявленным бандитам. Первые три дня бойкота им не позволялось спать — они были «под свечой»: в бараках были лампочки с абажуром из белой жести, и по вечерам под ними собирали всю «банду», которая была в бараке, чтобы «просветлить» ее. Те, кого сочли «бандой», должны были стоять, склонив голову и заложив руки за спину, у стены барака, но не прислоняясь к ней. А после отбоя им разрешалось двадцать минут полежать, после чего двадцать минут они снова должны были стоять, и так всю ночь.

Всё делалось по правилам: за «бандой» наблюдали дежурные по бараку («пожарники»), которым вменялось в обязанность следить за тем, чтобы заключенный не прислонился к стене и не задремал. Усталым и измученным людям бороться со сном было неважно. Через двадцать минут забытья лежащего узника дергали за ногу: «Ну что, банда, дрыхнешь?» Это было настолько тяжело, что вызывало галлюцинации. Можно терпеть жажду, голод, но без сна не проживешь. Отсутствие сна изнуряло настолько, что через несколько дней человек буквально валился наземь, совершенно не сознавая себя... Его окатывали водой (в лучшем случае) и снова ставили на ноги: «Ага, притворяешься... Знаем мы такие штуки... Руки вверх!»

В женском лагере наказание отягощалось тем, что жертва должна была стоять не сходя с места два дня и две ночи, лишённая права отлучиться даже по естественной нужде. Все свои физиологические потребности она справляла стоя, не спала, не ела и не пила, пока не падала замертво⁴⁵⁴.

Если некоторые «философы» обсуждали вопрос о том, кто должен надзирать за надзирателями, то те, кто осуществлял «перековку», устранили и эту дилемму, доведя систему до совершенства, поскольку даже за «пожарными» наблюдал другой дежурный:

«Она тоже заснула, но этого я не заметила. И тут она упала. Беру камень, швыряю его оземь. Думаю: ох, теперь мне придется пройти сквозь строй. Я ничего не смею ей сказать, иначе она меня тут же выдаст, и я окажусь там, куда должна была угодить она. Встает. Примерно в полночь приходят дежурные — посмотреть, как мы тут. В бараках они замечают тех, кто должен стоять, под нарами — тех, чье место там, — и не дай бог тебе вылезти. Какая-то юная студентка и еще некоторые, высунув головы, повернулись лицом ко мне — я это вижу, но молчу. И лишь услышав, что сюда идут надзирательницы, говорю: ну-ка, под нары, бошки убирать. Головы скрылись. Я знаю, что там нет воздуха, нечем дышать — слишком мало пространства»⁴⁵⁵.

Основная цель «перевоспитания» заключалась в том, чтобы сломить каждого, лишить его собственного «я». Это «я» изгонялось побоями, его выжимали из человека тяжелые камни, нагруженные на носилки, точили голод и жажда, а недосып лишал человека остатков воли. Тем, кто не имел возможности выспаться и отдохнуть, постоянное желание спать размягчало хребет. Они всё меньше могли регулировать свое поведение, делались всё апатичнее и, в конце концов, становились «выжатой тряпкой, о которую мог вытирать ноги каждый»⁴⁵⁶.

Как и в немецких концлагерях, если кому-то вдруг приспичило в уборную, отлучиться с «общественно-по-

лезных работ» было нельзя: «оправиться» узник мог только по команде охранника, а тот подавал ее по своему усмотрению. Раз уж было приказано, следовало подчиниться, даже если в тот момент потребности не было. На Голом острове на всю «Большую Колочку» было три главных уборных. В бараках не было собственных «удобств», и обитатели пяти-шести бараков пользовались одним-единственным «туалетом типа сортир». Между «очками» перегородок не было, но грязи хватало с избытком. Узник никогда не мог справить нужду в уединении. То же самое было и в других лагерях. «И нет уже ни стыда, ни брезгливости — мы превратились во вьючных животных, в скот»⁴⁵⁷.

О туалетной бумаге и не мечтали. В тюрьмах довоенной Югославии бумаги было предостаточно — хоть «Капитал» пиши. Можно было даже сочинять стихи или рисовать. На «общественно-полезных работах» не было даже газет. На Острове подтирались камнями, а порой и этого не делали. Просто натягивали портки — и всё. То, что не успевало подсохнуть, осталось на штанах, которые и без того были уже донельзя грязными; оставалось только ждать следующего мытья в море. Если повезет, можно было «заныкать» клочок мешка из-под цемента или тряпку⁴⁵⁸.

Ночью узников из бараков не выпускали, поэтому у входа в каждый барак стояли деревянные бочки «параша», служившие для отправления большой и малой нужды. Бочка была высокой, квадратной формы, около метра в высоту и полметра в сечении; называлась она «кибла» (от немецкого «Kübel» — «ведро», «параша»). По бокам к ней были прибиты две планки, за которые ее по утрам поднимали и выносили из барака, чтобы опорожнить. Перед каждым барак стояли четыре «киблы», возле каждой «дежурило» четверо бойкотируемых. Такое ночное дежурство называлось «кибларством». Первая «смена» дежурила до полуночи, вторая — от полуно-

чи до побудки. Это была не просто физическая пытка. Утомленным работой, избитым, всегда мучимым жаждой и голодом, терзаемым издевательствами узникам в ночное время хотелось только сна и отдыха. Но и этого они не заслужили! Психическое давление может быть очень эффективным, оно способно приблизить «раскаяние». «Банду» нужно было сломить как можно скорее и бесповоротно: «Обоссать!»

«Кибларство» регулировалось строгими правилами. Одному из узников надлежало склониться над «киблой», едва не касаясь носом нечистот, второй должен был пристроить свой нос в области анального отверстия первого, и так далее. Именно нос, а не лоб. За этим тщательно следил «активист», «подправляя» носы согласно предписанной «норме». Тех, кто дежурил у «киблы», контролировал дежурный «активист». Если это был «проверенный активист», он пригибал голову узника, склоненного над «киблой», еще ниже. Ниже, еще ниже, почти окуная в мочу и кал.

Впоследствии эта процедура претерпела изменения. Все, кто «дежурил» у «киблы», должны были склониться над ней. Голова к голове — так, чтобы полностью покрыть отверстие; руки при этом надлежало держать за спиной. Бойкотируемые, таким образом, преграждали путь всякому, кто подходил к «кибле», и даже при том, что «сделать дело», не потеснив кого-то из бойкотируемых, тот не мог, бойкотируемым не позволялось расступиться. Пришедший мог орать сколько угодно: «Разойдись, ублюдки, бандюки проклятые, дайте спокойно поссать!» Но — отодвигалась лишь одна голова, чтобы освободить место для руки, державшей пенис, из которого хлестала моча, вздымая брызги. «Перекованный» же хватал другой, свободной рукой за шею кого-нибудь из «дежурных» и пригибал его голову к «кибле»: «Морду вниз, банда! Нюхай, банда. Нанюхайся вволю!» Еще более убедительным доказательством правильного отношения к «банде» было

справить нужду не в «киблу», а прямо на головы «дежурных». Это доказывало то, что заключенный ненавидит «банду» и готов «пересмотреть свою позицию». «Банда» же и не старалась отпрянуть, руки по-прежнему были сложены в замок на спине: как знать — вдруг за ними наблюдают!⁴⁵⁹

По утрам, до отбытия на работу, «банде» нужно было вылить содержимое емкости в море, вымыть ее и принести обратно. «Киблу» тащили двое бойкотируемых, сопровождал их «активист». По пути встречались «перекованные»: «Ну, что, банда? Тащишь парашу? Честные люди выходят на свободу, а ты бандитствуешь!» Такая демонстрация «перестроенного» сознания считалась нормой и даже приветствовалась. Те, кто «пересмотрел свою позицию», должны были это доказывать вновь и вновь⁴⁶⁰.

Одним словом, «кибла», или «параша», сыграла очень важную роль в процессе «формирования истинного социалистического сознания», которое было всего лишь вопросом жизни в коллективе, а та в пенитенциарных учреждениях по всей Югославии подчинялась «коллективному» духу: все заключенные должны были всё и всегда делать «коллективно», у всех на глазах, да и спать им приходилось на общих нарах. Понятное дело, уборная, вернее, емкость для справления большой и малой нужды, тоже должна быть общей: «Скажу прямо: в коллективе всё должно быть коллективным — прежде всего, дерьмо и ссанина! Здесь парашу не заменить ничем. Она становится символом исторической преемственности»⁴⁶¹.

В «исправительно-воспитательных учреждениях» для информбюровцев имелись специальным образом оснащенные пространства, служившие «воспитательным» целям. В каждом бараке или камере один из углов выгораживался одеялами и получал название «клетки» или «норы». Такой закут мог также служить одиночной камерой или карцером, куда следователь отправлял «недорасколотого» арестанта, и тот оказывался в полной

изоляции. Его постоянно сторожил кто-то из заключенных — приносил ему скудную еду и, когда другие уходили на работы, выводил его «по нужде». Любых контактов при этом следовало избегать. В «норе» заключенный проводил весь день стоя на коленях — не то чтобы поспать, но даже присесть ему не разрешалось. Некоторых «норников» среди ночи уводили в «Центр», где избивали до потери сознания, чтобы выбить признание во «враждебной деятельности»⁴⁶².

В лагере Стара-Градишка, в непосредственной близости от «киблы», одеялами отделили верхний ярус нар. Над ними повесили доску, на которой крупными печатными буквами написали: «Информбюровская нора» — в ней обитали информбюровцы. Всякий раз, когда представлялся случай, староста говорил о них примерно так:

«Ну, и напоследок — что вам сказать вам о “норных”? Взгляните сами на их логово, и вам всё станет ясно. Это заклятые враги социализма, прислужники кровавого Сталина, предатели нашей борьбы, нашей Партии, нашей Армии (далее следовала нескончаемая буря гнева, лагерники призывали “завалить нору”, некоторые вскакивали с нар и со сжатыми кулаками бросались на “норников”»⁴⁶³.

На Голом острове имелась и небольшая бетонная постройка — в ней пропаривали одежду, чтобы уничтожить вшей, а также сжигали отходы. Постройка использовалась и как место, где «прессовали банду»; заключенные называли ее «крематорием»⁴⁶⁴.

Было на Острове и место, которое называли «Пханмунджом» — в честь корейской деревни, в которой велись переговоры по мирному урегулированию конфликта между Северной и Южной Кореей. Пространство шириной в два метра между бараком и ограждением. Оно предназначалось для «переубеждения» в духе Острова — тех, кого порой совершенно произвольно выбирал староста камеры. Среди ночи, когда внутри «Колючки» воцарялась мертвая тишина, туда приволакивали «банду»,

которую нужно было принудить к «пересмотру позиций» и «направить ее по пути, которым прошли все» или же «раздробить ей все кости». Старосты назначали и исполнителей — обычно из людей, близких жертве: родственников, если они содержались в том же лагере, или хотя бы земляков. Если кто-либо из «эксекуторов» проявлял себя слишком «пассивно», он сам рисковал оказаться в этом страшном месте⁴⁶⁵.

На Голом острове заключенные воздвигли стеллу в благодарность всем, кто им «помог встать на путь истинный», как гласит надпись, то есть тем, кто пригнал их на Остров закованными в кандалы, мучил и унижал. «Обелиск» стал ярким олицетворением неслыханного цинизма «перековки»: «Я называл его “обелиском позора”, и у меня сжималось горло при виде выбитых на нем пышных слов. Требовать от арестантов, чтобы они возвели памятник своим мучителям, — на такой циничный поступок мог пойти лишь самый отъявленный негодяй»⁴⁶⁶.

«Потёмкинская деревня Р-101»

Опыт лагерной жизни показал, что находились и такие узники, которые не прекращали сопротивления и в тюрьме, невзирая на все меры принуждения; они не позволяли себе отказаться от своей идентичности, не соглашались «убить в себе человека». Шли месяцы и годы, а эти люди оставались «неисправимыми». Их было немного. Из 1400 человек, составлявших первый конвой заключенных, к концу второго года пребывания на Голлом острове таких оставалось лишь двадцать. Наличие этих «старожилов», которые постепенно превращались в «балласт» Острова, могло отрицательным образом сказаться на процессе «перековки» вновь прибывавших в лагерь. К тому же сюда из лагеря Стара-Градишка перебросили и тех, кто, придерживаясь своих изначальных позиций и бросая вызов «воспитательным мерам», мог плохо повлиять на других арестантов. В то же время некоторые арестанты, особенно те, кто отбывал свой срок в Белграде в 1948–1949 гг., решительно сопротивлялись «дознанию». Поэтому власти пришли к решению подвергнуть определенный контингент «неподдающихся» еще более строгой изоляции⁴⁶⁷.

В нескольких сотнях метров от уже существовавшего лагеря на Голлом острове располагалась воронка глубиной двадцать метров и десять метров шириной. В ней когда-то был бокситовый рудник. Здесь была сооружена деревянная лестница, которую затем залили бетоном. Слева от лестницы стоял трехэтажный барак, в котором содержались заключенные, а справа разместилась постройка кухни. Этих сооружения отделяли друг от друга пять-шесть метров двора, усыпанного щебнем. Вокруг

воронки была возведена высокая бетонная стена со сторожевой башней и утрамбованы тропы, по которым ходила вооруженная охрана. Ночью с башни светили прожекторы, освещая воронку и ее окрестности⁴⁶⁸.

Первоначально эту часть лагеря называли «норой», затем ей присвоили официальное название «101», или «P-101», где буква «P» означала «рабочий участок» («радилиште»), а число 101 было выбрано произвольно, и «никто не мог объяснить, что оно означает, — фактически это был лагерь, в котором содержались известные персоны, занявшие крайне непримиримые позиции»⁴⁶⁹. По некоторым источникам, администрация лагеря и арестанты воспринимали это обозначение так, как если бы оно было написано латиницей, в этом случае буква «P» могла обозначать «пункт»⁴⁷⁰. Собственно говоря, гораздо большей значимостью обладал компонент «101» — он не был случайным. Число 101 означает «очень много». Так, например, французский путешественник XVII века М. Кикле отмечал, что в 1664 г. в Сараеве была «сто одна мечеть». Нет сомнений в том, что Кикле записал дословно ответ на вопрос, сколько в Сараеве мечетей, который он получил от местных жителей; на самом деле это означало: «очень много»⁴⁷¹. Два века спустя, в Сербии Обреновича*, самый длительный срок тюремного заключения, к которому можно было приговорить преступника, составлял «101 год»⁴⁷².

Сами обитатели лагеря «P-101» называли его «монастырем» или «Петровой Дырой». Существует несколько версий того, как возникло это наименование, но все они сходятся в том, что место было названо в честь заключенного Петара Комненича, бывшего председателя Скупщины Черногории, историка, командира партизанского батальона, который наградили это место постыдным

* Обренович Милош (Милош Теодорович, 1780–1860) — сербский князь в 1815–1839 и 1858–1860 гг., основатель династии Обреновичей. Проводил абсолютистскую политику.

прозвищем «дыра». Лагерная администрация всегда называла эту территорию «рабочим участком», а Комненич однажды «подколол» следователя: «Ну что это за участок — просто дыра»⁴⁷³. По другим источникам, Комненич, когда его избивали, сказал, что не будет доносить на других и бить их, даже если в этой «дыре» ляжет костьми. «На этот счет мы даже шутили. В числе прочего мы говорили ему и такое: будем сюда приходить, чтобы поклониться твоим костям, покоящимся в этой дыре»⁴⁷⁴.

Узникам «дыры» предназначался отдельный следователь, создававший особую атмосферу неопределенности и психоза. Вечно «открытое досье» было для людей источником непрерывных терзаний, дурных предчувствий и страхов, оно давило, сводило с ума — ведь над каждым постоянно нависал вопрос: «В чем еще ты пока не сознался, предатель?» И так изо дня в день, из ночи в ночь, без надежды на то, что это когда-нибудь кончится⁴⁷⁵.

«Лагерь в лагере» был секретным — даже узникам, находившимся на Острове, не полагалось знать о его точном местоположении. Жители «Петровой Дыры» жили в полной изоляции: никто не должен был их видеть, и они тоже. Ее обитатели ограждались даже от встреч с заключенными, приносящими воду и пищу из «Колючки». Еду доставляли в больших баках под строгим контролем конвоя и оставляли в сотне метров от «Дыры». В это время заключенные должны были сидеть в бараке под замком, переговариваться вслух им запрещалось. Лишь когда подносчики уходили, баки можно было забрать⁴⁷⁶.

В середине июля 1950 г. из «Колючки» в «Дыру» перевели небольшую группу, состоявшую из пяти-шести «неисправимых». Несколько дней спустя сюда прибыла группа из Белграда, которая провела весь 1949 год в тюрьмах города. В 1952 г. в «Дыру» доставили группу комсостава из лагеря Стара-Градишка — эти узники были наиболее «твердолобыми» и потому подлежали удалению из офицерской среды. От возникновения «Пет-

ровой Дырь» и до ее роспуска через нее прошло в общей сложности 136 человек⁴⁷⁷.

На самом «Рабочем участке 101» разместили так называемую «супербанду»; это были «неисправимые» заключенные — осужденные, до ареста занимавшие высокие партийно-государственные посты, или военачальники. Обитателями особого лагеря были в основном «старые коммунисты», включая даже делегатов учредительного съезда Коммунистической партии Югославии, проходившего в Вуковаре. К их числу принадлежал и словенец Роберт Риналдо. Здесь были и «довоенные коммунисты», прошедшие обучение в Советском Союзе, бывшие члены ЦК, «народные герои», министры, генералы, полковники, бывшие послы, университетская профессура и т. д. В этом спецлагере содержались и словенцы — Силво Фурлан, Драгутин Густинчич, Цене Логар и другие.

Были тут и люди, осужденные в административном порядке, впрочем официально они никогда не были извещены, что их ожидает тюрьма. Помимо бывших партийных деятелей, высокопоставленных государственных чиновников, здесь были и те, кто воевал в Испании, и ряд министров черногорского правительства. Им была уготована особо яростная «встреча» — с диким ором, плевками и побоями. Для этого использовались специально отобранные заключенные из основного лагеря. В «Петровой Дыре» режим был особенно строгим. Заключенных изнуряли бессмысленной работой: без еды, без питья они должны были летом на солнцепеке, а зимой в стужу и ветер переносить камни с одного места на другое и обратно. Еще худшей мукой были унижения, плевки, оскорбления и непрекращающееся «дознание», насилию не было ни конца, ни края. Следователи постоянно принуждали узников писать о своем прошлом, требуя всё новых дополнений, поправок, заявлений и доносов...⁴⁷⁸

Перед посещением Ранковича обитателей «Дырь» перевели в «Малую Колючку», которая с той поры и стала

официально называться «Рабочим участком 101», а «Петрову Дыру» засыпали землей. Прораб Милутин, командовавший сносом блока, приказал: «Всё сровнять за пять дней! И чтоб никаких следов!» Барак был снесен почти мгновенно. Всё, что в нем было ценного, вынесли, колючую проволоку убрали. Камни помельче, вынутые из верхней части стены, собрали и побросали вниз. За три дня была засыпана кухня и большая часть воронки — выглядело это так, будто в нее сошла каменная лавина. Однако на всю глубину засыпать воронку было невозможно. И тогда кто-то придумал: в ней установили два бетонных столба, на которые уложили толстую бетонную балку длиной три-четыре метра. Так называемая «плотницкая» бригада соорудила посреди воронки некое подобие лесов. Сюда стали вливать бетон, который мешали на самом краю воронки. Всё вместе взятое весьма смахивало на производственное предприятие. Наверное, к прибытию высокого инспектора успели поднатаскать и «специалиста», готового ответить на возможные вопросы посетителей... Один из обитателей «Петровой Дыры», участвовавший в этом «подвиге», шепнул своему товарищу: «Знаешь, что мне это напоминает? Потемкинские деревни»⁴⁷⁹.

Мужской и женский лагеря, расположенные на островах Голи-Оток и Свети-Гргур, в сентябре 1951 г. посетил министр внутренних дел Александер Ранкович-Марко, чтобы собственными глазами взглянуть, как идет «перевоспитание» информбюрковцев. Администрация лагеря и заключенные тщательно готовились к его визиту. На «собраниях» арестантов извещали о том, что «рабочий участок» посетят весьма высокие персоны, но кто именно — сказано не было. Просто велели хорошенько подготовиться. В первую очередь, узники должны были всем своим поведением продемонстрировать: они осознали свои заблуждения и поняли, что Партия права. Надо показать, что они понимают и необходимость всего, через что они уже прошли, и важность самого факта: Пар-

тия протянула им руку помощи, она ставит своей целью не уничтожить их, а вывести на правильный путь. Далее, никому не разрешается выходить из строя. Если же кто-то из визитеров подойдет к лагернику и задаст ему вопрос, отвечать следует кратко, четко и с достоинством. И наконец те, у кого есть нож или бритва, должны их немедленно сдать.

У заключенных и без того было много дел. Они не только ликвидировали «Петрову Дыру» — ими были построены новые бараки и выровнен участок, примыкающий к лагерю. За день до визита вычистили и благоустроили двор и прилегающую территорию. Затем узников повели мыться, выдали чистые рубахи, накормили воскресным обедом⁴⁸⁰. Таким образом, на Голом острове министру внутренних дел действительно было что показать: «Лагерь сверкал, позолоченный солнцем, которое играло на белоснежных камнях. Он превратился в дом отдыха, стал воспитательным, общественно-полезным, гуманным, социалистическим лагерем»⁴⁸¹.

Среди столь тщательно наведенного образцового порядка Ранковича дожидался строй заключенных, которые оглушительно скандировали: «Да здравствует Союз Коммунистов Югославии! Долой Информбюро! Смерть Сталину! Да здравствует товарищ Тито! Тито — Марко! Тито — Марко...»⁴⁸² По словам Анте Раштегораца, возгласы звучали «так громогласно и в них вкладывалось столько пыла, что от всего этого волосы на голове прямо-таки вставали дыбом». Эта оценка всё же несколько относительна: Ранкович и в Билече был встречен скандированием. Непреложно одно: приезд министра вызывал большой ажиотаж, волновались все. Это подтверждает и такой эпизод: когда Ранкович, заметив в массе «раскаявшихся» знакомого ему человека, пробывшего на Острове уже довольно долгое время, протянул ему руку, у того подкосились колени, и он от волнения «рухнул наземь, как пустой мешок».

Внешне Ранкович был невозмутим. По территории лагеря он ступал спокойно, поигрывая мундштуком, который был у него во рту. Лишь покинув пределы «Кюлючки», он оглянулся, и Раштегорац, наверное, впервые услышал из уст министра брань: «Мать их скотскую — во что превратили наших людей!»⁴⁸³ Я допускаю, что Раштегорац не ослышался, хотя вокруг было шумно. Но кому было адресовано ругательство — еще вопрос.

В обоих лагерях — и в мужском, и в женском — бойкотированных к «приветствию» не допустили, хлопать и скандировать им не разрешалось. Их попрятали за бараками или даже под нарами⁴⁸⁴. «Это был очень хитрый ход, потому что, если бы Ранкович увидел нас, около 150 бойкотированных доходяг, ему было бы трудно поверить, что и мы тоже — югославские каторжники. Мы ничем не походили на югославов. Нельзя было даже понять, какой у нас цвет кожи — она была покрыта струпьями, а скулы, нос, лоб, голову, уши, плечи, спину и живот украшали следы побоев...»⁴⁸⁵. То же самое происходило и в женском лагере и по той же самой причине: «Могу сказать, что узницы выглядели ужасно, они были такими худыми, что почти у каждой из них копчик выпирал, словно хвост, — настолько они отощали»⁴⁸⁶.

Осмотрев лагерь и его население, Ранкович провел встречу с лагерным начальством и дознавателями. Как вспоминал один из присутствовавших, министр разъяснял обстоятельства, связанные с Информбюро, говорил об оказываемом международном давлении, а также о демонстрациях боеготовности, проводимых на границах:

«Говорил он долго, как будто хотел убедить нас и впредь действовать столь же решительно: рано еще ослаблять вожжи! Быть может, таким образом воспринял его слова только я один, а, может быть, мы все хотели понимать их именно так, чтобы ублажать свою совесть. Не знаю, мы просто продолжали свою работу и после его отъезда... Известно дело: после битвы все генералы большие стратеги»⁴⁸⁷.

Ранкович посетил не только Голый остров и Свети-Гргур, но и лагерь в Билече. Там он пожелал осмотреть одиночные камеры. В одной из них обнаружил полковника милиции, которого знал лично и в отношении которого именно тогда было выявлено, что арестован он был без всякой вины. Ранкович спросил его: «А ты-то здесь что делаешь? Да еще в карцере?» Заключенный смутился, начал заикаться. Но, не желая предстать виновным и покрыть себя позором в глазах верховного начальника, с трудом выдавил: «Нет-нет, товарищ Марко, я здесь выполняю особое поручение!» Услышав такой ответ, Ранкович усмехнулся, а сопровождавший его начальник лагеря потупился. И они ушли. Обход одиночек продолжен не был — Ранкович сказал начальнику: «Дальше не пойдем, не хочу встречать в твою работу!»⁴⁸⁸ Поскольку в отсеке не было громогласного скандирования, полагаю, что начальник всё расслышал четко и понял, что хотел сказать министр.

Визиту Ранковича большое значение придавала не только лагерная администрация, но и сами заключенные: многие из них вспоминают о нем, как о знаменательном событии, хотя после отъезда министра лично для них ничего не изменилось — ни питание, ни режим гигиены, ни отношение администрации. Минули считанные дни, и жизнь вошла в прежнюю колею⁴⁸⁹. Тем не менее, многие бывшие лагерники утверждают, что после визита Ранковича «ситуация изменилась на все сто процентов»: больше не били, не прогоняли сквозь строй, питание немного улучшилось и даже появилось какое-то подобие культурной жизни⁴⁹⁰. Некий бывший узник даже утверждал, будто бы он слышал, как Ранкович сказал: «Отныне никого не бить, а кормить — лучше!»⁴⁹¹

Добавим к этому еще одно откровение бывшего сотрудника УДБА:

«Еще более характерно и интересно то, о чем я узнал гораздо позже из, так сказать, наиболее достовер-

ного источника: после того как Голый остров посетил сербский писатель Добрица Чосич, бывший в то время членом ЦК КПЮ, безобразия, творимые на Острове, открылись. Чосич рассказал Ранковичу и Карделю — обоим сразу — обо всём, что он наблюдал. При этом оказалось, что ни один из них (*relata refero!*^{*}) ранее об этом не ведал, и вскоре этому был положен конец. К сожалению, как нам известно, не навсегда!»⁴⁹²

Исходя из всего сказанного, я считаю, что правды об Острове, о тех ужасах, которым там подвергались заключенные, в «верхах» не знал никто, даже Ранкович. Не только потому, что он сам не желал (у)знать это, и не потому, что подчиненные подавали ему сведения в приукрашенном виде, но также и потому, что реальность лагерного мира была вывернута наизнанку: даже его жертвы не могли примириться с тем, что единственным смыслом «потемкинской деревни», в возведении которой им приходилось участвовать, является абсурд. Человек же стремится к смыслу.

Трудно представить себе, что творилось в этой среде и какими были механизмы, превращавшие «потемкинскую деревню» в глазах ее созидателей в идеальное достижение, в воплощение самых заветных помыслов и устремлений. Очевидно лишь то, что чем хуже человеку живется, тем сильнее он уповает на лучшее. Единение «коллектива» в выкрикивании лозунгов для многих было доказательством истинности их смысла. Наверное, ярче всего процесс подмены действительности иллюзией описала Боса Данилович-Абрамович. Когда судно, на борту которого был Ранкович и его свита, отчалило от Острова, все заключенные выбежали на берег и махали вслед. Тем, кого доселе прятали за бараками, разрешили присоединиться. Боса Данилович сначала дивилась тому, что

* «Рассказываю рассказанное», т. е. передаю, что слышал. Латинская формулировка принципа исторического повествования, высказанного греческим историком Геродотом: «Я обязан рассказать рассказанное, но верить всегда этому я не обязан; пусть это слово мое имеется в виду во всем, что я рассказываю».

все кричат и машут руками, а потом вдруг поймала себя на том, что и она тоже машет, бежит к тому месту, откуда отчалило судно: «Впоследствии я от души посмеялась сама над собой. Вот ведь как: думаешь одно, а делаешь другое. Но такова уж доля того, кто оказался в толпе»⁴⁹³.

Вслед за посещением лагерей министром Ранковичем и другими югославскими функционерами последовали визиты иностранных делегаций. Сначала, в марте 1950 г., в Трудовую бригаду, размещенную в местечке Кленовичи при Новом, куда перевели узников Голого острова, прибыла делегация Международного Красного Креста, в составе которой было по одному представителю из Великобритании, Швеции и Швейцарии. Администрация лагеря к тому времени уже наработала некоторый опыт. За два дня до прибытия делегации в лагере состоялось «собрание», на котором представители администрации «воспитательного учреждения» сообщили заключенным о том, что лагерь посетит международная комиссия. Узникам запретили рассказывать посетителям про Голый остров и про то, какие там условия: кто упомянет об Острове, тот на него и вернется. Таким образом, Международный Красный Крест удостоверился в том, что югославские власти обращаются с информбюровцами гуманно⁴⁹⁴.

Голого острова как бы и не было, во всяком случае, до конца 1950 г. На следующий год выяснилось, что он всё же был. Собственно говоря — и как нам известно — первое публичное упоминание о нем появилось еще в 1949 г. Когда же скрывать его существование стало невозможно, югославские власти стали отрицать то, что лагерь был именно таким, каким он предстал в устных и письменных свидетельствах: дескать, это было гуманное, демократичное учреждение. И в этом лично убедились члены первой иностранной делегации, которая состояла из одиннадцати французских корреспондентов, посетивших Голый остров 28 ноября 1951 г. Журналисты

хотели «видеть всё». И «увидели». К их визиту посреди Острова вновь выросла «потемкинская деревня», которую всего на один день заселили «надежными» заключенными. Их облачили в новые одежды, им подали отменный обед. «Да, это был спектакль... Но не так просто всё было: самый разгар стычки с Информбюро, со Сталиным, с западной общественностью, представленной социалистами, которые тоже хотели видеть тюрьму для политзаключенных. Нам пришлось подготовиться. Мы не были наивными. Нельзя было подавать повода для клеветы и на Западе», — поделился впечатлениями бывший следователь с Голого острова. У любопытных журналистов было заранее подготовлено два десятка вопросов, на которые заключенные отвечали, что пребывают они здесь недавно, а срок их составляет три-четыре месяца, ну, в крайнем случае пять. Чем они занимаются? Изучают марксизм. Разумеется, очищенный от сталинских перекосов. Больше всего журналистов интересовало, за что человека отправили в лагерь и надолго ли, как тут с ним обращаются, где он спит, что ест. С одним из узников, «двухмоторником», беседовали дольше всего. Тот поведал, что осужден на пять лет заключения, так как ранее был военным служащим, майором, и, если бы Красная Армия пересекла границу, он бы не отдал приказ «к бою». — «А разве это не являлось бы нарушением воинской присяги и дисциплины?» — «Да, это можно было бы расценивать как измену». — «И если бы это случилось в военное время, что бы тебя ожидало?» — «Расстрел. По приговору военно-полевого суда». — «Почему же ты занял сторону русских?» — «Так меня учили». — «Кто учил?» — «Ну, Сталин, социализм, Октябрьская революция, Красная Армия...» — «Известно ли тебе о лагерях в Сибири?» — «Теперь известно». — «А об убийствах выдающихся революционеров?» — «Теперь — и об этом тоже». — «Что важнее — интернационализм или родина?» — «Родина. Но тогда я думал, что интернационализм важнее». —

«Справедливо ли тебя наказали?» — «Несправедливо, это слишком мягкая кара за офицерскую измену!»

Так отвечали многие. Условленный порядок нарушил только один респондент. На вопрос, были ли на острове случаи самоубийства, он ответил: да, были. Администрация лагеря позже занялась расследованием, как такое могло произойти, почему он так сказал. Оказалось, что директивы о том, что можно говорить, а чего — нельзя, до него не дошли. В конце концов, все только посмеялись над этим случаем, поскольку бедолага оправдался тем, что он глуховат и не совсем хорошо расслышал, чего нельзя говорить французам; врачи подтвердили, что он не лгал⁴⁹⁵.

Марксистский догматизм лагерного меню

В тюрьмах и лагерях, где содержались информбюровцы, всё подчинялось процессу «перековки», или «пересмотра политической позиции». Питанию тоже отводилась важная роль, поскольку именно пустой желудок в наибольшей мере влияет на рассудок человека. «Вы хотите, чтобы я вам сказал, как надобно кормить тех, к кому правительство и КПЮ утратили всяческое доверие, поскольку они не согласны с официальными взглядами на политику СССР, Резолюцию Информбюро и т. д.?!»⁴⁹⁶ Во время визита в женский блок лагеря Ранкович задал узникам вопрос о том, какое в лагере питание. Одна из них сказала, что еда «ужасная». — «То есть как — ужасная?» — «Да вот так: мы смертельно голодны». И Ранкович ответил: «Сейчас весь народ голоден, мы находимся в состоянии экономической блокады»⁴⁹⁷.

Заклученных мучили голод и жажда — это ослабляло их волю к сопротивлению. Голод был мощным инструментом в процессе «перековки», поскольку он позволял эффективным образом сломить достоинство людей, лишить их желания бунтовать. Ведь, как сказал Меша Селимович*, от человека, одолеваемого голодом, остается немного.

С самого основания лагеря питание большинства заключенных было некачественным и скудным, все они на протяжении многих лет в той или иной степени испытывали голод. Это было настолько тяжело, что те, у кого

* Селимович Меша (1910–1982) — сербский писатель из Боснии и Герцеговины, одна из самых значительных фигур в литературе Югославии.

была возможность, ели даже корм, предназначенный коровам и овцам. От голода не страдали лишь «активисты» — да и то не все. После раздачи в котлах обычно оставалось немного пищи, которую съедали «руководители» и прихлебатели, у которых был доступ к кухне⁴⁹⁸.

О том, насколько острым было чувство голода, лучше всего свидетельствуют записки одного из бывших заключенных: «Все мучения, которым мы подвергались на работах, и другие лишения было бы переносить гораздо легче, если бы мы не были голодны... Ужас. Голод в глазах, в костях, в душе. В это трудно поверить, но если в уборной кому-то случалось обронить кусок хлеба, и тот падал прямо в фекалии, его всё равно поднимали и съедали»⁴⁹⁹. Примерно о том же рассказала и одна из узниц: «Некоторые женщины, да простит им Бог, выискивали среди навоза куски, брошенные надсмотрщицами, и съедали их, а меня Бог отвел, мне так делать не пришлось»⁵⁰⁰.

Голод влиял и на поведение человека:

«Мы всегда были голодны. Сначала голод можно было еще хоть как-то терпеть, но человек, голодающий месяцами и годами, становится ненормальным. Голод влияет на поведение людей. Я думаю, что за лишний кусочек хлеба и другие мелкие преимущества многие предали себя, стали зверьем. А чем еще объяснить то озверение, с которым человек относился к человеку»⁵⁰¹.

Однако было бы ошибкой думать, что голод одинаково влиял на всех. Некоторые, даже самые изнуренные голодом и пытками, не хотели становиться «побирушками», чтобы добыть больше еды, чем остальные. «Побирушками» называли тех, кто подбирал хлебные отходы и окурки⁵⁰². Многие (лишая себя еды!) жевали высушенные хлебные крошки, чтобы придать им эластичность, и лепили из них шахматные фигуры и костяшки домино⁵⁰³. Янез Езершек приберегал кусочек своей порции хлеба — чтобы покормить мышку⁵⁰⁴.

Как и всё прочее, меню тоже было тюремным. В период с 1949 по 1952 гг. заключенным на завтрак давали эрзац черного кофе и сто пятьдесят граммов хлеба или половник жидкой поленты («пурь») ⁵⁰⁵. Несмотря на то, что после 1953 г. ситуация улучшилась, еда всё еще была скудной, а тела были изнурены тяжелой работой ⁵⁰⁶.

В первые годы деятельности «Мраморного Цеха» обеда и ужины были весьма однообразными. Это были годы, когда пищи не хватало и на свободе. В то время заключенные день за днем получали на обед и на ужин репу: «репа, репа и еще раз репа». Давали также капусту или фасоль, при этом каждая фасолинка была на счету, а еще популярен был «ричет» — густой суп с бобами и перловой крупой. Иногда перепадал кусок хлеба ⁵⁰⁷. Мясо давали редко — раз в месяц ⁵⁰⁸ или в том случае, когда его не пропускали через границу как не соответствующее нормативам: «а для нас оно было просто объеденьем» ⁵⁰⁹.

Батон хлеба делили на несколько человек, каждый получал 300 граммов, или шестую часть батона. Хлеб был плохого качества («клёклый и плесневелый»), потому что его пекли заключенные, которые не очень-то хорошо умели это делать, так что «по форме и твердости он больше был похож на камень с Голого острова, чем на хлеб». Позже, когда в лагерь прибыли настоящие пекари, качество хлеба всё равно не улучшилось, потому что для заключенных стали печь «небольшие черные хлебцы», а для членов администрации — «ситный». И всё же каждый хотел, чтобы ему досталась не «мякушка», а «горбушка» — за нее неистово ругались, завязывались и драки ⁵¹⁰.

После 1953 г., то есть на «второй стадии» жизни Голого острова, немного улучшилось и питание. Согласно письменному распоряжению от 11 июня 1954 г., общая калорийность рациона осужденных, работавших на лесоповале в Велебите, должна была составлять 3240–4429 килокалорий в сутки ⁵¹¹.

Пища была не только скудной и однообразной; заключенным казалось, что всё, кроме бобов, имеет один и тот же вкус. При этом — плохой. Еда была довольно густой, но зерна в ней попадались редко — возможно, добавляли муку. Но если давали фасоль, то для всех это был праздник, узники называли ее «король Милан»⁵¹². Ну, об этом говорили мало, потому что на Голом острове ничего не было ни хуже, ни лучше — всё было наилучшим:

«Ричет драл пищевод и камнем сваливался в желудок. “Я прекрасно пообедал. А ты?” — “И я!” — “Уж и не припомню, когда я так вкусно ел!” Картофель не чистили. Что — так и давали в кожуре, как свиньям? Так и давали! Но никто этого не замечал. Неужели? Ну да, ведь и рис нечищенный — так даже лучше. Лишь бы его было больше. Однажды Мирко зачерпнул полную ложку картофельной кожуры: сама картошка уплыла в неизвестном направлении, а вот очистки попали прямоком в котел. Скорее всего, это были отходы из столовой для следователей. Наверное, «центровым» готовят иначе, а это — отбросы. Мирко не мог утверждать это наверняка, но такая вероятность не исключалась: уж если некоторые из арестантов делают то, что должна делать администрация лагеря, то почему бы им не иметь хоть какие-то крохи от прав властителей? Хотя бы право на лучший кусок? Кто знает! Но, хотя Мирко был и голоден, о еде он размышлял реже всего»⁵¹³.

Однажды к островам Голи-Оток и Свети-Гргур подошла рыбацкая лодка. Из «активистов» сформировали рыболовецкую команду по вылову сардин — рыбачили, главным образом, в ближних водах, иногда — чуть поодаль. Поэтому раз в месяц на обед были сардины. Обычно — две-три рыбки на порцию и столько же креветок:

«Это было настоящим деликатесом! Креветок я разгрызал и съедал вместе с панцирем. В панцире много фосфора. А маленькие рыбешки означали для нас огромную, бесценную перемену. Для нас это был просто королевский обед»⁵¹⁴.

По большим праздникам заключенным давали паточку и знаменитую «голоостровскую» халву: в раскаленное растительное масло всыпали муку и хорошенько ее поджаривали, потом всё это заливали сиропом и доводили до кипения. Все мы, не скрывая восторга, «канались», кому посчастливится отдраить и выполоскать котел⁵¹⁵.

Однажды узникам Острова ни с того ни с сего дали рулет — это взбудоражило всех. Рулет был из обычного хлебного теста, которое замесили не слишком круто и начинили поджаренными хлебными крошками, слегка проваренными в сиропе. Такому деликатесу дали прозвище «фосна» — «брусок». «Фосна» распалила фантазию заключенных, и внутри «Колючки» стали ходить слухи, которые выросли в целую легенду об интенданте лагеря: именно тогда на эту должность заступил кто-то из ветеранов народно-освободительной борьбы. Рассказывали, что во время войны и после нее этого человека считали безрассудным храбрецом — «без царя в голове». Он был связным, и ему удалось первым прибыть из Срема в Верховный штаб, располагавшийся в Боснии. Пешком. Он пробивался через все препятствия как знал и умел — и пробился! Говорили, что его вызвал к себе сам Верховный Главнокомандующий, побеседовал с ним и, услышав о том, что парень пешком преодолел огромное расстояние за столь короткое время, сказал: как только война закончится, получишь коня. А парень был еще и весельчаком, на лице его всегда играла улыбка — так вот, он сказал: не хочу коня, хочу машину. И Верховный пообещал ему машину. «Царское» слово нужно держать, и вскоре после войны парень сел за руль великолепного автомобиля.

Была ли в этой истории доля истины, не знал никто. Однако многие помнили, что когда-то имя этого интенданта доносилось из лагерного громкоговорителя — и оно упоминалось в списке тех, кто считался «отъявленной бандой». А теперь этот «отъявленный» вдруг стал главным завхозом. Но и это его не изменило: «Безбашенным

был — таким и остался». Поговаривали еще, что он составлял рацион для заключенных, соображаясь с таблицами питательных веществ, и всё, чего не было на складе для заключенных, изымал со склада администрации. Собственно говоря, не так уж важно, правда это или вымысел. «Фосна» для узников олицетворяла победу смелого воина, который еще вчера был «отъявленной бандой», а не милостыню со стороны тюремщиков, каковой считалась патока. «Фосна» стала еще вкуснее и даже «слаще самого лучшего торта на свободе»⁵¹⁶.

Однообразие лагерной жизни время от времени нарушалось какой-нибудь новостью, событием, вызывавшим шутки и комментарии. Так было, когда питание вдруг несколько улучшилось за счет введения в рацион яичного порошка. В лагерях было много разговоров о яичном порошке, или «яйцах Трумэна». Порошок всем пришелся по вкусу, люди были в восторге, и многим казалось, что они никогда в своей жизни не ели ничего вкуснее. Заключенные даже на работе обсуждали, хорошо ли был поджарен омлет, и вслух дивились благородству Партии, которая так балует своих предателей. И всё же к этому продукту относились с опаской. Промышленная переработка пищевых продуктов по технологиям, постичь которые было трудно, у большинства вызывала недоверие, и над такой пищей посмеивались. Из-за этих яиц разразился настоящий скандал. Кто-то «расслабился» и продекламировал стишок, который принес «с воли»:

*Яичный порошок —
для женщин страшный шок.
Все объаты страхом:
Яйца стали прахом!*

Из-за этого куплета ему пришлось предстать перед «коллективом». Человека обвинили в «харанге». Он отговаривался тем, что это просто шутка — на воле она считается вполне невинной. Староста камеры отругал его:

«Вот и на воле ты слишком много гавкал— потому и оказался тут!»⁵¹⁷

Раздача еды проходила так же, как и во всех тоталитарных учреждениях. Заключенные выстраивались в очередь, как в армии или в молодежном стройотряде. Несколько котлов и длинные очереди к ним. Камера за камерой. В очереди тоже всё было «по очереди»: сначала — лучшие «активисты», затем — «перекованные», после них — «отсроченные» и наконец «банда», враги социализма. Возле котла стоял дежурный надзиратель и следил за раздачей. Под котлом был деревянный поддон с хлоркой, перед ним — деревянные контейнеры с кусками хлеба и мисками, ящик с ложками. Заключенный должен был сначала окунуть руки в хлорку — для дезинфекции, независимо от того, насколько они были грязными. Когда подходила очередь, дежурный из числа заключенных зачерпывал половником из котла еду и накладывал ее в миску.

Процедура раздачи была всегда одинаковой: рядом с котлом стоял староста. Рядом с ним — «раздатчик», накладывавший еду. Поднять голову от котла и посмотреть на того, кто стоит перед ним, ему не разрешалось. Зачерпнуть можно было только один раз, и то, что оказывалось в половнике, переливалось в миску очередника. Кто-то получал кусок мяса, кто-то — нет. Иногда заканчивались миски, и некоторым приходилось ждать, пока кто-то отобедает⁵¹⁸.

В лагере Стара-Градишка у каждого должна была быть своя ложка. Для нее нужно было найти надежное место — за пазухой или в штанах, даже если на них живого места не было. Потерять можно было всё — только не ложку. Ложку берегли как зеницу ока, хотя ее никогда не мыли. Да и зачем? Она всегда была тщательно вылизана⁵¹⁹.

Если говорить о раздаче еды, то стоит упомянуть о весьма интересных воспоминаниях бывшего лагерника: всем хотелось подойти к котлу в последнюю очередь:

«на дне баланда гуще». Поэтому каждый полдень и каждый вечер шел тихий, но упорный бой, полный самых разных уловок: каждый старался оказаться последним⁵²⁰.

В очереди за едой также должен был царить порядок и — предвкушение счастья. Если вдруг кто-то вслух начинал мечтать о какой-то иной пище, этого было достаточно, чтобы его тут же обступила толпа «порядочных», и каждый вываливал на него ставшие уже привычными попреки: «Как ты смеешь хаять такой замечательный обед?», «Да мы, предатели Партии, заслужили и того, чтобы подохнуть с голоду!», «Трудящимся на воле вообще нечего есть, а ведь они строят социализм!» За этим следовали побои⁵²¹.

Ели, как правило, под открытым небом, а если шел дождь — приходилось прятаться в бараках. В лагерях не было ни столов, ни скамеек. Поэтому садились прямо на землю и ставили миску промеж ног. Но так могли делать не все. Сидя ели только «члены коллектива», а бойкотируемые должны были стоять. Если баланда была слишком горячей, это было уж совсем неудобно. С проблемой можно было справиться, поставив миску на рукав и одновременно прижав к груди. В другой руке был кусочек поленты, а кусать от нее надо было очень осторожно, чтобы она не крошилась и не осыпалась; каждый кусочек запивали баландой — прямо из миски. Пища обычно съедалась быстро и жадно — и люди опять были голодны. Мало кто научился есть медленно, тщательно пережевывая каждый кусочек, а потом еще хлеб — по крошкам⁵²².

По окончании раздачи вокруг котла образовывалась толчае: кто-то втирался в группу тех, кому полагалась «добавка». На него орал староста барака, а тот доказывал, что сегодня он имеет право на второй подход. Сыпались удары. Даже те, кто не бил, считали, что так ему и надо: не он один хочет есть⁵²³.

О том, как недоедание сказывалось на психике людей, вспоминает бывший узник лагеря Свети-Гргур. Од-

нажды сосед по бараку, пожилой заключенный, сказал ему: «А знаешь, Саво, тебе сегодня достался кусок хлеба побольше». Саво предложил ему поменяться, тот согласился, но потом сказал: «Знаешь, я, кажется, просчитался — этот кусок меньше». Обмен повторился еще четырежды или даже пять раз, «и каждый раз ему казалось, что кусок в моих руках огромный, как дом»⁵²⁴.

Нехватка пищи способствовала росту недоверчивости среди заключенных: голоден был каждый, и уже этим представлял собой угрозу для другого. Многие старались облегчить свою участь, воруя еду у соседей⁵²⁵. Уличенных в краже куска хлеба обсуждали на «собрании коллектива» и, как правило, подвергали бойкоту. Впрочем, похищенного хлеба было уже не вернуть.

На «собраниях» узники «совестили» воров примерно так:

«Мы прекрасно знаем, что мы не у тещи на блинах. Мы знаем также и то, что еды вполне достаточно и она соответствует тому объему работ, который на нас возложен... Однако эта банда посмела своровать пищу, которая предназначалась другому. Твой товарищ не умрет от голода, даже если на сей раз ему и не удалось поесть, но и ты более сытым не станешь. Не так уж ты и голоден — ведь мы же не считаем себя голодными. Это просто алчность. А раз уж это так, то значит, ты скатился на самое дно — вслед за всей той сволочью, которую туда затащила Резолюция. И теперь таящееся в тебе зло, из-за которого ты встал на сторону Резолюции, должно быть изничтожено. Для твоего же блага. Не вижу иного выхода, кроме бойкота».

Или:

«Не знаю, как вы, товарищи, а я заверяю вас, что, когда искуплю свою вину и докажу, что вновь встал на путь, который наметило руководство нашей славной Партии, когда я вернусь домой, велю жене каждый день готовить мне поленту с этой подливкой. Такой вкуснятины я не ел нигде. Я не шучу, вы меня знаете — я никогда не вру! Поэтому я предлагаю объявить

бойкот этому ничтожеству, чтобы задавить в нем его ненасытность и алчность, тем самым вернув его народу и Партии как полноценного члена общества!»

Большинство узников воров осуждало, но всё же некоторые считали такие «собрания» смехотворными, особенно когда на них звучал лозунг: «Долой голодных!»⁵²⁶

Поскольку официально голодных в лагере не было, уступить свою порцию другому было нельзя. Если кто-то это делал, ему сразу же выговаривали: «Раз уж ты не можешь съесть свою пайку сам, верни ее обратно. Не видишь что ли — голодных здесь нет». Невзирая на это, кое-кто всё же съедал свою порцию не целиком: некоторые из «раскаившихся» время от времени тайком делились куском хлеба с бойкотируемыми товарищами, которые, как было очевидно, превращались в «доходят»⁵²⁷.

Особенно тяжело было то, что признаться в том, что ты голоден, было нельзя — наоборот, нужно было всячески восхвалять обилие и качество еды. От заключенных требовали, чтобы они выражали свой восторг, рассыпались в благодарностях по отношению к народу и Партии, ведь они были предателями, а Партия к ним проявила великодушие, не лишила куска хлеба⁵²⁸. На Голом острове одну из узниц постигло наказание: она пожаловалась своей сокамернице, что всю ночь не могла уснуть из-за голода. Ее прогнали сквозь строй и назначили на самые тяжелые работы⁵²⁹.

Потребность в еде не может быть вытеснена ничем, как, например, потребность в сексе. Длительное недоедание может стать смертельным или, по крайней мере, губительным для психики: человек, который долго голодает, становится апатичным, и его фантазии в основном сводятся к еде. Заключенные часто в мыслях обращались к пище: «А сейчас я подумаю о чем-нибудь вкусном, о ломтике ветчины с белым хлебом и чесноком, будь он трижды проклят...»⁵³⁰ Они представляли себе: вот бы их хоть разочек допустили до ломящегося от яств стола, вот бы наесться досыта...⁵³¹

Голод так въедался в тело и душу, что люди уже не могли насытиться. Даже если вдруг случалось так, что пищи было вдоволь, ощущение сытости не приходило. «Заглатываю кусок за куском, но не наедаюсь... как если бы швырял еду в прорву — голод неизбывен»⁵³².

Разговоры обычно вертелись вокруг одного: вода и еда. «Ораторы» прямо-таки состязались меж собой, кто больший спец на кулинарном поприще. На Острове наибольшей популярностью у слушателей пользовался бывший директор белградского отеля «Мажестик». По образованию он был то ли поваром, то ли официантом и поэтому знал массу чудесных рецептов⁵³³.

О хорошей еде не только говорили — старались существенно улучшить регулярное питание, собирая съедобные растения (крапиву, дикий чеснок, буковые орешки и т. п.), которые затем тайком добавляли в (горячую) баланду, чтобы она стала аппетитнее, или просто жевали. Узники островов Голи-Оток и Свети-Гргур собирали и поедали яйца чаек, хотя пахли они отвратительно, а на Угляне в пищу шли еще и морские огурцы — голотурии⁵³⁴.

«Собирательство», конечно же, было запрещено. Не разрешалось подбирать даже те крохи, которые просыпались на землю во время транспортировки. Если рвался мешок и его содержимое оказывалось на земле, нужно было всё тщательно собрать обратно, а если что-то и оставалось, то есть или класть в карман не смей — это следовало выбросить в море или в отходы. Мало кто мог устоять перед искушением. Человек, подобравший упавшую на землю репку, если только это представлялось возможным, хватал ее и со всех ног бежал с ней в уборную, где и съедал ее — немытую, с кожурой. Найти во дворе кусок сала или хлеба считалось небывалой удачей. Большинство лагерников подбирало и съедало отбросы, хотя на них после этого обрушивался град ударов. Пойманный мог заработать бойкот. Или же ему вешали на

шею табличку, на которой значилось, что он вор, вун или побирушка, и водили по лагерю, чтобы все могли его видеть — оплевывать и избивать. Обвинения так и сыпались: нет, мы тут не голодаем, нас регулярно кормят, и незачем есть траву, незачем подбирать «чинарики»⁵³⁵.

А вот случай, который произошел в Билече в 1953 г. Бошко Радусинович — после побоев и издевательств — был оставлен во дворе барака. Придя в себя, он заметил неподалеку бочку, в которой прежде была полента, и голод сделал свое дело. Узник залез в нее и ногтями стал соскребать со стенок и поедать засохшие остатки. Кто-то это заметил, и Радусиновича, объявив «побирушкой», в тот же вечер прогнали сквозь строй, составленный из заключенных камеры⁵³⁶.

На Голом острове Эмил Вайс пытался облегчить чувство голода, поедая рыбные кости. Его застали за этим занятием, и на следующий день по всей каменоломне распространилось известие о «словенце, который гложет рыбы кости». На него приходили посмотреть, его дразнили, потешались над ним, а некоторые просто глазели на него, как если бы он был забавной обезьянкой в зоопарке или бродячем зверинце. Ему трудно было защититься от насмешек и колкостей: «Их бесстыжему чванству не было предела. Дескать — у нас тут всего вдоволь... живем как в раю... еды — невпроворот... А ты жрешь рыбы кости! Какая гадость! Банда, банда! Все теснятся вокруг меня, обзывают по-всякому, провоцируют»⁵³⁷.

На Голом острове следователи и некоторые «активисты», развлекаясь, нарочно приманивали голодных людей остатками пищи. Однажды кто-то оставил на видном месте миску с рисом, в которой было больше соли, чем крупы. Один из узников подобрал ее и накинулся на еду. Как только он наелся, охранники отвели его в камеру, где был включен вентилятор, подававший горячий воздух. Жара была невыносимая, пот тек с тела градом, пить хотелось ужасно, а воды не было. Муки были на-

столько жестокими, что потом этот человек сказал, что ему больше никогда в жизни не захочется риса⁵³⁸.

На «общественно-полезных работах» заключенные редко бывали сыты, а зачастую испытывали еще и жажду — особенно на островах. Голый остров и Свети-Гргур не имели естественных источников пресной воды — она доставлялась с материка. Здесь стояли большие цистерны и резервуары. Но их было недостаточно. Тогда приобрели судно «Извор» («Источник»), которое периодически пополняло запасы воды в резервуарах. Порой море штормило, и тогда люди оставались без воды.

Как считала лагерная администрация, «Извор» снял проблему нехватки воды. Заключенные считали иначе, но выразить свое мнение они смогли лишь много лет спустя, уже после отбытия срока на Острове. Либо воды доставлялось слишком мало, либо емкости были недостаточно велики, но воды не хватало постоянно. Поэтому ее очень строго отмеряли и делили буквально по каплям. Вода для заключенных была «величайшим достоянием и самой заветной страстью», за глоток воды многие были готовы пожертвовать обедом. По воде тосковали всё время, она снилась по ночам. И даже если кому-то удавалось хоть раз напиться вволю, жажда не проходила⁵³⁹.

Из цистерны воду наливали в большие котлы, которые на плечах несли в кухню и в бараки, расположенные в двух-трех километрах на другой стороне острова. В рабочее время ее разносили по «участку» в бидонах-«канглах» (емкостях, напоминавших садовую лейку). Разносчиками были «профессиональные» водоносы. Это была работа для «доходяг» — заключенных преклонного возраста, больных или увечных — или тех, кому власти доверяли чуть больше, чем остальным: такими были «старожилы» Острова. Иной раз администрация назначала кого-то водоносом с особым умыслом: не было человека, которого не возненавидела бы по меньшей мере половина занятых тяжелой работой заключенных лишь

за то, что он хотя бы на один день стал водоносом. В течение «смены» водонос приходил два-три раза и каждому выдавал по одной «порции» воды, наливая ее в крышку порционной миски. Такая работа считалась чуть ли не лучшей из всех возможных, ведь у водоносов были преимущества, о которых другие не могли и мечтать. Водоносы имели возможность пить, пусть даже не всегда и не столько, сколько им хотелось, но в любом случае больше, чем другие. Справедливости ради надо отметить, что и им не позволялось потреблять больше воды, чем вмещала крышка, иначе, если бы кто-то на них «настучал», им грозил бы бойкот. И всё же заключенные всячески старались к ним подольститься — каждый боялся испортить отношения с водоносом. Когда приносили воду, весь «участок» оживлялся. Люди подбегали к «кангле» и, отталкивая друг друга, старались поскорее получить хотя бы глоток; конечно же, в толчее немало воды было пролито на землю. Тогда вмешивались бригадиры и «про-рабы», которые наводили порядок тычками. Конвоиры с интересом наблюдали за борьбой и громко комментировали происходящее. Случилось так, что вода заканчивалась, не доставшись тем, кто оказывался позади всех. Обычно ее не хватало «двухмоторникам» и бойкотируемым: «Пусть банда знает, что такое бойкот!»⁵⁴⁰

Жажду пытались утолить разными способами: пили дождевую воду, старались хлебнуть воды при мытье. Вода, которая выдавалась узникам после обеда, чтобы они могли ополоснуть миску и ложку, тоже выпивалась вся без остатка. Кто-то даже пробовал пить морскую воду, но от нее жажда только усиливалась⁵⁴¹.

Узникам хотелось не только воды. В 1954 г. кое-кто на Голом острове утолял жажду так называемым «нашим чаем». Это было «довольно вкусное вино», которое находчивые лагерники получали из винного уксуса. Разумеется, приготовление такого напитка не позволялось, однако самые сообразительные умели обойти запреты⁵⁴².

Гораздо больше алкоголя потребляли лагерные власти. Многие дознаватели напивались в ресторане, тратя на выпивку, по-видимому, большую часть своей зарплаты⁵⁴³.

Поначалу заключенным было разрешено покупать в буфете четыре папиросы в день. Затем их получали от администрации лагеря: «члену коллектива» в день полагалось пять папирос, «активисту» — семь. О том, что человек получал право на курение, объявлялось по утрам в присутствии всех: осужденному такому-то разрешается курить; счастливица все поздравляли. Для новых «членов коллектива» папиросы были «поистине богатством», убедительным доказательством того, что для них «ветер переменился». Запрет на курение был страшным лишением для заядлых курильщиков, которые ради единственного «бычка» были готовы «отречься от своих самых глубоких убеждений»⁵⁴⁴.

Курили в лагерях не только для того, чтобы утолить тягу к табаку — здесь от папиросы не отказывался и тот, кто прежде не курил. Прикуренная папироса вызывала ощущение равенства с оставшимися на свободе — по крайней мере в том, что касается курения⁵⁴⁵. Курение в лагерной среде считалось знаком высокого статуса. Если человек прикурил папиросу — значит, он «активист». «Активисты» получали по две-три папиросы в день, а «прорабы», вероятно, даже больше. Всем остальным папирос не полагалось, а уж тем более — «банде». Если «банда» вдруг закуривала, это было поводом для объявления войны. И неважно было, подобрал ли он «бычок» или его кто-то угостил папироской — «колотушек» ему было не миновать⁵⁴⁶. Большинство «активистов» демонстрировало свои привилегии, не только пуская дым с особым наслаждением, но при этом еще и насмехаясь над теми, кто долбил камень⁵⁴⁷.

Папирос не хватало, поэтому каждая прикуривалась трижды, четырежды — после пары затяжек недокуренную папиросу «забычковывали», пряча ее под кепкой.

Тушили, посплюнув палец, и оставляли «на потом». Из-за нехватки курева некоторые лагерники на Голом острове покуривали шалфей⁵⁴⁸.

Время, когда можно было спокойно затянуться, было драгоценным, но и тут были свои подводные камни. Кое-кому удавалось и курение использовать для провокации, спросив, например, хорош ли табачок. Верного ответа на этот вопрос не было, в любом случае ты оказывался неправ. Если «табачок хорош», спросивший мог тут же побежать к следователю и представить тебя «двурушником», поскольку все знали: папиросы, которые выдавались лагерникам, — сущее дерьмо. Значит, ты солгал, а это подло, так поступают информбюровцы. Если ты отвечал, что табак нехорош, это тоже было ошибкой. Так может ответить только неблагодарная скотина, не умеющая ценить то, что ему дало социалистическое общество. Если же ты отмалчивался, то и здесь оказывался виноватым: молчишь — значит «двурушник»⁵⁴⁹.

Курильщики угнетало не только отсутствие папирос — не было и спичек. Огонь узник высекал кресалом, «как Робинзон Крузо»: «В эпоху, когда человек овладел технологиями, позволявшими ему покорять Вселенную, люди на Голом острове в своем поведении мало чем отличались от дикарей»⁵⁵⁰. Огонь можно было добыть и с помощью очков. Надо было поймать линзой солнце и направить луч, преломленный через стекло, на самый кончик папиросы. Держишь ее промеж пальцев одной руки, а другой нацеливаешь на нее пучок света. Через несколько минут бумага начинает коробиться, затем желтеть, появляется дым и... — папироса прикурена⁵⁵¹.

Подобно тому, как узникам запрещали делиться друг с другом пищей, не разрешалось никому давать и папиросы, особенно «банде». Некоторые надсмотрщики и даже заключенные умышленно бросали на землю окурки. Если кто-то был замечен в собирании «бычков», он должен был в присутствии «коллектива» покаяться в этом

поступке, признать себя последней свиньей, а «коллектив» изрекал ему свое глубокое осуждение громким «Уууу!». За «бычок» можно было заработать бойкот⁵⁵².

«Перековка» была нацелена на то, чтобы сломить человека, унижить его, «опустить». Хочешь сохранить достоинство и самооценку — поступай как Швейк. Но только хорошенько замаскируйся, облеку свое ерничество в жалкие слова самобичевания — слушатели ни за что не должны понять, говоришь ты всерьез или «водишь их за нос»:

«Я, товарищи, заурядное ничтожество. Тряпка... Я поднял с земли “бычок”. Товарищи, рабочее место, на котором я находился, занято было мною не по праву. Но Партия, мать родная, которой я так подло изменил, доверила мне этот пост, рассчитывая на мое усердие. А я, размазня и лентяй, скрывал свою нерадивость и никчемность, просиживая в кабинете до зари. И, будучи полным нулем, я прибегнул к мошенничеству. Я завидовал всем, кто был наделен способностями. Боялся, что меня опередят и отпихнут. Приветствуя Резолюцию, я решил, что таким образом смогу обеспечить себе высокое положение на момент прихода русских. Я не верил, что народу и Партии под руководством нашего славного, гениального руководства удастся дать им отпор. И вот так я падал всё ниже и ниже, пока не упал столь низко, что подбираю окурки...»⁵⁵³

Некоторые, не удержавшись от соблазна, воровали папиросы у соседей при первой же возможности. Каждый раз под подозрение попадала чуть ли не на целая дюжина узников, каждый раз в воздухе пахло грозой, и нередко вспыхивала драка. Это напоминало землетрясение. Клубок лагерников могли распутать только конвоиры. Последствиями этой встряски были разрывы барабанных перепонок и сломанные руки, а уж царапин и шишек не считал никто. Папиросы же исчезали бесследно, и даже обыски не помогали их обнаружить, поэтому всюду были слышны вопли: «Скоты! Хуже скотов!»⁵⁵⁴

В лагерях, где содержались информбюровцы, многие заключенные приторговывали тем, чем владели. В основном меняли хлеб на папиросы. Лишь немногие из лагерников меняли на папиросы кое-что из одежды. Еще меньше было таких, кто занимался «ростовщицеством»: каждую из полученных ими папирос они делили на три части, и эту треть «одалживали», считая ее половиной, а затем требовали возврата половины папиросы. Власти лагеря такую торговлю жестко пресекали. Менявшие хлеб на папиросы рисковали тем, что их заставят «изложить свою позицию», побьют и подвергнут бойкоту⁵⁵⁵.

Порядок, насаждаемый насильственно, был ширмой, за которой скрывался хаос жизни, протекавшей под гнетом. Хотя «черная биржа» и подавлялась, она всё же действовала:

«Будучи бойкотируемым, я даже тогда, когда голод был невыносим, выменивал на хлеб пару папирос; время от времени я предлагал кусок хлеба кому-нибудь из некурящих, имевших статус «отсроченных» — им полагались две папиросы в день. Драгоценный кусок хлеба. Хлеб-солнце. Хлеб-воздух. Хлеб-семья. Хлеб-Хлеб. Я бы отдал его и за одну-единственную папиросу. Даже за половину. И даже за одну затяжку. Мой организм, отторгнутый от никотина, уже и не ощущал потребности в табаке: я покупал не табак, а мгновение, когда можно было почувствовать себя человеком. Курение было не потребностью — символом»⁵⁵⁶.

Поэтому папироса так высоко и ценилась, и для некоторых из лагерников это было «самое уязвимое место», чем умело пользовались те, кто на этом зарабатывал; полпапиросы — вот уже и повод для «харанги», с которой можно явиться на доклад к старосте, а то и к следователю. Самые заядлые курильщики годами вращались в замкнутом круге: из бойкота — в ранг «отсроченных», из «отсроченных» — обратно в бойкот и, крайне редко, — в «члены коллектива»⁵⁵⁷.

Чего бы не сделал заядлый курильщик ради одной-единственной папироски! Лучше всего об этом было известно дознавателям. Во время допроса у следователя на столе всегда лежала пачка папирос — это было верное средство, «смягчавшее» допрашиваемого. Иногда следователь предлагал узнику закурить, порой не предлагал. Конечно же этот инструмент не был идеален. Случалось так, что даже самый одержимый курильщик отклонял предложение: «Помни, у кого берешь!»⁵⁵⁸

Курение имело еще одну важную сторону: оно давало людям редкий повод для общения. Курили обычно вдвоем, втроем или даже группой. Папиросу передавали «из уст в уста». Каждому хватало на глубокую затяжку, хотя сама папироска, которую в таком случае называли «перекидной», была тонка, «словно стан русской барышни»⁵⁵⁹.

Султан в гареме ||

В дополнение к средствам физического принуждения, власти для обезчеловечения и демонизации жертв использовали и другие методы, сводившиеся прежде всего к лишению человека возможности удовлетворения его базовых потребностей — то есть потребности в пище и сексе. Особенно сильным и эффективным орудием был голод. Голодая, заключенные были вынуждены отказаться от своих прежних привычек. Тому, кто хотел выжить, приходилось поступаться своими понятиями и есть то, чего они при иных обстоятельствах никогда бы есть не стали — с этим столкнулось подавляющее большинство узников. Длительное голодание может привести к смерти или по крайней мере к нарушениям психики: человека охватывает апатия, его фантазии сводятся в основном к еде, любая иная мотивация ослабевает. Таким образом, заключенные в большинстве своем уже не могли думать ни о чем, кроме пищи. Голод деформировал все эмоции, включая любовь.

Утрата либидо (прекращение эрекции полового члена у мужчин и менструаций у женщин) была вызвана не только нехваткой пищи. Изменение окружения было столь кардинальным, а характер перемен столь ошарашивающим, что большинство заключенных к сексу не стремилось вообще. У этого явления были четыре основные причины: голод, деградация, борьба за выживание и то немаловажное обстоятельство, что в лагерях не было представителей противоположного пола⁵⁶⁰.

Половой инстинкт относительно быстро ослабевал у подавляющего большинства узников — как у мужчин, так и у женщин. Мужчины становились импотентами и, равно как и в прочих лагерях, «у них обычно не оставалось сил для того, чтобы испытывать сильное возбуждение»⁵⁶¹.

Что же касается узниц, то у них почти поголовно, как только их арестовывали или отправляли в лагерь, прекращались менструации и возобновлялись только тогда, когда им удавалось «доказать», что они «исправились», то есть перед самым освобождением из лагеря или уже после выхода на свободу. Отсутствие менструаций большинство узниц переживало болезненно, им казалось, что они перестали быть женщинами. Однако кое-кто из них в нарушении цикла усматривал даже определенные преимущества: «Какое счастье, что мы перестали быть существами женского пола, что нам дают пищу с бромом. Представь себе, как ужасно было бы забеременеть!»⁵⁶²

Отсутствие полового влечения было настолько распространено, что этой теме посвящался и тюремный фольклор, который, впрочем, не мог скрыть определенной обеспокоенности. В нем говорилось, что причиной данного явления было то, что в пищу заключенных кое-что добавляли: тахинную халву, мышьяк, бром — словом, «что-нибудь этакое»⁵⁶³. Конечно же это причина была не единственной:

«Нам подсыпали бром в еду, кроме того было столько стрессов — что ни день, перед тобой несчастья и страдания, ночью ты слышишь стоны, крики, женщины друг друга бьют, дерутся, из-за таких потрясений ты не можешь ни есть, ни спать, ни думать, только и следишь за тем, чтобы вовремя увернуться, чтобы тебе не снесли голову. Ты уже и не знаешь, кто тебя бьет и за что. Посреди двора одна из зечек ударила меня по голове. Смотришь — и понятия не имеешь за что — то ли я ее обидела, не знаю, — тебя просто бьют, и ты уже никому не веришь. Только, по возможности, обходишь всех стороной, чтобы уцелеть. Мы уже как скот, совсем не похожи на нормальных людей. Я тебе так и скажу — мало кому из этих женщин довелось потом родить и растить детей. Как и почему — Бог весть. Я тоже никогда не беременела, хотя месячные ко мне пришли. По правде сказать, то, что у нас не было месячных, нас как-то спасало, ведь подмыться было негде. Пресной воды едва хватало для питья, а подмываться морской водой

во время месячных нельзя. У нас не было ни мыла, ни стирального порошка. Ты только представь — стирая трусы, мы оттирали их землей и глиной»⁵⁶⁴.

Другие узницы тоже подтвердили: очень немногим по возвращении из лагеря удавалось родить; лечение не помогало. «О том, что мы потеряли мужей, семью, жилье, я уж и не говорю. Я бы родила и без мужа. Но после пребывания на Голом острове лишь немногие женщины родили — мы уже не могли забеременеть»⁵⁶⁵.

Ограничение продуктивного удовлетворения полового инстинкта заключенных является важным фактором в выстраивании особого лагерного мира; фактически это даже важнее, чем лишение возможности удовлетворить другие первоочередные потребности. Ведь личностная самооценка и достоинство заключенных в основном зиждились на их гендерной принадлежности⁵⁶⁶. Половая самоидентификация в сравнении к другими видами самоопределения находится в привилегированном положении: человеку важнее, к какому полу он относится, чем его классовая, политическая, религиозная, расовая или профессиональная принадлежность. Это правило в общем и целом было вполне справедливо и для профессиональных революционеров, которые, по сути, рассматривали всю динамику социальных событий как насильственное осуществление мужского господства:

«Вот она, “земля обетованная, социалистический рай”, то, за что мы агитировали и боролись. Свети-Гргур. Мы лишили святости множество еще больших святынь на этой земле, и что бы нам было не осквернить еще и этот несчастный Гргур. Мы сделали это поистине “помужски”»⁵⁶⁷.

Мужская агрессивность воспринималась со знаком «плюс», в то время как женская (гендерная) роль, с которой связывали подчиненность, считалась чем-то негативным. По этой причине, например, узниц заставляли рассказывать, как они занимались сексом, как влюбились и т. п. — мужчинам таких вопросов не задавали⁵⁶⁸.

Заклученных строго разделяли по признаку пола: были лагерь для мужчин и лагерь для женщин; лагерь, где содержались бы заключенные обоих полов, не было. Строгое разделение по гендерному признаку не было самоцелью, но это сыграло важную роль в социализации новичков как «банды». Процесс проходил быстрее и эффективнее, если его объекты были вырваны из прежней эмоциональной среды. Одинокие среди массы незнакомых людей, узники становились более уязвимыми и эмоционально более зависимыми от субъектов «перевоспитания». В целом, память о семье, близких и особенно осведомленность в делах политических оказывали на заключенных положительное влияние. Чтобы предотвратить это, власти стремились отрезать их от внешнего мира, запрещая переписку и поддержание любых контактов с родными, остававшимися за пределами лагеря⁵⁶⁹.

Точно так же, как изъятие из привычной среды и особенно разлука с семьей, эмоциональные страдания узникам причиняло новое — однополое — окружение, которое пробуждало в них сильное чувство опасности и страх потерять свою (гендерную) идентичность. Это нашло свое отражение, в первую очередь, в появлении среди женщин так называемых «коблов», что вызвало немалую озабоченность у мужчин: а есть ли у них теперь будущее⁵⁷⁰. Более того, с некоторыми мужчинами, содержавшимися на Голом острове, произошла другая аномалия: у них стала расти грудь. Это удивило и обеспокоило всех; власти обратились за помощью, и, по непроверенным данным, из Белграда в самом деле прибыла группа медицинских экспертов, которые результатами своих исследований с заключенными не поделились, так что неизвестности не убавилось⁵⁷¹.

Женский лагерь сначала располагался в местечке Рамски-Рит, между населенными пунктами Пожаревац и Градиште, в приграничной зоне. В августе 1949 г. на

территории тюрьмы Пожаревац построили несколько барачков и обнесли их колючей проволокой, за пределами которой были обустроены также бараки для администрации. После того как нескольким узникам удалось бежать, лагерь был закрыт, а арестанток перевели на Голый остров. Впервые женщин доставили туда в апреле 1950 г., и к 1952 году на Острове их насчитывалось более восьмисот. Хотя мужчины и женщины одновременно пребывали на одном и том же острове, проживали они отдельно, и все контакты между ними были строго запрещены. Запрет действовал и в том случае, если в места заключения попадали супруги. Женский лагерь, известный как «Рабочий участок V», и мужские бараки находились на противоположных сторонах острова. Мужчины приносили воду и хлеб на вершину холма и оставляли их там. Узницы с котлами выходили забрать принесенное, когда мужчины удалялись. Если в женском лагере происходила какая-нибудь поломка и из мужского лагеря направляли рабочих, чтобы устранить неисправность, женщинам запрещали на них смотреть⁵⁷².

Как много значил бы для мужчины такой взгляд, можно понять, ознакомившись с отрывком из воспоминаний бывшего узника Острова:

«Уже уходя, я увидел на одном из топчанов обрывок материи. Я схватил его. Половинка лифчика. Что это было за ощущение! Я прижал этот клочок к щеке, начал его целовать. Мне стало так хорошо, вспомнилось о доме, захотелось вдруг прикоснуться к своей девушке. Несомненно, здесь был женский лагерь. Куда перевели его обитательниц — на Гргур или куда-то еще? Уходил я оттуда в раздумьях и смятении, с половинкой женского лифчика в кармане»⁵⁷³.

Женщинам тоже сильно не хватало мужских взоров: «Мы тосковали по всему, и если кто-то вдруг на тебя посмотрит с симпатией, то это так много значило... Но с симпатией не смотрел никто, нас только поносили последними словами»⁵⁷⁴.

Несмотря на строгий надзор, даже на Острове заключенным разного пола иногда случалось встретиться. В таких случаях они старались «не терять головы», чтобы случайная встреча не окончилась трагически:

«Это могло плохо кончиться и для нее, и для него. Обоих бы прогнали сквозь строй и послали долбить камень, чтобы они поразмыслили о “пересмотре” своей политической позиции. Это считалось бы доказательством того, что “воспитательные” меры оказались недостаточны: любовь к Партии и интересы битвы с Врагом в их сердцах затмила плотская страсть, они предались мещанским чувствам, которые можно позволить себе лишь в мирное время. И, быть может, хуже того — они установили тайную связь между мужским и женским лагерем»⁵⁷⁵.

Если бы у заключенных был шанс на продуктивное удовлетворение потребности в сексе, ими было бы труднее управлять: такая возможность могла подарить кому-то мгновения счастья или даже сплотить лагерников. С точки зрения властей, и то, и другое было крайне нежелательно и даже совершенно неприемлемо, поэтому они старались во что бы то ни стало этому воспрепятствовать. Запрет на удовлетворение сексуальных потребностей сквозил даже в тех положениях лагерного распорядка, которые, на первый взгляд, никак не связаны с сексуальностью. Например, заключенным запрещали держать руки в карманах, даже в мороз⁵⁷⁶.

Половой инстинкт — слишком мощный двигатель, его вряд ли можно полностью подавить. Поскольку способов получить сексуальное удовлетворение существует множество, ограничения никогда не достигают полного успеха. Узники-мужчины часто говорили между собой о женщинах; особо благодарные слушатели были у «героев-любовников», которые рассказывали о своих похождениях⁵⁷⁷. Арестанты научились использовать те редкие возможности, которые им подворачивались. На Голем острове некоторых из них отправляли на уборку номе-

ров так называемой «гостиницы», где проживал женский персонал администрации Острова. Убирая помещения, лагерники наслаждались тем, как пахнет постельное белье, на котором спали женщины⁵⁷⁸. Камень, добываемый на Острове, предназначался для итальянских покупателей. За ним приходили грузовые суда, и некоторые узники встречались с итальянскими моряками, у которых можно было разжиться итальянской газетой или журналом, почитать или хотя бы пролистать их. Особый интерес представляли издания, страницы которых пестрели фотографиями обнаженных красоток — это был очень востребованный товар, который жители «Колючки» наловчились искусно прятать⁵⁷⁹.

Когда в мужском лагере на Голом острове начал действовать лагерный театр, одной из главных проблем стало распределение женских ролей — играть их поручали юношам невысокого роста, у которых был мягкий характер и плавная жестикуляция. Если они были слишком высокими, им приходилось надевать юбку «в пол» и передвигаться на полусогнутых. Если этого не требовалось, «актрисы» носили шелковые чулки, у них были выбриты ноги, накладывался бюст и «толстинки» на бедра, они говорили фальцетом и, жестикулируя, старались держать руки ближе к телу. Зеки приходили посмотреть на «актерок» и во время репетиций. Потешнее всего был эпизод, когда «зрители» объявились на репетиции как раз в тот момент, когда артист, игравший Неру в пьесе Милована Глишича «Обман», крепил на себе искусственные бедра и грудь.

«Нера, дай-ка я тебя чуток пощупаю!» — скабресничали арестанты.

— А не пошел бы ты... Я тебе не курва — я честная разведенка! — смеясь, отвечала «актриса». Затем, сняв со стены фрагменты накладных «прелестей», исполнитель роли кинул их в зал со словами: «Вот вам, пупсики!» Всё вокруг сотрясалось от хохота»⁵⁸⁰.

«Женщины» вносили разнообразие и в другие программы самодеятельности — вот так, например, отметили наступление 1953 года:

«Любительские концерты, проходившие в бараках, были приняты с огромным восторгом. Лагерники были заморожены. Когда исполнялись фольклорные танцы, от “сцены” было не отвести глаз. Двух танцоров искусно нарядили и загримировали под девушек. Ряженный Миха Ценц, наш “пропащий”, превратился в писаную красавицу. Вот так бы и ущипнул его, отплясывающего, за попу!»⁵⁸¹

Невозможность реализации полового инстинкта и связанные с этим половые извращения и «суррогаты» сыграли важную роль в устройстве лагерной среды, особенно в формировании его садистской составляющей. Некоторые искали удовлетворения в экзекуции других. В литературе довольно часто в качестве классического примера, иллюстрирующего такое явление, приводятся сведения о неслыханной жестокости, с которой в австралийских тюрьмах примерно сто лет назад обращались с узниками надсмотрщики. Лишенные большей части нормальных возможностей «спустить пар», надзиратели находили удовольствие в нанесении жестоких побоев заключенным. В однополем мире «исправительно-воспитательных учреждений» сексуальность присутствовала в извращенной форме — прежде всего, в форме вербального унижения. Власти, с которыми узники были вынуждены сталкиваться с момента ареста, давали заключенным понять, каково их новое социальное положение, осыпая их матерной бранью, чествуя их «мать ИБовскую-бандитскую», называя сукиными сынами. Доставалось и Богу, и душе, и всему на свете. Во время работы и в бараках конвоиры и «старшие по званию» лагерники подстегивали «банду» словесно: «Шевелись, банда, мать твою (или: сестру, жену) бандитскую!» Или: «Мать твоя курва, ты мне сейчас довыёживаешься!» Не удивительно, что за-

ключенные вскоре и сами стали посылать друг друга к «матушке бандитской»⁵⁸².

Для людей, воспитанных в патриархальной среде, это было тяжким унижением, а для кого-то и столь нестерпимым, что человек мог воспротивиться даже следователю: «Я тут, перед тобой. Я осужденный. Меня можно убить. Со мной можно сделать всё что угодно, но я не позволю посылать мою матушку к такой-то матери! Я горжусь ею. Моя мать — ветеран Народно-освободительной борьбы!»⁵⁸³

Лагерниц, разумеется, обыкновенно именовали «курвами»⁵⁸⁴.

Начальники-мужчины находили и иные способы сексуального надругательства над женщинами. Теодоре Стойшич во время допроса некий подполковник-«удбовец» приказал повернуться к нему спиной, а затем с силой пнул ее в ягодицы. «Она об этом вспоминала как о самом страшном унижении, которое, быть может, ей довелось испытать за всю свою жизнь: ее, самую красивую женщину Белграда, унижает — да еще таким образом — какое-то отребье...»⁵⁸⁵ И еще одна иллюстрация: когда в лагере Рамски-Рит женщин выводили «на поляну», где они могли справить нужду, конвоиры им «ассистировали»⁵⁸⁶.

На Голом острове узницы неоднократно подвергались «крещению»: прогон сквозь строй был якобы недостаточно эффективным средством воздействия. Жертву заставляли встать лицом к стене или лечь на скамью, а сокамерницы били ее дубинками или ремнями по ягодицам. Иногда перед битьем велели задрать юбку или всё снять с себя. Позже, когда подвергшиеся «эзекуции» раздевались, чтобы помыться, «перекованные» вовсю потешались над ними, называя их «разукрашенной бригадой»: вздувшиеся рубцы от ударов не сходили еще долго⁵⁸⁷.

Мужчины гораздо реже подвергались такого рода измывательствам. До нас дошел рассказ о том, как на Голом острове следователь заставил узника мастурбировать в его присутствии⁵⁸⁸. Сначала он спросил заклю-

ченного, нравятся ли ему женщины. — «Да, нравятся». — «А мужчины?» — «И мужчины. У меня были прекрасные товарищи». — «Я не это имею в виду: тебе нравилось трахать их в задницу?»⁵⁸⁹

Гомосексуализм в этой среде считался чем-то совершенно недостойным и омерзительным, а пассивная роль была особенно неприемлема для мужчины. Однажды староста барака приказал узникам снять штаны, чтобы выявить, есть ли у заключенных срамные вши. Некоторых это повергло в панику: «Неужели нас сейчас изнасилуют...»⁵⁹⁰

Вместе с тем гомосексуализм является одним из неизбежных атрибутов в местах массового содержания людей одного пола. Сведений о том, насколько он был распространен среди узников «исправительно-воспитательных учреждений», очень мало: бывшие заключенные даже спустя много времени неохотно отвечали на вопросы, связанные с сексом, а некоторые респонденты утверждали, что у них «с сексом никаких проблем не было». Что касается информбюровцев, то это были люди, обладавшие высоким уровнем политического сознания, поэтому идеологические вопросы они выдвигали на первый план, в то время как все прочие проблемы, особенно связанные с «животными проявлениями», такими как чувство голода и половое влечение, для них не представляли особой важности. Конечно, это не означает того, что голод и сексуальное воздержание их не терзали. Позволю себе привести пример: еще в довоенной Югославии некто был брошен в тюрьму за ведение коммунистической деятельности, и его сокамерниками были такие же политзаключенные, которых осудили за принадлежность к запрещенной в то время коммунистической партии. По его оценке, вынужденное воздержание было одним из тяжелейших испытаний, это вносило «истерию и нервозность» в среду осужденных. «Особенно страдала молодежь — каждый, чаще всего безуспешно, боролся

с собой, со своими инстинктами, которые со временем побеждали, и люди удовлетворяли свой сексуальный голод неестественным способом, что доставляло им сильные душевные терзания». Некоторые арестанты после долгих лет тюремной жизни стали настолько безвольными, что не противились актам гомосексуализма и, несмотря на строгий надзор, гомосексуальная проституция тоже имела место»⁵⁹¹.

Лагерные власти на «рабочих участках» строго карали заключенных за гомосексуализм, опасаясь, что такого рода отношения могут стать рассадником солидарности между отдельными узниками; и мужчинам, и женщинам запрещалось даже прижиматься друг к другу во время сна: «Ты смотри на них, — комментировал конвоир, — обнимаются, засранцы! Не смей!»⁵⁹²

Невзирая на то, что администрация строго-настрого запрещала любые проявления гомосексуализма, некоторые «начальники» и сами были не прочь установить такие отношения. Об одном таком примере рассказала бывшая узница лагеря в Стоце, где «командиршей» была «сумасшедшая, ненормальная баба», которая «впилась» в молодую женщину, привезенную в лагерь вместе с ребенком. «Командирша» сделала «новенькую» своей прислужницей, и той каждый вечер приходилось омывать «госпожу» с головы до пят. Девушка намыливала спину, грудь и бедра «хозяйки», а «командирша» под ее руками «сопела, как животное», выгибалась и, мокрая, охваченная похотью, прижималась к ней. Однажды вечером она схватила свою «рабыню» за грудь, и девушка со всех ног бросилась бежать, чтобы укрыться в спальне, среди других женщин. Весь следующий день она провела на коленях на кукурузе. Ее изолировали от других. «Командирша» навещала ее по нескольку раз на день. Она называла ее «сладенькой плюшкой» и угрожала, что всё равно сломит ее, заставит покориться. Ласкала ей спину и грудь, разбухшую от молока. Девушка была в безвыходном

положении: она боялась за ребенка. Ей не давали даже покормить его. Его кормили другие, уделяя ему те мизерные граммы молока, которые у них оставалось после кормления собственных детей...»⁵⁹³

Случаи нетрадиционных сексуальных контактов отмечались и среди мужчин, и среди женщин, невзирая на гонения и отрицательное в общей массе отношение к этому. Михаел Ценц вспоминает, что в 1952–1953 гг. к «стене позора» на Голом острове были поставлены житель города Риека, назначенный начальником пристани, — за скотоложство (говорилось, что его «застукали», когда он «пользовал» корову, пригнанную туда на убой), — а также два складских рабочих (завскладом и его помощник), подозреваемые в гомосексуализме. Первому пришлось сознаться, что он оказался у стены из-за того, что «трахал» корову, двое других вынуждены были сказать, что к стене их привело то, что они «совокуплялись друг с другом». От них требовали исповедаться в своих грехах как можно громче, а толпа лагерников орала: «У-у-у-у, банда!»⁵⁹⁴

У некоторых узниц были преданные «компаньоны», которые выглядели отнюдь не по-женски: «Кургузая, мускулистая, квадратная, с головой, словно насаженной прямо на плечи — полная противоположность женственности. От своей “пассии” она не отходила ни на шаг. Смотрела на нее влюбленным, гермафродитским, по-собачьи преданным взором». Как говорили окружающие, эта «компаньонка» читала в глазах своей избранницы все ее мысли и желания, заботилась о ней, стелила ей постель, подкладывала лучшие куски мяса из своей миски и по ночам подтыкала одеяло. Большинству лагерниц это не мешало, но были и такие, у кого «ненормальные женщины» вызывали отторжение: «Некоторые из нас этого или не замечали или не хотели замечать, пеклись лишь о себе, а та в “спутнице” Лёли сразу признала лесбиянку-гермафродита и очень сокрушалась, что она не

подвернулась ей под кулак в строю. Такая “ненормальность” пробуждала в ней ненависть и омерзение»⁵⁹⁵.

В 1950 г. в лагере Стара-Градишка распорядок дня предусматривал «извращенно-садистские пытки» узников, это происходило сразу после ужина, «без них не проходило ни дня». Заключенные рассаживались по своим местам и, как в театре, ждали «анимационной программы». Наступало затишье: «норные» ожидали, «как агнць», когда их вызовут на «арену». Экзекуторы подходили к ним и орали: «Давай, вылазь, мать твою бандитскую!» Сначала человеку приказывали сесть на корточки и в таком положении скакать из одного конца камеры в другой, при этом его хлестали ремнями и пинали, чтобы он «пошевеливался». Затем каждого из таких бедолаг передавали «персональному тренеру», который приказывал жертве «встать по стойке смирно» и осыпал ее затрещинами, пока избиваемый не падал; его поднимали пинками, и процедура повторялась. Кто-то хватал «своего» за волосы и колошматил его головой о стену, после чего отводил к «параше» и окунал в нее головой. Один из «палачей» отдал жертве команду «смирно!» и плюнул ему в лицо, затем приказал открыть рот и плюнул туда, перед этим старательно отхаркнув мокроту. Затем несчастных уводили в угол камеры и приказывали снять штаны. Нагибали и зверски били по голому телу ремнями с железной пряжкой. Иногда эта программа заканчивалась песнями. Людям, на которых не оставалось живого места, приказывали забраться на верхний ярус нар, и каждый из них должен был что-нибудь спеть⁵⁹⁶.

Устная летопись Острова хранит еще одно предание о случае из (запрещенной) сексуальной области. Однажды на работах кто-то из заключенных вдруг повернулся лицом к конвою, вынул левой рукой из штанов пенис и стал размахивать им, не сводя глаз с конвоиров. Если описанное событие было не только поэтическим вымыслом, то это может расцениваться как нечто «поистине бес-

прецедентное, всем скандалам скандал, кощунство». Как бы там ни было, это событие своей исключительностью якобы настолько поразило лагерную администрацию, что конвоиры попятнулись и прикрыли глаза ладонями, будто их слепило солнце и им ничего толком не было видно, хотя виновник переполоха «всё неистовее мотал своим причиндалом из стороны в сторону, без умолку орал непотребное и хохотал»⁵⁹⁷.

Впрочем, сексуальные ограничения распространялись не на всех. На Голом острове в постройке, занимаемой следователями, всегда было «несколько молодых, красивых женщин», которые вроде бы работали секретаршами, но всем было известно, «чем они там занимаются»⁵⁹⁸.

В первые послевоенные годы в Югославии были созданы «перековочные» лагеря, так называемые «профилактории». В них содержались проститутки, которых надлежало приучить к труду. Один из таких «профилакториев» располагался на Голом острове. Женщина, арестованная за проституцию в конце 1949 г. и отправленная на Свети-Гргур, рассказала следующую историю:

«После войны я “встала на скользкую дорожку” — занялась проституцией. Мне казалось, что это совсем неплохая жизнь, я получала солидный доход. На Гольий остров я попала как “женщина легкого поведения” — мол, через несколько месяцев меня “перевоспитают”, и я стану “приличной женщиной”, так мне и сказали! Однако к нам относились как к врагам государства, поэтому и на нашу долю выпали те же испытания, через которые прошли информбюровцы. Каждый день нас били, и без видимых причин. Когда мы кайлом долбили камень, нам не давали воды даже в самую жару, чтобы как можно скорее нас доконать. Если же вдруг охранников одолевала похоть, они просто-напросто врывались в камеры и нас насиловали, говоря при этом: “А-а, тебе не нравится, когда тебя тычут бесплатно, сука!” Нам давали какие-то помои, но если женщина отказывала охраннику или

сопротивлялась, ее на несколько дней лишали пищи вообще. Непокорных сажали в карцер, не давали им ни воды, ни еды, и я слышала о том, что в одиночках некоторых женщин насиловали по семь-восемь конвоиров за раз! “Мы из тебя дурь выьем”, — говорили они!»⁵⁹⁹

Бывшая узница Жени Лебл в своих мемуарах упоминает начальника женского лагеря Веселина Поповича как хозяина гарема, или «потаскуна»⁶⁰⁰. В его кабинете была кровать. В кабинет «для беседы» он вызывал многих узниц, особенно тех, которые ничем себя не запятнали. «Можете себе представить, что это были за «беседы»? Некоторые делились своими впечатлениями даже публично...»⁶⁰¹ Вслед за Жени Лебл об этом рассказала и Мария Зелич:

«Раз уж об этом зашла речь, скажу и я. Я не стала бы говорить об этом, если бы эту тему не открыла Йованка Лебл. Хотя бы для того, чтобы пощадить многих честных женщин, которые содержались под его началом, чтобы на них не легла тень. У него действительно был гарем, а ведь он занимал пост начальника, и, с точки зрения морали, это было недопустимо для коммуниста, сотрудника госбезопасности и представителя администрации. Однако смотрите — уж если он был таким бабником, то у него была возможность каждый день ездить в Пожаревац или в Белград: зачем бы ему всё это делать с лагерницами? В этом “гареме” были женщины, за связь с которыми его могли бы причислить к информбуровцам».

Мария Зелич вспоминала, что начальнику лагеря Рамски-Рит одной из важнейших задач представлялось создание фольклорной группы и хора. По вечерам он собирал в зале «хористок». Вальяжно восседая у стены и попыхивая папироской, он взирал на то, как теснящиеся перед ним «овечки», юные девушки, молодые женщины, которые уже несколько месяцев находились в неволе, поют «севдалинки» — боснийские любовные песни.

Потом он завел кроликов и проводил вечерний досуг вместе с узницами, наблюдая за животными. «А что тут делают кролики?» — еще долго задавалась вопросом его преемница. Уж лучше бы он уделял больше внимания протоколам и требовал от заключенных нужных шагов, поощрял их к «перековке», чтобы они как можно скорее оказались на свободе...

«Я заметила также, — добавляет Мария Зелич, — что у него было странное отношение к некоторым из женщин, ненормальное, если рассматривать обычные отношения между арестантом и начальником. Некоторые лагерницы его просто обожали. Узницы словно разделились на два “лагеря”. Ко мне на беседу приходили те женщины, которые хотели пересмотреть свою позицию, спастись от сетей Информбюро, помочь следствию и выйти на свободу. Те, другие, тоже этого хотели. Но тех, кто приходил к нему, мои называли “бандой”»⁶⁰².

Веселин Попович отрицал правдивость повествования «Йованки» Лебл. То, что он был «султаном в гареме, полном узниц», он назвал «ложью, шитой грубыми нитками». Мол, тогда он был молод, получал большую зарплату, имел силу и власть:

«Каждый раз по окончании трудовой недели я отправлялся из Пожареваца в Белград и проводил вечера в баре “Лотус” довольно разнузданно: здесь иностранцам (которые все без исключения считались шпионами) и нам, удбовцам, составляли компанию надушенные и размалеванные женщины — они, как правило, тоже работали на наши спецслужбы. Я был бы настоящим маньяком, если бы после всего этого мог “положить глаз” на кого-то из этих битых, больных лагерных бедолаг, ноги которых были изгрызены пиявками...

Это правда, что мои товарищи посмеивались надо мной за то, что якобы все женщины в лагере в меня влюблены, — быть может, потому что я перешучивался с ними и говорил, что на свободе сейчас хуже, чем

в тюрьме. В то время я был молод, неженат, и красивым лагерницы считали меня только потому, что я обращался с ними по-человечески. В понедельник я приезжал из Белграда. Если меня не было до полудня, зечки грустили. В лагере царила кладбищенская скорбь. Конечно они скучали по мне не как по мужчине, а как по своему единственному защитнику; я уверен, что таковым они меня и воспринимали»⁶⁰³.

Сизифы на «общественно- полезных работах»

Пенология XIX века рассматривала принудительный труд как средство перевоспитания, поскольку в то время немногие соглашались с тем, что лишение свободы само по себе является наказанием и осужденного не следует подвергать дополнительным санкциям и унижениям. Принудительный труд должен был быть настолько абсурдным, чтобы унижать человека, и настолько изматывающим, чтобы «другим неповадно было». В развитие этой концепции, принудительному труду отводилась главная роль в «перековке» информбюровцев. Без работы не мог оставаться никто, ведь, как учит история, «труд освобождает», и действовавший в то время уголовный кодекс определял его как «фундаментальную меру перевоспитания». Или, как говорилось в то время, «воспитывают не только люди — великим педагогом является и труд». Бывшие лагерники вспоминают, что их работа, в первую очередь, имела одну цель и один смысл: измучить, исчерпать, уничтожить человека, лишить его гордости и достоинства. Так, им приходилось в присутствии и под надзором дежурного с вечера до полуночи драить коридоры зубной щеткой, не сгибая коленей⁶⁰⁴.

«Перевоспитание» заключенных в немецких концлагерях отражало традиционные ценности немецкой буржуазии: прилежный труд, строгая дисциплина, умеренность, соблюдение законов как в семье, так и на работе, почтительное отношение к режиму и нацистскому движению, а также к фюреру⁶⁰⁵. Как ни парадоксально, но такого же рода «перевоспитание» внедрили в стране,

где пришла к власти партия, которая осуществила пролетарскую революцию и провозгласила: «Труду — почет и власть!» Очевидно, что между словом и делом образовалась настоящая пропасть. Революция, свершившаяся под знаком серпа и молота по сути продолжала использовать систему ценностей, типичную для балканского патриархального доиндустриального общества, в котором (физическая) работа считалась постыдной и унижительной⁶⁰⁶. Или, цитируя слова одного из лидеров лагерного «самоуправления» на Голом острове, «красота — это когда можно сунуть руки в брюки и наслаждаться жизнью»⁶⁰⁷.

«Общественно-полезные работы» требовали подъема в пять утра, к работе приступали в шесть. Согласно распорядку, рабочий день длился восемь часов, была шестидневка. Власти лагеря считали, что осужденному негоже иметь в распоряжении слишком много свободного времени, особенно если он был «бандой». Поэтому обычным делом было «добровольное» участие заключенных в тех или иных кампаниях, даже когда этого не предписывал распорядок. Нужно было работать «с огоньком», «по-ударному». Если кто-то не разделял энтузиазма по той причине, что не мог или не хотел работать, его заставляли три часа стоять с поднятыми руками лицом к солнцу или босиком скакать по острым камням⁶⁰⁸.

Работ можно было избежать только в том случае, если ты был готов «помочь следствию»: узник сообщал дознавателю о своей готовности «во всём признаться» и требовал карандаш и бумагу. Ему даже не нужно было просить закурить — папиросы для него заказывал сам следователь. Писать можно было весь день, а при необходимости — и несколько дней кряду: «Всё! От превращения обезьяны в человека — и до АВНОЮ* , а затем от

* Антифашистское вече народного освобождения Югославии (1942–1945) было учреждено как высший политический представительный орган для объединения всех патриотических сил Югославии на общей платформе борьбы против фашистских оккупантов и их пособников.

освобождения — до дальнейшего развития событий и от объяснения своей позиции — до тюремных врат...»⁶⁰⁹

Заключенные должны были выполнять все работы, связанные с обслуживанием лагеря. Здесь имелись свои сапожники, портные, пекари, повара, электрики, рыбаки, врачи, средний медперсонал, уборщики «сортиров». Тем, кто был «на хорошем счету», доверяли готовить и подавать следователям и конвоирам, а также обстирывать их. Многие были заняты в лагерном «самоуправлении», вершущей которого был «Центр», возглавляемый «командиром», — в состав «Центра» входили рядовые «члены коллектива» и барачное «начальство». Разумеется, у «Центра» был свой «аппарат»: делопроизводители, «счетоводы» и прочие. В лагере имелись различные мастерские: слесарные, столярные, скобяные и — на Голом острове — каменотесные. Мастерские, действовавшие на Голом острове, обеспечили возможность постройки и введения в строй электростанции, дававшей однофазный ток напряжением 220 и 380 вольт — это отвечало всем потребностям «рабочего участка», который всё разрастался. Со временем была сооружена даже судовой верфь для постройки небольших катеров и ремонта крупных судов.

Каждую ночь по бараку или по камере дежурили двое заключенных: один нес вахту до полуночи, другой — с полуночи до подъема. Дежурный должен был контролировать, всё ли в порядке. Дежурными, как правило, назначали «проверенных людей», в то время как ответственными за отхожее место чаще всего были представители «банды» или «отсроченные» — как правило, пожилые или инвалиды: эта должность считалась «привилегированной»⁶¹⁰.

Переводчики слыли лагерной элитой. Они переводили книги военной тематики и систематизировали архивы послевоенной югославской политической эмиграции. Они просматривали периодику, а также иные архивные материалы, делали выписки и вносили их в картотеку.

Материалы охватывали несколько десятилетий, он касался и того периода, когда они уже были арестованы и изолированы от внешнего мира — настоящее раздолье глазу, истинное пиршество духа. Такая работа считалась «прямо-таки приятной, потому что требовала только интеллектуальных усилий, имела содержание и цель»⁶¹¹.

Все перечисленные выше категории лагерников оставались «за пределами строя работяг», которые добывали и транспортировали камень, таскали на горбу груз, смешивали и подавали раствор и подсобляли каменщикам⁶¹².

Содержание большей части физических работ составляла обработка камня. Обработанный камень — самое осязаемое, самое убедительное доказательство созидательной мощи, на которую способен человек. На Голом острове заключенные добывали и обрабатывали мрамор, символ прочности и величия; работая по камню, который под их руками обретал новую форму, они одновременно формировали («строили», «перевоспитывали») сами себя: «Мы попали сюда не только для того, чтобы рубить камень, но и для того, чтобы созидать людей»⁶¹³. То, что такая работа может быть бессмысленной, знал не только Сизиф, испытывавший это на собственной шкуре.

Люди, работавшие на Голом острове в поте лица, «возрождались» из каменной пыли и крошки, поистине становясь «людьми из мрамора». Способ их «возрождения» влиял не только на их внешний облик, но и на чувства: «Именно здесь... мы поняли, что с камнем еще можно справиться, но тут же “ковались” люди с камнем вместо сердца»⁶¹⁴.

Особенностью «перевоспитания трудом» было то, что любую работу полагалось выполнять самыми невероятными способами. У работников не было даже простейших инструментов, и дробить камень, например, приходилось вручную. Сотни узников садились в ряд и измельчали камень молотком; многие для этого использовали тот же самый камень — молотков не хватало. И даже тот инст-

румент, что у них был, сломавшись, неделями валялся без пользы, потому что мастерские не справлялись с ремонтом⁶¹⁵.

«Дробление» было самой простой операцией камнеобработки. Здесь применялась кувалда. Получаемый щебень шел на устройство подушки шоссе или его ответвлений. Существовал определенный ежедневный норматив, и по окончании работ каждый должен был сгрести произведенную им щебенку в некое подобие пирамиды, а конвоиры замеряли ее высоту. Горе тому, кто не выполнил норму и не возвел пирамиды достаточной высоты. В дополнение к оскорблениям, побоям и подобным «воспитательным» мерам виновника могли лишить кувалды, и на следующий день ему приходилось орудовать камнем — это сильно затрудняло выполнение нормы. Разумеется, орудием труда мог служить далеко не каждый камень: если у него были острые края, он ранил руку. Поэтому те камни, которые проявили себя как удобный инструмент, лагерники пытались приберечь на следующий день. Но и это строго воспрещалось... Да и «заныкать» свой камень было непросто: как найти его в море других камней? Некоторые пускались на уловки, возводя пирамиды, полые изнутри, но это квалифицировалось как саботаж при строительстве социализма.

Чаще всего толочь камень поручали больным и инвалидам. В лагере был целый «взвод дробильщиков». Те, кто не был способен работать в каменоломнях, оставались в рабочее время внутри «Колючки» и измельчали камень, стараясь «выполнить норму». Дробление камня было и уделом бойкотируемых, с той разницей, что «банде» кувалды не давали — им приходилось разбивать камни камнями — даже когда другим после обеда выделяли час передышки⁶¹⁶.

Некоторые старосты с помощью «активистов» и «погонщиков» усовершенствовали процесс дробления камня: к каждому из дробильщиков прикрепляли «активиста»,

который периодически «стучал» работающего человека двумя пальцами по голове, повторяя: «Когда ж ты, банда, исправишься — ты что, не понимаешь, что сдохнешь на этом острове?» Дробление камня в сочетании с постукиванием по голове чаще всего практиковалось на «Рабочем участке 101» — если ты «неисправимая банда», пощады не жди. Некоторые «активисты» специально отращивали ногти, заостряли их и зазубривали, чтобы расцарапывать бойкотируемому кожу головы, пока он дробит камень. В первый день боль еще как-то можно было сносить, но на второй это становилось настоящей пыткой⁶¹⁷.

Тех, кто содержался на островах Адриатики, иногда заставляли черпать песок со дна моря ведрами или лопатами. С самого начала существования лагеря на Голом острове было заведено так, что эти работы производились в ранние утренние часы или зимой, даже в самый сильный ветер. Такие задания давали заключенным и на острове Свети-Гргур, а затем на Угляне. Лагерники обнажались и заходили в море — по пояс или даже глубже — а затем широкой лопатой загребали песок со дна и перекладывали его на лодку или на специальную деревянную платформу. Песок приходилось практически ловить: когда лопата появлялась над водой, песка на ней оставалось совсем чуть-чуть. В лагере бытовал «черный юмор»: уж не для Египта ли мы добываем этот песок?⁶¹⁸

Иван Корда-Гуков, уроженец города Ужице, шофер по профессии, гражданин Советского Союза и полковник Красной Армии, попал на Голый остров в составе первого конвоя в июле 1949 г. Он свою позицию не «пересмотрел», поэтому в обеденный перерыв на шее у него должна была висеть деревянная табличка с надписью «Я солдат Сталина». Власти перебросили к нему поближе еще нескольких «неисправимых», так возник сначала небольшой «отряд Корды», а впоследствии и целая «бригада Корды». За Кордой и его бригадой навеки закрепили обязанность добывать песок, но и это не мешало ему

воскликнуть: «Да здравствует Сталин!» Прокричав это, он вновь заходил в море⁶¹⁹.

У особо «остроумных» надсмотрщиков имелось в запасе множество способов сделать работу «пескодобытчиков» более занимательной: вместо лопаты им порой выдавали вилы, а то им вдруг приказывали «свить из песка веревочку», заставляли «продевать песок сквозь игольное ушко»...⁶²⁰

Целью «воспитательной» работы был не результат, а истощение человека, ведь кувалдой легче дробить камень, чем камнем; здоровые руки сделают больше работы, чем израненные. В «воспитательных» же целях работа велась в ударном темпе, что было особенно тяжело для «бандь» — это была самая гонимая категория лагерников. Кувалды или камня было недостаточно для того, чтобы узники чувствовали себя гонимыми. Этому служил «трагач» — носилки, состоявшие из двух продольных шестов и уложенных между ними досок. Длина грузоподъемной поверхности «трагача» составляла 60–70 сантиметров, а ширина равнялась расстоянию между опущенными вдоль тела кистями рук, то есть 40–50 сантиметров.

Как мне представляется, то, что подобный инвентарь был известен и в немецких концлагерях, — не просто совпадение. Это доказывает уже само название приспособления: слово «трагач» является производным от немецкого «tragen» — «нести, носить». В Бухенвальде чешские заключенные для обозначения носилок использовали слово «trágu»⁶²¹. О том, что такое «трагач», многие информбюровцы впервые узнали лишь на «общественно-полезных работах»⁶²².

Как гласит само название, «трагач» предназначался для переноски грузов. На «общественно-полезных работах» он служил прежде всего инструментом для того, чтобы «погонять» стоящего впереди. Погоняемый должен был за минимальное время переместить как можно больше груза, ведь страна торопилась строить «более

совершенное общество». Передние ручки «трагача» были короче, поэтому на долю того, кто шел спереди, приходилась бóльшая нагрузка, к тому же переднюю часть носилок обычно грузили тяжелее. Впереди обычно ставились бойкотируемые или новички, так называемая «банда». Те, кто работал с ними в паре, постоянно подталкивали их носилками: «Не филонь, банда!» Нередко сыпались и побои, чтобы «банда» прибавила ходу⁶²³.

Построение социализма на «Рабочем участке Мрамор» обогатило семейство «трагачей» так называемыми «чайкой» и «лебедем». «Чайкой» назывались носилки, рассчитанные на каменные глыбы длиной до одного метра или даже более; их несли вчетвером. «Лебедь» был похож на «чайку», с той разницей, что на него можно было нагрузить «неизмеримо больше» — до четырехсот килограммов камня. В такие носилки «впрягали» от восьми до шестнадцати человек. И «чайка», и «лебедь» должны были «лететь» по длинным, нерасчищенным тропам: пусть «банда» помнит, что страна строит социализм⁶²⁴. «Такие же глыбы камня перемещали египетские рабы, строившие пирамиды и капища...»⁶²⁵

«Касела» напоминала «трагач», но вместо досок была лохань, и носить это приспособление было несколько труднее. «Касела» предназначалась, как правило, «банде», иногда — «отсроченным». Она использовалась под камень и бетон. Вес груза зависел от физического состояния и «калибра банды». «Касела» могла быть и пустой, если «банда» едва держалась на ногах. Тогда ее носили подвешенной на шее в вертикальном положении, как лодку⁶²⁶.

Орудием пыток могли стать и кайло, и лопата. Основное правило: кайло должно постоянно вздыматься и опускаться, а лопатой всегда нужно что-то нагрести, даже если нечего! Заключенные должны работать, не поднимая головы. Таким образом, им не только не разрешалось сделать хотя бы минутный перерыв, но и распрямиться. И то, и другое было опасно — попасться кому-то на

глаза неработающим или выпрямившимся. Пенология XIX века не допускала разговоров за работой — этот запрет применялся и на «общественно-полезных работах», особенно по отношению к «банде». Можно было лишь издеваться над «бандой», оскорблять ее, обзывать последними словами, но ни в коем случае не общаться с ней⁶²⁷.

Несмотря на то, что у «банды» и так было сверхмного обязанностей, их использовали иногда и как тягловый скот. На Голом острове некто внес «рационализаторское предложение»: были изготовлены большие сани из бревен и досок, связанных канатами, хотя в этих местах и зимой не бывает снега. На сани грузили каменные глыбы, большие, «как для фараоновых гробниц», и посуху тащили их на канатах. Если сани застревали между камней или проваливались в грязь, образовавшуюся после сильного ливня, надзиратели колотили «упряжку» теми же канатами и шестами. Вопли разносились далеко вокруг, под ударами лопалась кожа... но караван шел вперед⁶²⁸.

На Голом острове и в Билече «банду» впрягали в асфальтные катки. Здесь использовался не обычный самоходный каток, а большой каменный цилиндр, по бокам которого впрягали по десять «бандитов» из так называемой «спецбригады». Работы сопровождалась окриками и оскорблениями, не были редкостью и побои, особенно если цилиндр цеплялся за крупный камень и его было трудно сдвинуть с места. В отличие от саней, такая «упряжка» напоминала задействованным в ней «барщину периода раннего феодализма»⁶²⁹.

Впереди всегда шел «погоняемый». Впрочем даже такого имени-прозвища у него не было: он был просто «бандой» — в точном соответствии с традицией безымянности рабов, которые представляли собой лишь аморфную массу, в отличие от «погонщиков», у которых уже было право на имя. Говорилось так: «Такой-то Имярек здорово погоняет банду». Это значило, что «Имярек» умеет доставить

гонимому различные неудобства, сталкивать его вбок и даже тащить носилки назад. Эффект от всего этого был несомненным: «сизифы» волочили камни в гору, а их при этом старались увлечь назад⁶³⁰.

Особенностью такого процесса было то, что жертвы сами активно участвовали в причинении им мучений, в связи с чем возникает вопрос, почему они с этим мирились? Причин тому много. Понукаемый не мог не участвовать в издевательствах над собой главным образом потому, что он был человеком и хотел им остаться. Тот, кто хотел существовать, должен был подчиняться и унижаться. В страхе за свою жизнь рано или поздно этой необходимости подчинялось большинство. Необходимость же парадоксальна уже тем, что ее элементом является осознанность: жертва сама для себя определяет, что для нее необходимо. Это ее трагический выбор, ее приверженность свободе. Разумеется, необходимостью всё это можно считать, до тех пор пока жертва жива: с момента ее гибели искусство палача стоит уже немного: репрессии не могут быть направлены против мертвых. С этим фактором должен считаться и тот, кто сопротивляется, и тот, кто это сопротивление подавляет⁶³¹.

Поэтому существенным элементом «перевоспитания» было желание просто выжить. Однако это не единственный мотив, побуждавший людей — собственноручно помогать себя мучить. Чем хуже человеку жилось, тем сильнее он уповал: должно же когда-нибудь всё перемениться к лучшему! Ведь вечно так продолжаться не может! Вот бы сломать ногу... «Надежда — главный сообщник всевозможных берий, артуковичей*, гиммлеров, ранковичей. Надежда — это мертвечина»⁶³².

* Артукович, Андрия (1899–1988) — хорватский политик, дважды министр внутренних дел, министр юстиции и религии, «хранитель печати» Независимого государства Хорватия, нацистский преступник и один из инициаторов Холокоста, геноцида сербов и цыган в Югославии. После Второй мировой войны бежал в США, но четыре десятилетия спустя, в 1986 г., был выдан Югославии.

Скорость передвижения была одинаковой как для понукаемого, так и для погонщика: бег или ускоренный шаг. Разница заключалась в том, что погонщики сменяли друг друга, а «банда» была всё та же. «Банда» была голоднее, чем другие, и потому слабее. Другие тоже были голодны, но не настолько. После «успешно» выполненной работы погонщик мог рассчитывать на добавку, на лишнюю миску баланды. Не каждый раз — чтобы не избаловался, но гораздо чаще, чем «банда», которая добавки не получала никогда. На погонщиков распространялись и другие привилегии, а тем, кого мучили, и по окончании работы продолжали чинить козни. «Банда» должна была мыть посуду, драить котлы и сортиры. А когда уже всё было сделано, их гнали сквозь строй. Затем все отправлялись спать, а они — дежурить у «параши». Ведь работа «размягчает хребет»: усталым, измученным людям труднее постоять за себя.

«Банда» должна была нагружать носилки. Погонщик в это время отдыхал, хотя и не переставал подгонять «банду». Когда груз был доставлен на место, а носилки разгружены, «банда» несла их обратно. И этого было мало. Большое неудобство заключалось в том, что носилки не всегда было удобно нести в руках, и «банде» приходилось вешать их на шею, как ярмо. В ветреную погоду, которая не редкость на Адриатических островах, равно как и в Билече, ярмо превращалось в парус, и «банда» еще чаще спотыкалась и падала.

Понукание могло быть более или менее жестким. Никаких инструкций на этот счет не существовало, но различия имели место — в те времена было множество неписаных правил. При жестком понукании, для обозначения темпа которого бытовал термин «под газом», погонщики постоянно менялись и сообща гнали «банду» вперед — «на третьей скорости». На протяжении двух-трех ходок это делал один, затем другой, третий. И вновь первый. При этом «банда» не получала даже передышки, которую

могла дать погрузка: полный «трагач» уже ждал, и не было времени на то, чтобы хоть наспех перевести дух. Жесткое понукание означало и более короткий маршрут — до тридцати метров. Чем короче был путь, тем он был страшней. На длинной тропе «банда» имела преимущество — ни один погонщик не мог бежать с носилками все семьдесят метров кряду, хотя груз ему доставался меньшего веса и можно было рассчитывать на подмену.

Через пять-шесть дней жесткое понукание превращалось в «обычное». Транспортировка грузов велась уже не бегом, а скорым шагом, назад «банда» поспешала с пустыми носилками — здесь бежать тоже не требовалось. И наконец «банда» сама накладывала камень на носилки, а не сразу же хватала другой, уже нагруженный «трагач»⁶³³.

Погонщиками были «отсроченные», «члены коллектива» и «активисты», то есть высшие представители «перековочной» иерархии. Среди них попадались всякие, но «нерадивых» вскоре сменяли другие, «дельные», а оставленным приходилось занять позицию на переднем крае носилок, «уличенный в лени» получал самого беспощадного погонщика, который давал ему урок, как надо погонять. Такая же участь постигала и тех, кто сочувствовал товарищу по несчастью, бежавшему впереди, тех, кто пытался взять часть ноши на себя и погонял вполсилы. Как правило, каждый день «банда» получала нового погонщика, становясь для него инструментом состязания: кто убедительнее докажет свою лояльность Партии, кто проявит больше непримиримости к «банде». Последовательный террор по отношению к «банде» был для большинства и единственным доступным удовольствием. Путь, который надо было преодолевать с носилками, всегда был каменистым. «Банда» спотыкалась, чему другие бурно радовались.

Пуще всего «банде» доставалось, когда погонщиком назначали кого-то, кто еще вчера сам был бойкотируемым и теперь хотел застраховаться от этой участи:

«Его голос, тоже хриплый, усталый, надтреснутый, kloкочущий, идет из иссушенных легких. Он тоже передвигается из последних сил, но погоняет “до предела”. Он не сдастся, он не “банда”, он гонит впереди себя “бандита”, хотя оба мы лагерники и нас обоих заставляют, принуждают. Он “раскалялся”, и это не должно пойти прахом. В этом и таится ключ к пониманию феномена Голого острова. Погонщик не смеет отказаться от своей роли, если не хочет тут же превратиться в “банду” и — прощай навсегда, надежда покинуть Остров. “Пересмотрев” свою точку зрения, нужно погонять, подмечать, доносить... иначе быстро окажешься спереди носилок. Каждый боится, что ему на лоб прилепят ярлык “притворщик” — и тогда шанс потерян, “раскаianie” пошло насмарку, бойкот перенесен зазря. Выжить или загнуться — вот ежедневный выбор. Страх сгинуть очень силен»⁶³⁴.

По законам «перековки», за «бандой» закреплялись самые грязные работы по обслуживанию лагеря. Опорожнение выгребной ямы, уборка сортиров, прочистка канализации — вся эта работа относилась на счет «спецгруппы», так называемой «золотарской бригады». Она насчитывала около двадцати человек, и в нее часто попадали те, кто до ареста занимал видные посты. Ни в одном из лагерей система канализации не была рассчитана на такое число заключенных, поэтому трубы постоянно забивались нечистотами. Очистить их можно было несколькими способами, но в концлагерях применялись самые примитивные и самые мучительные. Была сформирована специальная бригада из бойкотируемых, так называемый «говнотранс». В септик опускали лестницу, на ней размещались два-три узника, первый из которых зачерпывал фекалии ведром, иногда даже дырявым, и передавал его следующему. Затем ведро переходило в следующие руки или попадало на поверхность. Работа была — гаже некуда, вокруг стояла невыносимая вонь. Нередко случалось так, что тот, кто стоял на верхней ступеньке, по неловкости или нарочно, чтобы доказать свою

верность и преданность Партии, либо же по наущению бригадира, слегка нагибал ведро, и нечистоты проливались на нижних, так что «золотарей» можно было уже издали распознать по запаху. Пребывание в «золотарской бригаде» обычно длилось месяц, а то и больше. Эта повинность могла сочетаться с запретом на мытье. Диалектическое единство «палки о двух концах», которая обычно прохаживалась по спинам, на этот раз складывалось в пользу узника: смрад, исходивший от него, заставлял всех шарахаться в сторону — а это значит, что бить его особо не стремились⁶³⁵.

На «участок» и обратно ходили строем в сопровождении конвоиров-автоматчиков. Строй маршировал вперед, над ним разносились лозунги и речевки, в которых непременно упоминался глава Республики, а также все прочие государственные лидеры:

*«Пятый съезд провозгласил:
товарищ Тито победил.
Нам всегда укажут цель
Джилас, Ранкович, Кардель!»*

Раздавались и такие заклинания:

*«Чем больше
зла и клеветы,
тем нам дороже,
Тито, ты!»*

Гремели угрозы:

*«КПЮ везде рулит,
кто не с нею, тот бандит!
Кто за Тито не болеет,
Солнце пусть того не греет!
КПЮ везде рулит,
кто не с нею, тот бандит!
Кто за Тито не болеет,
пусть скорее околеет!»*

Над Островом реял и гимн созидательному труду:

*«Пусть на Голый остров
чайка не садится –
ради Тито мы сюда
прибыли трудиться!
На работу выйдем в ногу,
строить новую дорогу!
На работу выйдем в ногу,
строить новую дорогу!
Теперь на Голый остров
и чайка не садится –
мы для Родины сюда
прибыли трудиться!
На работу выйдем в ногу,
сломим стены из гранита,
вступим снова на дорогу
Партии и Тито.
Там, где раньше над камнями
бушевали бури,
на века построен нами
будет дом культуры!
На работу выйдем в ногу...»*

Пение тоже становилось поводом для «перевоспитания банды». Если «банда» не пела, тут же слышалось: «Банда, мать твою бандитскую! Чего не поёшь? Сталина дожидаясь?» Или: «Что это ты, банда, молчишь? Тебе не по нраву, что нам здесь доверили строить социализм? А?» Если же «банда» пела, то всё начиналось сначала: «Мать твою бандитскую, кто тебе дал право петь о Тито и социализме?» Какой бы клич ни был брошен, он становился сигналом, и на «банду» набрасывались со всех сторон. Во всеобщей свалке «банде» доставалось крепче всех, так как численность всех прочих категорий узников, стоявших на шаткой лесенке «перековки», значительно преобладала. «Банда» не смела защищаться в полную силу, чтобы драка не пошла вразнос — кто знает, чем всё

это может кончиться. Продолжительность побоищ была различной, и предсказать, когда завершится беспредел, было невозможно⁶³⁶.

Однажды в Билече узницы запели партизанскую песню «Билечанка» — за это их постиг бойкот: они пели, когда шли по дороге. В бараках петь разрешалось, а снаружи — нельзя, недостойны⁶³⁷.

По дороге на работу руки должны были быть заложены за спину, идти надо было понутив голову. И туда, и обратно инструмент несла «банда». По пути «банду» мог любой желающий — мол, медленно идешь, а значит, препятствуешь строительству лучшего общества⁶³⁸.

Работы были организованы «по-военному». Так, на добыче камня было занято пять–восемь человек, над которыми стоял десятник; пять или более пар узников носили камни, у этой группы тоже был свой десятник; десятники были из числа «перековавшихся», но и им приходилось работать. «Взвод» состоял из нескольких групп. Например, группа, крушившая камень, группа, носившая его, и группа «дробильщиков» — в общей сложности тридцать-сорок человек под командованием «взводного», освобожденного от работ⁶³⁹.

В рабочее время в бараках оставались только те, кто был тяжело болен, но и им не давали покоя. Если не было других задач, их гнали собирать мусор перед бараком или поручали работы полегче. Пожилые и инвалиды работали при кухне — чистили картофель, репу, бобы, выпрямляли ржавые гнутые гвозди, уже побывавшие в употреблении.

Власти лагеря тщательно следили за тем, чтобы от работ не мог уклониться никто. В мае 1956 г. на Голом острове была сформирована «воровская бригада», в которую попали члены руководства «Центра» и старосты, которые как-то раз, своровав еду и папиросы, устроили себе праздничный ужин. Таким образом они «отметили» визит Хрущева в Белград: всем казалось, что освобожде-

ние уже не за горами и узников реабилитируют. Администрация официально объявила, что пошла на эту меру из-за нездоровой обстановки в лагере, проявлявшейся в различных формах произвола, невыполнении поставленных задач и пьянстве «актива»; а ведь сколько раз лагерные «шишки» охотно вставляли свое веское слово, помогая «хозяевам» держать «в узде» тех, кто составлял самую бесправную категорию узников...

Впоследствии в эту бригаду попала и группа тех, кто занимал высокие руководящие посты (до ареста), — суд над ними состоялся в Риеке; по всей видимости, из-за «вражеской пропаганды» их и вывезли с Голого острова. По возвращении из Риеки их поместили в «воровскую бригаду», чтобы скомпрометировать в глазах других заключенных. На членов этой бригады распространялся особый режим понукания. Разумеется, к ним приставили самых свирепых погонщиков, выдали соответствующий инструмент⁶⁴⁰. Это было не первое формирование такого рода. «Воровская бригада» ранее существовала и в Билече, ее составляли бойкотируемые, вынужденные выполнять бессмысленную работу⁶⁴¹.

На «общественно-полезных работах» разделения на «сильный» и «слабый» пол не существовало. Женщины добывали камень, долбили скалы, строили, закладывали взрывчатку и вообще выполняли почти все те же физические работы, что и мужчины⁶⁴².

Работа была нормированной: нужно было добыть определенное количество камня, постирать определенное число роб. И тут тоже действовала система социалистического соревнования: назначался «счетовод», который вел учет тому, сколько «трагачей» кто перенес. Лагерники соревновались, перевыполняя норму, а параллельно еще и «перековывали» друг друга — некоторые всерьез, иные притворно, третьи со скрытым сарказмом... Одно соревнование сменялось другим. Состязались не только на работе, но и в других сферах жизни, например среди

узниц Голого острова по случаю Дня Республики был объявлен конкурс на лучшую историю о Народно-освободительной борьбе⁶⁴³.

Каждую неделю весь Голый остров перед ужином выстраивался возле бараков и отправлялся к месту сбора. Впереди шли старосты. Раздавались лозунги, песни. Заправила «Центра» держал речь, в которой перечислял великие трудовые победы, одержанные людьми, которые вчера еще были предателями, однако достигнутые ими ныне небывалые результаты демонстрируют, что и они намерены трудом доказать, что покинули путь предательства. Завершалась такая речь сведениями о том, какой из бараков добился лучших результатов по итогам недели, и победивший барак оглушительным «Ура-а-а!» приветствовал решение «Центра». «Командир» передавал старосте победоносного барака большое, пышно декорированное знамя, «начальники» расцеловывались, а барак-победитель пел во всё горло:

*«Знамя, ты как солнце нам сияло,
Лучшему бараку в руки ты попало!»*

Когда песня стихала, кто-нибудь предлагал: «А теперь — троекратное ура!» И взвивались ввысь голоса: «Ура! Ура! Ура-а-а!» — так ликовать могли только очень счастливые люди⁶⁴⁴.

Особенно весело песня звучала в обеденный перерыв. В женском лагере однажды «какая-то дура» предложила всем исполнить хороводный танец «Козарское коло». Хотя и неохотно, предложение было принято. Женщины пустились в пляс — и уже не могли остановиться. Коло во время обеда стало нормой, хотя все валились от усталости. Но та, что не присоединялась к танцу, получала возможность по крайней мере дважды подумать о своем поведении — на пути сквозь строй⁶⁴⁵.

В каменоломне на Острове добывали крупные глыбы разноцветного мрамора, здесь же его и обрабатывали по различным технологиям, придавая им форму. Глыбы

распиливали в просторном цехе. В небольших мастерских из полученных блоков мастерили изделия: столешницы, конторскую мебель, пепельницы, вазы и другие вещицы. Вся продукция выдавалась на-гора под брендом «Велебит». Компания с таким наименованием имела контракты с югославскими торговыми фирмами, которые продавали на внутреннем и внешнем рынках всё, что производилось на Острове.

Никому, кроме тех, кто работал на Голом острове, не было дано в полной мере оценить, сколько стоил местный мрамор и производные из него. Поговаривали, что камень с Острова отправлялось в Италию в дар итальянскому правительству, возвращавшему за это югославских беженцев. Впрочем изделия шли не только на продажу — по некоторым сведениям, их «в массовом порядке присваивали» сотрудники лагеря. Ходили слухи и о том, что удбовцы, отправляясь в отпуск в Грецию — на скоростных комфортабельных яхтах, — прихватывали с собой в изрядном количестве и прекрасные изделия из мрамора. Там они их продавали и возвращались домой с обильными запасами виски, папирос и ширпотреба...⁶⁴⁶

На Голом острове и в Билече изготавливались постаменты для памятников национальным героям или павшим бойцам, «которые, скорее всего, восстали бы из гроба, если бы об этом узнали». Верхом цинизма стало отданное заключенным распоряжение нарезать блоки из мрамора для памятника жертвам итальянского концлагеря на острове Раб, ведь некоторые узники Острова сами всего несколько лет назад томились в том лагере⁶⁴⁷.

На работах большинство заключенных прилагало все усилия к тому, чтобы следовать правилу: «Филонь и эконошь силы, как только можешь, и пусть на тебя орут, пинают тебя и колотят!» Все молчали и делали вид, что усердно работают, хотя при этом и озирались по сторонам. Налево-направо. Назад. Осторожность была нелишней: надзиратели носили резиновую обувь или ходили

в башмаках на резиновой подошве. Подкрадывались незаметно и чаще всего сзади: «Ты не мог найти камень поменьше, ублюдок коминтерновский!» — за этим следовал удар костяшками пальцев по темени «лентяя». Постоянный, вездесущий контроль вселял в людей больше страха, чем удары по голове. Этот страх пробирал до костей — люди верили в то, что за ними наблюдают в бинокль⁶⁴⁸.

Во всех лагерях — и мужских, и женских — на «общественно-полезных работах» заключенных заставляли переносить камни из одной кучи в другую, а затем обратно или рыть ямы, а потом засыпать их землей⁶⁴⁹. Удбовский генерал Йово Капичич отмечал: «Их задачей было переносить камни с места на место»⁶⁵⁰. Эта «простая задача» иногда «совершенствовалась» лагерными властями, и «работать» приходилось в духе известной народной поговорки — «переливая из пустого в порожнее». На Голом острове, например, Бране Маркович приходилось набирать в ведро морскую воду и переливать ее в бочку, у которой не было дна⁶⁵¹.

Всё надо было делать бегом, в темпе социалистического соревнования: «Не время для отдыха! Мы строим социализм!» Быстрее схватить камень из ближайшей кучи, быстрее взвалить его на носилки, на спину, на плечо, принять на живот — и бежать до конца тропы. Пятьдесят метров, сто, двести. Там ты сваливаешь свой груз и из ближайшей кучи берешь новый. И — назад. И — еще раз туда-обратно!⁶⁵²

В Билече заключенные «окультуривали» карстовый ландшафт. «Члены коллектива» носили на «трагачах» землю, «отсроченные» и бойкотируемые — камень на «каселах»; «активисты» следили за тем, чтобы работы велись в бодром темпе. Куча выкорчеванных камней росла изо дня в день, скоро она стала выше конька барачной крыши. Этот каменный памятник человеческой глупости, жестокости и злобе получил название «Гора Эверест». Поняв, что сад разбить так и не удастся, потому что слой

плодородной почвы слишком тонок, лагерные власти от этой затеи отказались. Тогда началась самая бессмысленная работа: разбирали только что насыпанную гору и переносили камни в другое место, где возводился новый «Эверест»⁶⁵³. На Острове амбиции были скромнее — здесь были возведены только «Триглав» и «Шар-Планина».

Осознавать полную бесполезность выполняемой работы было тяжелее, чем таскать камни: труд, лишенный всякого смысла, убивал душу сильнее, чем плоть, ведь таким образом человек лишался самого принципиально отличия от животного⁶⁵⁴. Когда Владо Дапчевич, много лет проведший в лагере как сторонник Информбюро, посетил Беломорканал, прорытый на крайнем севере Сибири миллионами узников во время сталинских чисток, он взглянул на него по-своему: «Да, его строили заключенные — но это были ударные бригады. На Голом острове всё было намного хуже, мы не сделали ничего стоящего, нас только уничтожали, безо всякого смысла посылая нас долбить камни»⁶⁵⁵. Когда работа имела смысл, она все же приносила некоторое удовлетворение, пусть даже камнями мостили двор, выкладывали герб, пятиконечную звезду, лозунги и имя Тито: «Было просто удивительно, как мы из этого камня собственными руками создали столь прекрасно оформленный лагерь»⁶⁵⁶. Еще большее удовлетворение заключенные получали в пятидесятые годы, озеленя Голый остров и Свети-Гргур, хотя эти работы производились чаще всего в свободное время, по воскресеньям, когда производство стояло⁶⁵⁷.

Бесполезная работа была для жертвы, пожалуй, наименее худшим бременем:

«Бессмысленное перетаскивание бесполезных камней с места на место и обратно *убивает гораздо больше*, чем плевки в лицо, собачьи пинки, ругань по всему балканскому семейному списку. В первую очередь *бесполезный* труд и презрительное отношение доводит лагерника до того, что у него “вскипает желчь”, он рычит, как затравленный пес, но насилие не пре-

кращается, с каждым днем его всё больше — и протест постепенно сдувается, рычание глохнет, силы уходят и ты сдаешься, ибо на “юготерритории” тебе в любом случае сдадут *не те карты*»⁶⁵⁸.

Описание таких же или аналогичных абсурдных ситуаций содержится в воспоминаниях многих бывших лагерников-информбюровцев, поэтому у кого-то может сложиться неверное представление о том, что такой труд был всеобщей практикой. Однако же в странах, где происходили революции, коммунистическое движение становилось и «двигателем модернизации». В Югославии период, который мы рассматриваем, тоже был эпохой тотального социалистического строительства⁶⁵⁹. Это было время, когда казалось, что возможно всё. В послевоенные годы, к примеру, в хорватской Лике даже город «Кореницу хотели превратить в Париж»⁶⁶⁰.

Не были исключением и «общественно-полезные работы», производившиеся на островах Адриатики и в других лагерях для информбюровцев: «Голый остров превратился в стройку. Возводились здания, склады, новый лазарет для осужденных и многое другое»⁶⁶¹. Когда на Голый остров прибыли первые заключенные, остров был «буквально голым, пустынным». Затем была сооружена пристань в лагере Мала-Драга, или в так называемой «Старой Колючке», чтобы судам «Пунат» и «Извор» было где швартоваться; возведено четырнадцать сборных барачков, вокруг них натянута колючая проволока, и местность стала похожей хотя бы на лагерь; было построено здание администрации, проложены трассы. В то же время на островке Лопар, расположенном рядом с островом Раб, строились дома для следователей и прочего персонала. Всё это было завершено к середине 1950 г. Затем началось строительство лагеря Велика-Драга, каменных барачков, огороженных проволокой, бункеров для охраны, были установлены мачты наружного электроосвещения лагереЙ. Кроме того были построены склады, жилые

постройки для конвоиров, дорога к пристани... Сравнение с пирамидами, которые тоже возводились в пустыне, напрашивается само по себе. Ну не прекрасно ли: на острове, который еще недавно был голым и пустынным, родился столь идеальный лагерь!⁶⁶²

Бывший следователь с Острова также вспоминал, что у тамошних арестантов «не было бесполезной работы, наоборот, любая работа была общественно-полезной, ибо она помогала их перевоспитывать так, как требовал того закон». Всего за три года «в адском темпе» был отстроен весь лагерный комплекс: «Это всё говорит о том, что работа заключенных на Голом острове имела смысл. Другое дело — то, что этот труд был особым, темпы его были невообразимы, но такова уж была система на Голом острове»⁶⁶³.

Строительством восхищались все — как охранники, так и заключенные. Один из членов лагерной администрации с нескрываемой гордостью писал:

«Помимо всего прочего — сети дорог, футбольного, баскетбольного и волейбольного полей — в пятидесятые годы здесь был построен Дом культуры с библиотекой, кегельбаном и выставочными помещениями, где заключенные могли показать свои поделки и т. д. Построены были также новые бараки из более прочного материала для достойного (sic! — *Б. Е.*) проживания, а от непригодных деревянных бараков можно было избавиться. Были закуплены новые суда и рыбацкие лодки, бытовки. Вылавливалась рыба различных пород. Рыбный рацион устранил последствия однообразного питания и т. д. На соседнем острове Свети-Гргур выращивались кочанная и листовая капуста, помидоры, картофель, был свинарник, курятник и т. п.»

Апофеозом гордости за достигнутое звучит следующая фраза: «Всё перечисленное было результатом партизанской находчивости...»⁶⁶⁴

Узник Цвето Загорски подробно и вполне художественно описал, как заключенные радовались собственноручному творению:

«Ему вспомнилось прибытие на остров: вокруг белые и красноватые скалы, остров был ужасающе гол; забредая в поля, гуляя в лесу, он тут же вспоминал о мертвенности того ландшафта, о его заброшенности, затерянности. Да, пустынна и уродлива была и его душа, высушенная разногласиями и сомнениями, страхами и отчаянием — как этот остров ветров и волн. И вот посмотри: через считанные месяцы, по прошествии каких-то двухсот дней, остров уже мог отринуть свое имя, забыть о тысячелетиях уединенности и безмолвия: теперь его населяют не только ящерицы и змеи — подле людей, пока что арестантов, уже поселились голуби и воробьи, на солнышке меж скалами играют котята, а тихими ночами на луну лают собаки — точь-в-точь как в деревне. Меж камней пробиваются не только чертополох и осот — террасы вдоль берега усажены пальмами, тянущими свои раскидистые руки ввысь, а в укрытии каменных громад зеленеют саженцы смоквицы; из натасканной сюда темно-коричневой, сочной почвы вырастают свежие побеги овощных культур, цветы. И стоило ему задуматься вдруг о том, сколько юных сосенок, кипарисов, тополей, заботливо помещено в расщелины, разбросанные тут и там по всему острову, — ему становилось так хорошо, так сильно верилось в этот рост, в будущность, в победу жизни над смертью, правды над неправдой, истины над ложью... Чего только не ощущал Кирилл, заглядывая внутрь себя: его внутренний мир уже не был голым, мертвым. Как птицы и побеги, его обживали чувства и мысли — человеческие, яркие, радостные и смелые. И вот уже слова таблички над бараком, говорящие о том, что не только осужденные меняют облик Острова, но и Остров меняет их самих, арестантов, — это уже не пустые, мертвые слова, они уже обрели смысл, став формулой несметных впечатлений, триумфальных потрясений души; это путь к жизни, возвращение к Родине, к Партии, труду, семье, товарищам»⁶⁶⁵.

Чтобы всё это построить, нужно было пролить море пота и крови. Много жизней угасло, прежде чем на пустынном необитаемом острове возникло всё, что нужно

было для использования дешевой рабочей силы арестантов. И когда спустя годы здесь развернули производство, которое, согласно принятым обязательствам, должно было вестись непрерывно, оказалось, что затраты выше, чем доходы. Вот почему по истечении четырех десятилетий власти закрыли «исправительно-воспитательное учреждение» на Голом острове⁶⁶⁶.

Уже в 1989 г. Зорица Николич предсказала, что Голый остров наверняка постигнет судьба соседнего Свети-Гргура: в пятидесятые годы, вскоре после отбытия отсюда последних узниц и конвоиров, остров наводнили жители окрестных поселков, особенно те, что проживали на соседнем Рабе, и разворовали всё, что можно было унести: двери, фурнитуру, плитку, трубы, кровельный материал... Всё, что нельзя было выломать или вывезти, обратилось в прах. Жители Раба — особенно из деревни Лопарье — стали привозить сюда овец на выпас, что еще больше способствовало разрушению и загрязнению объектов. За одну только зиму овцы загадили все постройки, которые на протяжении десятилетий с огромным трудом возводились узниками, и изничтожили все зеленые насаждения, начало которым столь мучительно было положено под руководством инженера Миховила Маврича⁶⁶⁷.

Зверьё в клетке ||

Раз в неделю, а то и чаще, во второй половине дня, с 16:30 до 18:00, в лагерях — и мужских, и женских — проводились так называемые «политчасы»: в это время все должны были находиться в камерах. «Политзанятия» проходили по одному и тому же шаблону: говорилось о работе, о том, кто как трудится и что еще можно сделать, чтобы улучшить результаты. Конечно же все при этом орали на «банду», которая «филонит». Всё это так напоминало партийные собрания, обязательными пунктами повестки которого всегда были: первое — политическая обстановка, второе — организационные (кадровые) вопросы, третье — критика и самокритика и наконец — четвертое — «прочее».

На «политчасах» обычно «излагали свою точку зрения» новички, либо же выступали бойкотируемые и «отсроченные». Каждый заключенный время от времени должен был предстать перед «коллективом» и покаяться в своей прежней «враждебной деятельности», за которую он был осужден, а заодно высказать всё то, что он якобы «утаил» в ходе следствия. Торжественное действо протекало так: выходишь на середину барака, под лампу, чтобы тебя все видели. Место, где заключенные озвучивали свою позицию, на лагерном жаргоне называлось «пенал» — «штрафплощадка»; «напеналить» — «заслушать провинившегося».

Начинать полагалось с краткой автобиографии, затем надлежало подробно изложить негативные моменты — прежде всего своего отношения к Информбюро, то есть признать заблуждения — и пообещать, что «поможешь следствию», примешь участие в «перековке» других и «сожжешь за собой мосты». В лагере всё однозначное! Невиновных нет! Врагами государства, Партии были

все. То, что ты «пересмотрел» свою позицию, «прозрел», надо еще доказать.

Каждый должен был покаяться в своих прежних помыслах и действиях, которые «вредили» Тито и Партии, признать, что был сталинистом, и назвать «подельников», пусть даже вымышленных, а также вспомнить обо всех «словесных преступлениях» своих друзей, знакомых и ближайших родственников — кто и как «чернил» Партию и ее вождей. Если выяснялось, что ты не «сдал» ни родню, ни друзей, наказание настигало тебя вне зависимости от того, насколько ты уже «перековался». Тебя заставляли «вспомнить» всё в мельчайших деталях. Стоило запнуться, и вот уже самые рьяные соседи соскакивают с нар, окружают тебя — и на твою голову сыплются оплеухи.

«Излагая точку зрения», защищаться не смей, наоборот, чтобы завоевать благосклонность слушателей, надо во всём себя ругать. Тот, кто не обвинял себя сам, провоцировал месть «коллектива». Психология толпы заключалась в следующем: кто более пылко кается, тот и честнее. «Коллектив» принимал в свои ряды лишь тех, кто посыпал голову пеплом, называя себя размазней и трусом.

Если кто-то не спешил «самобичеваться» и утверждал, что не является приверженцем Резолюции и не чувствует себя виновным, что ему не в чем признаваться, «коллектив» побуждал его к этому истощным скандированием: «У-у-у-у! Бан-ду сквозь строй — за-го-во-рит! Бан-ду сквозь строй — за-го-во-рит!» Тех, кто «геройствовал», ждал плачевный исход. Например, человека, воскликнувшего: «Да здравствует Сталин!» — тут же сбили с ног. Вскоре люди поняли, что говорить правду или стоять на своем не имеет смысла — лучше сразу «всё признать». Бойкотируемые порой чуть ли не соперничали, заявляя о том, что лишь попав на Голый остров, они вспомнили о тех своих друзьях или даже родственниках, которые сочувствовали Информбюро или критиковали

государство. Случалось и так, что под этой пыткой люди называли вымышленных персонажей, с которыми якобы общались на свободе. Тем самым они вновь и вновь демонстрировали «коллективу», что являются (были) матерой «бандой» и очень даже заслужили «революционного» обращения со стороны «коллектива».

Устное «изложение позиции» было действием, разворачивавшимся по четко прописанному сценарию. Публика — «члены коллектива» — сидели на нарах. На освещенную «сцену» выходили «актеры», каждый из которых представлял свою «монодраму», а «активисты» были уже наготове... Выступающие, заложив руки за спину, стояли перед столом, вокруг которого сидел барачный «актив». Головы не поднимай: не склонишь ее сам — тебе помогут другие. Независимо от того, говорил ты правду или лгал, ты всё равно был избит и оплеван. Пока человек говорил, другие — «как зверье в клетке» — бесновались и кричали: «признавайся, банда, вываливай всё». Барак ходил ходуном: «У-у-у-у, банда! У-у-у, прихвостни! У-у-у, баламуты! У-у-у, прислужники Сталина! Бей банду, убей банду!..»

Всё это имело двойное действие. Публика таким образом развлекалась — других удовольствий у нее не было, и зрелище воодушевляло массы. В замкнутом пространстве возгласы звучали еще более грозно, чем на улице, а поскольку человеку некуда было бежать, то угроза расправы ощущалась еще сильнее, и спектакль производил самое устрашающее впечатление на тех, кому предназначался.

Изложенную «позицию» оценивал «коллектив», который, таким образом, фактически принимал на себя роль судьи в отношении каждого «наказуемого», невзирая на то, что тот был уже осужден и наказан. Будет ли заявление о «пересмотре» взглядов принято или отвергнуто «политсобранием», зависело от многих факторов: от искренности, с которой человек каялся в своей «враждебной деятельности» и живописал свое «темное прошлое», от его

поведения и активности при выполнении «общественно-полезных работ», от того, с каким жаром проходило «самобичевание» и конечно же и прежде всего — от вердикта старосты, выносимого им на основании инструкций следователя. При этом следователь, а также староста и его помощники «умывали руки», так как фактически главным судьей и экзекутором был «коллектив»⁶⁶⁸.

Во время «политчасов» бойкотируемые должны были стоять в углу, пригнувшись и заложив руки на спину. Первый поворачивался к стене, встав лицом в угол, сгибался в три погибели и закладывал руки за спину, такое же положение занимали и второй, и третий — как можно плотнее друг к другу. «Активисты» их «спрессовывали» ударами. «Члены коллектива» и «отсроченные» являли собой публику и взирали на всё, вперемежку сидя на нарах. «Активисты» уделяли особое внимание новичкам, «банде» и бойкотируемым. Размещаться те должны были таким образом, чтобы постоянно находиться под пристальным надзором «членов коллектива» и «активистов»; прикорнуть — не смей. Изнуряющая работа, скверное питание и беспрестанные речевки отнимали все силы. Поэтому выдержать «политчас» было порой тяжелее, чем работать, да и опаснее. Стоило смежить веки — кто-то да заметит: «Ты только глянь, дрыхнет! Не желает принимать участие в собрании, перековываться, инфорбюровец проклятый!» За этим следовали побои, если не худшие унижения. Заснувшего во время «собрания» сразу же отправляли «в угол!» — пинками. Раздавались гневные возгласы: «Долой засонь!»⁶⁶⁹

Все «члены коллектива» должны были внимательно слушать и быть готовыми принять участие в обсуждении. «Отсроченные» тоже имели на это право. И только бойкотируемые должны были молчать, пока «члены коллектива» им не задавали вопрос. «Ораторы» выступали «под одну гребенку»: «Перед нами редкостный гад!», «Такой мерзавец, что и сравнить не с чем!», «Банда, достой-

ная строжайшего бойкота!» Если «каялся» отец, а его сын находился среди публики, ему полагалось высказаться примерно так: «Я буду говорить об отце, но хорошего о нем мне сказать нечего...» Точно так же говорил отец о сыне и брат о брате⁶⁷⁰.

Разумеется, так было не всегда. Первые «политчасы» обычно проходили тихо, и первая группа, подвергшаяся нововведениям, упиралась, возражая своим же «товарищам», которые заставляли их прилюдно каяться: «Да кто ты такой? Такой же предатель, как я!» Поэтому здесь требовались особо убедительные доводы: однажды «перекованные» подкараулили четверку строптивых и весьма основательно их отделали. Такой «аргумент» возымел действие: большинство узников подчинилось новому порядку, приняв его как неизбежный атрибут «перековки». Вскоре большинство уже состязалось в «самобичевании» — узники оплевывали сами себя, возводили на себя напраслину, пеняли на свой характер, критиковали отношения в семье и в обществе, признавались в «кошмарных заблуждениях».

С тех пор ритуал проходил гладко. После некоторого вступления слово брали те, кому было что сказать; таких, как правило, находилось немало. Они знали: надо публично «каяться» и обещать «исправиться» — никому не хотелось «сгнуть» в лагере. Людям давали понять, что всё будет хорошо, если «коллектив» им поверит, а если они вздумают лгать или «юлить», им объявят бойкот. Дело иметь приходилось с очень «сплоченным коллективом», который «умел разобраться с любым врагом» и «переломить» любого, поэтому «никто с собрания не выходил героем». Те, кто обладал властью, героев не терпели, ведь «героями» были лишь они, и им хотелось доказать, что все узники «сдаются».

После нескольких недель оказываемого мощного давления заключенные начинали копать в себе, стараясь найти какой-нибудь скрытый грешок. Почти всем

это рано или поздно удавалось. Все наперебой говорили о своих прегрешениях, как они заблуждались, признавали себя предателями, которым Тито и Партия даровали жизнь, ведь предателей следует убивать, вешать, а их кормят, одевают и с помощью труда стараются вновь сделать из них людей. Тито и Партия дали им последний шанс, открыли глаза, и они узрели всю глубину своего падения, каковым является измена. Вот почему они безмерно благодарны Тито и Партии. А также следователям и своему окружению — «активистам», которые помогли им наконец многое осознать и «сорвать маски» с тех, кто, всё ещё оставаясь на свободе, отравляет умы неискушенной молодежи, сеет зло в юных сердцах. Теперь их собственная жизнь и разум принадлежат только Партии и товарищу Тито. Они докажут это борьбой и трудом. Такие выступления «коллектив» встречал аплодисментами, а выступавшему отводилось место среди его «честных членов».

Многие вскоре в своих «исповедях» достигли верха «бескомпромиссности». Так, Йоже Юранчича «проставили» в качестве погонщика к одному из заключенных. Тот был доктором философских наук, высокопоставленным политическим деятелем из Боснии и Герцеговины. Его обязанностью было нагружать камни на носилки, а Юранчич тем временем должен был его подгонять и понукать. Однако грузил этот человек не камни, а ежевичные кусты, а затем на «рабочем собрании» сказал, что Юранчич спокойно наблюдал, как он это делает, совсем не понукал его, позволял ходить, а не бегать. На следующий день с груженными носилками бегал уже Юранчич — он в недостаточной мере продемонстрировал свою «ненависть к врагу»⁶⁷¹

Система напрочь лишила людей индивидуальности, полностью подчинив их «коллективу», поэтому многим даже нравилось «излагать позицию» перед всеми: хотя бы тогда они могли поговорить о себе, пусть даже каюсь

в «грехах». Изнуренные постоянным физическим и психологическим давлением, они охотно посыпали голову пеплом, признаваясь даже в том, чего не совершали. Например:

«Раде сказал, что был школьным завхозом. Вырос он в буржуазной среде, но с юных лет симпатизировал рабочему движению и, воюя в партизанах, в конце войны был принят в Партию, но лишь теперь понял, насколько чужд он был Партии — инородное тело, мещанская кровь, заноза, от которой избавился здоровый организм Партии.

“Я изучал литературу, — говорил он. — «Капитал», «Анти-Дюринга»... Но теперь вижу, что всё было лишь теорией, пока здесь, на Острове, я не проникся духом социализма, социалистического соревнования... Мне казалось, что я всегда был прогрессивным интеллигентом, коммунистом, но в действительности я всего лишь примыкал к рабочему движению, был индивидуалистом...”⁶⁷²

Тяжелый труд с носилками в руках, ожидавший любого, кто не принял правил игры, заставлял и самых отважных отказаться от истины и собственного «я», лишь бы избежать пыток и бойкота. На Голом острове одна из заключенных, например, призналась, что хотела метнуть гранату в здание Скупщины. Унижение достигало апогея: «виновник» должен был полить себя дерьмом и еще упрашивать, чтобы его приняли как равного те, кто это уже сделал⁶⁷³.

Сравнивая ситуацию в лагерях с той обстановкой, что царил в тюрьмах старой Югославии, где содержались заключенные-коммунисты, нельзя не увидеть, как мир переворачивался вверх тормашками:

«Арестанта давит тоска, он становится склонен к истерии. Тяжелые самообвинения терзают его душу. Кто-то молча раскаивается в своих деяниях, иные сожалеют о том, что действовали неосторожно, и это привело к “провалу”. А кто-то злится на соучастников и свидетелей, которые дали показания, составившие

основу обвинения. Человеку стыдно, что его бесплодные действия повлекли за собой столь строгое наказание, и он инстинктивно пытается предстать перед сокамерниками героем, таким образом заработав себе какой-никакой авторитет. Если иных путей нет, он преувеличивает тяжесть своих прегрешений, добавляя к ним и то, чего не совершал. Так он демонстрирует свою изобретательность, позволившую ему ввести в заблуждение судей, которые назначили ему относительно мягкую кару... Среди революционеров постоянно ведется борьба за авторитет и репутацию. Человек отстаивает свою честь тем упорнее, чем меньше ее принес с собой... Совершенно понятно, что такие люди никому не облегчают каторги, наоборот, они превращают тюрьму в невыносимый ад...»⁶⁷⁴

«Самобичевание» означало не только самоунижение — эффект от него был глубже. Каждый знал про другого, что тот «двурушник», но определить, кто что думает на самом деле, не мог. Ненависть и недоверие росли. Советский диссидент Виктор Некипелов, помещенный в психиатрическую больницу, вспоминал, что страшнее всего в этом заключении было то, что по прошествии определенного времени, в течение которого его окружали настоящие душевнобольные, он уже не знал, кто «умалишенный»: он или те, с кем вместе он содержался. Он оказался в «зазеркалье», где трудно было понять, кто есть подлинный человек, а кто — просто его отражение. Вера в то, что истина вот-вот откроется и станет ясно, кто и в самом деле псих, а кто — «псих», таяла с каждым днем⁶⁷⁵.

Но хуже всего было то, что искусственные признания и покаяния в вымышленных действиях позволяли рассуждать и следующим образом: ведь всё это — члены КПЮ, столь героически проявлявшие себя, когда в предвоенные годы ими занимались форпосты полиции; угроза битвы и сами избиения имели место и там, но несгибаемые юноши не винулись и не лгали, а если с кем-нибудь это и происходило, то такого человека исключали из ря-

дов Партии. Одним словом, если бы эти люди занимали свое место по праву, они бы здесь не оказались⁶⁷⁶.

Только горстке людей удавалось выстоять, невзирая на разнообразные способы давления: они не желали выдумывать обвинения ни против самих себя, ни против других, «срывать маски», угнетать других заключенных. Такое поведение объявлялось вопиющим, и старосты настраивали на строптивного узника «коллектив», чтобы научить его «уму-разуму»:

«Вот этого, — сказал староста, тыча пальцем в Ягоша, — вздуть как следует. Он совсем “ушел в себя”, а значит уклоняется от битвы с бандой. Никто не требует от него делать то, что не пошло бы на пользу тем, по отношению к кому принимаются меры. К тому же он молчит на собраниях и на политчасах, не общается с людьми, не ходит к следователю — он совсем закрылся. Те, кто знал его на свободе, говорят, что он был очень даже разговорчив и остроумен... Его, товарищи, что-то мучает. Потому что человек, который заглянул в свою сущность и понял, что взял на душу грех, радуется возможности искупить его. Он преисполнен благодарности за всё, что здесь пережил, потому что это помогло ему лучше разглядеть себя самого и ту грязь, в которой он утонул... Актив обязан ему помочь. И если он откажется от нашей помощи — что делать с ним дальше, нам известно...»⁶⁷⁷

И уж совсем редко случалось так, что человек категорически отказывался признать себя во «враждебной деятельности», как, например, Душко Бркич: «Я ощущаю себя коммунистом Югославии и тем самым привержен пролетариату всех стран. Я пришел к своим убеждениям во время революции: я и тогда был готов отдать за нее жизнь, и теперь»⁶⁷⁸.

Однако большинство арестантов сталкивалось с серьезными моральными дилеммами. Людям приходилось рассказывать о том, как откровенно они обсуждали со своими лучшими товарищами темы, которые, по лагер-

ным критериям, были «сферой враждебной деятельности», — то есть предавали тех, кто был им дорог. Тот, кто предавал своих близких, сам себя считал не только трусом и слабаком, но и человеком, лишенным чести и достоинства⁶⁷⁹.

Среди довоенных коммунистов и членов Союза коммунистической молодежи Югославии «мягкое» отношение к товарищам, которые «раскололись» в полиции или на суде, считалось неприемлемым с точки зрения морали, неправильным. «Это предатели, и их нужно вышвыривать из наших рядов», — значилось в письменной инструкции, изданной в партийном печатном органе «Пролетер»:

«Тот, кто дает показания в полиции, расчищает ей путь к поимке других людей и аресту целых ячеек, тем самым предавая интересы рабочего движения и угнетаемых масс, независимо от того, стал ли он провокатором сознательно или заговорил под пытками. Есть много примеров, когда товарищи нас предавали, но в провокаторы не шли. Это обстоятельство никоим образом не должно влиять на отношение Партии к ним, равно как и то, что почти во всех случаях признания вырывались в ходе бесчеловечных пыток. Лучше умереть под пытками, чем стать предателем своего класса и своей партии»⁶⁸⁰.

Всё это губительно сказывалось на самооценке людей. Человека начинали мучить угрызения совести, он боролся с собой, ужасаясь собственной трусости, страху перед унижениями. Однажды на Голом острове, когда заключенные возвращались с работ, вдруг, «словно джинн из бутылки», из строя выбежал старый революционер Чаница Опашич и закричал: «То, что я говорил — неправда! Я лгал!» После этого целый месяц его никто не видел. Он совершил этот поступок трижды⁶⁸¹.

Хотя политика традиционно считалась делом мужским, «политчась» проводились и в женском лагере, по тому же самому сценарию. Некоторые узницы комменти-

ровали это даже вслух: «Грош цена стране, которая боится баб!» Время от времени женщинам, которые должны были «заняться самокритикой», приходилось рассказывать о своей интимной жизни, об отношениях с мужем, парнем. Всем было известно всё: «УДБА не дремлет». Главной целью таких мероприятий было показать всем, кто тут инфор mbюровец, враг, наихудшее отребье, сволочь и негодяй⁶⁸².

Если в какой-то из дней «самобичеваний» не было, проводились «политзанятия» под руководством референтов по культурно-образовательной работе. Для «затравки» читались материалы периодической печати, в основном — из газет «Борба» и «Политика», посвященные, прежде всего, конфликту Советского Союза и Югославии, экономическим победам Югославии, возносившие хвалы югославским вождям и т.п. Зачитывались и другие тексты: так, в женском лагере на Голом острове, например, это были «Заговор молчания», «Узница Сталина и Гитлера»* и другие⁶⁸³. Затем следовала «дискуссия», в которой принимали участие все. Прослушавшие текст поднимали руки и выступали. Они явно старались оказаться на виду, это был шанс громко и внятно дать понять всем, что ты занимаешь «правильную позицию». Как только кому-либо из самых настойчивых староста давал слово, все уже знали, что прозвучит. И совсем не важно, насколько люди действительно поняли прочитанное: всем сразу было ясно — всё очень правильно, а зачастую еще и гениально. Прочитанное надо было

* Книга воспоминаний «Узница Сталина и Гитлера», написанная Маргаритой Бубер-Нойман, в прошлом немецкой коммунистки, вышла во Франкфурте-на-Майне в 1949 г. После того как в Германии пришли к власти нацисты, Маргарита и ее муж Гейнц Нойман, член политбюро германской компартии, вели подпольную борьбу в разных странах, а в 1935 г. осели в Москве, где Нойман в 1937 г. пал жертвой «большого террора» и был казнён. Бубер же как «общественно опасный элемент» в 1938 г. была приговорена к пяти годам лагерей и отправлена в Караганду. В 1940 г. её депортировали в Германию, а на родине как коммунистку приговорили к пяти годам заключения в концлагере Равенсбрюк. После Второй мировой войны Бубер занялась публицистикой, обличала диктатуры и преступления против человечности, выступая, в том числе, и на антикоммунистических судебных процессах.

хвалить, в том числе и текущую ситуацию в Югославии, а если речь заходила о руководстве страны — начиналось славословие: «Товарищи, я здесь усматриваю правильную и всегда принципиальную линию нашей Партии во главе с товарищем Тито...» Затем полагалось выступить с осуждением Информбюро, покритиковать Советский Союз и заклеить Сталина самыми скверными эпитетами — в подкрепление своей оценки. Люди делали это уже автоматически. Стоило упомянуть имя Тито, Ранковича, Карделя или Джиласа, как всё собрание узников начинало громко скандировать: «Да здравствует Коммунистическая партия Югославии!» «Ура Тито!», «Мы за Ранковича!», «За Карделя!» «За Джиласа!», «Долой Сталина!» Лозунги, провозглашаемые каждый день — утром, днем, вечером, на сон грядущий — внедрялись в подкорку, их повторяли и во сне.

Если кто-то из участников обсуждения вдруг занимал «неверную позицию», то есть на «политзанятии» излагал «враждебные взгляды», его били. «Враждебным» было всё, что свидетельствовало об уверенности в себе и наличии собственного мнения. Поэтому большинство выступавших просто повторяло то, что уже прозвучало во время чтения. Лишь изредка новичок, еще не понявший истинной цели таких встреч, «высовывался», тем самым позволяя слушателям доказать на его примере, насколько они сами «перековались», насколько лояльны.

Старосты записывали, кто изъявил желание выступить и сколько раз. Если долго не принимать участия в «дискуссии» — объявят «пассивным». Это могло очень плохо кончиться. «Пассивного» сбрасывали с уже отвоеванной им ступеньки лагерной иерархии, и приходилось начинать всё сначала: мы сюда прибыли не на работу, а на «перековку»⁶⁸⁴.

Целью «перековки» было формирование в людях желания защищать позиции, сторонниками которых они вовсе не являлись:

«И эти часы были не чем иным, как фарисейством и лицемерием, тем самым нас “подгоняли” под систему, общество, которое его организатор строил как в самой “Колючке”, так и за ее пределами, хотя и с помощью несколько иных методов... Вот некоторые штрихи к “политчасам”, служившим пополнению общества фарисеев. Главное заключалось в том, чтобы вести себя изо дня в день вопреки тому, что чувствуешь, говорить то, чего не думаешь, отстаивать взгляды, которых не разделяешь, радоваться тому, что не вызывает радости, короче говоря, быть универсальным лицемером. И насиловать себя таким образом приходилось бесконечно. Политчасы выполняли и провокаторскую функцию, это была охота на честных людей, для которых всё заканчивалось бойкотом. Приведу пример. Староста камеры спросил заключенного Воислава Бошковиича: «Бошковиич, кто из двух прогрессивнее — император Бао Дай* или Хо Ши Мин**?» Поскольку Хо Ши Мин был на стороне Советского Союза и Партии большевиков, Бошковиич ответил: «Бао Дай, товарищ староста». «У-у-у, двурушник!», «У-у-у, банда!», «Бойкот банде!» — раздалось из всех углов, и на несчастного обрушились побои «активистов»⁶⁸⁵.

На «политчасах» зачитывались статьи из газет «Борба» и «Политика» о «поселениях, которых нет на карте СССР» (так газеты называли лагеря, существовавшие в Советском Союзе), где миллионы людей удерживались просто потому, что были против тирании Сталина. Югославские газеты сообщали, что лагеря были «реставрацией каторжных учреждений империи» и что приме-

* Бао-дай-де (Фук Винь Тхюи, 1913–1997) — последний император Вьетнама (1925–1945), правитель прояпонского марионеточного государства Вьетнамская империя и профранцузского марионеточного Государства Вьетнам. Известен в истории благодаря своему девизу правления: Бао-дай — «хранитель величия».

** Хо Ши Мин (Нгуен Шинь Кунг, Нгуен Тат Тхань, 1890–1969) — вьетнамский политический деятель и последователь марксизма-ленинизма, член Французской коммунистической партии с 1920 г., видный деятель Коминтерна, основатель Коммунистической партии Вьетнама и Коммунистической партии Индокитая, первый президент Демократической Республики Вьетнам (1945–1969) и создатель Национального фронта освобождения Южного Вьетнама («Вьетконга»).

нявшийся в них «рабский труд» был изобретением «советской педагогики». Кроме того в статьях указывалось, что такие лагеря были разбросаны по малонаселенным районам Советского Союза, а их узники сначала подвергались процедуре «дознания», самым важным элементом которой был подписанный протокол, и никто не знал, когда он выйдет на свободу — срок мог быть продлен. Участники «дискуссий» и это комментировали «с правильных позиций». Например, следующим образом:

«Что касается мучеников в советских лагерях, то это в основном невинные люди. Похоже, что среди них есть и преступники, но таких совсем немного. Всех остальных туда, безусловно, отправили “ни за что ни про что”. Их арестовали лишь потому, что кто-то возвел на них поклеп, или просто потому, что человеку хотелось большей свободы. И мы знаем, в каких условиях люди там живут: тяжелая работа, плохая пища... Мы здесь тоже работаем, но каждый из нас знает, что он предатель. Наша Партия не уничтожает людей, она дает нам возможность познать всю глубину и мерзость той бездны, в которую мы скатились. Вот почему мы должны быть благодарны ей, и завтра, когда мы снова будем свободны, сделаем всё возможное для расцвета идеалов, которые наша Партия наметила своей целью»⁶⁸⁶.

Любой «уклон» от «правильного курса» был очень опасен для «уклониста». Так, на Голом острове однажды обсуждался процесс Райка, состоявшийся в Будапеште*. Один словенец, плохо говоривший на сербском языке, вместо того, чтобы сказать «судебный процесс», сказал «дискуссия в суде». «Перекованные» тут же набросились на него: «Так, значит, для тебя, банда, это “научная дис-

* Ласло Райк (1909–1949) — венгерский коммунист, политический деятель, ставший жертвой политических репрессий. Был обвинен в государственной измене в форме шпионажа в пользу США и титовской Югославии, в подготовке заговора с целью свержения коммунистического режима Матяша Ракоши. Сфабрикованный против него и ряда других венгерских коммунистов процесс проходил в Будапеште в сентябре 1949 г. Казнен 15 октября 1949 г. Реабилитирован в 1956 г.

куссия»? Значит, тебе нужна “научная истина” для того, чтобы Ласло Райк лишился головы? Сейчас мы тебе покажем...»

Один серб, владевший словенским языком, поднял вверх два пальца, вызвавшись растолковать, что на самом деле хотел сказать словенец, спасти его. Староста заломил ему поднятые пальцы и сказал: «Ну что ж, говори, послушаем...» Серб объяснил, что здесь подразумевалось «заседание суда», но его объяснение не было принято, и теперь все набросились еще и на него: «Долой адвокатов информбюровцев! Банду — сквозь строй!» В тот же вечер он был избит, ему назначили бойкот и на следующий день в наказание перевели в «отряд Корды»⁶⁸⁷.

Владимир Дапчевич был одним из немногих, кто на протяжении всего срока деятельности Информбюро оставался, как говорилось на жаргоне узников Острова, его «твердым ядром». Его «прессовали» сильнее, чем других, но он не изменил своей приверженности Советскому Союзу и даже после того как Сталин умер, а Москва признала свои ошибки в отношении Югославии, неоднократно повторял: «С югославскими коммунистами я могу говорить только через прицел винтовки!»⁶⁸⁸

Впоследствии «политчасы», на которых читались отобранные из «Борьбы» и «Политики» статьи, были упразднены, и в свободное время каждый мог читать газеты по своему выбору. Были организованы краткие курсы, которые вели осужденные, владевшие определенными знаниями. Потом на Острове были установлены и динамики, по которым транслировались программы Радио Белграда. Во время новостных передач все должны были замереть на месте, как если бы играл гимн⁶⁸⁹.

После смерти Сталина «собrania» проводились всё реже, но полностью отменены они так никогда и не были: вплоть до 1958 г., когда на них стали обсуждать речь Тито на VII съезде СКЮ. В изменившейся атмосфере критерии «враждебности» смягчились. Даже скан-

дирование — «Бойкот банде! Бей банду! Убей банду!» — поулеглось. И если вначале новичков, упомянувших в своей «исповеди» какое-либо имя, «тянули за язык», особенно когда они «пополняли досье», то теперь, когда «новенький» начинал рассказывать о тех, кто в его присутствии позволял себе «враждебные выпады», его прерывали: «Заткнись, болван! Ты бы и рад потащить за собой всех! Хочешь, чтобы и наши генералы предстали врагами?» К новым обитателям Острова, обычным уголовникам, стали применяться иные, не столь жесткие методы. Многие из них заметили это и даже хвастались: «Вы предатели, с вами можно было делать всё что угодно, а мы — совсем другие!»⁶⁹⁰

Летающие тарелки над Голым островом

У заключенных, занятых на «общественно-полезных работах», было очень мало свободного времени — уж об этом начальники позаботились. Но и той передышкой, которая вдруг выпадала, нельзя было распорядиться по собственному усмотрению. По воскресеньям лагерникам позволялось спать на час дольше — на работу не выгоняли. Однако в вывернутом наизнанку лагерном мире лишний час сна для кого-то выливался в лишний час дежурства у «параша»: как гласит народная мудрость, «в погоне за благом урон не считают»⁶⁹¹. Воскресенья проходили согласно внутреннему распорядку: уборка и уход за собой. Узники штопали одежду и белье, ходили к брадобрею, давили вшей и блох, осколками стекла или перочинными ножиками стригли себе ногти. «Банда» же, подгоняемая руганью «активистов», и в воскресенье отправлялась на «добровольные» работы.

Свободное время наступало лишь тогда, когда все дела были переделаны. Забиться в угол, чтобы отдохнуть или сделать что-то, о чем ты давно мечтал, не было никакой возможности — если только тебе не поручали нечто такое, что позволяло бы скрыться от всевидящего глаза. Так, например, на Голем острове те, кто обслуживал свиарники, могли нацарапать на поверхности стола поле для игры в мельницу, кто-то вытачивал из камня фигурки, собирал морские раковины, которые затем расставлял на полках в подсобке — «для красоты». В самом лагере для таких занятий не было времени⁶⁹².

Некоторые просто усаживались в жиденькой тени и разговаривали. Обычно такие беседы вертелись вокруг воспоминаний о лихих военных годах — но лишь о том,

что не вызывало вопросов и было хорошо известно всем и раньше. Не о том, как всё было на самом деле, а по уже шаблону. Болтали «о том о сём», то есть о еде, о родных, о спорте... Одним словом, говорили лишь о том, чего не надо было скрывать. Дискуссии по вопросам философии, литературы и т. п. были «неуместны» и по меньшей мере могли вызвать подозрения. Доверительных бесед избегали, боясь доносов.

Весьма часто темой беседы становилась «наша измена». Кое-кто и с глазу на глаз утверждал, что власти милосердны к отступникам, даруя им жизнь; и тут ты задаешься вопросом, нормален ли твой собеседник — или же он провокатор. Такие беседы случались нередко. Человеку могли задать странный вопрос: «Есть ли у русских летающие тарелки?» Многие из тех, кто отвечал утвердительно, были наказаны — их потом «гнобили, как негров».

Каждое слово было чревато последствиями, и даже самую невинную фразу можно было истолковать по-разному. В такой ситуации узники вскоре выработали особый лексикон, состоявший из терминов и выражений, не понятных за стенами тюрьмы. Новая фразеология придерживалась принципа «говори то, чего не думаешь».

Боясь провокаторов и того, что любое произнесенное слово может быть истолковано превратно, некоторые узники целыми днями молчали. Однако и это не спасало от проблем: молчишь — значит, что-то замышляешь. Такое же обвинение сокамерники выдвигали и тогда, когда содержащиеся рядом заключенные-словенцы общались друг с другом на родном языке⁶⁹³.

Кое-кто временами шутил, рассказывал забавные истории, люди смеялись. Смех неподвластен даже террору. Некоторые шутки были принесены еще с воли, иные родились в стенах «исправительно-воспитательных учреждений». Самой дерзкой из распространившихся среди заключенных Острова, была следующая: «Мария — курва,

и сынок ничуть не лучше». Смысл ее заключался в совпадении имен: мать Иосипа Броза тоже носила имя Мария. Эта шутка имела хождение в период, когда лагерный режим уже не был столь строгим, однако уточнять, о какой именно Марии идет речь, из предосторожности не следовало⁶⁹⁴.

Стесненное жизненное пространство при отсутствии правдивой информации было благоприятной средой для распространения слухов — выдумок, преувеличений или домыслов, всё же имевших под собой реальную основу. В большинстве своем обсуждались случаи освобождения; помнится, на Голом острове шептались и о том, сколько может стоить «джезва», в которой Тито в своей резиденции Бриони заварил кофе для британского государственного деятеля Идена (она была оценена в 3,5 млн динаров)⁶⁹⁵. Некоторые узники ломали головы, пытаясь разобраться в том, что происходит вокруг — власти никогда не сообщали о целях и задачах тех или иных действий. Например, на возвышенности, вздымавшейся над островом, из камня возводили основательный бункер. День за днем арестанты волокли к вершине холма огромные глыбы. Это делали лишь те, кто находился под бойкотом; разумеется, проект был окутан завесой тайны. Лагерники часто задавались вопросом, зачем нужно это сооружение. Побег с Острова считался делом невозможным, будь ты хоть рыба — все постоянно находились «под колпаком», а вокруг лишь расстилался берег с отвесными острыми скалами и бушевал Борей. Уж не для того ли строят укрепление, чтобы легче было подавить бунт? Из бункера открывался прекрасный обзор, это узники понимали — многие из них в прошлом были военачальниками, полевыми командирами. Но кому тут бунтовать — не голыми же руками сражаться? Для восстания необходимы силы, оружие, но ни того, ни другого у заключенных конечно же не было. Шептаться между собой начали и бывшие полководцы, полковники, бригадные

генералы и комдивы, когда-то бравшие города: «Это зенитный бункер» — «Почему — зенитный?» — «Потому что русские могут высадить десант». Высадка десанта на острые камни ради освобождения многих тысяч людей не имела бы успеха, даже если задействовать три сотни российских самолетов. Но слухи были живучи: «Да, точно, десант!»⁶⁹⁶

Среди заключенных были и такие, кто во время войны прошел через различные концлагеря в нацистской Германии и фашистской Италии. Они рассказывали, что пребывание на Острове напоминало им о том горьком опыте, но были и существенные различия. Там между мучителями и жертвами существовала некая грань, и лагерники могли оставаться товарищами по несчастью, помогая друг другу в беде. Давление, которое они испытывали на Голом острове, можно было охарактеризовать как «перенятую от нацистов изощренность, обогащенную смесью азиатской хитрости и балканской примитивности»⁶⁹⁷.

Поэтому узники почти единодушно признавали, что Голый остров по степени жестокости содержания превосходит Дахау, Освенцим, Бухенвальд и все прочие фашистские концлагеря с самой дурной славой. Даже старые коммунисты говорили, что Бухенвальд по сравнению с лагерем на Голом острове был «настоящим санаторием»⁶⁹⁸.

Новка Вуксанович, испытывавшая на себе ужасы таких лагерей как Ябланица (он располагался в Нише у Красного креста), Банице, Специальный, Освенцим и Равенсбрюк, писала, что «все они были, если так можно выразиться, раем в сравнении с Островом»⁶⁹⁹. Ведь здешний режим убивал в людях всё, что в них еще оставалось человеческого, превращал их в зверей: «А разве нет? Бывало, “товарищ генерал” избивал своего же “товарища генерала” пока хватало сил. Что, неправда? Каджа Бранко Петрович, имя которого всем нам было известно еще до

войны, хватает палку и бьет престарелого Божо Люмовича, первого коммуниста Югославии, председателя правительства Черногории — бьет до изнеможения»⁷⁰⁰.

И еще:

«В Освенциме на мне ставили медицинские опыты. Впоследствии я получила за это некоторую компенсацию... Но нигде, ни в одном лагере не старались настолько унижить человека, сделать из него тряпку, морального уродца, уничтожить его изнутри. Там тебя подвергали физическим пыткам на каждом шагу. Морили голодом, убивали, сжигали, но, если тебе удавалось всё это выдержать, ты оставался чистым, незапятнанным. В тебе сохранялось этическое чувство, душа. Здесь же, на Голом острове, всё было направлено на то, чтобы тебя “опустить”, уничтожить, изуродовать. Отбивал ты отсюда духовным инвалидом, ты был противен сам себе, стыдился себя, и не было тебе покоя всю оставшуюся жизнь. Вот почему и я сама, и все мы, выжившие, по сей день храним самую “черную” память об Острове. Мне снится — не Равенсбрюк, не Освенцим — Голый остров; всё, что я перенесла там, для меня и поныне страшный сон. Кошмар, преследующий и днем, и ночью»⁷⁰¹.

Тот, кто отваживался во всеуслышание сравнить немецкий концлагерь с «воспитательным рабочим участком», мог подвергнуться бойкоту за распространение «дезинформации», якобы на Голом острове или в Билече используются те же приемы, которые применяли гитлеровцы в обращении с заключенными в своих лагерях⁷⁰².

Некоторые арестанты коротали минуты досуга, играя в настольные игры. Это были шахматы, домино и «мельница». Шахматные фигуры и костяшки домино чаще всего лепили из подсушенных хлебных крошек, которые затем размачивали слюной, чтобы материал можно было формовать. Так узники доказывали свое неверное понимание основных законов общественного развития — в том виде, в каком открыл их Маркс: они «отрывали ото рта кусок» — самым буквальным образом. Они делали

это, хоть и голодали на протяжении нескольких месяцев и даже лет⁷⁰³.

Кто-то в свободное время мастерил бытовую утварь — «на память». У особо «рукастых» получались поделки, которые выглядели почти как предметы искусства — это были шахматные доски или столики, шкатулки, деревянные табакерки и т.п. Порой к таким мастерам обращались с заказами даже следователи, и благодаря своему таланту человек был избавлен от работ в каменоломне⁷⁰⁴.

Мечтой каждого заключенного был карандаш. Небольшой — такой, чтобы его можно было спрятать. Но это была запретная мечта. Карандаш выдавали только при даче показаний в ходе «дознания» и для написания открытки домой, во всех прочих случаях «банде» карандаши не полагались. Из-за графитового огрызка можно было попасть под бойкот. Но сначала надо было объяснить, откуда он у тебя взялся. Не расскажешь — будешь избит: «Вот тебе, вот тебе! Не можешь объяснить? Тогда я тебе объясню!» «Объяснять» могли до тех пор, пока ты не лишался чувств. Тем не менее многие стремились заполучить хотя бы огрызок карандаша, смахивавший на папиросный бычок, — так хотелось почувствовать себя человеком! Если бы карандаш не был запрещен, он не обладал бы такой ценностью. Практическая ценность карандаша состояла в том, что он вносил некую «романтику» в обыденность: им можно было писать сентиментальные стихи, в том числе и о любви. Политические темы, разумеется, все мудро обходили стороной⁷⁰⁵. У поэта Венко Марковского не было ни бумаги, ни карандаша. Чтобы легче запомнить то, что сочинил, Венко решил написать «на злобу дня» венок сонетов, который назвал «Колесо истории»⁷⁰⁶.

Иностранных языков не изучал никто: даже если бы кому-то и захотелось, выбор был непрост: «Учишь русский — значит, ты неисправимая банда. Английский —

готовишься наладить связи с “правыми” и “гнилым Западом” против единственной неоспоримо истинной силы. Немецкий? Тот еще вызов... И так далее, и тому подобное. Вплоть до санскрита»⁷⁰⁷.

Первомай — праздник труда, 29 ноября — День республики, а также Новый год были выходными днями. Даже бойкотируемых никто не донимал. Никто их в упор не видел. Надо было только исполнить обязательные повинности: принести котлы и натаскать морской воды для стирки белья. В праздники и кормили лучше, и даже давали двойную пайку хлеба. Никто не бил. Не было и «политчасов». В эти дни люди довольно много общались между собой, предавались воспоминаниям, ходили вдоль барачков — не встретится ли кто из знакомых? Если такая встреча происходила, праздник был еще слаще⁷⁰⁸.

На второй стадии функционирования лагеря новогодний ужин сопровождался «культмассовой» программой. Звучали мелодии родных песен, танцевали «коло», исполнялись боснийские «севдалинки». Порой разлетался вдребезги стакан, брошенный об пол. Все пели, обнимались и поздравляли друг друга с Новым годом. Настроение было приподнятым.

Началом организованной «культурной» жизни можно считать периодические мероприятия, включавшие сценки или интермедии «из жизни двурушников», или «банды», которые заканчивались тем, что исполнителей главных ролей пинками сгоняли со сцены. Программы составлялись «референтом по культуре» и его подручными, им помогала команда сценаристов, декораторов, гримеров, костюмеров... Но фантазии особенно развернуться было негде. Главной целью «представлений» оставалось унижить «банду» и «отсроченных», поиздеваться над ними. Во время действия публика пела, раздавались возгласы: «Да здравствует Тито!», «Долой Сталина!» На сцену выходил бывший актер театра, одетый в национальный костюм, с котомкой на плече. Он вынимал из

нее листовки с именами, и каждому упомянутому адресовалась эпиграмма или карикатура. Например, о Владо Дапчевиче зачитывалось такое:

*«Видит сон о загранице
Донжуан наш криволицый:
по Анне Паукер * скучает,
видно, в ней души не чает».*

А вот что было сочинено о Вукашине Белице:

*«По “норе” летает птица
по прозвищу Белица.
Она безмозгла, как индюк,
НКВД ей лучший друг».*

В женских лагерях тоже были свои скетчи, куплеты, декламации, «толкования снов» и т. п. Могли, например, показать, как Милюше Йованович, инвалиду, русские помогают ходить — и такого там хватало. Песни перемежались с танцами: английский вальс, танго... Танцевали и черногорское «коло», и личанское «оро». Какой танец кому достанется, зависело от тяжести вины и происхождения «банды». Музыка тоже обеспечивала «банда» — «музыкантши», чередуясь, «играли на губах»: кто-то подражал трубе, кто-то — гитаре, а кто-то — и барабану. Тем, у кого получалось, хлопали, неловких «ободряли» возгласами «Давай на бис!» Самыми популярными и веселыми «вечерами культуры» были маскарады с песнями и скетчами, в которых выступали Сталин, Анна Паукер и другие «знаменосцы» Коминформбюро. При подготовке таких мероприятий неисчерпаемое воображение и талант демонстрировали гримеры, авторы текстов, костюмеры...

* Анна Паукер (1893–1960), румынский политический деятель, министр иностранных дел Румынии и фактический лидер РКП в конце 1940 — начале 1950-х гг. Противилась репрессиям внутри румынской компартии в ходе сталинского конфликта с Тито. Отстранена от правления в 1952 г. Георге Георгиу-Дежем в результате кампании, направленной против «сионистов» и «космополитов». Была арестована в феврале 1953 г., но после смерти Сталина переведена под домашний арест. Чтобы не допустить её возврата к власти, руководство РКП создавало ей репутацию «твердокаменной сталинистки».

«Сталина» публика всегда встречала гоготом и свистом. Некоторые из зрителей, исполненные ненавистью, бросались на лицедея, чтобы выдрать ему непрременные усы и густые брови, плюнуть в глаза. Дежурным «активистам» едва удавалось отбить актера, осаждаемого гневной толпой «перекованных товарищей».

«Я Бог, и нет у вас Бога, кроме меня! — орал заключенным Стоцкого лагеря “Сталин”, сжимая кулаки. — Тито — агент империализма! Коммунистическая партия Югославии предала Коммунистический интернационал!..» Это настолько разъяряло преданную Тито публику, что звучащий по ходу представления текст о том, что пора убить Тито и перебить весь ЦК, было почти невозможно расслышать. Напрасно «La Passionaria»* пыталась отмежеваться от «бесстыжего вранья Сталина» — удары сыпались градом. «Шалава! Политики захотелось! Хрен тебе!» — так встречала публика «Моше Пияде», так провожала «Анну Паукер». Были тут и «Берия», и «Молотов», и «Сулов», и «Микоян», и «Жданов»... Сколько «банды», столько и ролей, которые распределялись «по заслугам». Однажды на Острове в одном из таких спектаклей в роли маршала Конева выступил Влада Дапчевич, ему даже изготовили картонные «погоны»; Божо Люмович выступал в роли Анны Паукер, министра иностранных дел Румынии. Он играл в юбке и шляпе с пером.

В женском лагере на Голом острове Сталина однажды довелось сыграть Ольге Юранчич-Виренс. Эту роль ей дали потому, что она считалась неисправимой «бандой» — отказаться было нельзя. Точно так же в Средневековье находили «козла отпущения», который должен был играть роль «жида», то есть сносить побои и сыпав-

* Под псевдонимом Пассионария («La Passionaria») была известна Долорес Ибаррури (1895–1989), деятель испанского и международного коммунистического движения. В период, рассматриваемый в настоящем издании, занимала пост генерального секретаря Коммунистической партии Испании и проживала в эмиграции в СССР. Псевдонимом, который переводится как «Страстная», была подписана первая статья Ибаррури, опубликованная в рабочей печати в Страстную неделю 1917 года.

шиеся на него оскорбления, плевки и пинки — это было ритуальным убийством. Интересно отметить, что после того, как все увидели Юранчич в роли Сталина, ее перестали считать «бандой».

Такие вечера — как правило, но не всегда — заканчивались выбором самой удачной «маски». «Сталин» всегда побеждал, на втором месте была «Пассионария». Тут им не было равных. «Молотов» занимал лишь шестое-седьмое место. Что же касается других, то здесь значение имели больше их поступки, известные всем, нежели сам малознакомый персонаж. Призом для победителя было «право» простоять всю ночь в углу камеры, не прислоняясь к стене⁷⁰⁹.

Однажды Драгутин Густинчич из «Петровой Дырь» написал Карделю о том, что пора бы уже вместе с югославским руководством сесть за стол переговоров и «обнулить» старые счета. Власти Острова воспользовались этим письмом для нового шоу. Они «сформировали правительство», в котором были заняты многие видные довоенные коммунисты и послевоенные деятели: Векослав Смолян, Лабуд Кусовац, Божо Люмович, Петар Комненич, Радивое Вукичевич, Любо Радованович, Милан Калафатич, Бранко Вукелич и Васко Еласка. Членов «правительства» облачили в отрепья, на головы им нахлобучили высокие колпаки из папье-маше, на которых значились ярлыки: «фракционист», «предатель», «кровавый сталинист» и т. п. Густинчичу приказали открыть заседание «правительства». Он отказался, и всё «законное правительство» было избито⁷¹⁰.

Зрители отзывались на всё происходящее оглушительным хохотом и аплодисментами. Точно так же, как и в средневековых «пассионах», они и сами были частью «театра»: негодовали в ответ на заявления «Сталина» и лопались от смеха, наблюдая за тем, сколь нелепо выглядела «банда». Свою «перекованность» они доказывали, оплевывая и нанося побои «Сталину». Горе тому, кто

не аплодировал. Те, кто при «сведении счетов» со «Сталиным» и его «сторонниками» вел себя слишком вяло и недостаточно громко смеялся во время шоу, призывались к ответу⁷¹¹.

Когда представление завершалось, отдельных его участников начинала терзать совесть: «Чего только от нас не хотят: унижают, оплевывают, лущуют, как скотину, — а ты еще и смеешься»⁷¹².

5 марта 1953 г. умер Сталин — это отпраздновали во всех лагерях. Кому-то из «банды» на руку надели траурную повязку, а «перекованные» орали, входя в раж: «Вот и жди теперь помощи от своего московского “Папы” — поможет он тебе, как же! Сдох, падла, и ты сегодня тоже сдохнешь!»⁷¹³

По устным свидетельствам, в одном из мужских лагерей по случаю смерти Сталина была устроена церемония «похорон». В столярной мастерской сколотили шесть гробов, которые украсили пятиконечными звездами; гробы должны были символизировать пять континентов и Сталина. Они были достаточно вместительны: в них уложили «сталинистов», одетых во что-то наподобие сталинского френча, на головах красовались «сталинские» фуражки. У всех шести узников были усы — как у Сталина. Согласно сценарию, они должны были кричать: «Долой Сталина!» Однако, если верить преданию, «актеры» один за другим восставали из гробов, крича: «Позор на ваши головы! Орудие дьявола! Будьте вы прокляты, титовские палачи!» Кто-то даже утверждал, что «перепутавшие текст» после этого события просто-напросто «исчезли». Разумеется, эта история столько раз передавалась из уст в уста, что никто уже не знал, что происходило на самом деле, а что было плодом разыгравшейся фантазии⁷¹⁴.

В тот день в женском лагере Милюше Йованович, Бране Маркович, Секе Станкович и Новке Вуксанович выдали черные головные платки и повели на прочистку

канализации. Женщинам пришлось голыми руками выбирать из канав фекалии, а заключенные орали: «Банда, банда!» Когда работа была сделана, четверку узниц вывели на середину двора. Там установили «смертный одр», на котором возлежала одна из узниц, изображая Сталина: ее снабдили усами и чем-то вроде сабли. А вокруг стояли четыре лагерницы, изображавшие Милюшу Йованович, Брану Маркович, Секу Станкович и Новку Вуксанович, и причитали по-черногорски: «Сташа, кровиночка наша, на кого ты нас покинул, почто поперед поры сгинул...» Затем та, что играла роль Браны Маркович, обернулась к «подругам» и сказала: «Милюша, Новка, как вам не стыдно, что ж вы делаете? Он был великим и великим остался, теперь он вознесся в небеса и всех нас видит, а вы тут рыдаете!» На этом «лицедействе» присутствовали и следователи из мужского лагеря — они смеялись до упаду⁷¹⁵.

В некоторых местах такие «маскарады», предназначенные «банде» и ее «перековке», проводились ежевечерне. Однако спустя некоторое время после смерти Сталина это сошло на нет: «банда» успела притерпеться, и этот метод больше не приносил заметных результатов, да и «дознанию» не давал ничего нового⁷¹⁶.

Той же цели служили и различные лозунги, которые заключенные должны были выкрикивать во время работы и в свободное время, в очереди за едой, на поверках, с утра до вечера: «Да здравствует Партия!», «Да здравствует товарищ Тито!», «Долой Информбюро!» А потом: «Всё для Тито, всё для Партии, всё для народа!» И опять: «Мы за Тито, Тито — наш!»⁷¹⁷

Этот метод «перевоспитания» тоже напоминает приемы, характерные для немецких концлагерей в первые годы их функционирования. В Стоце, например, в вечерние часы, когда заключенные уже были заперты в бараках, «воздействие камнем» сменялось сеансами «психотерапии». Узницам приказывали построиться под яркими

лампами, после чего они, каждая по очереди, а затем еще и хором должны были громко пропеть: «Я банда!» Прекращалось всё это лишь после того как «дирижер» (дежурный «активист») подаст знак: достаточно. Затем каждая исполняла песню по собственному выбору. «Матерой банде» песню назначал «коллектив». Чаще всего исполнялись такие песни как «На холме избушка-крошка, у нее есть два окошка», «Тандрчак, тандрчак, веретено», «Под той, под той зеленой горой»... Незнание мотива оправданием не являлось. В этом случае какая-нибудь из узниц, знавших песню, обучала ей «невежду» — нота за нотой. Во время выступлений зрительницы смеялись от души: «Это было и жутко, и смешно»⁷¹⁸. Аналогичный метод издевательств применялся и в лагере Стара-Градишка на протяжении всего 1950 г. — без единого дня перерыва⁷¹⁹.

Разумеется, власти в югославских «исправительно-воспитательных учреждениях» не просто перенимали нацистские методы «перевоспитания», но и дополняли их оригинальными «находками». Так, узниц лагеря в Стоце донимали своеобразным «хоровым пением». Они должны были только открывать рот, проговаривая про себя слова песни «Ой, Морава» или «Лети, пчелка малая». Если у кого-то вырывалось словечко или даже просто звук, тут же поднимался ор: «А, ты поешь взаправду? Вот как? Тебе это в радость, в удовольствие, да? Вместо того чтобы стыдиться, корить себя, вместо того чтоб провалиться сквозь землю, ты еще и выкобениваешься?»⁷²⁰

Подобные сеансы вечерней «терапии» проводились и в лагере Стара-Градишка, где «норные» на забаву «товарищам» первым делом должны были станцевать «коло». Затем кто-нибудь играл на аккордеоне вальс, и узницам приходилось тешить «перекованных», танцуя попарно. Сначала мужскую партию исполняли нечетные номера, а четные — женскую. По команде «Дамы меняют кавалеров!» «кавалеры» становились «дамами», а «дамь» — «кавалера-

ми». По команде «Давай!» пары разбивались, танцоры брались руками за уши и в ритме вальса кружились вокруг своей оси. А затем по команде «Дамы и господа, пожалуйста на вальс норников!» танец начинался с самого начала.

За этим следовал «торжественный марш норников в берлогу». Гармонист играл «Марш на Дрину», а «норные» строевым шагом отправлялись к своим шконкам. Тем временем «перекованные» лупили их и пинали куда ни попадя⁷²¹.

Лагерные власти выступили с инициативой организации в лагерях «культмассовой работы», когда лагерь просуществовал уже довольно долго. На Голом острове начали действовать курсы ликвидации безграмотности: то есть туда попадали и неграмотные — по политическим соображениям. Для представлений здесь даже воздвигли каменную сцену. Началась работа музыкальной и театральной секций — каждый месяц проходили концерты и спектакли. По инициативе «Центра» стали проводиться и встречи писателей: в итоге литераторы даже получили привилегии — их освобождали от работы и позволяли заниматься творчеством, особенно когда готовился праздник. Писатели выступали на редких торжествах, целью которых было «вдохновлять». Цветко Загорски, к примеру, на злобу дня написал «Оду трагачу», при этом он даже не лукавил: «меня действительно охватило желание работать по-ударному, когда я убедился в том, что наш тяжелый труд и лишения очищают нас внутренне и помогают вернуться на истинный путь». Периодически и его посещали сомнения, протест, но он их подавлял, так как «принять предлагаемый тебе образ мышления и поступать сообразно ему было единственным шансом выжить». Загорски написал и несколько очерков. В одном из них — «Минута молчания» — были такие слова: «Кирилл больше не чувствовал себя пленником этих стен, “колючки”, сторожевой вышки и “мокрых дежурств”. Он чувствовал себя свободным, всё ему казалось просто и легко»⁷²².

После визита Ранковича литераторы читали свои стихи и эссе на тему «приезда товарища Марко». Патетики было хоть отбавляй, и публика встречала ее восторженными аплодисментами.

Хор был довольно большим, но пел нестройно и вяло; слушатели хлопали по привычке. Выступления хора дополнялись культурной программой, обычно весьма пафосной. Ее содержанием было: отпор клеветникам, любовь к Партии и ее вождям... В крупных мероприятиях принимали участие также некоторые следователи и конвоиры. Для сотрудников лагерной администрации перед сценой ставились скамьи, а заключенные сидели прямо на щебенке.

Мероприятия обычно проводились вечером, после ужина и поверки. На сон лагерникам отводилось слишком мало времени, и кому-то случалось «прикемарить». Тогда вмешивались «активисты»: «Смотрите-ка, банда задрыхла!» В ход шли оплеухи и затрещины, возникали и крупные потасовки. На следующий день следователю на стол ложился рапорт: такой-то заключенный заснул на концерте. И не только заснул — проигнорировал культурмассовое мероприятие, на котором ему позволила присутствовать сама Партия⁷²³.

Оглушительный успех на Голом острове имела постановка по пьесе Эдмонда Ростана «Сирано де Бержерак». Артисты, занятые в спектакле, действовали сыгранно, сцена была прекрасно оформлена, реквизит тщательно подобран, до мельчайших деталей. Публика обрушила на выступавших шквал аплодисментов, и после никто не мог говорить ни о чем ином, кроме как об этом представлении. Актеров в тот вечер в бараках встречали, как героев⁷²⁴.

В мужском и женском лагерях на Голом острове поставили и оперетту. Либретто создавалось в мужской части острова. На музыку известных опер, оперетт и шлягеров были написаны новые слова. Содержание было

следующим: предательская деятельность информбюровцев на свободе, их поимка органами госбезопасности, раскаяние и возвращение на путь истинный:

*«Гром возмездья раздаётся, ха-ха-ха;
Слава УДБА неуспешной, ха-ха-ха...»*

Но чаще всего здесь звучали перефразированные партизанские и народные песни. Вот какую «народную» песню исполняли в женском лагере на Голом острове:

*«На мосточке я стою, бедняжка.
На “Пунате” проплывает милый.
Шлет он мне привет, рукою машет,
мне ж не выпустить из рук носилок».*

Пелись и куплеты, недвусмысленно свидетельствующие о том, что поющие занимают «правильную» позицию:

*«Сталин, старая ты кляча,
Тито трудно одурачить.
Тито обмануть непросто,
Как и Джидо Черногорца!
Тем, кто им посмеет лгать,
Ребра бы пересчитать».*

«Уроки пения» в основном проходили в воскресенье вечером. Старосты или бригадиры затягивали песню, остальные подпевали. Но это — уже после того, как режим смягчился, то есть после 1951 г.⁷²⁵

Были в лагерях и стенгазеты. Ярko разукрашенные, они вывешивались на видном месте и служили тем же целям, что и во всех прочих местах — поощрять желаемое и критиковать нежелательное поведение. Они хвалили и ругали, высмеивали и шутили. Их содержание главным образом составляли выпады против Сталина или издевки на счет тех, кого удавалось «разоблачить». Так, однажды утром на Голом острове Милка Пуцина обнаружила в стенгазете свой портрет, где просматривались лишь отдельные черты, а всё остальное было изменено:

дорисованы собачьи уши, морда и длинный хвост, на котором было написано: «НКВД»⁷²⁶.

На так называемом «зрелом» этапе развития лагеря, когда «Большая Колючка» приобрела свой окончательный вид и здесь уже стояли каменные бараки, большая котельная, уборные и общая душевая, был построен и кинотеатр. Фильмы крутили под открытым небом. Когда дул ветер, «картинка» искажалась. Зрители сидели на полу. Впрочем, как бы то ни было, показ фильма был радостным событием. В женском лагере экран был установлен так, что головы зрителей отбрасывали на него тень, поэтому кинопоказы уже собирались отменить. Тогда узницы стали смотреть фильмы лежа на животе, только чтобы не лишиться этого удовольствия, ведь кино позволяло хотя бы ненадолго перенестись в иной мир, где не было никакой «перековки». Обычно крутили фильмы о ковбоях и третьесортные американские ленты, однако был показан и «Чертов круг»*, одним из эпизодов которого было выступление Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе. Мужчины, которых еще не сморил сон, любовались актрисами, хотя, обессиленные, и не были способны испытывать сильное волнение.

Из-за того, что демонстрация фильмов под открытым небом не всегда была возможна, в так называемой «Бабьей Драге» соорудили что-то вроде ангара. По вечерам, когда на всех накатывала усталость и клонило в сон, здесь организовывались и кинопросмотры. Если кто-то, намаевшись за день, вдруг засыпал, вмешивались «активисты» и тут же будили уснувшего колотушками: режим предписывал в это время просмотр фильма, а не сон — порядок есть порядок⁷²⁷.

Власти поощряли и другие виды искусств, демонстрировавших «человеческое лицо» социализма обитателям «исправительно-воспитательного учреждения». Бел-

* Фильм режиссера Карла Балхауса, вышедший в 1956 г. в ГДР. Роль Георгия Димитрова исполнил актер Йохен Брокман.

градец Деян Богданович, отбывавший срок на Голом острове, изваял бюст маршала Тито; наградой художнику стало досрочное освобождение⁷²⁸.

В процессе «перековки» была задействована не только культура — с большим успехом здесь использовали и «физкультуру»: лагерницы должны были прыгать на одной ноге вокруг нар посреди барака и на четвереньках проползать под ними; от этого не были избавлены даже пожилые узницы. Мужчинам же велели выбрать камень потяжелее и, сидя на корточках, удерживать его на вытянутых руках⁷²⁹.

У большинства заключенных Острова на спортивные игры не оставалось времени — ну, разве что иногда они купались в море. И всё же кто-то по вечерам играл в футбол на площадках, сооруженных в «добровольном» порядке. В лагерях Голый остров, Билеча и Стара-Градишка были набраны две футбольные команды: «Партизан», или «Гайдук», и «Црвена** звезда», которые вели нескончаемые поединки. Состав команд почти не менялся. Матчи проходили по воскресеньям; все заключенные должны были наблюдать за игрой и непременно «болеть». При этом хорваты, словенцы и «пречане» (то есть, люди из местностей, которые Сербия получила после Первой мировой войны), «болели» за «Гайдука», а все остальные — за «Црвену звезду», причем без особого принуждения. Похожая ситуация сложилась и в лагере Стара-Градишка, где содержались офицеры югославской армии, в том числе те, чей самый большой грех заключался в том, что они, офицеры, «болели» за «Црвену звезду», в то время как им предписывалось «болеть» за «Партизана», потому что «Звезда» считалась «мелкобуржуазной командой»⁷³⁰.

«Фанатские» страсти с особенной силой разгорелись в 1952 г.: сборная Югославии играла со сборной Совет-

* Красная (сербск.).

ского Союза. Когда югославская команда стала вести со счетом 5:1, в Билече «перекованные» и старосты начали глумиться над «бандой»: «Ну что, мать вашу информбюровскую, — видите, как мы вас рвем на тряпки?» Однако, когда «русские» стали забивать гол за голом, это обернулось трагедией: сначала «банду» отогнали от радиоприемника, а затем последовало кошмарное побоище. «Банду» дубасили палками и пинали с таким ожесточением, что конвоирам понадобилось немало времени, чтобы навести порядок⁷³¹.

Примерно через три года после создания лагерей там возникли библиотеки. Вполне понятно, что брать книги могли только «члены коллектива», но никак не «банда». Впрочем в этой среде большого интереса к чтению не питал никто. Все уставали от ежедневного принудительного труда, регулярных вечерних «политчасов» и «изложения позиции». Просто-напросто было слишком мало свободного времени, чтобы читать. Кроме того интерес к ряду книг был небезопасен. Так, Милорада Тодоровича избили за то, что он взял почитать книгу Оскара Давичо «Человеков человек»*, которая оказалась в «черном списке» из-за недозволенной теперь «джиласовщины». Таким образом, Тодоровича сначала били за то, что он был против Джиласа, а теперь — за то, что он, сам того не ведая, был «за»⁷³².

Постепенно Голый остров обзавелся и собственным музеем. В 1955 г. Миливое Стеванович, художники Иван и Методие Петровы и архитектор Анджелко Кмезич начали собирать постоянную экспозицию, рассказывавшую об Острове; в этом проекте приняли участие многие специалисты, а на его реализацию были направлены «немалые средства». На выставке каждому виду поделок, которые изготавливали лагерники, отводился свой стенд. Выставка рассказывала не о пытках, страданиях и смер-

* Давичо, Оскар (1909–1989) — сербский поэт и писатель. Поэма «Человеков человек» («Covekov covek») была написана в 1953 г. в духе модернизма.

ти насильно согнанных на Остров людей. Хроника здешних событий, эмоции и муки остались по ту сторону завесы виртуальной реальности. Посетители выставки были приятно удивлены. Авторы экспозиции полагали даже, что и сами заключенные, знакомясь с выставкой, испытывали радость: осмотрев ее, они могли осознать, сколь велики результаты, достигнутые ими в ходе строительства социализма. В специальном разделе рассказывалось и об истории Голого острова, но эта часть была под замком. Там был представлен ряд интересных археологических находок и великолепные экспонаты, но были также и графические свидетельства, которые не следовало видеть широкой публике. Оформление экспозиции завершилось в 1956 г.⁷³³

«И только дознание вечно»

Подозреваемых арестовывали с подачи органов госбезопасности и контрразведки и согласно политической конъюнктуре. В заключении их вынуждали признаваться во «враждебной деятельности», направленной против народа, Партии и государства — с помощью пыток и изнурительных условий содержания. Узников не извещали о том, в чем их подозревают или обвиняют, что уж там говорить про защиту; они представляли перед «партийным» судом, который требовал признания вины: «Раскайся, признайся, исповедайся! Покопайся в себе — уж не совершил ли ты преступление? Наверняка совершил. Точно совершил! Иначе не пошел бы против Партии... Пиши! Времени у тебя — целая ночь. Пиши всё — как жил, что делал...» Признание, полученное «по-хорошему» или «по-плохому», затем использовалось в качестве вещественного доказательства совершенного уголовного преступления⁷³⁴.

Если уговоры не помогали, применялось физическое и психологическое воздействие. Самым неуступчивым намекали или даже открыто давали понять, что лучше бы им покончить с собой. Так, Йоже Юранчичу довелось прослушать инсценировку его «похорон». Мероприятие длилось около двух часов и транслировалось в камеру через динамик, вмонтированный в потолок (таким образом, всё, что оттуда звучало, спускалось в самом буквальном смысле «сверху»). «Скорбный обряд» проходил по всем правилам. Как у кавалера памятного знака «Споменица-1941», у Юранчича было право на похороны с воинскими почестями: надгробные речи, военный оркестр, ружейный салют... «Траурную церемонию» комментировал

диктор, подробно описавший гроб, который якобы везли на лафете в сопровождении почетного караула, а также упомянувший о родных «покойного», его сыновьях... Прозвучало и то, что «похороны» почтил своим присутствием представитель Правительства Народной республики Словении и Центрального Комитета Партии Миха Маринко, а также «другие официальные лица».

То, что выпало на долю Юранчича, было настоящим «беспределом», впрочем обращались с ним как раз в духе господствовавших понятий о «враге народа». Юранчич был арестован и противозаконным образом содержался в тюрьме с момента ареста 24 апреля 1949 г. до роспуска парламента 1 февраля 1950 г., когда закончилась и его депутатская неприкосновенность. Всё это время ему не разрешали выходить из камеры, тем более на прогулки, не позволяли ни помыться, ни сменить белье, ни постричься, ни побриться. «Я был, как дикарь в джунглях», — впоследствии вспоминал Юранчич.

Уже в день ареста представитель «ОЗНА» запугивал его тем, что «здесь люди исчезают бесследно». Когда же его навестил помощник госпрокурора, его хороший знакомый, с которым они вместе воевали в партизанах, заключенный спросил, что тот думает об аресте депутата союзного значения, которому положен иммунитет и которому, согласно Конституции, должно быть предъявлено постановление о лишении его неприкосновенности. Помощник прокурора ответил: «Юранчич, ты ведь уже не мальчик и сам знаешь, что здесь и Конституция, и законы — полный пшик»⁷³⁵.

Пусть с точки зрения верховенства закона судьба Юранчича и его парламентского иммунитета сложилась весьма необычно, однако всю эту ситуацию можно назвать «ремейком» судьбы Ганса Баймлера*. В апреле

* Баймлер (также Беймлер) Ганс (1895–1936) — немецкий коммунист, участник Гражданской войны в Испании. В 1932 г. был избран депутатом Рейхстага. В апреле 1933 г. был арестован нацистами и отправлен в концлагерь Дахау. В мае 1933 г. оттуда бежал и эмигрировал.

1933 г. при аресте нацисты спросили Баймлера, какое положение он занимает. Он ответил, что является партийным секретарем и депутатом Рейхстага, его поправили: «Был!» Он сказал, что избран 5 марта. Ему ответили: «Мы это депутатство тебе выьем из головы». Когда он попал в тюрьму, его избили до бессознательного состояния. Затем спросили, всё ли еще он «воображает себя» депутатом. А поскольку он всё еще «воображал», его в тюремном коридоре прогнали сквозь строй штурмовиков СА⁷³⁶.

«Перековка» информбюровцев проводилась по особым правилам. Прежде всего, переставало действовать правило, что следственная процедура завершается вынесением приговора, осужденный отбывает назначенное ему наказание, и впоследствии никто не вправе предъявлять ему те же самые обвинения, за которые он уже отбыл срок. Информбюровцев, размещенных в лагерях, постоянно подозревали в том, что они о чем-то умолчали, назвали не всех, с кем «вели совместную враждебную деятельность». На протяжении всего периода заключения их принуждали к «самообвинениям», изложению политических взглядов, перечислению забытых или не указанных прежде деталей. На протяжении всего срока в отношении осужденных продолжалось «дознание», в том числе и по пунктам, по которым уже был вынесен приговор. От узника постоянно требовали новых «воспоминаний», призывали «разоблачить врага» — в себе и в окружающих: якобы только таким образом он мог помочь и себе, и другим. Или, как было принято говорить: «перековка» невозможна без «обрубания хвостов, которые тянутся за нами и топят нас в грязи предательства». Тот, кто не «помог следствию», понапрасну клялся в «пересмотре взглядов» и в своей полной готовности бороться с врагом, «бандой».

Вместе с тем человека уверяли, что ему больше не придется таскать камни, его никто не будет оплевывать, бить — стоит только «пополнить досье». Тогда он уже сам

сможет погонять и «перековывать» других, доказывая, что он «исправился». Но для этого надо вспомнить всё — не умалчивая ни о чём, никого не забыв. В этих условиях возникла поговорка: «Всё в духе диалектики: всё течет, всё меняется, и только дознание вечно!» Оно велось и потом, когда после тюрьмы их направляли в рабочие бригады⁷³⁷.

Как указал бывший начальник женского лагеря в Пожареваце Веселин Попович, администрация лагеря получала конкретные инструкции о том, как сделать следственную процедуру бесконечной. Арестанты еще только этапировались на «общественно-полезные работы», а их досье со всеми протоколами допросов и справками о подозрениях и обвинениях уже лежали на столе дознавателя. Некоторые из них содержали запрет на освобождение: по документам узница проходила как «советский агент» и тем самым представляла опасность для окружающих, для независимости страны. Запрет на освобождение мог распространяться и на тех женщин, обвинения против которых представлялись «крайне невинными, неподкрепленными, шаткими». Так, одна студентка-медик должна была оставаться в лагере «до специальных указаний» — и всё это без объяснения каких бы то ни было причин⁷³⁸.

На «общественно-полезных работах» ты мог перевыполнять все нормы, но это еще ничего не значило — хорошо работать может каждый, даже враг, прикрывающийся ударным трудом. Старанием свободу не заработаешь. Хочешь проявить себя — «пересмотри позицию», а это можно было сделать, лишь посетив следователя и сделав новые признания. Излагая свои «наблюдения» (так на лагерном жаргоне назывались доносы на товарищей по несчастью), полагалось рассыпаться в благодарностях перед Партией, «великодушно даровавшей жизнь», и лицемерных заверениях в том, сколь благодарен ты ей за «перековку».

Разумеется, по пустякам дознавателя беспокоить не полагалось. Оценку о том, достойны ли «наблюдения» того, чтобы визит в администрацию состоялся, выносил староста камеры. Он подавал рапорт следователю, и тот решал, кого он примет лично и в какое время. Ждать вызова приходилось долго. Но если вдруг кто-то не стремился попасть к следователю, староста отправлял его туда сам. Выбора не было: рано или поздно на допрос попадали все⁷³⁹. Вечерами, перед сном, под дверями старост выстраивались длинные очереди из заключенных, которые со временем стали воспринимать свои кляузы как нечто совершенно естественное. Более того, некоторые из них ожидали приема, преисполненные чувством гордости. Они входили, один за другим, вставали по стойке смирно и, как говорилось, «заводили шарманку»: «Товарищ староста, осужденный такой-то с докладом прибыл. Осужденный Якшич не пересмотрел своих взглядов, он не воздействует на банду, не участвует в обсуждениях, работает с прохладцей...» Чем гнуснее был поклеп, тем лучше для жалобщика. Самой большой «доблестью» считался донос на кого-то из «крупной дичи», на родственника, друга или товарища. Впоследствии ябедам приходилось искать всё новые способы, как спровоцировать других осужденных, особенно только что привывших, «банду»⁷⁴⁰.

Заключенные приходили «на доклад», словно на исповедь, как если бы хотели облегчить свою совесть:

«Если тебе нужна помощь, — продолжает Милан, — то наши товарищи-активисты тебя выслушают со всем вниманием и подскажут, как вернуться в ряды честных людей. У тебя есть наставник. А прежде всего — у тебя есть наш товарищ следователь, перед которым ты должен быть откровенным и искренним, как на Страшном Суде. Ну, или, по крайней мере, как на духу!»⁷⁴¹

«Перекованные» тоже убеждали других в необходимости «ходить на доклад». Каждый «признавшийся» был для «пересмотревших позицию» своего рода доказа-

тельством того, что они и сами поступили правильно — одним уколом совести меньше. Для того чтобы поскорее выбраться на свободу, хоть на мгновение раньше, большинство сразу «признавалось во всём», «помогало следствию», «обрубало все свои хвосты»... И даже самые ярые сталинисты публично отрекались от Сталина⁷⁴².

Однажды на Голом Острове староста камеры, выставив кого-то из заключенных перед «коллективом», назвал его «пассивным»: не борется с «бандой», не ходит к следователю, не доносит о «харанге», то есть он всё ещё «банда» и так далее. «Коллектив» завопил: «У-у-у, пассивщик! У-у-у, банда! Бой-кот бан-де!» — и это вопреки сознанию абсурдности ситуации: люди со своих нар орали на того, кто не ходит «с докладом», в котором мог бы сообщить следователю о своих «наблюдениях», «разоблачить банду» — «настучать» как раз на кого-то из орущих в этот момент⁷⁴³.

Доносительство, или «информирование», на Острове считалось благим делом, которое лагерная администрация ценила особо высоко и сообразно тому вознаграждала. Вот почему это явление приобрело небывалый размах, стало поистине гротескным. Некоторые осужденные были настоящими виртуозами — стараясь угодить следователю, они рассказывали о вымышленных персонажах. Тем самым им удавалось вырвать для себя кое-какие поблажки и на некоторое время обрести покой, не задумываясь о том, что с ними будет, когда органы узнают о том, что «наводка» была ложной. «Резчиками по камню» были и те, кто приходил к дознавателю, чтобы «протитировать» высказывания своих товарищей в собственной «аранжировке» — выдавая вымысел за реальность⁷⁴⁴.

То, что приходилось «подставлять» ближайших родственников, друзей, товарищей, конечно же угнетало тех, кто это делал или собирался сделать. Некоторые утешались тем, что «живой осел лучше мертвого льва», что «с волками жить — по-волчьи выть»⁷⁴⁵. Они знали, что их поход «с докладом» для барака не останется тайной,

и надеялись — те, кто мог против них что-то «вякнуть», испугаются и решат «не связываться». А если всё же кто-нибудь «разинет рот», это будет означать, что он провокатор или круглый дурак. Совесть успокаивали и тем, что оглядываться на чужое мнение — последнее дело. В любом случае, такие доносы следователям не приносили особой пользы в «борьбе с врагом», поскольку доносчики в большинстве своем тщательно продумывали, что и как сказать. Смысл доносительства был более глубинным — заключенных надлежало унижить:

«Поход “с докладом” становился последним шагом на пути размывания личности. Дубинками тебя крушат другие; “помощь следствию” — это когда ты выступаешь один против всех; что же касается “доклада” — о, тут ты ломаешь сам себя. Даже если ты настолько умен, и встреча с дознавателем не оборачивается для тебя катастрофой, уже само то, что ты предстаешь перед своим тюремщиком, чтобы убедить его, насколько вы оба единоклассны, становится худшим унижением. Чувствуешь себя, как собака у ног хозяина. Кому не хотелось бы видеть своего противника в этой роли!»⁷⁴⁶

Другой заключенный вспоминал об этом так:

«Нет такого мудреца, который мог бы перечислить всё, на что способен человек, попавший в лагерные тиски; он пойдет и на самую последнюю подлость, лишь бы спасти свою шкуру за счет других... он влачит жалкое существование, только бы выжить, а все его ежедневные мечты об одном — доказать следователю: «я прозрел», «покинул с прошлым» — и это в тот момент, когда он материт соседа, «действительно желая помочь тому, кто еще не разобрался в себе и не осознал всей тяжести преступлений, которые он совершил...»⁷⁴⁷

Это и было главной целью бесконечного «дознания»: в «униженном и оскорбленном» лагерные власти видели не жертву, а убедительное доказательство ее вины и справедливости наказания. К лагерному фольклору относится и такая история:

«Тяжелее всего было переносить так называемое “вечное дознание”. Ты находишься в тюрьме, ты осужден, а следствие продолжается. К дознавателю идешь сам — не он тебя вызывает. А не идешь — значит, что-то скрываешь, за тобой тянется хвост, ты не “перековываешься”. А он просто ждет... Я не ходил к нему шесть лет, почти семь. Но мне была известна история моего сокамерника. Он уже стал “активистом”. Наверное, ему вдруг показалось, что этого мало, недостаточно, нужно больше, и однажды он отправился к следователю для “пополнения досье”.

— Ну, чего тебе еще? — спрашивает следователь.

— В прошлый раз я не назвал одно имя. Милена!

— Какая еще М...?

— М...! Моя мать.

— Это ты про что?

— Про нее. Она была рядом, когда я слушал “Радио Москвы”...

Следователь прогнал его. Стукаческое рвение стало причиной того, что доносчику пришлось целый год вновь добиваться статуса “активиста”. А ведь он поступал так, не стремясь довести ситуацию до абсурда — напротив, ему хотелось выложить всё без утайки, проявить искренность, “перекованность”...⁷⁴⁸

Следователь, работавший на Голом острове, вспоминал, что осужденные приходили к нему сами, чтобы «пополнить досье»:

«Они знали, что таким образом скорее станут “перекованными”, “активистами”, для них это будет трамплином для возвращения домой. В такой “игре” было много вымысла. Однажды ко мне пришел школьный учитель, которого осудили за то, что он в среде коллег говорил: “В Резолюции правды — лишь половина, а вторую половину мы наворачтываем в данный момент! Принуждение, продажа акций сотрудникам предприятий, скоропалительный V съезд и т. д.” Ему назначили срок — один год. Он пришел ко мне и сказал: “Я не рассказал об одной важной вещи!” Какой-такой важной? “Ну, мой кум — он из села Босанска-Дубица... Однажды, когда мы с ним выпивали,

он сказал: «Знаешь, кум, с русскими нам придется туго — их много, это великая империя!» — “Но ведь их и в самом деле немало!” — “Да не в этом дело, он ведь «болел» за них!..” Вот ведь бедняга — вьюном вьется, чернит кума и думает, что его скорее выпустят. Гнилые нынче людишки. Кляузничают друг на друга: кум топит кума, сын — отца, жена — своего мужа... Когда я впоследствии, после Острова, встречал кое-кого из них в Белграде, они отворачивались — стыдно было. Да уж, нелегко всё это...»⁷⁴⁹

Много «хвостов» было «отрублено» (а слово «хвост» означало тех, кто оставался на свободе, о ком узнику было известно, что они думают, а он в разговоре с ними отмалчивался или соглашался, но в ходе «дознания» их не упоминал), чтобы заслужить передышку в процессе «исправления». «Пишущим» не нужно было выходить на работу — пока им было что писать. При необходимости — хоть пять дней. Им давали папиросы, бумагу и карандаш, а также команду писать про всех, с кем они виделись, о чем разговаривали, что делали вместе. Всю подноготную: «С тех пор, как ты впервые цапнул мамку за сиську, и до прибытия на Голый остров!»

В бараке, где давались письменные показания, узники сидели в ряд за длинным столом, каждый писал о чьей-то «враждебной деятельности» — быть может, двое, сидевшие рядом, писали как раз друг о друге... Каждый трепетал: а вдруг кто-то пишет про него. Все понимали, что оказались в ловушке, и каждый знал, что «доклад» сослужит ему хорошую службу в деле его «перековки»... Лагерники писали не только о своих замолчанных прежде «ошибках», но и вспоминали случаи, имевшие место на работе или в личной жизни, в следственном изоляторе, в лагере. Многие даже и не размышляли о последствиях своих «признаний» — тем сильнее ощущали их те, кто в них упоминался⁷⁵⁰.

Протокол составлялся на родном языке, а потом переводчики выполняли перевод на сербско-хорватский.

Некоторые сочиняли весьма обширные тексты о своей «враждебной деятельности»: например, Милан Винкович на семидесяти листах объяснял, почему он принял сторону Информбюро. Под тяжелым психофизическим давлением люди признавались и в том, чего не было. В частности, в том, что они являлись агентами всевозможных разведслужб. Некоторые «старые коммунисты» и партизаны даже признавали, что они были усташами и четниками. Две преподавательницы из города Нови-Сад признались в том, что сталкивали людей под лед — всё это лишь бы спастись от побоев⁷⁵¹.

Полковник Томо Анджич, который во время войны был помощником Владо Шегрта*, признался, что во время войны был членом ОВРА**. Это известие дошло до самого Шегрта, и он официально посетил заключенного. Последовала непродолжительная беседа: «Ты ведь меня узнаешь, Томо?» — «А как же! Владо!» — «И с каких это пор ты, Томо, член ОВРА?» — «Да ни с каких, Владо». — «Но ведь ты же, Томо, сознался, что им был!» — «Будь ты, Владо, на моем месте, тоже бы сознался!»⁷⁵²

На Голом острове из уст в уста передавался рассказ об одном албанце из Приштины, который, не выдержав пыток, взял лист бумаги и написал на нем имена всех руководителей партии и органов госбезопасности Приштинского округа, утверждая, что со всеми он поддерживал непосредственный контакт. Следователь и конвоиры угостили его папиросами, перевели на более легкие работы и высоко оценили его поступок как яркий пример для подражания. Все 35 человек, которых он назвал, были немедленно арестованы; говорят, что, как минимум, пятеро

* Владо Шегрт (1907–1991) — югославский боснийский военный и политический деятель, третий Председатель Президиума Народной Скупщины НР Боснии и Герцеговины, генерал-майор, Народный герой Югославии.

** ОВРА (OVRA, итал. Organo di Vigilanza dei Reati Antistatali — «Орган надзора за антигосударственными проявлениями») — орган политического сыска в Италии. С конца 1922 — начала 1923 г. ОВРА стала выполнять функцию личной службы безопасности Муссолини.

из них умерли под пытками. Когда албанца спросили, почему он всё это написал, он ответил, что любой на его месте под пытками поступил бы так же. За это его били мешками с песком, дубасили по затылку, по почкам, пинали в пах и наконец задушили и бросили в море⁷⁵³.

Большинство узников впоследствии стыдилось своих признаний: ведь, предавая самых близких людей, человек попирает свои моральные принципы и ценности. Так, некий полковник в лагере Стара-Градишка, оказавшись в безвыходном положении, всё же принял предложенный ему «выход», лазейку, шанс. Он пришел к следователю «с докладом», сказав, что «поможет следствию», «заговорит». И раскрыл «страшную тайну»: будучи на свободе, он поделился с женой своим планом бежать из страны. Жена поддержала его, обещала беречь детей и ждать его возвращения — лишь бы ему удалось сбежать⁷⁵⁴.

Кое-кто «делал признания», стремясь к самоутверждению:

«Я “признался” во всём, мне не верили, от меня такого не ожидали; однако я целыми днями рассказывал им о своей «нелегальной деятельности», о «шпионаже», о «связях» — были исписаны сотни страниц, и я их подписал. Не потому, что боялся, не из-за того, что долго просидел в одиночной камере, не по дурости, а просто назло: вы сделали всё, чтобы я оказался информбюровцем, врагом, предателем, — вот я и буду таким, а ведь хуже некуда, и будь что будет... Позже, пребывая в лагерях Стара-Градишка и Голый остров, я встречал множество таких, как я...»⁷⁵⁵

Бранко Путник, который был невиновен, тоже настойчиво твердил, «словно заученный наизусть стишок», будто бы он «предал Партию и страну и теперь заслуживает самого сурового наказания, ибо виновен во всём». Это продолжалось изо дня в день, пока начальник Н. Б. не убедил его в своих добрых намерениях, и тогда узник поведал всю правду. Последовавшая за этим история почти невероятна. Она обнаружила, насколько глубоко страх укоренился в ду-

шах людей — им и в голову не могло прийти, что, отстаивая свою правоту, можно избежать судьбы «государственного изменника». Этот случай иллюстрирует то, что во многих заключенных вера в человека была полностью задавлена, ее сменила навязанная им полная покорность судьбе. Когда Путник дал показания, Н. Б. вызвал к себе Неделько Тудурича и сообщил ему: «Путник рассказал мне всё как есть. Ты ведь тоже невиновен?» Неделько ответил: «Ничего подобного. Я был агентом НКВД, за что меня и осудили. Это еще слишком мягкое наказание за предательство»⁷⁵⁶.

По некоторым оценкам, идея нескончаемого дознания опиралась на патриархальные традиции: сильнее всего этот метод ударял по выходцам из той среды, где всё еще преобладали общинность, приверженность роду, где храбрость, честность и ответственность семьи играли большую роль. УДБА хотела окончательно разгромить «пятую колонну», убрать всех тех, кто мог сочувствовать осужденному уже потому, что был его близким родственником. Бесконечные «разбирательства» порождали всё новые обвинения — и приговоры⁷⁵⁷. Процедура непрерывного дознания оказывала губительное действие на людей из «патриархальной глубинки», которым с детства внушалось: мужчина должен быть героем. Боязнь за собственную жизнь и физическую неприкосновенность укрепляли человека в мысли о том, что он не соответствует традиционным представлениям о героизме: он не мужчина.

Метод непрерывного «дознания», как и многие другие, был позаимствован у нацистских властей, которые с успехом его применяли еще в тридцатые годы XX века для «перевоспитания» своих политических противников. Он и тогда в полной мере продемонстрировал свою эффективность: «Мы были поражены, когда нам сказали, что нам предстоит допрос. К чему эти новые допросы, если мы уже в концлагере?! Допрашивать надо было сразу после ареста. Но вызывать на допрос заключенных — это просто нонсенс»⁷⁵⁸.

Понимая, что от ареста не застрахован никто, доверенные югославские коммунисты и члены молодежной коммунистической организации — «скоевцы» — на своих собраниях постоянно отрабатывали варианты возможного полицейского допроса и/или суда. Классового врага «не пристало» бояться — таким было главное наставление. Инструктор, дававший рекомендации, как вести себя «лицом к лицу с классовым врагом», противопоставлял большевика, которому удалось преодолеть страх смерти и который повел себя, как герой, тому, кто не смог преодолеть страх и превратился в «скотину»⁷⁵⁹.

Среди заключенных первого конвоя преобладали люди с глубокими (информбюровскими) убеждениями, преимущественно довоенные коммунисты и «скоевцы», в их числе было примерно 150 ветеранов. В памяти многих запечатлелось, что первые узники Голого острова были «упрямцами», твердо убежденными в своей правоте, готовыми оказывать всяческое сопротивление «правилам внутреннего распорядка» и тюремным методам подавления. По всей видимости, они демонстрировали беззаветную решимость терпеть лишения за приверженность Информбюро и были уверены в том, что ни «воспитательные меры», ни тяжелая физическая работа под палящим солнцем среди голых, острых скал, ни жажда, ни что-либо другое не заставят их переменить свое мнение⁷⁶⁰. Рассказывая о событиях того времени, Анте Раштегорац упомянул о том, что когда он начал допрашивать одного из этих людей, ответом ему был плевок в лицо: в глазах узника он был «предателем коммунизма»⁷⁶¹. «Такое отношение не было единичным: прибывший на остров человек “занимал позицию против террора”... такую же, какую надлежало занять и по отношению к “классовому врагу”! Всех тех, кто нас “перевоспитывал”, мы воспринимали как “классовых врагов”, “противников коммунистов” и даже как фашистов»⁷⁶².

Это понимали и дознаватели, большинство из которых получило то же воспитание, что и их подопечные. Следователи (равно как и тогдашняя политическая верхушка) хорошо знали, что большинство коммунистов и «скоевцев» в тюрьмах «классового врага» лишь утвердились в своих убеждениях. Поэтому обращение с инфор-мбюровцами было направлено на то, чтобы не давать им возможности «встать в коммунистическую позу». Нужно было сломать их уверенность в том, что они столкнулись с «классовым врагом», они должны были думать, что находятся «среди своих», иначе всё выглядело бы так, будто «воспитатели» неправы. «Собачье это было время, недоброе. Либо — либо. Как в переломные дни войны», — вспоминал Анте Раштегорац, которого можно считать одной из ключевых фигур на Голом острове⁷⁶³.

С тем, что время было «собачье, недоброе», бывшие узники вполне согласны и вспоминают прошлое весьма неохотно:

«Во время Народно-освободительной борьбы нас ободряли (а чаще всего это делали мы сами) тем, что мы боевые, самоотверженные, бесстрашные — цвет нации. Теперь из нас стараются сделать послушных, робких, запуганных, молчаливых холопов — выродков, которых можно заставить мыть миски и котлы, драить коридоры, убирать “дворец”, стоящий на Острове, перетаскивать на себе мраморные глыбы, ломаями взды-мать скалы, разбивать их тяжелыми кувалдами на куски, гнуть спину, рвать жилы, дышать испариной Острова, не зная ни сна ни покоя...»⁷⁶⁴

Пыл, с которым следователи побуждали заключенных к признаниям, многие жертвы репрессий объясняли их растленностью и садистскими наклонностями. Начальница женского лагеря Мария Зелич выразила дру-гое мнение по этому поводу:

«Поверьте, это травмировало не только меня, но и нас всех, однако выбора не было. В то время посту-пать иначе было нельзя. Говорить о лагере на Голом острове сейчас, не учитывая обстоятельств, в которых

он создавался, обстоятельств, в которых мы принимали все эти меры, — смешно, беспредметно. Мы жили в условиях постоянной угрозы вторжения извне. Я сама постоянно требовала “пополнять досье”. Я делала это не потому, что якобы была садисткой, нет; мне хотелось выявить, кто у моих подопечных остался на воле. Я заставляла их писать, поскольку верила, что враг может напасть в любой момент, если он еще на свободе»⁷⁶⁵.

Есть мнение о том, что дознаватели и сами не приветствовали режима «нескончаемых дознаний», который заставлял их оказывать постоянный нажим, изобретать и фабриковать «новые доказательства», вести архивы, простиравшиеся от пола до потолка. Нужно было быть бдительным. Один бывший следователь с Голого острова вспоминал, что в период с 1949 по 1952 гг. «невиновных на Острове не было». Любой из дознавателей просто боялся утверждать обратное — за это его могли заклеить «рохлей» или «потатчиком информбюровцев»⁷⁶⁶.

Что бы ни происходило в обществе — независимо от того, насколько продуманна схема, — она подчиняется своей внутренней логике. Как выяснилось позже, чрезмерное усердие вредило тем, кто эту систему организовал. Вскоре они уже не в состоянии были выделить из обилия собранной информации то, что было правдой, а что — нет, к чему стоит принять меры, а чем можно и пренебречь. Опасность заключалась и в том, что в тех или иных регионах число подозреваемых увеличивалось настолько, что это уже ставило под угрозу само существование той или иной народности. Лагерная администрация тоже утрачивала контроль — поди разберись, где правда, а где вымысел. В лагере на Голом острове по местному радио стали даже критиковать «перегибы» с заявлениями в адрес старост. В качестве примера приводился донос на того, кто, заметив над «рабочим участком» самолет, якобы подумал: «Вот бы это была русская авиация, прилетевшая нас освободить!» — «Откуда тебе знать, что подумал в эту минуту тот, кто был рядом?» — вопрошал диктор⁷⁶⁷.

Стену лбом не прошибешь ||

Результатом неадекватных условий содержания были болезни различной степени тяжести, доставлявшие узникам мучения. Типичным следствием недоедания являлась отечность. Нехватка белка вызывает сначала слабость, упадок сил, затем водянку конечностей. От физической изнуренности люди страдали сильнее, чем от боли. У боли есть приливы и отливы. Рано или поздно она притупляется. «А дистрофия? О, она предстает во всей своей красе, она вездесуща. Как Бог. Истощение пронизывает каждую клеточку тела. Наверное, и одежду тоже. Она всегда с тобой, никогда не ослабевает. Сравниться с ней по силе причиняемых страданий может только голод. Это чувства-близнец»⁷⁶⁸. Опухали руки, ноги, у некоторых — даже пенис. Ноги страдали больше всего. Голени становились толстыми, «слоновьями». Нажмешь посильнее — образуется вмятина глубиной в несколько сантиметров, как в тесте, и выправляется не скоро. Узники — все до единого — «пухли» до конца 1952 г., пока питание чуть-чуть не улучшилось⁷⁶⁹.

«На острове Свети-Гргур уборная находилась на холме. К ней вела длинная лестница. “Плюсом” плохого питания было то, что “по-большому” узники ходили нечасто. Но мочиться нужно было регулярно, особенно тем, кто болел. На “рабочем участке” с этим было проще: отойдешь на шаг в сторонку и сделаешь свое дело. Главное — отвернуться от конвоиров, даже если те находятся на расстоянии ста метров, а то и дальше. Вдруг не так расценят. Однако помочиться в лагере было всё равно что совершить подвиг, которому предшествовали длительные раздумья и подготовка. “Сло-

новым” ногам нелегко ступать даже по ровной почве — что уж говорить о подъеме по лестнице. Иной раз описаешься, прежде чем доберешься до цели. Это еще не беда: лагерники ходили в шортах, они намочали не сильно. Трагичнее всего было то, что человек, уже обмочившись, всё еще продолжал карабкаться вверх, к уборной»⁷⁷⁰.

Следствием плохого питания был и авитаминоз. На коже появлялись долго не заживавшие язвы, разрастались струнья. Малейшая царапина превращалась в рану, заживить которую было почти невозможно. Аналогичную проблему представлял и фурункулез — высыпания напоминали «крохотные вулканы», и прыщи никак не хотели созревать. Из-за недостатка витаминов у всех шатались зубы: чтобы не проглотить их вместе с пищей, черствый хлеб приходилось жевать осторожно. Что ни день — тот или иной арестант пальцами вынимал зуб из недужной челюсти. Были и другие проблемы: зубы тут лечить было не принято — их только «драли», и время от времени многие приходили за этим к фельдшеру, который в первый год существования лагеря не отказывал себе в удовольствии плюнуть кому-то из пациентов прямо в открытый рот⁷⁷¹.

В мужском и женском лагерях на Голом острове на протяжении некоторого времени отмечались массовые случаи «куриной слепоты». Как только начинало смеркаться, некоторые узники, до той поры ничем не отличавшиеся от других, становились совершенно беспомощными. После заката они уже ничего не видели. Это не причиняло боли, но сделать шаг, не запнувшись, было просто невозможно. Люди передвигались, как слепцы, ведомые ощупью, слухом. При раздаче ужина протягивали миски на звук. Слепыми они быть не привыкли, ориентироваться в пространстве не умели, и их оттесняли в сторону от котла. Это продолжалось до тех пор, пока человеку не удавалось попасть туда, где был хотя бы искусственный свет. У этой беды был и свой плюс: временно ослепший че-

ловек не привлекался к ночным работам и получал в качестве добавки на обед и на ужин несколько креветок⁷⁷².

На островах Голи-Оток и Свети-Гргур узников доминировал кровавый понос. Многие часами просиживали на грязном «толчке», выделяя лишь красноватую слизь. Люди шепотом делились друг с другом подозрениями — уж не отравили ли их? Разумеется, в этом не было никакой надобности: грязи вокруг было предостаточно, а воды не хватало даже для питья. Время от времени разносились слухи, будто бы кто-то по этой причине скончался в лазарете. Эпидемия разыгралась настолько, что арестантов даже стали кормить крабами. Два барака были очищены от постоянных обитателей, и туда поместили «дрисунов». Этот термин полюбился всем сразу — его даже изобретать не надо было: раз уж у тебя понос («дрисня»), то ты и есть «дристун»⁷⁷³.

Многие из заключенных сходили с ума — особенно женщины. Безумие настигало тех, кто не выдерживал жестокого обращения, не мог притерпеться к тому, что надо постоянно орать «Долой Сталина!», кланяться конвоирам и другим мучителям. Помешательство было своеобразным способом ухода от реальности. Так, Стефан Митрович, бывший секретарь Агитпропа ЦК КПЮ, отбывавший срок в Петровой Дыре, не выдержав прессинга, сошел с ума, полностью утратив понятие о том, где находится. Он неумолчно пел, галлюцинировал, грезил о «царствии небесном». Психозы одолевали и людей, остро чувствовавших собственную беспомощность: в лагере Стара-Градишка были безумцы, которые постоянно «охотились на мух» — поднимая руку над головой, они раскрывали и сжимали кулак, как если бы старались поймать муху. Где там! Мухи продолжали роиться, отравляя жизнь всем и каждому, — справиться с ними голыми руками узникам было не под силу⁷⁷⁴.

Помимо заболеваний, бушующих всюду, где люди живут в антисанитарных условиях, в «исправительно-воспи-

тательных учреждениях», или на «рабочих участках», где «перековывались» информбюровцы, возникали и самые неожиданные проблемы. Особенно странным казалось то, что на Голом острове люди получали обморожения — такое было редкостью даже в немецких концлагерях⁷⁷⁵.

Однажды на Острове объявился сифилис, или, как его нарекли, — «вражеское наследие». Боролись с ним по всем правилам противостояния врагу: была сформирована медкомиссия, в состав которой вошли также начальник лагеря и политкомиссар. Комиссия осмотрела и мужчин, и женщин — с утра, до утренней оправки. Было выявлено лишь два случая заболевания — «две самые ладные, красивые женщины — обе спали с нашими генералами»... Их подробно допросили, потребовав перечислить все половые контакты⁷⁷⁶. Некоторым с помощью «сифилиса» удалось даже проложить себе путь к свободе. Один из лагерников прижег себе папиросой половой член — в нескольких местах. Его отправили с Острова как сифилитика⁷⁷⁷.

В 1955–1956 гг. на Голом острове появился туберкулез яичек. Больных сразу же коротко и ясно окрестили «мудястыми». Скабрзничая, люди пытались перебороть в себе страх, поскольку эта болезнь могла тоже показаться заразной: в тюрьме она была распространена шире, чем за ее пределами⁷⁷⁸.

Помимо кровавого поноса, в лагере случались и другие эпидемии. На островах Голи-Оток и Свети-Гргур как мужчин, так и женщин косили гепатит и сыпной тиф⁷⁷⁹.

Поначалу заболевшим вообще не оказывали никакой медицинской помощи, не изолировали от здоровых, не давали лекарств. Со временем на Голом острове организовали кабинет общего профиля, лазарет на пять коек и больницу на 103 койки, гдебыло пять отделений. В лагере работало десять врачей, семь фельдшеров, девять человек прочего медицинского персонала, стоматолог и аптекарь⁷⁸⁰.

Медицинский состав (врачи и фельдшеры) набирался из числа заключенных, при этом медикам вменялось в обязанность демонстрировать «правильное» отношение к «банде», врагам социализма. С поступившими на лечение было велено «не миндальничать», процедуры, в которых они нуждались (например, вскрытие нарыва), следовало производить самым болезненным способом. При этом пациентов оскорбляли, не давали им толком восстановиться после болезни: «это тебе Голый остров, а не полевой госпиталь»⁷⁸¹.

На Голлом острове некоего венгра из Воеводины, обвиненного в том, что он еще юношей служил венгерскому королю, а теперь является шпионом Ракоши*, постиг солнечный удар. Человек, страдавший от сильного жара, едва дышавший, вдруг возопил: «Хватит меня мучить! Я горю! Башка раскалывается!» Конвоир вызвал врача. Пришел врач, пощупал больному лоб и сказал: «температурка». Затем вынул из кармана аспирин, дал его заключенному и заставил проглотить таблетку, не запивая водой⁷⁸².

Имели место случаи, когда «медики» дубинками прогоняли больных. Если помощь требовалась «банде», было ясно: пациент «замышляет дурное» или «что-то утаивает от дознания». Такие пациенты медпомощи не заслуживали: пусть передохнут...⁷⁸³ У Янеза Езершека открылись язвы на ногах, когда он находился под бойкотом. Его осмотрел знакомый ему с прежних времен студент-медик и смазал раны пенициллиновой мазью. Через несколько дней Езершек заметил его среди бойкотируемых: на него «настучал» коллега — нечего, мол, бойкотируемых лечить пенициллином⁷⁸⁴.

* Ракоши Матяш (урожд. Матяш Розенфельд, 1892–1971) — венгерский политик-коммунист, Генеральный секретарь ЦК Венгерской коммунистической партии (1945–1948), Первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся (1948–1956), Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики (1952–1953). Прозванный «лучшим учеником Сталина», установил в Венгрии культ собственной личности по образцу сталинской модели управления в СССР.

«Особый режим» распространялся на бойкотируемых даже тогда, когда они попадали в лазарет, хотя и лежали вместе с другими. В палате им тоже ни с кем не дозволялось перемолвиться ни словечком, разве что только в том случае, если кому-то из них задавали вопрос на «политчаше»⁷⁸⁵.

В женском лагере было еще хуже — здесь вообще не было врача. Была только медсестра — ей помогала одна из лагерниц. Среди заключенных медики были, но они считались «бандой» и лечить не имели права. Одна из узниц-медичек была слишком стара, чтобы осилить тяжелую работу, и тогда ей велели весь день напролет водить по лагерю собаку на поводке, а другие зечки всё это время орали: «Банда!»⁷⁸⁶

Заключенные, нуждавшиеся в медицинской помощи, должны были, едва встав утром с нар, сообщить об этом старосте камеры, который отводил их к врачу. Но сначала он осматривал их сам, не забывая предупредить о том, что любая попытка симуляции или отлынивания от работ будет строго караться⁷⁸⁷.

Тяжелая физическая работа, недостаточное питание, жестокое обращение, депрессии, плохое медицинское обслуживание — всё это привело к гибели многих заключенных, хотя они были, в большинстве своем, молодыми и здоровыми. Некоторые умерли от побоев, нанесенных им в ходе «перевоспитания». Так, в числе прочих, встретила свою смерть на Голом острове Станойка Джурич, врач, кавалер партизанской «Споменицы», ранее служившая в УДБА в чине то ли полковника, то ли подполковника. На Острове ее прогнали сквозь строй трижды кряду. Проходя в первый раз, она выкрикнула: «Да здравствует Сталин!» Разумеется, ее прогнали еще раз. После второго раза она снова воскликнула: «Да здравствует Сталин!» Ее подвергли пыточной процедуре и в третий раз, а она: «Да здравствует СССР!» Ей бы прокричать какую-нибудь гадость

о Сталине, о Советском Союзе... «Выходка», на которую она осмелилась в самом начале нашей истории, ничему ее не научила, и тогда на нее спустили стаю «экзекуторш» — «гвардию Марии». Станойку били смертным боем, ей вскакивали на живот, покуда она не испустила дух⁷⁸⁸.

Среди мужчин таких случаев было еще больше. Так завершил свой жизненный путь на Голом острове Мирко Кошир, который до войны был секретарем Коммунистической партии Словении. В лагере Стара-Градишка от увечий умер Иштван Добош, член Воеводинского окружного комитета КПЮ, участник Венгерской революции 1919 г. В «Петровой Дыре» за «прочные коммунистические позиции» был убит Омер Черкез. Драган Озрен, вступивший в партию еще до войны, когда-то переведший для потребностей Коминтерна историю ВКП(б), был ослабленным, больным человеком. Оказавшись в «Петровой Дыре», он стал быстро сдавать. Ночью, почувствовав, что смерть уже близка, Драган сказал об этом кому-то из соседей по бараку. Его стали избивать, а затем обвинили в краже какой-то вещи из караульной. Это был лишь предлог, чтобы оправдать продолжение побоев, от которых он умер еще до рассвета⁷⁸⁹.

Сколько жертв было среди заключенных — неизвестно. По оценкам выживших, погибли «сотни, тысячи»⁷⁹⁰. Имеются сведения о том, что на Голом острове умерло 3800 заключенных⁷⁹¹. Я думаю, эта цифра завышена. Но то, что многие их тех, кто отправился в «командировку» в «Мраморный Цех», оттуда так и не вернулись, остается фактом. По официальным данным, среди отбывавших срок было зарегистрировано 343 случая гибели людей от болезней, побоев, самоубийств или эпидемий (имеются также сведения о том, что их было 394, а может быть, и 400). При этом к смертной казни не был приговорен никто. Больше всего узников полегло во время эпидемии «сыпняка» — 180 человек⁷⁹².

Смертные случаи среди заключенных властями тщательно скрывались. Покойников не должен был видеть никто, о них нельзя было упоминать. Тела выносили в утренние часы, когда лагерь пустел — почти все заключенные находились на работе. Ночью этого не делали: перед каждым баракком «дежурило у параша» несколько бойкотируемых, а в бараке или возле него сидел дежурный «активист». Среди ночи нельзя было приказать: «По баракам!» Иногда тела уносили и в вечернее время — возможно, потому что было слишком жарко: дожидаться утра не стоило. Конвоиры отдавали приказ: «По баракам!» Лагерный двор на какое-то время пустел, и этого хватало на то, чтобы вынести из больницы на «трагачах» трупы, завернутые в одеяла. Это происходило довольно часто, хотя такие случаи тщательно замалчивались. Те, кто посмелее, украдкой выглядывали в окна баракков, иные подглядывали в щели. Где находилось кладбище, большинство так никогда и не узнало. Можно было лишь предполагать, что мертвецы находили свой последний приют в так называемой «Голубой могиле», то есть в море, ведь погребений никто не видел, а о том, что человек умер, знали все⁷⁹³.

На Голлом острове покойников хоронили за пределами «Колючки», на кладбище, которое возникло здесь еще во время первых кровавых расправ в июле 1949 г. Над могилами торчали лишь невысокие столбики с номерами. Впоследствии кладбище сровняли с землей, как и место захоронений на острове Свети-Гргур. После этого умерших хоронили в основном на городском кладбище в Риеке. Однако о том, где находятся их могилы, не общалось даже родным: лагерники, даже мертвые, представляли собой угрозу для страны⁷⁹⁴.

Физические и душевные муки, подавленность, пессимизм и тяжелые депрессии многим подсказывали единственный выход — самоубийство. Так, М. Ш., когда ему стало невмощу — а от него добивались признания в том,

что он хотел совершить покушение на Тито, — похитил из кухни нож. Ближе к ночи, когда бдительность «активистов» ослабла, когда все уснули, он всадил этот нож себе в живот. Однако у него не хватило сил себя убить⁷⁹⁵.

Покончить с собой зачастую было трудно и потому, что заполучить нож или иной режущий предмет, которым можно было бы вскрыть себе вены, было нелегко. Повеситься же было невозможно, потому что, как правило, остаться наедине с собой не удавалось никому — ни на миг⁷⁹⁶.

На островах Голи-Оток и Свети-Гргур получил распространение особый способ самоубийства: человек «нырял» головой вниз в карьер или прыгал с вершины скалы, с крыши барака⁷⁹⁷. Такие самоубийства совершали, как правило, мужчины. Говорят, что на Голом острове на это пошла и женщина, однако имя ее не сохранилось — а вот имена мужчин запомнили все⁷⁹⁸.

На островах и мужчины, и женщины пытались утопиться. Голый остров помнит тех, кто, схватив камень, прыгал со скалы в море. Один из бывших лагерников, лично вылавливавший утопленников из моря, вспоминает, что камня из рук они так и не выпускали⁷⁹⁹.

Данило Дрезгич, который, как утверждает ряд источников, принимал участие в Октябрьской революции и воевал в Испании, в лагере «Р-101» на Голом острове перерезал себе горло ножом для чистки картофеля. Силы уже покидали его, и он стал раздирать себе рану руками. Когда он умер, о нем сказали, что у него, агента НКВД, другого выхода не было: «Он доказал это собственной смертью!»⁸⁰⁰

Голый остров хранит память и о неизвестном узнике, которого тоже обвиняли в том, что он агент НКВД. Он пытался защитит себя, но впустую. И тогда он перерезал себе горло, но, видимо, бритва была слишком тупой, и задуманное у него не получилось. Его сразу отнесли в больницу и прооперировали — рану зашили.

Когда он очнулся, хирург радостно воскликнул: «Ура, мы тебя спасли! И зачем только ты это сделал?» А тот чуть слышно ответил: «Доктор, вы спасли не меня. Вы спасли мою глотку, но в голове у меня сидят два гвоздя!» И вскоре умер. Как вспоминают очевидцы, он произнес это с улыбкой — он торжествовал: ему удалось обхитрить врачей...⁸⁰¹

На Голом острове было несколько случаев самоубийств, когда арестант разбивал себе голову о скалу или о каменную стену. Такую попытку совершила и узница по прозвищу Баба Лепа: чтобы умереть, ей пришлось удариться головой об стену дважды⁸⁰².

Покончить жизнь самоубийством пытались и через повешение. В лагере Стара-Градишка два узника повесились на дверной ручке, а в женском лагере на острове Свети-Гргур в уборной повесилась Оля Алексич⁸⁰³.

Разумеется, не каждая попытка самоубийства завершалась успехом. Один из узников бросился вниз головой в известняковую яму с отвесной скалы высотой в три метра. Его вытащили и побили. Было много случаев, когда попытки самоубийства были предотвращены самими заключенными⁸⁰⁴.

Только в течение первых семнадцати дней июля 1951 г., согласно рапорту Марии Зелич, погибло пять бойкотируемых женщин, четыре из которых, вероятно, покончили с собой. В то же время в общей сложности было зарегистрировано 42 смерти: причиной семнадцати из них был солнечный удар и высокая температура, девяти — дистрофия, истощение и т. п. С момента основания лагеря на Голом острове по 20 июня 1952 г. сюда было доставлено 9748 мужчин, освобождено за это же время было 5920 человек. Женщин впервые этапировали на Голый остров в апреле 1950 г. Их было в общей сложности 828, освобождено за это время — 447. В тот же период число умерших на Голом острове составляло: мужчин — 242 человека, женщин — три человека.

В 1949 г. — 16 человек, в 1950 — 48 человек, в 1951 — 175 человек, в 1952 — трое. Все три случая 1952 года относят на счет самоубийц. Аналогичная ситуация сложилась и в Билече, где в период с 1949 по 1954 гг. содержалось 3549 человек, из которых умерло 98⁸⁰⁵.

Однако к числу жертв лагерей и тюрем для информбюровцев следует причислить и тех, кто вследствие перенесенных мучений умер уже после освобождения, и тех, кто, как Брана Маркович, свел счеты с собой⁸⁰⁶.

Финал без конца ||

Лагеря были окружены колючей проволокой высотой в несколько метров, вдоль которой на одинаковом расстоянии стояли сторожевые вышки — на них располагались пулеметные посты. Огражденная территория, называемая «Колючкой», в ночное время освещалась прожекторами. На всякий случай внутри ограждения полосу земли, ширина которой составляла несколько метров, посыпали известкой, чтобы попытка побега не осталась незамеченной. Этот пояс назывался «блокадой». Приближаться к «блокаде» строго-настрого запрещалось: узников предупредили, что по ним будут стрелять. Однако самым непреодолимым препятствием для тех, кому пришлось бы на ум бежать, было море, окружающее остров: отсюда никуда не денешься, «даже если у тебя отрастут крылья»⁸⁰⁷.

Преграды для беглецов были высокими, и их было много: истощенность организма, усиленная охрана, запуганные местные жители на островах и материке. Об информбюровцах распускали слухи, будто они являются злейшими врагами государства и народа, так что местные жители тут же выдавали властям любого беглеца — из патриотических побуждений.

И всё же большинство мечтало о побеге с островов: каждому из узников неоднократно доводилось оказываться в ситуации, когда избавление виделось только в бегстве или самоубийстве⁸⁰⁸. Это понимала и администрация: заключенных тщательно пересчитывали по несколько раз на день. Если в ходе проверки выяснялось, что кого-то не хватает, конвоиры с помощью «активистов» и старост переворачивали вверх дном все лагерные постройки. Если поиски были безуспешны, все, кроме бойко-тируемых, шли цепью, устраивая облаву. Прошарива-

лись все уголки острова. Пойманных беглецов конвоиры и сами лагерники нещадно били. В назидание: с Острова сбежать невозможно⁸⁰⁹.

И всё же попытки совершить побег предпринимались, и некоторые из них увенчались успехом. Из женского лагеря Рамски-Рит через Дунай в Румынию сбежала целая группа узниц. К беглым примкнули начальник лагеря майор-удбовец Веселин Попович и один из конвоиров⁸¹⁰.

С Голого острова сбежал еще один заключенный — словенец Штефан Врзел: ему удалось преодолеть пролив. Он предпринял побег в ночное время и сначала поплыл не к побережью, а в открытое море и довольно долго греб в «неверном» направлении, чтобы обмануть преследователей. Штефану удалось добраться до самого Марибора, а затем пересечь границу и укрыться в Чехословакии⁸¹¹.

Группе узников из лагеря Стара-Градишка повезло меньше. Под руководством Власты Петровича заключенные пытались сделать подкоп, однако их было слишком много, и сохранить свой план в тайне им не удалось. Власть проведеди об их намерении, заговорщики «получили по заслугам», но «трагического» финала на сей раз не последовало. Соучастников перевели из лагеря Стара-Градишка на остров Свети-Гргур, откуда сбежать было труднее. Однако Петрович не отказался от своего замысла. И этот день настал... Весной 1951 г. ему наконец удалось совершить побег. Вместо лодки в его распоряжении было всего лишь деревянное корыто, вместо весла — мешалка от выварки, в которой кипятили белье. От южного побережья острова Свети-Гргур до острова Раб было всего полкилометра. Но преодолеть это расстояние, даже с помощью столь убогих подручных средств было легче, чем скрыться от преследователей. Свободой Власта наслаждался недолго. Его заметил смотритель маяка на Првиче и сообщил о нем властям; через два дня Петрович был схвачен. Водворение на место сопровождалось большим ажиотажем. Старосты по баракам держали об-

личительные речи, в которых гневно осуждали его действия, заявляя, что он злоупотребил доверием администрации и это несмыслимый позор для всех заключенных. Разумеется, виновный подлежал самому суровому наказанию. Пойманного беглеца ждал строй, составленный из всех лагерников острова Свети-Гргур. Две шеренги, обращенные лицом друг к другу, тянулись вдоль залива от самых ворот лагеря. Со всех сторон неслись оглушительные вопли: «Убей банду!», «Смерть банде!», «Банду — в море!», «Гони его сюда!»

Строем руководили старосты и «активисты». Образовалась свалка, в которой беглеца было уже не разглядеть. Это больше напоминало толпу пьяниц, сводящих друг с другом счеты. Что они кричали — разобрать было трудно. Голоса терялись в треске ударов. На своем последнем пути к свободе Петрович прошел лишь несколько шагов — линчевали его недолго, ведь задачу выполняла «современная техника, изобретенная на Голом острове». У «перекованных» зеков слово с делом не расходилось: Власта Петрович был забит до смерти заключенными — такими же, как и он сам. Тело завернули в грязное дражное одеяло, сверху обернули мешком из-под цемента, обвязали телефонным проводом и увезли на лодке. Случилось это чудесным майским днем 1951 г.⁸¹²

Запрет действует лишь до тех пор, пока те, кому он адресован, с ним считаются. Нарушению запрета можно противодействовать только в том случае, если этот запрет поддерживается достаточно мощными средствами принуждения. Для властей все заключенные были потенциальными беглецами. На самом деле большинство из них о побеге и не помышляло, но кое-кто всё же отваживался на отчаянную попытку. Такие вызывали в других зависть и подавали дурной пример. Поэтому их ожидала кара, при этом степень удовольствия, испытываемого экзекуторами, должна была соответствовать тяжести страданий, вызванных наказанием. «Показательная порка»

пойманных беглецов действовала как общая профилактическая мера, и власти лагеря знали, как придать ей дополнительный смысл: приведение казни в исполнение возлагалось на заключенных, что доставляло им такое же наслаждение, какое «ослушнику» сулил «запретный плод». Таким образом, заключенные были не только сами себе палачами, но и сами себе тюремщиками.

Мало того, что заключенные на Голом острове составили строй для «торжественной встречи» Власты Петровича — они забросали камнями еще одного узника, пытавшегося совершить побег. При «побивании камнями» присутствовал брат жертвы, Ристо Гуталь. «Всё то время, пока мученик еще дышал, Ристо, словно в бреду, клял всё на свете за то, что ему довелось своими глазами увидеть, как линчуют его брата»⁸¹³.

По воспоминаниям Новки Вуксанович, даже те, кого лишь подозревали в попытке побега, прогонялись сквозь строй:

«Я прыгнула в море, чтобы утопиться, а меня провели сквозь строй. По мне топтались так, словно старались выжать все соки, и твердили — банда, сбежать хотела, свободу ей подавай... Как же они отыгрались на мне тогда — выбили всю душу. Плавать я умела, но теперь, когда у меня разможено буквально всё, больше десяти метров мне не проплыть. Но я решила — надо уходить. В человеке вдруг разыгрывает какое-то бунтарство...»⁸¹⁴

После 1956 г. с Голого острова бежал только Бранко Милеуснич. Во время празднования Первого мая он проборлся на пароход, отходивший в Риэку, сказав, что едет по делам службы. Оттуда он добрался до Гевгелии и далее — в Салоники. Когда он сошел с корабля, греческие власти арестовали его и выдали обратно⁸¹⁵.

С переменным успехом люди бежали и из других тюрем. Из Билечи удалось сбежать лишь одному человеку. Албанец Фет Клуна был убит при попытке бегства в 1953 или 1954 г., а Владо Дапчевича при попытке

побега схватили⁸¹⁶. Кому-то удалось совершить побег из лагеря Стара-Градишка, один человек при попытке сбежать был застрелен⁸¹⁷.

Шансы на освобождение после отбытого срока или на основании амнистии повышались у тех, кто «пересмотрел позицию». Каждый год в День труда, 1 мая, и в День Республики, 29 ноября, лагерники ожидали, что им «скостят» срок или даже выпустят на волю. Этих дней ждали с огромным нетерпением и большими надеждами. Фамилии помилованных публично зачитывались во всеуслышание на общих собраниях. Но всегда было больше тех, кто уповал втуне, кто был введен в заблуждение посулами следователей и верил, что их помилуют. Если их имен не называли, это было страшным разочарованием. Обманутые в своих ожиданиях, люди испытывали настоящие потрясения, «теряли рассудок и выли, как звери»⁸¹⁸.

Об освобождении мечтали все, но мало кто высказывался на эту тему, а если кто-то и заговаривал об этом, то в полной уверенности, что дознаватель, от оценки которого зависело всё, был проницателен и мог разобраться в том, кому не место на Острове. Арестанты обыгрывали совпадение боснийского имени и термина «Ибро» — Информбюро, пересказывая друг другу анекдот. Опытный следователь спросил заключенного по имени Муйо: «Скажи-ка, Муйя, — ты за Ибро?» — «За Ибро ли я? — ответил Муйо. — Э-э, товарищ следователь... Ты можешь меня убить, но Ибро — мой лучший кунак. С ним вместе я съел больше хлеба в его отчем доме, чем у себя в дому. И как же я, человеке, не буду за Ибро! Дубась меня, следователь, как можешь, но я — за Ибро». Поскольку дознаватель и в самом деле был сотрудником искушенным, он освободил Муйо, ведь ему было известно, что на Голом острове тот оказался «по ошибке»⁸¹⁹.

В 1949 г. было освобождено 1270 узников Голого острова, что на тот момент составляло более трети всех заключенных. На пленуме ЦК КПЮ, который со-

стоялся 3 июня 1951 г., министр Ранкович сказал, что к тому времени за «враждебную деятельность по линии Информбюро» было арестовано 8403 человека. Все эти лица были осуждены на «общественно-полезные работы» в административном порядке. По словам Ранковича, за тот же период на волю было выпущено 3718 человек, из которых 1,2% некоторое время спустя были арестованы повторно. Массовые освобождения продолжались до конца 1956 г.: по случаю Дня Республики было освобождено 1046 человек. В мае следующего года — всего семь человек и девять — условно. В День Республики в 1957 г. состоялось еще два помилования и восемь «условно-досрочных освобождений», а 1 Мая того же года получило свободу четырнадцать заключенных⁸²⁰.

Прежде чем покинуть «общественно-полезные работы», ты должен был дать подписку о неразглашении всего, чему стал свидетелем и что перенес. О том, что ты был на Голом острове, не должен был знать никто, даже жена. Разумеется, иного выбора не было, кроме обета молчания. Тем более тебя уже предупредили, что в противном случае ты очень скоро опять вернешься на Голый остров⁸²¹. Истинный смысл этих требований, конечно же, заключался не столько в том, чтобы скрыть существование лагеря на Острове, сколько создать атмосферу таинственности, страха и вины: «Нельзя сказать, что нас там принимали, а потом выпускали оттуда те, кто не ведал, что творит: уж им-то было ясно, что из всей этой массы людей кто-нибудь, да проговорится!»⁸²². Таковую же подписку должны были давать и те, кто покидал немецкие концлагеря⁸²³.

Нужно было подписать и еще один документ, которого не было в немецких концлагерях: тот, кого освобождали, должен был сотрудничать с органами безопасности, доказывая свою приверженность Тито и Партии. После освобождения из лагеря следовало «погасить неоплаченный долг» перед Партией: требовалось прислушивать-

ся к тому, что говорят вокруг. Обо всём, что человеку случилось подметить — будь то суждения, настроения и т.п. — надо было с определенной регулярностью сообщать уполномоченному сотруднику УДБА, а также старательно исполнять поставленные им задачи. То, что ты связан с органами госбезопасности и работаешь на них, нужно было держать в секрете, иначе тебе опять же светило возвращение на Голый остров⁸²⁴.

«Вот теперь-то ты и сдашь свой самый главный экзамен, — сказали при освобождении одной из бывших узниц, — ...экзамен на то, сколь хорошо ты пересмотрела свои позиции; ты должна доказать, что с бандой у тебя теперь нет ничего общего, что ты осознала, какое предательство совершила. В битве с бандой нет места чувствам, нет ни матери, ни отца, ни брата, ни сестры... Ты должна писать нам обо всех. Обо всех — слышишь? Кто с тобой сблизится, кто тебя пожалеет... А если этого не сделает никто, ты должна сблизиться с кем-то сама. Сначала напишешь, как тебя встретила мать...»⁸²⁵

Те, кого освободили из заключения, были вынуждены доносить на всех, с кем они общались — кто и что говорил. Того, кто этого не делал, настигала кара. Андрей Аплениц в своих мемуарах приводит пример: некто был повторно отправлен на Голый остров за то, что «избегал определенным образом направленных бесед, преследующих цель выявления политической позиции собеседника; любой контакт с органами безопасности воспринимал как допрос, давление»⁸²⁶.

О том, какие дилеммы, внутренние опасения, страхи и чувство вины были результатом этого принудительного сотрудничества, Милка Пуцина-Воркапич рассказывает:

«Я должна была явиться к некоему майору-удбовцу, чтобы расписаться в готовности сотрудничать с органами. Я сделала это, мне пришлось, помощи ждать было неоткуда. Мне тут же приказали сходить к подруге и поговорить с ней, потому что ее жених пребывал на Голом острове. Я должна была выслушать всё,

что она мне скажет, и передать им. Три дня я металась, молила Бога, чтобы ее не оказалось дома. Мне было ее жалко, ведь она была моей подругой, и вдруг я ее подведу под арест... Я боялась, что она что-то расскажет — а может, и она тоже дала им подписку, как знать, с кем имеешь дело: а ну как она донесет, что я “не пошла заявить”, и тогда меня снова вернут на Остров, а стоит туда вернуться — в тебе убьют Бога, и спасения нет. Таких называют “двухмоторниками”... И вот иду я к ней, а ее нет дома, меня встречает ее мама. На второй день ее опять нет. На третий день я иду к майору, говорю: не могу ее застать, она не бывает дома. А он мне — ну, сходи к ней на работу...»⁸²⁷

Многим было не под силу справиться с последствиями тех кошмаров, которые выпали на их долю в «исправительно-воспитательных учреждениях», того физического и психологического давления, которому они подвергались и после освобождения. Страдая от различных психических расстройств, они шли на прием к психиатру. Это был неверный шаг, поскольку «исповедники», как правило, были агентами Ранковича, а не приверженцами Гипшопрата⁸²⁸.

Те, кого освобождали из лагеря, отправлялись на три месяца — в знак «благодарности Партии» — в «добровольческие» рабочие бригады, на стройки первых пятилеток. Такими были: автомагистраль «Братство—Единство», лесоповал в окрестностях Велебита и Горски-Котара и т.п. Около 3000 бывших заключенных использовались в качестве штрейкбрехеров во время забастовки шахтеров в Трепче⁸²⁹. В первые рабочие бригады были зачислены самые «матерые» узники, которые полностью «прояснили разбирательство»; они составляли почти пятую часть бригады. Позже всё происходило наоборот: тех, кто был невиновен, выпускали, а «матерые» оставались на Острове. «Матерыми» считались не те, кто имел на совести тяжкие «враждебные действия», а те, кого органы или дознаватель считали «не продвинувшими дознание», которые

что-то знали, но не хотели «открыть душу», «вывернуть карманы» и т. п. На это не шли многие — тем хуже для них. На Голом острове — по крайней мере до 1952 г. — не было невиновных: «виноваты» были все, и это требовалось доказать. Следователя, посчитавшего узника невиновным, могли заклеить, признав «рохлей» или «потатчиком информбюровцев»⁸³⁰.

Дни, когда «формировалась», или комплектовалась, новая рабочая бригада, были порою самых заветных надежд. Тот, чье имя выкликалось, уже не чувствовал себя арестантом: «Я был окрылен: я уже не обитатель барака — я воспарил над массой лагерников, которые завистливо глядели на меня — так, словно я вот-вот вознесусь на небеса... Да, я больше не чувствовал себя одним из них — я был Божий избранник, взмывший над всеми мерзостями Острова, который теперь мне представлялся дольным миром». Счастливиц окружала толпа, каждый хотел что-то сказать, обратиться с просьбой. Но они держались строго, не вступали в разговоры, боясь, что любой контакт с «неперекрестными» может вернуть их обратно, в ту же среду⁸³¹. Выходящих на волю напутствовал начальник лагеря:

«Отныне вы свободны! (Аплодисменты.) Однако сначала вы вольетесь в добровольческую бригаду... (Бурные аплодисменты.) Старики, больные отправятся по домам... Есть ли среди вас те, кто не хочет работать в бригаде? (Общий рев: «Нет таких!») Теперь слушайте: вот вы обретае свободу. О том, что здесь происходило, не распространяйтесь... Пусть вас не удивляет презрение трудящихся, которые самоотверженно строят социализм! Для них вы предатели. И пусть нам не придется призывать вас обратно! Образумьтесь! Ну, а теперь — на пристань! (Бурные, нескончаемые аплодисменты, возгласы: «Да здравствует!»)»⁸³²

После 1954 г. освобождаемым выдавалось по тысяче динаров за работу, выполненную на «участке»; из этой суммы вычитали стоимость продуктов питания, одежды, обуви, лечения и другие издержки⁸³³.

На VII съезде Союза коммунистов Югославии, который состоялся 9 мая 1958 г., Йосип Броз-Тито заявил, что все, кто был осужден за приверженность Коминформбюро, освобождены. Но фактически на Голом острове всё еще содержалось около сотни информбюровцев⁸³⁴.

Человек, один раз осужденный по политическим мотивам, мог выйти из тюрьмы. Но не на свободу. Ведь и все остальные не были свободны, но его положение оказывалось еще хуже. Представится случай его оскорбить — оскорбят. Плюнуть в него — плюнут. Это коснулось прежде всего тех, кого освободили в первых рядах, в начале пятидесятых. Один из осужденных в административном порядке отбыл в лагере назначенные ему два года. Ему не продлили срок, и он вышел на свободу. В городе, куда он вернулся, собрание Народного фронта организовало ему «торжественный прием». «Блудный сын» предстал перед «честным собранием», и ему пришлось поведать всем о своей измене. Покаяться, как водится. Собрание орало: «У-у-у!» А сидевшие в первых рядах, плевали ему в лицо⁸³⁵.

Тех, кто возвращался домой после отбытия срока, ожидал очередной бойкот. Ведь Голый остров располагался не только на Острове, он был везде, где была «народная власть», а это — вся страна. Вернувшись из Голого острова, люди осознавали, что попали «с маленького острова в бескрайнюю голоостровскую юдоль»: «Те же законы, то же отношение, не хватает только каменоломни»⁸³⁶. Или, как говорил шут, персонаж «Баллады о Голом острове»: «На Голый остров попадешься — уже оттуда не вернешься!»⁸³⁷

В 1949 г. на руднике Липница под Тузлой работало 700 информбюровцев. Там произошел взрыв, погибли четверо шахтеров. Узники Острова были готовы сдать кровь и стать донорами кожи для пострадавших, но им ответили отказом: не надо нам вашей кожи и крови⁸³⁸.

Тех, кто возвращался из лагерей, чурались прежние друзья и знакомые: кому-то вдруг срочно надо было поправить шляпу, кто-то заглядывался на витрину магазина, кто-то переходил на другую сторону улицы и т. п.⁸³⁹ Их избегали не только бывшие друзья, но и родственники. Если кто-то из них всё-таки соглашался прийти в гости, его вдруг «одолевали» радикулит, прострел, несносная зубная боль или сильная простуда — голова, лицо были обернуты шарфом. «Дело ясно — лишь бы не расцеловаться с “изменником”, не обнять его»⁸⁴⁰.

Те, кто прибыл с Голого острова и из других мест заключения инфорьбюрковцев, не могли найти работы, тем более интеллектуальной или руководящей. Одним работодателям не разрешалось их брать на работу, другие просто не хотели этого делать сами, поскольку отбывшие срок даже после успешной «перековки» по-прежнему считались государственными изменниками. Большинству отпущенных узников трудно было заработать на жизнь. Ко всему прочему они и на свободе жили в постоянном страхе, что их могут вернуть обратно, хотя они следили за каждым произнесенным словом и даже домашним не рассказывали, где были и что пережили. Накапливающийся страх и недоверие к людям держались еще очень долго: многие и в восьмидесятые годы хранили «верность» подписке, которую они дали при выходе из лагеря. Избегали знакомых, дичились людей и, в особенности, уклонялись от общения с бывшими заключенными, подозревая их в том, что они провокаторы, лжецы. Несмотря на осторожность, им не всегда везло. Ведь к ним на самом деле иногда подсылали провокаторов, которые проверяли их реакцию на высказывания против власти, на вопрос, били ли их на Голом острове⁸⁴¹.

Таким образом, Голый остров для большинства граждан оставался неведомой страной, дальней и запретной. Те, кто содержался там, молчали. «Посвященные» информацию скрывали. О том, как всё было на самом деле,

знали только бывшие узники и кое-кто из их ближайшего окружения. Многих одолевало любопытство, что это за земля такая, но они не спрашивали, догадываясь, что такие вопросы как минимум неприятны, если не опасны. В воздухе висела подспудная угроза: правдой считалось лишь то, что признавала власть. До 1951 г. большинству граждан Югославии не было известно ничего конкретного о существовании Голого острова⁸⁴². Даже тем, у кого там томился кто-то из родственников или друзей:

«Мне рассказали о матери, сын которой находился на Голем острове. Из открыток, которые он мог ей посылать, она поняла, что в “исправительном учреждении” юноша учится, играет в ансамбле на гитаре, ведь музыка всегда была его хобби. Всё это представлялось полным абсурдом, но женщина верила и убеждала других»⁸⁴³.

Что касается секретности самого существования лагерей, и, в частности, лагеря на Голем острове, следует отметить, что власти предпринимали всё возможные меры для того, чтобы общественность не знала именно о тех, где содержались информбюрковцы. О том, как тщательно власти скрывали лагерь на Голем острове, свидетельствует то, что заключенным приказывали: «Ложись!», когда, скажем, мимо проплывал корабль: те, кто был на борту, не должны были видеть, что на острове кто-то есть, движется. Ведь там «ничего не было». Для того чтобы обеспечить тайну существования лагерей, власти пускались на любые ухищрения. Так, Светозар Вукманович-Темпо в своей первой книге воспоминаний писал, что никогда не слышал о том, чтобы на Голем острове находился лагерь⁸⁴⁴.

Тем временем в газете «Борба» публиковались покаянные письма информбюрковцев. Если люди в массовом порядке отрекались от Информбюро, значит, они должны были где-то пребывать. То есть о том, что информбюрковцы существуют, было известно. Кроме того бесследно исчезали многие государственные деятели, например министр

ры черногорского правительства. Пропадали политические деятели Боснии и Герцеговины, высокопоставленные персоны союзного значения, сербские, белградские руководители, а также те, кто занимал руководящие посты в других регионах страны. В то, что народ думал, будто бы эти люди просто так взяли да исчезли, словно фрагмент фотографии, по которой прошлись ретушью, верится с трудом. Таким образом, все знали уж если не о Голом острове, то по крайней мере о том, что этих людей где-то держат.

Особо неубедительно звучат уверения тогдашних правителей в том, что они о Голом острове не знали. Поверить в это невозможно — об Острове было известно и низшим удбовцам, о нем знали даже дети. Начальниками Голого острова назначались в основном заместители или помощники республиканского министра внутренних дел, при этом начальство должно было хотя бы подписать им командировочное удостоверение, когда те на полгода покидали постоянное рабочее место. Светозар Вукманович-Темпо, от которого зависели судьбы людей, в любом случае должен был знать, куда отправлялись эти люди⁸⁴⁵. Или, как писала одна из бывших заключенных Голого острова Милка Пуцина:

«Спустя время в воспоминаниях Дедиера я наткнулась на фразу о том, что о лагере на Острове ему известно не было. То же самое утверждали и другие. Брежут, сволочи! Теперь и Темпо говорит, что он никогда не слышал о Голом острове. Вот так бы и съездила ему по морде — старик, а врет без зазрения совести, будто все мы тут недоумки»⁸⁴⁶.

Многие, кто в те времена пребывал у власти, оправдывались тем, что это была вынужденная мера, иначе бы вся страна превратилась в Голый остров. На самом же деле именно из-за Острова всё население трепетало от страха и не ощущало никакой свободы на протяжении всего его существования и еще долгое время потом. Одна бывшая узница, вернувшись с Голого острова, обрати-

лась к начальнику отдела персональных дел Главного управления Народной милиции за справкой о трудовом стаже, и тот ей сказал: «Я не думаю, что тебе там было тяжелее, чем нам тут, я имею в виду — чем мне на “свободе”. Нет ничего хуже, чем каждую ночь прислушиваться, не раздастся ли скрип сапог и у тебя за дверью»⁸⁴⁷.

Голый остров стал собирательным образом всех концлагерей социалистической Югославии, и незадолго до распада страны о нем стали много писать и обсуждать его публично. Бурные события, которые затем развернулись на территории бывшей Югославии, затмили этот период истории югославского социализма «с человеческим лицом», отодвинули память о нем на задний план либо придали ему некую карикатурность, благодаря националистической трактовке: «геноцид на Голем острове» стал представляться всего лишь дальнейшими преступлениями усташей против сербов, «тщательно спланированным продолжением Ясеноваца»⁸⁴⁸.

Ни одно из государств, образовавшихся на территории бывшей Югославии, не стремится к «сохранению и защите культурного наследия» Голого острова или других лагерей, в которых содержались информбюровцы, хотя каждая из стран включает в свою повестку дня вопросы о значимости культурного наследия. Ни одна из правопреемниц бывшей Югославии не ощущает себя законной наследницей Голого острова и других концлагерей для информбюровцев. С мощным стремлением забыть о них пришлось столкнуться и мне, когда, уже после 1991 г., Министерство культуры Словении отказалось поддержать издание этой книги, говоря, что она «недостаточно актуальна». В последнее время совсем не публикуются мемуары бывших информбюровцев и в других частях бывшей Югославии; в конце октября 2010 г. я посетил ряд стендов Белградской книжной ярмарки, и среди богатейшего ассортимента представленных на них книг обнаружил в общей сложности всего три на эту

тому. Когда я упоминал Голый остров, продавцы помоложе вообще не понимали, чего я от них хочу. При таком положении дел мои опасения относительно того, что коллективная память об эпохе «перековки информбюровцев» в конечном итоге будет связываться всего лишь с анекдотом, процитированным мною в начале этой книги, представляются вполне оправданными.

Примечания

- ¹ *Newman B.* Tito's Yugoslavia. P. 11.
- ² *Jezernik B.* Zgodovina v zgodbah ustne tradicije. S. 239.
- ³ *Marković D.* Istina o Golom otoku. Beograd: Narodna knjiga, 1987. S. 7–9.
- ⁴ Združenje Goli otok: Resnica o Josipu Brozu // Slovenec. Ljubljana. 23.6.1992.
- ⁵ *Korbel J.* Tito's Communism. Denver: The University of Denver Press, 1951. P. 161 ff.
- ⁶ *Rajković T. V.* Do Golgote i nazad. Veljkova priča. Andrijevića: Komovi, 2006. S. 23–24.
- ⁷ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 15.
- ⁸ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. Beograd: Rad, 1984. S. 449.
- ⁹ *Kržavac S., Marković D.* Informbiro i Goli otok // Nin. Beograd. 28.6.1981–2.5.1982. S. 135; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 149–150.
- ¹⁰ *Radonjić M.* Goli otok. Ljudsko mučilište. Beograd: Prometej, 1993. S. 12; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 79.
- ¹¹ Fünfzehn Jahre nach Veröffentlichung der Resolution des Informbüros: „Über die Lage in der Kommunistischen Partei Jugoslawiens“. Tirana: Nentori, 1963. S. 9; Die Belgrader Revisionisten–Clique–Verräter am Marxismus–Leninismus und Agent des Imperialismus. Tirana: Naim Frashrī, 1964. S. 236; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 148.
- ¹² *Yndrich J.* Tito v. Stalin. London: Ernest Benn, 1950. P. 59–60.
- ¹³ *Launay J. de.* Fascisme rouge, contribution à la défense de l'Europe. Bruxelles: Éditions Montana, 1954. P. 45.
- ¹⁴ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. Berlin: Dietz, 1953. S. 252; Fünfzehn Jahre... S. 8; Die Belgrader Revisionisten–Clique–Verräter... S. 236; *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 478; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 146.
- ¹⁵ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom: Svjedočenja i svjedočanstva // Pobjeda. Titograd. 12.7.–13.11.1989. Br. 49.
- ¹⁶ *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović: »Tito je moral vedeti« // Mladina. Ljubljana. 27.1.1989. S. 25.
- ¹⁷ *Đilas M.* Intervju // Mladina – Prizma. Ljubljana. 19.2.1988. S. 32.
- ¹⁸ *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Isaković A.* Tren 2. Beograd: Prosveta, 1982. S. 81; *Đilas M.* Druženje s Titom. Harrow: Aleksa Džilas, 1984. S. 74–75; *Simić M.* Na Golom otoku. Beograd: Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1990. S. 67; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka // Pobjeda. Titograd. 25.1.1990. Br. 7; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1991. S. 130–131; *Logar C.* Goli otok // Borec. Ljubljana, 1991. Št. 4–5–6. S. 309.
- ¹⁹ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. Beograd: ABC Product, 1990. S. 100.
- ²⁰ *Đilas M.* Memoir of a Revolutionary. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973. P. 192.
- ²¹ *Popović M.* Udri bandu. Beograd: Filip Višnjić, 1988. S. 73–74; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 49.
- ²² *Popović M.* Ibid. S. 73–74.
- ²³ *Radonjić M.* Goli otok. S. 12–13; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 17, 229; *Popović M.* Ibid. S. 34–35.
- ²⁴ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 89, 261; *Logar C.* Goli otok. S. 287; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 112.

- ²⁵ *Marković D.* Ibid. S. 177.
- ²⁶ *Popović M.* Udri bandu. S. 29.
- ²⁷ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. A diary and letters. New York: East European Monographs, 1984. P. 8.
- ²⁸ *Yndrich J.* Tito v. Stalin. P. 113; *Korbel J.* Tito's Communism. P. 315; *Markovski V.* Ibid. P. 69; *Popović M.* Udri bandu. S. 35.
- ²⁹ *Čupić M.* Đavolji trougao. Beograd: Filip Višnjić, 1988. S. 14; *Jokić B.* Plovi patka, plovi guska, ova zemlja biće ruska // Delo: Sobotna priloga. Ljubljana. 19.1.1991.
- ³⁰ *Armstrong H. F.* Tito and Goliath. Wels–Starnberg: Verlag Welsermühl, 1954. S. 130; *Zagorski C.* Moje leto osemindirideseto // Nova revija. Ljubljana, 1984. Št. 24/25 – 28/29. S. 2784; *Čupić M.* Ibid. S. 87; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1989. S. 49; *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 25; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. Beograd: Grafički atelje „Dereta“, 1990. S. 51; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 83; *Nikolić K.* TITO govori što NAROD misli: Kult Josipa Broza 1944–1949. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2006. S. 248.
- ³¹ *Kordić M.* Zloslut. Beograd: Knjiga–komerc, 1989. S. 175.
- ³² *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 51.
- ³³ *Hofman B.* Noć do jutra. Ljubljana: Slovenska matica, 1984. S. 213.
- ³⁴ *Popović M.* Udri bandu. S. 50.
- ³⁵ *Popović M.* Ibid. S. 55; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Beograd: Rad, 1990. Knj. I. S. 96.
- ³⁶ *Popović M.* Ibid. S. 48–49.
- ³⁷ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 34.
- ³⁸ *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika // Duga. Beograd. 12.10.–23.11.1990.
- ³⁹ *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. Beograd: Multiprint, 1988. S. 10.
- ⁴⁰ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 88.
- ⁴¹ *Marić M.* Neumoljivi mač revolucije // Duga. Beograd. 6.2.1988. S. 70.
- ⁴² *Zilliacus K.* Tito of Yugoslavia. London: Michael Joseph, 1952. P. 245; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 86–87, 262.
- ⁴³ *Marković D.* Ibid. S. 87–88.
- ⁴⁴ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 238.
- ⁴⁵ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 221.
- ⁴⁶ *Kautsky B.* Teufel und Verdammte. Wien: Verlag der Wienerbuchhandlung, 1948. S. 41; *Kupfer-Koberwitz E.* Die Mächtigen und die Hilflosen. Stuttgart: Friedrich Vorwerk Verlag, 1960. S. 122; *Ježernik B.* Politična in imaginativna geografija ali Kje leži Goli otok // Borec. Ljubljana, 1993. Št. 3–4. S. 9.
- ⁴⁷ *Lebl Ž.* Ljubičice bela: vic dug dve i po godine. Gornji Milanovac: Dečje novine, 1990. S. 15.
- ⁴⁸ Там же. С. 52–53.
- ⁴⁹ *King W. B., O'Brien F.* The Balkans, Frontier of two Worlds. New York: A. A. Knopf, 1947. P. 40–41.
- ⁵⁰ *Launay J. de.* Fascisme rouge... P. 45.
- ⁵¹ *Dallin A., Breslauer G. W.* Political Terror in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 124.
- ⁵² *Simić M.* Na Golom otoku. S. 17.
- ⁵³ *Zilliacus K.* Tito of Yugoslavia. P. 248.
- ⁵⁴ *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 106.
- ⁵⁵ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 48 (107).
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Yndrich J.* Tito v. Stalin. P. 114.
- ⁵⁸ *Padev M.* What Happens to Cummunists? London: Batchworth Press, 1953. P. 12.

- ⁵⁹ *Racković S.* Goli otok nam je bio nametnut // Naši dani. Sarajevo. 23.11.1990. S. 33–34.
- ⁶⁰ *Dilas M.* Druženje s Titom. S. 76.
- ⁶¹ *Király B.* The Aborted Soviet Military Plans Against Tito's Yugoslavia // The Brink of War and Peace: The Tito–Stalin Split in a Historic Perspective / W. Vucinich, ed. New York: Columbia University Press, 1982. P. 275–276.
- ⁶² *Živković S.* Nevin u paklu // Pobjeda. Titograd. 20.1.1990.
- ⁶³ *Hoffman G., Neal F. W.* Yugoslavia and the New Communism. New York: Twentieth Century Fund, 1962. P. 146.
- ⁶⁴ *Newman B.* Tito's Yugoslavia. P. 226.
- ⁶⁵ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 252–253; *Đurić D.* Potapanje Srbije ili logike // Vjesnik: Panorama subotom. Zagreb. 2.9.1989; *Kozar Đ.* Zaustavite Dunav... // Nedjelja. Sarajevo. 3.6.1990.
- ⁶⁶ *Marković D.* Ibid. S. 253–254.
- ⁶⁷ *Padev M.* What Happens to Communists? P. 18; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Zagreb: Globus, 1990. S. 231; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 90; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 55.
- ⁶⁸ *Jovanović D.* Ibid. S. 90.
- ⁶⁹ *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. Beograd: Akvarijus, 1990. S. 100; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1990. S. 81; *Jovanović D.* Ibid.; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 55–56.
- ⁷⁰ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 178.
- ⁷¹ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 103.
- ⁷² *Dražić M.* Đuro Polak: sudio sam iblevcima // Osmica. Beograd. 8.3.1990.
- ⁷³ *Freud S.* Totem i tabu // Odabrana dela Sigmunda Frojda. Knj. 4. Novi Sad: Matica srpska, 1973. S. 192.
- ⁷⁴ *Jezeršek J.* Zgodovina v zgodbah ustne tradicije. S. 258.
- ⁷⁵ *Blount H.* A Journey into the Levant. London: Andrew Crooke, 1636. P. 12.
- ⁷⁶ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 200.
- ⁷⁷ *Popović M.* Udri bandu. S. 58, 149.
- ⁷⁸ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 79–80; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 81; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 55, 161.
- ⁷⁹ *Pelikan J.* Praška pomlad. Ljubljana: Borec, 1984. S. 99.
- ⁸⁰ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 261.
- ⁸¹ *Dilas M.* Druženje s Titom. S. 72–73.
- ⁸² *Apih M.* Leka // Nova revija. Ljubljana, 1985. Št. 41–42. S. 1281.
- ⁸³ *Ulam A. B.* Titoism and the Cominform. Cambridge: Greenwood Press, 1952. P. 141.
- ⁸⁴ *Dilas M.* Druženje s Titom. S. 74; *Dilas M.* Rise and Fall. San Diego–New York–London: Harcourt Brace Jovanovich, 1985. S. 237.
- ⁸⁵ *Dilas M.* Druženje s Titom. S. 74.
- ⁸⁶ *Padev M.* What Happens to Communists?; *Rusinow D.* The Yugoslav Experiment 1948–1974. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 42–43.
- ⁸⁷ *Pelikan J.* Praška pomlad. S. 90–91.
- ⁸⁸ Там же. С. 102.
- ⁸⁹ *Nikolić K.* TITO govori što NAROD misli. S. 281.
- ⁹⁰ *Dilas M.* Druženje s Titom. S. 72
- ⁹¹ *Dilas M.* Intervju // Mladina – Prizma. S. 33.
- ⁹² *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 464.
- ⁹³ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 176; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 98; *Stojanović M.* Rečnik Golog otoka // Duga. Beograd. 14.5.1988. S. 49; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 46–47; *Vojinović S.* Goli otok,

- četrdeset godina kasnije // Revija 92. Beograd. 8.9.1989; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 50, 126.
- ⁹⁴ *Markovski V.* Ibid. P. 176.
- ⁹⁵ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 104–105, 187; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 97.
- ⁹⁶ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 478.
- ⁹⁷ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. Zagreb: Globus, 1985. S. 150; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 96–97.
- ⁹⁸ *Marković D.* Ibid. S. 97; *Popović M.* Udri bandu. S. 152; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 99, 107–109, 143; *Grom N.* Skoraj tisoč noći. Ljubljana: Eurospekter, 1993. S. 99.
- ⁹⁹ *Marković D.* Ibid. S. 137, 143; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 94.
- ¹⁰⁰ *Marković D.* Ibid. S. 105; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 175.
- ¹⁰¹ *Marković D.* Ibid. S. 170.
- ¹⁰² *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 11.
- ¹⁰³ *Mandić I.* Mlin za ljude // *Danas.* Zagreb. 26.7.1988.
- ¹⁰⁴ *Jezeršek B.* Spol in spolnost in extremis. Ljubljana: Borec, 1993. S. 9.
- ¹⁰⁵ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254.
- ¹⁰⁶ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 84.
- ¹⁰⁷ *Ullrich J.* Šest let za ostatným drátom. Plzeň: Volnost, 1945. S. 77.
- ¹⁰⁸ *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 23.
- ¹⁰⁹ *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 1.
- ¹¹⁰ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 84; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2.
- ¹¹¹ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 51–52.
- ¹¹² *Popović M.* Udri bandu. S. 119.
- ¹¹³ *Lorger E.* Goli otok ostja še naprej zaviti v tančico skrivnosti // *Delo.* Ljubljana. 9.7.1988.
- ¹¹⁴ *Mecilošek R.* Goli otok brez skrivnosti // *Nedeljski dnevnik.* Ljubljana. 21.3.1989.
- ¹¹⁵ *Devoto A., Martini M.* La violenza nei lager. Milano: Angeli, 1981. P. 17.
- ¹¹⁶ *Milovanović D.* Ko je izmislo Goli otok? // *Revija 92.* Beograd. 8.9.1989.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 465.
- ¹¹⁹ *Hoess R.* Commandant in Auschwitz. London: Weidenfeld & Nicolson, 1959. S. 107.
- ¹²⁰ *Apih M.* Leka. S. 1281; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 205; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2, 3; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 233; *Lebl Z.* Ljubičice bela. S. 79; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 134; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 230; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 1; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! Ljubljana. s. d. (Свидетельства 1945–1985 гг.; неопубликованная рукопись.) S. 261; *Rajković T. V.* Do Golgote i nazad. S. 51.
- ¹²¹ *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Venezia: Alvise Milocco, 1774. II. P. 202–203.
- ¹²² Там же. С. 203.
- ¹²³ *Kanitz F.* Srbija. Zemlja i stanovništvo. Beograd: Srpska književna zadruga, 1985. Knj. I. S. 243.
- ¹²⁴ *Čelebi E.* Putopis. Sarajevo: Veselin Masleša, 1979. S. 308.
- ¹²⁵ *Milovanović D.* Ko je izmislo Goli otok?
- ¹²⁶ *Nikčević T.* Goli otoci Jova Kapićića. Beograd: V. B. Z., 2010. S. 137.
- ¹²⁷ Там же. С. 138.
- ¹²⁸ *Racković S.* Goli otok nam je bio nametnut.
- ¹²⁹ Webster's Ninth New Collegiate Dictionary, Springfield 1987, s. v. maroon.

- ¹³⁰ *Hibbert C.* Zgodovina zločinstva in kazni. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1965. S. 69.
- ¹³¹ *Gollancz V.* What Buchenwald really means. London: Victor Gollancz, 1945. P. 12.
- ¹³² *См.: Malsagoff S. A.* An Island Hell. London, 1925; *Letters from Russian Prisons.* New York, 1925; *Bezsonoff Yu. D.* Mes 26 prisons et mon evasion de Solovki. Paris, 1928; *Zaitsev I. M.* Solovki. Shanghai, 1931; и т.д.
- ¹³³ *Rossi J.* The Gulag Handbook. New York: Paragon House, 1989. P. 404.
- ¹³⁴ *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok // *Borec.* Ljubljana, 1988. Št. 10. S. 904.
- ¹³⁵ *Graves R.* Grčki mitovi. Beograd: Nolit, 1974. Knj. I. S. 125; Knj. II. S. 307.
- ¹³⁶ *Moles A. A.* Nesologija ili znanost o otocima // *Zbornik trećeg programa Radio Zagreba* 23. Zagreb, 1989. S. 226.
- ¹³⁷ *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 149.
- ¹³⁸ *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 105–106.
- ¹³⁹ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 198.
- ¹⁴⁰ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 210.
- ¹⁴¹ *Milovanović D.* Ko je izmislo Goli otok?
- ¹⁴² *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 85; *Stojanović M.* Rečnik Golog otoka. S. 49.
- ¹⁴³ *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 31; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 91; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 135, 144; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 5; *Tasić D.* Leševi s Golog. Ljubljana: Karantanija, 1990. S. 40; *Abramović D. J.* Ni danas ne znam zašto sam bio uhapšen // *Pobjeda.* Titograd. 15.01.1990; *Lutovac D.* Ko su režiseri tragične drame // *Pobjeda.* Titograd. 17.1.1990; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 4; *Vujović M. M.* Bili smo van zakona // *Pobjeda.* Titograd. 13.1.1990; *Rajković T. V.* Do Golgote i nazad. S. 49.
- ¹⁴⁴ *Hofman B.* Noć do jutra. S. 133; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 66; *Jezeršek J.* Ibid. S. 92; *Bjelica V. J.* Brzometno suđenje // *Pobjeda.* Titograd. 21.12.1989; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 245; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 95; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 63, 75, 135, 189; *Abramović D. J.* Ibid.; *Milunović R. R.* Ibid.; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku // *Vjesnik.* Zagreb. 7.6.–25.6.1990. Br. 5; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 100; *Grom N.* Skoraj tisoč noći. S. 75; *Radonjić M.* Goli otok. S. 129, 135; *Rajković T. V.* Do Golgote i nazad. S. 49.
- ¹⁴⁵ *Graves R.* Grčki mitovi. Knj. I. S. 121.
- ¹⁴⁶ *Drobnjaković B.* Etnologija naroda Jugoslavije. Beograd: Naučna knjiga, 1960. S. 161; *Kanitz F.* Srbija. Knj. II. S. 13.
- ¹⁴⁷ *Hahn J. G. von.* Albanische Studien. Jena: Verlag von Friedrich Mauke, 1854. V. I. S. 155, 199; *Tozer H. F.* Researches in the Highlands of Turkey. London: John Murray, 1869. T. II. P. 330.
- ¹⁴⁸ *Čajkanović V.* Mit i religija u Srba. Beograd: Srpska književna zadruga, 1973. S. 328.
- ¹⁴⁹ *Sjovold T.* The Viking Ships in Oslo. Oslo: Universitetets Oldsakssamling, 1985. S. 6.
- ¹⁵⁰ *Niederle L.* Rukovět Slovanské archeologie. Praha: Nákl. Slovanského ústavu, 1931. S. 81.
- ¹⁵¹ *Tasić D.* Goli otok // A1. Ljubljana, 1987. Št. 10. S. 29; *Tasić D.* Leševi s Golog. S. 40.
- ¹⁵² *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 7; *Logar C.* Goli otok. S. 290.
- ¹⁵³ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 92.
- ¹⁵⁴ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 63.
- ¹⁵⁵ *Popović M.* Udri bandu. S. 118–119; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 45.
- ¹⁵⁶ *Kordić M.* Zloslut. S. 167.

- 157 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 125.
158 Там же. С. 91.
159 *Marić M.* Čovek sa tašnom punom slobode // Duga. Beograd. 9.7.1988.
160 *Ogorevc B.* Naked Island // Mladina. Ljubljana. 22.9.1992.
161 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 107, 217.
162 *Mandić I.* Mlin za ljude.
163 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 106.
164 *Jovanov N.* Jugoslovanski javnosti // Delo. Ljubljana. 17.9.1988.
165 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 253.
166 *Kržavac S., Marković D.* Informburo i Goli otok. Br. 3.
167 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 31.
168 *Popović M.* Udri bandu. S. 32.
169 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 33.
170 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 32.
171 Mladina, 15. 1. 1988.
172 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 119–120.
173 *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 249–250.
174 *Marić M.* Jedan susret u Odesi // Duga. Beograd. 1.10.–12.11.1988. Br. 4.
175 *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Vodopivec P.* Pogovor z Jožetom Jurančićem // Nova revija. Ljubljana, 1985. Št. 39–40. S. 854.
176 *Gabor P.* Titovo a Rankovičovo gestapo // Titova klika ve službách imperialistů: Sborník statí a článků. Praha: Světové rozhledy, 1950. S. 139; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 94; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 206; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 115, 117–118, 146; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 118, 154; *Kršmanović V.* Kukala nam majka // Duga. Beograd. 26.5.1990. S. 92–94. S. 93.
177 *Gabor P.* Ibid. S. 139; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 30; *Perućica K. R.* Ibid. S. 117–118, 146; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 203.
178 *Knežev D.* Ibid. S. 28; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 54; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27; *Marić M.* Poslednja hajdučka vremena // Duga. Beograd. 18.3.1989. S. 89.
179 La Jugoslavia sotto il terrore di Tito. Roma: Edizioni di cultura sociale, 1949. P. 81; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 43; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 118; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 78; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka // Naši dani. Sarajevo. 16.3.–8.6.1990; *Logar C.* Goli otok. S. 288; *Celić R. S.* Pakao na zemlji. Kraljevo: Dr. Radisav S. Celić, 1996. S. 97.
180 *Kanitz F.* Srbija. Knj. I. S. 213.
181 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 39.
182 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 100.
183 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 39; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 102.
184 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 25.
185 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 94; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 189; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 97; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 25, 38, 67, 73, 154.
186 *Marković D.* Ibid. S. 189.
187 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 117, 146; *Logar C.* Goli otok. S. 290.
188 *Vukičević R.* Ponižavanje ljudi // Pobjeda. Titograd. 17.11.1989. S. 14.
189 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 189.
190 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 104–105.

- ¹⁹¹ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 255; *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 84, 86, 273; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 74; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 132; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 80; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 149; *Šimić M.* Na Golom otoku. S. 126, 184, 226; *Šimić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 22; *Vujović M. M.* U žrvnju mučilišta // Pobjeda. Titograd. 14.1.1990. S. 16. *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 157; *Žarić T.* Zabranjeno samoubistvo / Obradio A. Dragojević. Zemun: Dokumentacija, s. d. S. 164.
- ¹⁹² *Lebl Ž.* Ibid. S. 113.
- ¹⁹³ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 51; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 86, 103; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 133; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 118, 164; *Lebl Ž.* Ibid. S. 113; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 149; *Šimić M.* Na Golom otoku. S. 126, *Vujović M. M.* U žrvnju mučilišta. S. 16; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 157; *Žarić T.* Zabranjeno samoubistvo. S. 164.
- ¹⁹⁴ *Marković D.* Josip Broz i Goli otok. Beograd: Beseda, 1990. S. 313.
- ¹⁹⁵ *Šimić M.* Na Golom otoku. S. 183–184.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 183–185.
- ¹⁹⁷ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Hofman B.* Noć do jutra. S. 207; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 202; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 164; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 149.
- ¹⁹⁸ *Pahor J.* Hodil po zemlji sem naši. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1951. S. 205; *Jurančić J.* Ibid; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 148; *Jezeršek J.* Ibid. S. 153–154, 203.
- ¹⁹⁹ *Markovski V.* Ibid. P. 148; *Jezeršek J.* Ibid. S. 203.
- ²⁰⁰ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 86, 103–104; *Jezeršek J.* Ibid. S. 158–160, 204–205, 208; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 117, 149.
- ²⁰¹ *Jezeršek J.* Ibid. S. 177.
- ²⁰² Там же. С. 112.
- ²⁰³ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 159, 163.
- ²⁰⁴ *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo // Pobjeda. Titograd. 6.1.1990; *Idem.* Specijalitet »ala Goli otok« // Pobjeda. Titograd. 7.1.1990. S. 14.
- ²⁰⁵ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 273; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 120; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- ²⁰⁶ *Popović M.* Udri bandu. S. 114.
- ²⁰⁷ *Isaković A.* Tren 2. S. 58, 65; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 31; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 148; *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet »ala Goli otok«; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 5; *Zivković S.* Brata nijesam prepoznao // Pobjeda. Titograd. 23.1.1990. S. 16.
- ²⁰⁸ *Šimić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 236.
- ²⁰⁹ Там же. С. 156.
- ²¹⁰ *Isaković A.* Tren 2. S. 59; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 35–6; *Marić M.* Covek sa tašnom punom slobode. S. 75; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 895; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. 96. S. 206; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 41; *Šimić M.* Na Golom otoku. S. 40; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 12; *Lutovac D.* Ko su režiseri tragične drame.
- ²¹¹ *Mencej M.* Ibid. S. 895; *Jezeršek J.* Ibid. S. 94, 151; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 76, 148; *Šimić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 137; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 102; *Ljubić B.* Записано со слов информанта в Любляне в сентябре 1993 г. и июне 1994 г.
- ²¹² *Perućica K. R.* Ibid. S. 92.
- ²¹³ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 11; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 32; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 93; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 253; *Perućica*

- ca K. R. Ibid. S. 75; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 121, 135; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 101; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 197, 266.
- ²¹⁴ *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 37; *Hrast R.* Ibid. S. 102.
- ²¹⁵ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 69.
- ²¹⁶ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Hofman B.* Noć do jutra. S. 52; *Torkar I.* Umiranje na obroke. Zagreb: Globus, 1984. S. 326; *Lorger E.* Prosim, покаžite mi pravo linijo! // *Mladina.* Ljubljana, 25.12.1987; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 190; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 2; *Vodopivec P.* Pogovor z Janezom Jezerškom–Sokolom // *Nova revija.* Ljubljana, 1990. Š. 877.
- ²¹⁷ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 253; *Jurančić J.* Ibid; *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 181; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 36; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 37, 69; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. 94. S. 109; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 148; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 40, 48; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 20, 64; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 102.
- ²¹⁸ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 161.
- ²¹⁹ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 45; *Torkar I.* Umiranje na obroke. S. 326; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 100; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 68–69.
- ²²⁰ *Isaković A.* Tren 2. S. 43; *Marković D.* Ibid. S. 85; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 48; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 138; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 41, 225–226; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 148; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 103.
- ²²¹ *Isaković A.* Ibid. S. 59; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 67; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 93; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 89; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 10; *Hrast R.* Ibid. S. 129, 131.
- ²²² *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 288; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. 106; *Kordić M.* Zloslut. S. 189; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 2, 27; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 138; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 308; *Perućica K. R.* Ibid. S. 86; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 55; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 111; *Hrast R.* Ibid. S. 115–116, 165.
- ²²³ *Isaković A.* Tren 2. S. 58, 66–67; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 27; *Jovanović D.* Ibid. S. 304.
- ²²⁴ *Jovanović D.* Ibid. S. 293–294.
- ²²⁵ *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Isaković A.* Tren 2. S. 58, 60, 95; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 35; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 156, 288; *Popović M.* Udri bandu. S. 111–112; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 106–107; *Golubović N. M.* Pakao u paklu // *Pobjeda.* Titograd. 8.12.1989; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 236; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 89; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 225, *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 75, 92, 98, 137; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 4; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 2; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 116; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 194.
- ²²⁶ *Hrast R.* Ibid. S. 125.
- ²²⁷ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 92.
- ²²⁸ *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 98.
- ²²⁹ *Caruso I.* Socijalni aspekti psihoanalize. Beograd: Kultura, 1969. S. 144.
- ²³⁰ *Racković S.* Već '49. ušli smo u Atlantski pakt // *Naši dani.* Sarajevo. 11.5.1990.
- ²³¹ *Križanovskij O.* Spominj crnogledga humorista. Ljubaljana: Borec, 1982. S. 191.
- ²³² *Nikčević T.* Goli otoci Jova Kapičića. S. 142.
- ²³³ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 111.
- ²³⁴ *Racković S.* Goli otok nam je bio nametnut.

- 235 *Nikčević T.* Goli otoci Jova Kapičića. S. 142.
- 236 *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 206; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 137, 172, 236–237.
- 237 *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 137.
- 238 *Dilas M.* Intervju // Pobjeda. Titograd. 18.7.1989.
- 239 *Dilas M.* Memoir of a Revolutionary. S. 64.
- 240 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 241.
- 241 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 214.
- 242 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 308.
- 243 *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 128, 182; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Perković D.* Krvavi pir // Pobjeda. Titograd. 10.1.1990; *Lutovac D.* Ko su režiseri tragične drame; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 225.
- 244 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 62.
- 245 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 161.
- 246 *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 16; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 58; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 190, 203, 277, 285.
- 247 *Pouqueville F. C.* Travels in Epirus, Albania, Macedonia, and Thessaly / New Voyages and Travels. Vol. IV. London: Sir Richard Phillips, 1820. P. 24; *Hofman B.* Noć do jutra. S. 207; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27; *Jovanović D.* Ibid. S. 130; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 64, 66, 151, 198, *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 156; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 10; *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet »ala Goli otok«; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 78, 132.
- 248 *Popović M.* Udri bandu. S. 151; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- 249 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 134.
- 250 *Popović M.* Udri bandu. S. 124.
- 251 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 16.
- 252 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 178.
- 253 *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 49.
- 254 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 131–132.
- 255 *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 50.
- 256 *Isaković A.* Tren 2. S. 43; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 104–105, 163.
- 257 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 70; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 118; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 86; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 43; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 130, 403; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 87; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 158.
- 258 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 64.
- 259 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 118; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 64; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 69, 125, 158–160; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 147; *Perković D.* Krvavi pir; *Živković S.* Brata nijesam prepoznao; *Živković S.* Povratak iz pakla // Pobjeda. Titograd. 24.1.1990.
- 260 *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 241–242.
- 261 *Korbel J.* Tito's Communism. P. 224.
- 262 *Federn E.* Witnessing Psychoanalysis. London: Karnac Books, 1990. P. 14.
- 263 *Breznik A.* V plamenih rdečega pekla. Celje: Družba sv. Mohorja, 1938. S. 71–72.
- 264 *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 902; *Stojanović M.* Rečnik Golog otoka. S. 50; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 51; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 151; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 161; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 88; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 178; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 128; *Ljubić B.* Na robu pameti // Borec. Ljubljana, 1992. Št. 1–2–3. S. 157.

- ²⁶⁵ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 160–161; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 38; *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 26; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 2.
- ²⁶⁶ *Grosrichard A.* Struktura seraja. Ljubljana: Studia humanitatis, 1985. S. 15.
- ²⁶⁷ *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 38; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 902; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 10–11; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 220; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 92; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 65; *Živković S.* Nevin u paklu // Pobjeda. Titograd. 20.1.1990.
- ²⁶⁸ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 70–71; *Mencej M.* Ibid; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 156; *Peručica K. R.* Ibid. S. 87; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 195.
- ²⁶⁹ *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3280; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 188; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 157, 161, 178; *Jovanović D.* Ibid. S. 151; *Weiss E.* Ibid. S. 259.
- ²⁷⁰ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 170.
- ²⁷¹ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 179.
- ²⁷² *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 94, 97; *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3286; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 118; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 70, 91; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 110; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 162, Knj. II. S. 250; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 155; *Krstajić D.* Traganje za pravdom // Pobjeda. Titograd. 7.1.1990; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 267.
- ²⁷³ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 87.
- ²⁷⁴ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 91.
- ²⁷⁵ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 36.
- ²⁷⁶ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 65; *Apih M.* Leka. S. 1282; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 94, 121–122, 170; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 41; *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević: »Poslali so mi plačanega morilca« // Mladina. Ljubljana. 20.1.1989. S. 25–28, 60–61; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 43; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 290; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 106, 138; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 174; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 8, *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 108–109, 116.
- ²⁷⁷ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 199.
- ²⁷⁸ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 129; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 111; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 114; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 114.
- ²⁷⁹ *Popović M.* Udri bandu. S. 59–60.
- ²⁸⁰ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 151.
- ²⁸¹ *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević. S. 60.
- ²⁸² *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 215.
- ²⁸³ *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 131.
- ²⁸⁴ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 65, 71–72.
- ²⁸⁵ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 269.
- ²⁸⁶ *Dedijer V.* Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 483; *Orovič R.* Strašna istina // Pobjeda. Titograd. 16.11.1989; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 230.
- ²⁸⁷ *Segev T.* Soldiers of Evil. London: Grafton, 1990. P. 28–29.
- ²⁸⁸ *Kisch E. E.* Zajatec Hitlerův. Praha: Knihovna Levé fronty, 1933. S. 55.
- ²⁸⁹ *Gabor P.* Titovo a Rankovičovo gestapo. S. 139.
- ²⁹⁰ *Musa V.* U Titovim pandžama. München, 1973. S. 150–151; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 37; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 243; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 38, 41–42; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 40; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 184; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 239; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. S. 86; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 106–107, 179.

- 291 *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 27; *Jovanović D.* Ibid. S. 414.
- 292 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 207–208.
- 293 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 241.
- 294 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 288.
- 295 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 179.
- 296 *Križanovskij O.* Spomini črnogledga humorista. S. 192.
- 297 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 470.
- 298 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 240–241.
- 299 *Marković D.* Ibid. S. 103; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 113; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 224.
- 300 *Đilas M.* Intervju // Mladina – Prizma. S. 33.
- 301 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 133.
- 302 Там же. С. 149.
- 303 *Padev M.* What Happens to Cummunists? P. 13.
- 304 *Maštruko I.* Hereza i tolerancija // Danas. Zagreb. 21.6.1988.
- 305 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 226–229.
- 306 *Stojanović M.* Knjiga pouka // *Popović M.* Udri bandu. S. 162; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 50; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 50; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 37; *Ljubić B.* Записано со слов информанта в Любляне в 1994 г.
- 307 *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 170, 226–229, 235.
- 308 Там же. С. 146–47.
- 309 *Buxton T. F.* An Inquiry, whether Crime and Misery are produced or prevented, by our present system of Prison Discipline. London: John and Arthur Arch, Buterworth and Sons, and John Hatchard, 1818. P. 17.
- 310 *Hofman B.* Noć do jutra. S. 208.
- 311 *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 222.
- 312 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 474.
- 313 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 97–99.
- 314 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 46.
- 315 *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 7.
- 316 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 242.
- 317 Там же. С. 245.
- 318 Там же. С. 244.
- 319 *Đilas M.* Druženje s Titom. S. 75.
- 320 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 83.
- 321 *Hibbert C.* Zgodovina zločinstva in kazni. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1965. S. 188.
- 322 Там же. С. 180–181.
- 323 *Breznik A.* V plamenih rdečega pekla. S. 28–29, 32, 48.
- 324 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 283, 287; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 221; *Racković S.* Več '49. ušli smo u Atlantski pakt. S. 36.
- 325 *Marković D.* Ibid. S. 45–46.
- 326 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 121; *Marković D.* Ibid. S. 177; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 196.
- 327 *Kalajdžić D.* Ibid. S. 169; *Marković D.* Ibid. S. 156–157; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 250; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 173, 190, *Racković S.* Več '49. ušli smo u Atlantski pakt. S. 36; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 114.
- 328 *Marković D.* Ibid. S. 242.
- 329 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 124.

- 330 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 152.
- 331 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 187.
- 332 *Marić M.* Jedan susret u Odesi. S. 76.
- 333 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 168.
- 334 *Bredel W.* Als sozialdemokratisch Arbeiter im Konzentrationslager Papenburg. Moskau–Leningrad: Verlag–Genossenschaft ausl. Arbeiter in UdSSR, 1935. S. 43.
- 335 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 103.
- 336 *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Zagorski C.* Moje leto osemindširideseto. S. 3065; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 124; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 279; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 100; *Simić M.* Ibid. S. 152; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 151, 211; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 161–162.
- 337 *Lebl Ž.* Ibid. S. 114.
- 338 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 236.
- 339 Там же. С. 148.
- 340 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 9; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 1, 2; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 222; *Peručica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 85; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 76; *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet »ala Goli otok«.
- 341 *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 1; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 76; *Bulatović M. B.* Ibid.
- 342 *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 148, 214.
- 343 Там же. С. 214.
- 344 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 46.
- 345 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 197–198; *Racković S.* Goli otok nam je bio nametnut.
- 346 *Đilas M.* Druženje s Titom.
- 347 *Radovanović R. Sladovljev O.* Moj posao je detektivski // Naši dani. Sarajevo. 16.3.1990. S. 46.
- 348 *Rossi J.* The Gulag Handbook. S. 22; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 135; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 184; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 71; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 110; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 155, 190.
- 349 *Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana 1858–1878. Sarajevo: M. Đurđević, 1910. S. 125–26.
- 350 *Peručica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 146, 152.
- 351 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27.
- 352 *Peručica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 145–146.
- 353 *Popović M.* Udri bandu. S. 141.
- 354 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 31.
- 355 *Peručica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 142, 151.
- 356 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 73–74.
- 357 *Peručica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 103, 155.
- 358 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 155.
- 359 *Hofman B.* Noć do jutra. S. 137; *Popović M.* Udri bandu. S. 100; *Jelić M.* Albanija. Beograd: Geca Kon, 1933; *Bjelica V.J.* Iz logora u logor // Pobjeda. Titograd. 22.12.1989; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 46, 47.
- 360 *Jelić M.* Šta znači kamen o vratu? Beograd: Rajković i Čuković, 1931. S. 18; *Ježernik B.* Od kod ta kamen za vratom? // Borec. Ljubljana, 1991. Št. 4–5. S. 339.
- 361 *Popović M.* Udri bandu. S. 100–101; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 102–103; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 107; *Peručica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 96, 100–101, 142, 149–150, 152; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 234.

- ³⁶² *Wingfield W. F.* A tour in Dalmatia, Albania, and Montenegro. London: Richard Bentley, 1859. P. 164.
- ³⁶³ *Litten I.* A Mother Fights Hitler. London: G. Allen & Unwin, 1940. 1940: P. 45.
- ³⁶⁴ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любљане в јанваре 1982 г.; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 151; *Marić M.* Tajni život crvenog apostola // Duga. Beograd. 31.3.1990.
- ³⁶⁵ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 157, 173–174, 183, 185; *Perućica K. R.* Ibid. S. 146; *Milanović R.* Ljudi sa Golom otoka; *Živković S.* Dvije žrtve linča // Pobjeda. Titograd. 21.1.1990.
- ³⁶⁶ *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 39.
- ³⁶⁷ *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 237.
- ³⁶⁸ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 88; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 57, 100–101, 284, 288; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 41, 47; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 71; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 902, 904; *Marić M.* Covek sa tašnom punom slobode. S. 77; *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević. S. 31; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 138; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 106–107, 115, 118, 149–150; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Đuričić M. R.* Još sam na Golom otoku // Duga. Beograd. 16.9.1989; *Marić M.* Poslednja hajdučka vremena. S. 89; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 171; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 87, 95, 152; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 84; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 163, 237; *Golužović N. M.* Lako je kazati – teže je dokazati // Pobjeda. Titograd. 4.1.1990; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 116, 121, 168; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 213.
- ³⁶⁹ *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 38.
- ³⁷⁰ *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 262.
- ³⁷¹ *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 151.
- ³⁷² *Petričević J.* Njen odgovor je bilo čutanje // Duga. Beograd. 29.10.1988. S. 88; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 237.
- ³⁷³ *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 50.
- ³⁷⁴ *Zavadil A.* Obrázky z Bosny: Trappisti. – Turci. – Židé. – Cikáni. Praha: Josef Pelcl, 1911. S. 3–4.
- ³⁷⁵ Там же. С. 4–5.
- ³⁷⁶ *Hibbert C.* Zgodovina zločina in kazni. S. 173.
- ³⁷⁷ *Breznik A.* V plamenih rdečega pekla. S. 34–35, 77; *Isaković A.* Tren 2. S. 57; *Marić M.* Neumoljivi mač revolucije. S. 68; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 154.
- ³⁷⁸ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 101; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 39; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 182.
- ³⁷⁹ *Marković D.* Ibid. S. 158; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 47; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 170.
- ³⁸⁰ *Stojanović M.* Rečnik Golog otoka. S. 50; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 2; *Perković D.* Kovačnica i lomača // Pobjeda. Titograd. 11.1.1990; *Simić M.* Ibid. S. 210.
- ³⁸¹ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любљане в јанваре 1982 г.; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 59–60; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 72; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 168; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 100.
- ³⁸² *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 155.
- ³⁸³ *Popović M.* Udri bandu. S. 119; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 147; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 20.
- ³⁸⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 480.
- ³⁸⁵ *Schnabel R.* Die Fremden in der Hölle. Frankfurt am Main: Röderberg-Verlag, 1966. S. 102; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 195.
- ³⁸⁶ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 145.
- ³⁸⁷ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 147.
- ³⁸⁸ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 37–38.

- ³⁸⁹ *Cenc M.* Записано со слов информанта в Любляне в июне–сентябре 1994 г.
- ³⁹⁰ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 109.
- ³⁹¹ *Ježernik B.* Politična in imaginativna geografija ali Kje leži Goli otok. S. 54.
- ³⁹² *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 149, 273, *Simić M.* Na Golom otoku. S. 194.
- ³⁹³ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 93, *Živković S.* Brata nije-sam prepoznao.
- ³⁹⁴ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 300–301.
- ³⁹⁵ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 40; *Vukičević R.* Ucjene ljudi // Pobjeda. Titograd. 19.11.1989. Š. 14; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 153; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 34, 64, 85, 108, 156.
- ³⁹⁶ *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 100, 116.
- ³⁹⁷ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 73; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 901; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 95; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 105; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 91; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 64; *Racković S.* Već '49. ušli smo u Atlantski pakt; *Vujović M. M.* »Mašina čini svoje« // Pobjeda. Titograd. 12.1.1990; *Živković S.* Nevin u paklu.
- ³⁹⁸ *Jovanović D.* Ibid. S. 272.
- ³⁹⁹ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 82; *Popović M.* Udri bandu. S. 119; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 128; *Idem.* Medaljoni našega časa. S. 11.
- ⁴⁰⁰ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Kalajdžić D.* Ibid. S. 142; *Jezeršek J.* Ibid. S. 97; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 57; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 65; *Vujović M. M.* Bili smo van zakona; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 164.
- ⁴⁰¹ *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 43; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 438; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 102; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 57, 89–90; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 51, 97.
- ⁴⁰² *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 48; *Jovanović D.* Ibid. S. 339; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 157; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 118.
- ⁴⁰³ *Živković S.* Muzej živih ljudi // Pobjeda. Titograd. 22.1.1990.
- ⁴⁰⁴ *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 102.
- ⁴⁰⁵ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 26; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 157; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 164.
- ⁴⁰⁶ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 216.
- ⁴⁰⁷ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 439.
- ⁴⁰⁸ *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 68.
- ⁴⁰⁹ *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Petričević J.* Njen odgovor je bilo čutanje.
- ⁴¹⁰ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 128; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 203.
- ⁴¹¹ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 374, *Simić M.* Ibid. S. 213, 216, 234.
- ⁴¹² *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 80.
- ⁴¹³ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 206.
- ⁴¹⁴ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 98.
- ⁴¹⁵ *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3287; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 95; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 98; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 12; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 197, 203, 205; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 145; *Lutovac D.* Ko su režiseri tragične drame; *Racković S.* Već '49. ušli smo u Atlantski pakt; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 71.

- 416 *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 194.
- 417 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 128.
- 418 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 203–204.
- 419 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. 300; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 91; *Simić M.* Ibid. S. 73; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 127; *Živković S.* »Prevaspitavanje« // Pobjeda. Titograd. 21.1.1990; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 114, 126, 164.
- 420 *Perućica K. R.* Ibid. S. 157.
- 421 *Kaladžić D.* Otok gole istine. S. 142; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 128; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 300; *Perućica K. R.* Ibid. S. 157.
- 422 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27.
- 423 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 20.
- 424 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 218.
- 425 *Jurančič J.* и *Jurančič-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Hofman B.* Noć do jutra. S. 138; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 187–188; *Tasić D.* Goli otok. S. 40; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 42; *Popović M.* Udri bandu. S. 80; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 130; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2, 81; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 149, 273; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 108, 144, 147, 194; *Perković D.* Krvavi pir.
- 426 *Kordić M.* Zloslut. S. 187; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 138; *Živković S.* Muzej živih ljudi; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 123–124.
- 427 *Isaković A.* Tren 2. S. 43; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 87; *Hrast R.* Ibid. S. 104–105, 108.
- 428 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 164, Knj. II. S. 218; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 116, 155; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 77, 237; *Lutovac D.* Goli otok epicentar svakog zla // Pobjeda, Titograd. 18.1.1990; *Vujović M. M.* «Mašina čini svoje»; *Živković S.* Dvije žrtve linca.
- 429 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 164–165.
- 430 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 117; *Stojanović M.* Rečnik Golog otoka. S. 50; *Cupić M.* Đavolji trougao. S. 74; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 101, 116, 138, 155.
- 431 *Perućica K. R.* Ibid. S. 24.
- 432 *Žarić T.* Zabrano samoubistvo. S. 245.
- 433 *Cupić M.* Đavolji trougao. S. 76; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 152; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 47, 81; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 96, 138–139, 150; *Žarić T.* Ibid. S. 194.
- 434 *Bašeskija M. M. Š.* Ljetopis (1746–1804). Sarajevo: Veselin Masleša, 1987. S. 301.
- 435 *Popović M.* Udri bandu. S. 100; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 150.
- 436 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina, S. 22; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 364, 449; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 51, 134.
- 437 La Jugoslavia sotto il terrore di Tito. P. 73; *Gabor P.* Titovo a Rankovičovo gestapo. S. 138; *Kjosseff D. G.* Ibid. S. 254; *Knežev D.* Ibid. S. 84; *Cupić M.* Đavolji trougao. S. 53.
- 438 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 231.
- 439 *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 901; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 148–149.
- 440 *Jurančič J.* и *Jurančič-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 155, 287; *Lorger E.* Prosim, pokazite mi pravo linijo!; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 97–98; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 57; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 158; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 113–114; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 231.

- 441 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 117; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 37, 42, 46–47; *Popović M.* Udri bandu. S. 59, 86; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 70; *Petričević J.* Njen odgovor je bilo čutanje. S. 88; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 136; *Simić M.* Ibid. S. 95; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 38, 76, 148, 193; *Hrast R.* Ibid. S. 114.
- 442 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 102–103.
- 443 *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 102.
- 444 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 13; *Racković S.* Već '49. ušli smo u Atlantski pakt. S. 35; *Živković S.* Nevin u paklu.
- 445 *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 42.
- 446 *Popović M.* Udri bandu. S. 125.
- 447 *Popović M.* Ibid. S. 122, 143; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 98; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 287; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 57, 114; *Vujović M.M.* U žrvnju mučilišta. S. 16; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 242–243.
- 448 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 78.
- 449 *Kalajdžić D.* Ibid. S. 168; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 17; *Marić M.* Čovek sa tašnom punom slobode. S. 77; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 219; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 49; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 155; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 73; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku, S. 38; *Vujović M.M.* «Mašina čini svoje»; *Živković S.* «Prevaspitanje»; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 121–122, 146; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 247.
- 450 *Kalajdžić D.* Ibid. S. 78; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 152, 217.
- 451 *Popović M.* Udri bandu. S. 44; *Bjelica V.J.* Brzometno suđenje; *Idem.* Iz logora u logor.
- 452 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 89; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 4; *Bulatović M.B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet 'ala Goli otok.
- 453 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 110; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 231.
- 454 *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. 136; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitali. S. 86, 139, 152, 155; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 35, 98, 149, 162–163, 191, 193, 212; *Weiss E.* Ibid. S. 194, 226.
- 455 *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 138.
- 456 *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 231.
- 457 *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 75–76; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 156; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 133; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 119, 158.
- 458 *Lebl Ž.* Ibid. S. 102; *Simić M.* Ibid. 132; *Hrast R.* Ibid. S. 119.
- 459 *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3280; *Tasić D.* Goli otok. S. 39; *Popović M.* Udri bandu. S. 86; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27, 80; *Kordić M.* Zloslut. S. 186–187; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 145, 339, 375; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitali. S. 139; *Simić M.* Ibid. S. 132, 145; *Hrast R.* Ibid. S. 119–120.
- 460 *Popović M.* Udri bandu. S. 79; *Perućica K.R.* Ibid. S. 151; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 211.
- 461 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 144–145.
- 462 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 157; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 120–121; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 47, 81; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitali. S. 138; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 65, 72.
- 463 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 107, 122, 142–143; *Vujović M.M.* »Mašina čini svoje»; *Živković S.* Nevin u paklu.
- 464 *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitali. S. 142.
- 465 *Perković D.* Kovačnica i lomača.
- 466 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 183.
- 467 *Stojanović M.* Knjiga pouka. S. 168–170; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 2.

- 468 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 141–142; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 113; *Stojanović M.* Ibid. S. 168–170; *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 26; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 26; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 267.
- 469 *Stojanović M.* Ibid. S. 168–170; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 3; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 2; *Marković D.* Josip Broz i Goli otok. S. 451.
- 470 *Logar C.* Goli otok. S. 303; а также записано с его слов в Любляне в феврале 1994 г.
- 471 *Quiclet M.* Les Voyages de M. Quiclet á Constantinople par terre. Paris: Pierre Promé, 1664. S. 75.
- 472 *Isaković A.* Tren 2. S. 56.
- 473 *Stojanović M.* Knjiga pouka. S. 170; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 3; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 280; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 135; *Marković D.* Josip Broz i Goli otok. S. 451.
- 474 *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 27.
- 475 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 117.
- 476 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 141; *Marković D.* Ibid. S. 116–117; *Stojanović M.* Knjiga pouka. S. 168; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 200; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 3, 26; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 102.
- 477 *Stojanović M.* Ibid. S. 169; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 4; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 291–292.
- 478 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 113–115; *Stojanović M.* Ibid. S. 168–170; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 3; *Jovanović D.* Ibid. S. 293; *Peručica K. R.* Kako su nas prevaspitali. 109; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 102; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 130; *Logar C.* Записано со слов информанта в Любляне в феврале 1994 г.
- 479 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 189; *Golubović N.M.* Dekoracija za doček // Pobjeda. Titograd. 10.12.1989; *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 26; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 444–446.
- 480 *Kalajdžić D.* Ibid. S. 188; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. 192; *Jovanović D.* Ibid. S. 446; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 166–167.
- 481 *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 192.
- 482 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 479; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 193.
- 483 *Dedijer V.* Ibid. S. 479; *Popović S.* Uvrede teže od muka // Pobjeda. Titograd. 14.12.1989.
- 484 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 190; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 41; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 85; *Perković D.* Kovačnica i lomača.
- 485 *Perković D.* Ibid.
- 486 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 85.
- 487 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 209.
- 488 Там же. С. 139.
- 489 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 480; *Marković D.* Ibid. S. 118; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 449; *Vujović M.M.* U žrvnju mučilišta. S. 16; *Živković S.* Brata nijesam prepoznao. S. 16; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 153.
- 490 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 86; *Perković D.* Kovačnica i lomača.
- 491 *Marković D.* Josip Broz i Goli otok. S. 249.
- 492 *Apih M.* Še o Lekih in njegovih sodnikih // Nova revija. Ljubljana, 1986. S. 1818.
- 493 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 41.
- 494 *Lorger E.* Tega kratko malo ni bilo // Mladina. Ljubljana. 16.1.1987; *Idem.* Prosim, pokažite mi pravo linijo!; *Idem.* Medicine nočem politizirati // Delo. Ljubljana. 27.8.1988. S. 16.

- 495 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 206–207; *Petričević J.* Njen odgovor je bilo ćutanje.
- 496 *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 39.
- 497 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 129.
- 498 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 43; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 36–37; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 99, 155; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 7; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 2; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 142.
- 499 *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- 500 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 122.
- 501 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 45.
- 502 *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 47, 48; *Popović S.* Uvrede teže od muka; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- 503 *Popović M.* Udri bandu. S. 64, 68; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 180.
- 504 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 70.
- 505 *Isaković A.* Tren 2. S. 39; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 169; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 288; *Jezeršek J.* Ibid. S. 98; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 274; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 99; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- 506 *Jezeršek J.* Ibid. S. 210; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 156; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 99.
- 507 *Isaković A.* Tren 2. S. 44; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 288; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 39; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 53; *Perućica K. R.* Ibid. S. 99, 155; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 136; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 108.
- 508 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 179.
- 509 *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 39.
- 510 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Knežev D.* Ibid. S. 39–40; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 34; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 69.
- 511 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 103.
- 512 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 136.
- 513 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 122–123.
- 514 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 163–164.
- 515 *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 35; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 208; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 158.
- 516 *Simić M.* Ibid. S. 209–210.
- 517 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 173–174; *Simić M.* Ibid. S. 157–158.
- 518 *Zagorski C.* Moje leto osemintirideseto. S. 3286; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 39–40; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 146, 166; *Simić M.* Ibid. S. 55, 58.
- 519 *Jovanović D.* Ibid. S. 274.
- 520 *Zagorski C.* Moje leto osemintirideseto. S. 3285.
- 521 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 166.
- 522 *Jurančič-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 69; *Jovanović D.* Ibid. S. 164, 450; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 86; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 55, 58, 64; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 14; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 108, 126; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 243.
- 523 *Simić M.* Ibid. S. 64.
- 524 *Živković S.* Brata nijesam prepoznao; *Živković S.* Povratak iz pakla // Pobjeda. Titograd. 24.1.1990.
- 525 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 71.
- 526 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 120–21.

- 527 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 70; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 4; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 165, 178, 433; *Simić M.* Ibid. S. 56.
- 528 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 99.
- 529 *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Люблиане в январе 1982 г.; *Lebl Z.* Ljubičice bela. S. 160.
- 530 *Grom N.* Skoraj tisoč noći. S. 83.
- 531 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 122; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 11.
- 532 *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 242.
- 533 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 121.
- 534 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 127, 210; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 45; *Popović V.* »Prevaspitanje« na Ugljanu // Pobjeda. Titograd. 24.12.1989; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 139, 149.
- 535 *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Люблиане в январе 1982 г.; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 45; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 156; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 149; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 141–142.
- 536 *Perućica K. R.* Ibid. S. 99, 156.
- 537 *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 237.
- 538 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 74; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 99, 156.
- 539 *Dedijer V.* Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 475; *Damjanić N.* »Dobrodošli na Golem otoku!« // Nedeljski dnevnik. Ljubljana. 10.7.1988; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 122–123; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 151; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 14; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 107, 126, 138–139.
- 540 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 21; *Tasić D.* Goli otok. S. 34; *Damjanić N.* Ibid; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 103; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 143; *Simić M.* Ibid. S. 126; *Hrast R.* Ibid. S. 107, 116, 137.
- 541 *Markovski V.* Goli otok, The island of death. P. 57; *Zagorski C.* Moje leto osem-inštirideseto. S. 3280; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 151; *Hrast R.* Ibid. S. 108, 126.
- 542 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 241.
- 543 *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević. S. 60
- 544 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 70–77, 78; *Popović M.* Udri bandu. S. 94; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 192; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 164; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 77, 160; *Vujović M. M.* U žrnju mučilišta. S. 16.; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 243.
- 545 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 146.
- 546 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 301.
- 547 Там же. С. 287.
- 548 *Zagorski C.* Moje leto osem-inštirideseto. S. 3286; *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević. S. 30–31; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 88; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 94.
- 549 *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević. S. 31.
- 550 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 78
- 551 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 302.
- 552 *Tasić D.* Goli otok. S. 35; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 126; *Jovanović D.* Ibid. S. 289; *Lebl Z.* Ljubičice bela. S. 115; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 97, 152; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 78–79, 144; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 77, 212–213; *Bobić-Mojsilović M.* Dragoljub Mićunović // Duga. Beograd. 28.9.1990. S. 16.
- 553 *Simić M.* Ibid.
- 554 *Hofman B.* Noć do jutra. S. 207.

- 555 *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3285; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 102; *Popović M.* Udri bandu. S. 66; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 97.
- 556 *Popović M.* Ibid. S. 66.
- 557 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 94.
- 558 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 151.
- 559 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 302.
- 560 *Cohen E.* Human Behavior in the Concentration Camp. New York: W. W. Norton, 1953. P. 141.
- 561 *Rossi J.* The Gulag Handbook. P. 12; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 156; *Perunović S.* Hrabro ste počeli, hrabro i završite // Pobjeda. Titograd. 8.1.1990; *Jezernik B.* Politična in imaginativna geografija... S. 263.
- 562 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 163; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 87, 97; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 83–84, 99; *Perunović S.* Ibid.
- 563 *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 94; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 83–84.
- 564 *Simić D., Trifunović B.* Ibid.
- 565 Там же. С. 154.
- 566 См.: *Jezernik B.* Spol in spolnost in extremism.
- 567 *Živković S.* Muzej živih ljudi.
- 568 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 108.
- 569 *Jezernik B.* Politična in imaginativna geografija... S. 59.
- 570 *Popović M.* Udri bandu. S. 154–155.
- 571 *Tasić D.* Goli otok. S. 48; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 94; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 88.
- 572 *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 94; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 84–85, 183, 187; *Tasić D.* Ibid. S. 45; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 56; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 40; *Milovanović D.* Ko je izmislio Goli otok?; *Vojinović S.* Goli otok, četrdeset godina kasnije. *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 66, 87, 156, 227.
- 573 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 156.
- 574 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 66.
- 575 *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 191.
- 576 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 41; *Jezernik B.* Politična in imaginativna geografija ... S. 72.
- 577 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 248–251.
- 578 *Bulić V.* Kako se kalio patriotizam // Duga. Beograd. 30.3.1991.
- 579 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 223.
- 580 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 37; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 238, 246, 253.
- 581 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 205.
- 582 *Tasić D.* Goli otok. S. 15; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 10, 22, 24, 28, 29, 53; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 86; *Kordić M.* Zloslut. S. 170, 188; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 107, 108, 126, 151, 174, 180, 251, 254, 364, Knj. II. S. 43, 54; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 151; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 74, 95; *Milovanović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 3; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 213, 221.
- 583 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 170.
- 584 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 62.
- 585 *Marić M.* Nisam bio sultan u haremu // Duga. Beograd. 3.3.1990.
- 586 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 153.
- 587 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 163; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 34, 190, 211.

- 588 Čupić M. Đavolji trougao. S. 25.
- 589 Там же. С. 21.
- 590 Simić M. Na Golom otoku. S. 146.
- 591 Brezник A. V plamenih rdečega pekla. S. 26.
- 592 Jovanović D. Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 74, 264, 322; Simić D., Trifunović B. Ženski logor na Golom otoku. S. 65; Ljubić B. Записано со слов информанта в Любляне в септјабре 1993 г. и јуне 1994 г.
- 593 Dragović-Gašpar R. Let iznad Golog otoka. S. 214–215.
- 594 Cenc M. Записано со слов информанта в Любляне в јуне–септјабре 1993 г.
- 595 Dragović-Gašpar R. Let iznad Golog otoka. S. 212.
- 596 Živković S. Brata nijesam prepoznao.
- 597 Isaković A. Tren 2. S. 85–86.
- 598 Bulić V. Kako se kalio patriotizam.
- 599 Aćimović D. Sjaj i beda prostitutki. Beograd: Draško Aćimović, 1989. S. 9–10.
- 600 Lebl Ž. Ljubičice bela. S. 86, 92.
- 601 Там же. С. 83.
- 602 Simić D., Trifunović B. Ženski logor na Golom otoku. S. 232–234.
- 603 Marić M. Nisam bio sultan u haremu.
- 604 Pahor J. Hodil po zemlji sem naši. S. 57; Dragnich A. N. Tito's Promised Land – Yugoslavia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1954. P. 99; Hibbert C. Zgodovina zločinstva in kazni. S. 163, 176; Marković D. Istina o Golom otoku. S. 104, 158; Jovanović D. Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 450; Perućica K. R. Kako su nas prevaspitavali. S. 154.
- 605 Segev T. Soldiers of Evil. S. 29.
- 606 Jelić M. Albanija. S. 24.
- 607 Živković S. Muzej živih ljudi.
- 608 Kjosseff D. G. Tito ohne Maske. S. 254; Jurančić J. Записано со слов информанта в Любляне в јанваре 1982 г.; Isaković A. Tren 2. S. 38; Marković D. Istina o Golom otoku. S. 83; Čupić M. Đavolji trougao. S. 53; Knežev D. Dnevnik Golootočanina. S. 38; Popović M. Udri bandu. S. 86; Jezeršek J. Arhipelag Goli. S. 148, 157; Kovačević B., Rastoder R. Sukob sa infombiroom. Br. 2; Jovanović D. Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 475; Perućica K. R. Kako su nas prevaspitavali. S. 100, 152; Simić M. Na Golom otoku. S. 88; Simić D., Trifunović B. Ženski logor na Golom otoku. S. 136, 230; Hrast R. Cas, ki ga ni. S. 117; Logar C. Goli otok. S. 300.
- 609 Kalajdžić D. Otok gole istine. S. 186.
- 610 Dedijer V. Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 475–476; Marković D. Istina o Golom otoku. S. 199; Čupić M. Đavolji trougao. S. 54; Perućica K. R. Kako su nas prevaspitavali. S. 90; Simić M. Na Golom otoku. S. 88, 242; Hrast R. Cas, ki ga ni. S. 139–140.
- 611 Jurančić J. Записано со слов информанта в Любляне в јанваре 1982 г.; Jezeršek J. Arhipelag Goli. S. 213–214.
- 612 Simić M. Na Golom otoku. S. 88.
- 613 Kovačević B., Rastoder R. Sukob sa infombiroom. Br. 37.
- 614 Lebl Ž. Ljubičice bela. S. 98.
- 615 Simić M. Na Golom otoku. S. 102; Miletić A. Moja istina o Golom otoku. Br. 13; Hrast R. Cas, ki ga ni. S. 154.
- 616 Kalajdžić D. Otok gole istine. S. 166, 172; Petričević J. Njen odgovor je bilo čutanje. S. 87–88.; Kovačević B., Rastoder R. Sukob sa infombiroom. Br. 2; Dragović-Gašpar R. Let iznad Golog otoka. S. 174; Jovanović D. Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 276; Perućica K. R. Kako su nas prevaspitavali. S. 141; Simić D., Trifunović B. Ženski logor na Golom otoku. S. 191; Miletić A. Ibid; Hrast R. Ibid. S. 109–110, 117.
- 617 Kovačević B., Rastoder R. Ibid. Br. 4, 27; Perućica K. R. Ibid. S. 152; Simić M. Na Golom otoku. S. 145; Vujović M. M. U žrnju mučilišta. S. 16.

- ⁶¹⁸ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 62–63; *Marković D.* Istina o Golom otoku, S. 85; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 48; *Popović M.* Udri bandu. S. 154; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 71; *Damjanić N.* »Dobrodošli na Golem otoku!«; *Lorger E.* Prosim, pokažite mi pravo linijo!; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 47, 140; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 3; *Jelić M.* Albanija; *Bjelica V. J.* Iz logora u logor; *Popović V.* «Prevaspitanje» na Ugljanu; *Perućica K. R.* Ibid. S. 94, 139, 151; *Simić M.* Ibid. S. 95; *Lutovac D.* Goli otok epicentar svakog zla; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Živković S.* Brata nijesam prepoznao. S. 16; *Logar C.* Goli otok. S. 304; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 260.
- ⁶¹⁹ *Čupić M.* Ibid. S. 71; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 2, 3; *Perućica K. R.* Ibid. S. 89, 139; *Milanović R.* Ibid. *Marković D.* Josip Broz i Goli otok. S. 312.
- ⁶²⁰ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 62–63.
- ⁶²¹ *Ullrich J.* Šest let za ostatným drátom. S. 29.
- ⁶²² *Simić M.* Na Golom otoku. S. 59.
- ⁶²³ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Isaković A.* Tren 2. S. 41; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 57; *Popović M.* Udri bandu. S. 84–85; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 45, 49; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 38; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2, 47; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 280; *Lebl Z.* Ljubičice bela. S. 97; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 96, 140; *Simić M.* Ibid. S. 59; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 99.
- ⁶²⁴ *Čupić M.* Ibid. S. 38; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. 100; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 2, 36; *Jovanović D.* Ibid. Knj. I. S. 312, Knj. II. S. 43; *Perućica K. R.* Ibid. S. 140.
- ⁶²⁵ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 100.
- ⁶²⁶ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 38; *Jezeršek J.* Ibid. S. 99; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 86, 140.
- ⁶²⁷ *Buxton T. F.* An Inquiry ... P. 84; *Isaković A.* Tren 2. S. 40, 48; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 113; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 288; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 42; *Popović M.* Udri bandu. S. 102; *Jezeršek J.* Ibid. S. 98.
- ⁶²⁸ *Marković D.* Ibid. S. 85; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 90, 140.
- ⁶²⁹ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 157; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 81; *Perućica K. R.* Ibid. S. 90.
- ⁶³⁰ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Popović M.* Udri bandu. S. 85.
- ⁶³¹ *Ježernik B.* Zgodovina v zgodbah ustne tradicije. S. 270; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 59.
- ⁶³² *Popović M.* Udri bandu. S. 98.
- ⁶³³ *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 48; *Popović M.* Ibid. S. 85–90; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 906; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 138; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 86, 95–96, 139, 142.
- ⁶³⁴ *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 223.
- ⁶³⁵ *Hofman B.* Noč do jutra. S. 206; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 109; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 158; *Lorger E.* Prosim, pokažite mi pravo linijo!; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 902; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 152; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 47; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 81; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 147, Knj. II. S. 214; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 142; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 39, 159, 198; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 2.
- ⁶³⁶ *Jovanović D.* Ibid. Knj. I. S. 355–356, Knj. II. S. 279; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 76.
- ⁶³⁷ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 152.

- 638 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 38; *Popović M.* Udri bandu. S. 91; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 27, 86; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 269, 354–355, Knj. II. S. 279; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 109; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 89–90, 157; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 62–63, 89; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 210; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 153.
- 639 *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.
- 640 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 220; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 47, 63; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 138; *Marić M.* Tajni život crvenog apostola; *Vatovec M.* Записано со слов информанта в Любляне в сентябре–октябре 1993 г.
- 641 *Jezeršek J.* Ibid. S. 148.
- 642 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 187; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 131–132; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 153.
- 643 *Dragović-Gašpar R.* Ibid. S. 178; *Perućica K. R.* Ibid. S. 90; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 76; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 254.
- 644 *Pahor J.* Hodil po zemlji sem naši. S. 213; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 92–93.
- 645 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 76, 136.
- 646 *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 44; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 185; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 141; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 109–110; *Bulić V.* Kako se kalio patriotizam.
- 647 *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 102; *Marić M.* Jedan susret u Odesi. Br. 3; *Logar C.* Goli otok. S. 308.
- 648 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 268, 273, 283, 368.
- 649 *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Kalajžić D.* Otok gole istine. S. 172.
- 650 *Nikčević T.* Goli otoci Jova Karičića. S. 146.
- 651 *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 107.
- 652 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 286, 313, 347, 350, Knj. II. S. 43; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 106; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 83; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 59.
- 653 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 148–149; *Jelić M.* Albanija; *Bjelica V. J.* Iz logora u logor; *Perućica K. R.* Ibid. S. 101; *Zarić T.* Zabranjeno samoubistvo. S. 156.
- 654 *Hofman B.* Noć do jutra. S. 137; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 62; *Perućica K. R.* Ibid. S. 84.
- 655 *Marić M.* Vlado Dapčević: »Žene su mi spasile život« // Duga. Beograd. 3.2.1990. S. 67.
- 656 *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 97.
- 657 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 191, 209; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 289; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 146.
- 658 *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 222.
- 659 *Yindrich J.* Tito v. Stalin. S. 52; *Korbel J.* Tito's Communism. P. 213, 220; *Banac I.* Crvena shizma '48 // Start. Zagreb. 16.9.1989.
- 660 *Štikovac P. N.* Padaju krstovi pravoslavja // Duga. Beograd. 30.9.1989.
- 661 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 140.
- 662 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 84, 272.
- 663 Там же.
- 664 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 476.
- 665 *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3282–3283.
- 666 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 175, 190, *Nikolić Z.* Čiji je Goli otok? // Vjesnik. Zagreb. 3.9.1989.
- 667 *Nikolić Z.* Ibid.; *Horvat M.* Goli raj za ovce // Mladina. Ljubljana. 22.9.1992.

- 668 *Isaković A.* Tren 2. S. 89, 95; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 103; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 93; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 157; *Tasić D.* Goli otok. S. 39; *Lorger E.* Prosim, pokažite mi pravo linijo!; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 38–39, 43, 45, 47; *Marić M.* Covek sa tašnom punom slobode. S. 76; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 116–117, 138; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 26, 37; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 176; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 56; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 163, 178, 203, 369; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 85–87; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 67, 118, 122, 178; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 110; *Perković D.* Krvavi pir; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 117.
- 669 *Kalajdžić D.* Ibid. 33; *Jezeršek J.* Ibid. S. 105, 138; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 27, 176; *Jovanović D.* Ibid. S. 369, 394; *Perućica K. R.* Ibid. S. 86; *Simić M.* Ibid. S. 54, 65, 75, 211; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 135–136; *Lutovac D.* Ko su režiseri tragične drame; *Perković D.* Ibid; *Hrast R.* Ibid. S. 113; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 230.
- 670 *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 901; *Jovanović D.* Ibid. S. 151–152; *Hrast R.* Ibid. S. 112–113.
- 671 *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 99; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 41, 43; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 156; *Jovanović D.* Ibid. S. 151, 163, 278, 401; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 65–66; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 139; *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet «ala Goli otok»; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 205.
- 672 *Zagorski C.* Moje leto oseminštirideseto. S. 3283.
- 673 *Haft C.* The Theme of Nazi Concentration Camps in French Literature. The Hague – Paris: Mouton, 1973: P. 115–116; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 93; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 43–44; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 9; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 901; *Marić M.* Jedan susret u Odesi. Br. 3; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2, 37, 40; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 152, 163; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 86; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 64; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 112.
- 674 *Breznik A.* V plamenih rdečega pekla. S. 25.
- 675 *Poniž D.* Državna blaznica // Teleks. Ljubljana. 13.4.1989.
- 676 *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 44.
- 677 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 186.
- 678 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 157; *Krstajić D.* Traganje za pravdom; *Perković D.* Kovačnica i lomača.
- 679 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 86.
- 680 Protiv provokatora i izdajnika // Proleter. Br. 28. Dec. 1932.
- 681 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 199.
- 682 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 35, 158.
- 683 *Jurančič J.* и *Jurančič-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Tasić D.* Goli otok. S. 31; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 230; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 75; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 40, 84; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 112–113; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 196, 230, 250.
- 684 *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Tasić D.* Ibid.; *Popović M.* Udri bandu. S. 65; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 904; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 105–106, 117, 156; *Simić M.* Ibid. S. 212, 227; *Vujović M. M.* U žrvnju mučilišta. S. 16; *Hrast R.* Ibid. S. 113, 167, 172; *Weiss E.* Ibid. S. 196.
- 685 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 115–116.
- 686 *Simić M.* Na Golom otoku. S. 75–77.
- 687 *Marković D.* Josip Broz i Goli otok. S. 311–312.
- 688 *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 44.

- 689 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 170; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 54, 127.
- 690 *Simić M.* Ibid. S. 227–229; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. S. 85.
- 691 *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 146.
- 692 *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 183; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 146, 180, 203, 271, 300; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 206; *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet »ala Goli otok«; *Živković S.* Muzej živih ljudi; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 142, 158.
- 693 *Jurančić J.* Ibid.; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 97; *Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević. S. 25–28, 60–61; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 902; *Jovanović D.* Ibid. S. 148, 180, 301.
- 694 *Markovski V.* Ibid. P. 97–98; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 190.
- 695 *Markovski V.* Ibid. P. 139; 178; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 133.
- 696 *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 107; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 162.
- 697 *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 154.
- 698 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 40; *Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. S. 42; *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 28; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 104; *Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo; *Idem.* Specijalitet »ala Goli otok«.
- 699 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 213.
- 700 Там же. С. 216.
- 701 Там же. С. 217.
- 702 *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 129–130.
- 703 *Jurančić J.* Ibid.; *Ježernik B.* Boj za obstanak. Ljubljana: Borec, 1983. S. 212; *Popović M.* Udri bandu. S. 64, 68; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 180; *Logar C.* Goli otok. S. 291.
- 704 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 187.
- 705 *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Hofman B.* Noć do jutra. S. 206; *Popović M.* Udri bandu. S. 65–67; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 34; *Lebl Z.* Ljubičice bela. S. 80; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 132–133, 152.
- 706 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 117.
- 707 *Popović M.* Udri bandu. S. 64.
- 708 *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 127–128.
- 709 *Jurančić J.* и *Jurančić-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 903; *Novak S. P.* Kad su davli voljeli hrvatski. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1988. S. 32; *Popović M.* Udri bandu. S. 65; *Bjelica V. J.* Brzometno suđenje; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 103; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 207–208; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 117; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 13, 86, 108, 128, 191.
- 710 *Vukičević R.* »Legalna vlada« // Pobjeda. Titograd. 18.11.1989.
- 711 *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 903; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 191.
- 712 *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 191.
- 713 *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 98, 150.
- 714 *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 82–83.
- 715 *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 205, 215.
- 716 *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 225.
- 717 *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 26; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 449; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 90; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 136; *Živković S.* Muzej živih ljudi; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 71, 141.

- ⁷¹⁸ *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 207; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 35.
- ⁷¹⁹ *Živković S.* »Prevaspitavanje«.
- ⁷²⁰ *Marić M.* Čovek sa tašnom punom slobode. S. 76.
- ⁷²¹ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 126, 156, 186.
- ⁷²² *Zagorski C.* Moje leto oseminštirideseto. S. 3281–3282.
- ⁷²³ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 93, 127–128, 169, 248, 260; *Marić M.* Nisam bio sultan u haremu. S. 76; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 122, 185.
- ⁷²⁴ *Simić M.* Ibid. S. 260.
- ⁷²⁵ *Jurančič-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 41, 86; *Lebl Z.* Ljubičice bela. S. 109–110, 114; *Simić M.* Ibid. S. 63, 127–128.
- ⁷²⁶ *Pahor J.* Hodil po zemlji sem naši. S. 204; *Jurančič-Virens O.* Ibid.; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 74; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 87; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. S. 87.
- ⁷²⁷ *Jurančič J.* и *Jurančič-Virens O.* – записано со слов информантов в Любляне в январе 1982 г.; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 120; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 199; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 46; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 126; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 156; *Stevanović M.* Ibid. Br. 3.
- ⁷²⁸ *Tasić D.* Goli otok. S. 55.
- ⁷²⁹ *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 209; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 288–289; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 35.
- ⁷³⁰ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 154–155; *Jovanović D.* Ibid. S. 207; *Milunović R.R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 3; *Grom N.* Skoraj tisoč noći. S. 124.
- ⁷³¹ *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka. Br. 3.
- ⁷³² *Popović M.* Udri bandu. S. 64; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 133; *Marić M.* Tajni život crvenog apostola.
- ⁷³³ *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. S. 86–87.
- ⁷³⁴ *Zagorski C.* Moje leto oseminštirideseto. S. 2781; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 65.
- ⁷³⁵ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Vodopivec P.* Pogovor z Jožetom Jurančičem. S. 855.
- ⁷³⁶ *Beimler H.* Four Weeks in the Hands of Hitler's Hell-Hounds: The Nazi Murder Camp of Dachau. London: Modern Books, 1934. P. 13, 16.
- ⁷³⁷ *Isaković A.* Tren 2. S. 173; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 199; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2; *Vasović S., Mekina I.* Mile Perović. S. 26; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. 138, 176; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 151–152; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 87; *Simić D., Trifunović B.* Zenski logor na Golom otoku. S. 145; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 117.
- ⁷³⁸ *Marić M.* Nisam bio sultan u haremu. S. 76.
- ⁷³⁹ *Jurančič J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 132; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 177; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 147; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 93; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 113, 191; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 68.
- ⁷⁴⁰ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 10; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 904; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 205, 282.
- ⁷⁴¹ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 270.
- ⁷⁴² *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 79; *Popović M.* Udri bandu. S. 122–123; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 288–289.
- ⁷⁴³ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 113.
- ⁷⁴⁴ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 118; *Perućica K.R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 141.

- ⁷⁴⁵ *Marić M.* Jedan susret u Odesi. Br. 3.
- ⁷⁴⁶ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 191–192.
- ⁷⁴⁷ *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 199–200.
- ⁷⁴⁸ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 162–163.
- ⁷⁴⁹ Там же. С. 208.
- ⁷⁵⁰ *Isaković A.* Tren 2. S. 82, 179; *Tasić D.* Goli otok. S. 48; *Popović M.* Udri bandu. S. 122–123; *Cupić M.* Davolji trougao. S. 10; *Marić M.* Jedan susret u Odesi. Br. 3; *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 82, 137; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 144, Knj. II. S. 250; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 193; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 97; *Bulić V.* Kako se kalio patriotizam; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 117, 143; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 259.
- ⁷⁵¹ *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 244; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 20; *Skledar M.* Vzponi in padci informbirojevca // Mladina. Ljubljana. 3.11.1988. S. 60–61; *Jovanović D.* Ibid. S. 39; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ibid. S. 123, 145–46; *Abramović D. J.* Da se više nikad ne ponovi // Pobjeda. Titograd. 16.01.1990; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 205, 263.
- ⁷⁵² *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 119.
- ⁷⁵³ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 68–69.
- ⁷⁵⁴ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 172, 244.
- ⁷⁵⁵ Там же. С. 160.
- ⁷⁵⁶ Там же. С. 138.
- ⁷⁵⁷ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 118.
- ⁷⁵⁸ *Bredel W.* Als sozialdemokratisch Arbeiter... S. 15.
- ⁷⁵⁹ *Ježernik B.* Za zgodovino delavskega in komunistične stranke na Slovenskem // Borec. Ljubljana, 1985. St. 10–11. S. 560.
- ⁷⁶⁰ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 97.
- ⁷⁶¹ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 474.
- ⁷⁶² *Kalajžić D.* Otok gole istine. S. 128.
- ⁷⁶³ *Isaković A.* Tren 2. S. 177; *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 470.
- ⁷⁶⁴ *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 260.
- ⁷⁶⁵ *Simić D.*, *Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 237.
- ⁷⁶⁶ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 208, 272–273.
- ⁷⁶⁷ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 122–123; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 191.
- ⁷⁶⁸ *Popović M.* Udri bandu. S. 136.
- ⁷⁶⁹ *Popović M.* Ibid. S. 135–136; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 112; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 156; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 146, 150; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Živković S.* Muzej živih ljudi.
- ⁷⁷⁰ *Popović M.* Udri bandu. S. 137–138.
- ⁷⁷¹ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Popović M.* Ibid. S. 153; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. S. 157; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 146, 150; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 163.
- ⁷⁷² *Popović M.* Ibid. S. 139; *Kovačević B.*, *Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 43, 88; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 440–441; *Perućica K. R.* Ibid. S. 157; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ibid. S. 150, 191; *Milanović R.* Ibid.; *Vučetić P.* Hod po užarenoj lavi na ostrvu bez kratera: Goli Otok i druge priče. Beograd: Matra, 1993. S. 55.
- ⁷⁷³ *Popović M.* Ibid. S. 140–142; *Perućica K. R.* Ibid. S. 156; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ibid. S. 239; *Milanović R.* Ibid; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 132.
- ⁷⁷⁴ *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 117; *Simić D.*, *Trifunović B.* Ibid. S. 192, 199; *Živković S.* »Prevaspitavanje«.

- ⁷⁷⁵ *Bláha F.* Medicina na scestí. Praha: Orbis, 1946; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 150.
- ⁷⁷⁶ *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 183.
- ⁷⁷⁷ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 92.
- ⁷⁷⁸ *Popović M.* Udri bandu. S. 154–155.
- ⁷⁷⁹ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 111; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 76; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 147; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 133, 148–49.
- ⁷⁸⁰ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 103; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 134.
- ⁷⁸¹ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 211.
- ⁷⁸² *Markovski V.* Ibid. P. 56–57.
- ⁷⁸³ *Simić M.* Na Golom otoku. S. 98.
- ⁷⁸⁴ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 153.
- ⁷⁸⁵ *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 902; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 133.
- ⁷⁸⁶ *Jurančić-Virens O.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 134–135, 198.
- ⁷⁸⁷ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 134.
- ⁷⁸⁸ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 134–135, 198.
- ⁷⁸⁹ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 115–116; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 80; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 4; *Vujović M. M.* »Mašina čini svoje«; *Živković S.* Dvije žrtve linča.
- ⁷⁹⁰ *Stevanović M.* Ibid.
- ⁷⁹¹ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 468.
- ⁷⁹² *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 89, 104; *Vojinović S.* Goli otok, četrdeset godina kasnije. *Jajčinović M.* Pomračenje uma // *Danas.* Zagreb. 19.7.1988; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 149.
- ⁷⁹³ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 254; *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 186; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 55; *Popović M.* Udri bandu. S. 144; *Popović S.* Uvrede teže od muka; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 91, 156; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 4.
- ⁷⁹⁴ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 89; *Tasić D.* Goli otok. S. 39; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 2, 28; *Perućica K. R.* Ibid. S. 91, 118; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 88, 121, 129, 239; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 4; *Vujović M. M.* U žrvnju mučilišta. S. 16.
- ⁷⁹⁵ *Marković D.* Ibid. S. 83.
- ⁷⁹⁶ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 44; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 91.
- ⁷⁹⁷ *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 186; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 101–102; *Tasić D.* Goli otok. S. 36; *Popović M.* Udri bandu. S. 98; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 4, 36; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 81; *Božović S.* Golotočki genocid // *Književne novine komerc.* Beograd – Novi Sad: Tehnički fakultet, 1992. S. 19.
- ⁷⁹⁸ *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 146.
- ⁷⁹⁹ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 41; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 85; *Vulović B.* Od tada ne slavim rođendan // *Pobjeda.* Titograd. 25.1.1990. S. 14.
- ⁸⁰⁰ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 115; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 296; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 81.
- ⁸⁰¹ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 102.

- ⁸⁰² *Popović M.* Udri bandu. 98; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 122; *Racković S.* Već '49. ušli smo u Atlantski pakt; *Božović S.* Golotočki genocid. S. 19.
- ⁸⁰³ *Popović M.* Ibid; *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 85, 99, 111; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- ⁸⁰⁴ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 116; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 81, 94–95; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 111, 243.
- ⁸⁰⁵ *Marković D.* Ibid. S. 101–105.
- ⁸⁰⁶ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. I. S. 258, 267; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 117.
- ⁸⁰⁷ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 9; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 99, 147; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 89; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 73, 119; *Logar C.* Goli otok. S. 288; *Jan M.* Primer Goli otok // Delo. Ljubljana. 18.6.1994.
- ⁸⁰⁸ *Hrast R.* Ibid. S. 155.
- ⁸⁰⁹ Там же. С. 155–156.
- ⁸¹⁰ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 183, 187; *Milovanović D.* Ko je izmislo Goli otok?; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 235–236; *Marić M.* Nisam bio sultan u haremu. S. 76.
- ⁸¹¹ *Logar C.* Goli otok. S. 288; *Jan M.* Primer Goli otok.
- ⁸¹² *Popović M.* Udri bandu. S. 120; *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 133–134; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 189, 195–198, 204–205; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 79, 89; *Vujović M. M.* U žrvnju mučilišta. S. 16; *Živković S.* Brata pijesam preroznao. S. 16; *Amon H.* Записано со слов информанта в Любляне в сентябре–октябре 1993 г.
- ⁸¹³ *Perućica K. R.* Ibid. S. 80.
- ⁸¹⁴ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 213.
- ⁸¹⁵ *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. 216.
- ⁸¹⁶ *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 105; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 142; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- ⁸¹⁷ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 47.
- ⁸¹⁸ *Jezeršek J.* Arhipelag Goli. S. 171; *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 46.
- ⁸¹⁹ *Kovačević B., Rastoder R.* Ibid. Br. 48.
- ⁸²⁰ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. S. 478; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 104, 242; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika.
- ⁸²¹ *Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. S. 255; *Tasić D.* Goli otok. S. 43; *Lorger E.* Prosim, покажите mi pravo linijo!; *Idem.* Medicine nočem politizirati; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 59; *Kordić M.* Zloslut. S. 202; *Marić M.* Poslednja hajdučka vremena. S. 89; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. Š. 129; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 126; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 70; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 11; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 78.
- ⁸²² *Kalajdžić D.* Otok gole istine. S. 30.
- ⁸²³ *Segev T.* Soldiers of Evil. P. 32.
- ⁸²⁴ *Lorger E.* Prosim, покажите mi pravo linijo!; *Idem.* Medicine nočem politizirati; *Knežev D.* Dnevnik Golotočanina. S. 59; *Kordić M.* Zloslut. S. 202; *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 46; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 13; *Lebl Ž.* Ljubičice bela. S. 129; *Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitali. S. 126; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 13, 70; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Hrast R.* Čas, ki ga ni. S. 78, 83.
- ⁸²⁵ *Lebl Ž.* Ibid. S. 129.
- ⁸²⁶ *Aplenc A.* Goli otok še enkrat // Delo. Ljubljana. 15–16.7.1994. S. 1.
- ⁸²⁷ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 80.
- ⁸²⁸ *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 18.

- ⁸²⁹ *Klugman J.* From Tito to Tito. London: Lawrence & Wishart, 1951. S. 152; *Lorger E.* Prosim, pokažite mi pravo liniju!; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 86; *Tasić D.* Goli otok. S. 41; *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 43; *Simić M.* Na Golom otoku. S. 206; *Hrast R.* Cas, ki ga ni. S. 79; *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 260.
- ⁸³⁰ *Marković D.* Ibid. S. 272–273.
- ⁸³¹ *Zagorski C.* Moje leto osemindesetdeseto. S. 3286–3287.
- ⁸³² *Simić M.* Na Golom otoku. S. 273.
- ⁸³³ *Čupić M.* Đavolji trougao. S. 94; *Simić M.* Ibid. S. 272; *Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika. Br. 4.
- ⁸³⁴ *Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom. Br. 65, 83; *Stevanović M.* Ibid.
- ⁸³⁵ *Popović M.* Udri bandu. S. 33–34.
- ⁸³⁶ *Weiss E.* Ne hodi naprej...! S. 295.
- ⁸³⁷ *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 35.
- ⁸³⁸ *Rebić D.* Gola istina o Golom otoku // Borba. Beograd. 25.3.1991. S. 27.
- ⁸³⁹ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 907; *Maslovarić M., R.* Pakao i posle pakla // Pobjeda. Titograd. 17.12.1989; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 70; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka.
- ⁸⁴⁰ *Lutovac D.* Goli otok epicentar svakog zla.
- ⁸⁴¹ *Jurančić J.* Записано со слов информанта в Любляне в январе 1982 г.; *Marković D.* Istina o Golom otoku. S. 81, 158; *Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok. S. 907; *Marić M.* Poslednja hajdučka vremena. S. 89; *Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Knj. II. S. 16; *Abramović D. J.* Da se više nikad ne ponovi; *Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka; *Miletić A.* Moja istina o Golom otoku. Br. 11.
- ⁸⁴² *Markovski V.* Goli otok. The island of death. P. ix; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 155; *Jezeršek J.* Medaljoni našega časa. S. 23, 28.
- ⁸⁴³ *Jezeršek J.* Ibid. S. 23.
- ⁸⁴⁴ *Stojanović M.* Knjiga pouka. S. 168; *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. S. 122.
- ⁸⁴⁵ *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 240; *Mičeta L.* Goli otok je nastavak Jasenovca // Politikin svet. Beograd. 18.4.1990. S. 20; *Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka. Br. 4.
- ⁸⁴⁶ *Simić D., Trifunović B.* Ibid. S. 85.
- ⁸⁴⁷ *Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. S. 252.
- ⁸⁴⁸ *Božović S.* Golotočki genocid. S. 11.

Избранная библиография

- Abramović D. J.* Ni danas ne znam zašto sam bio uhapšen // Pobjeda. Titograd. 15.01.1990. S. 12.
- Abramović D. J.* Da se više nikad ne ponovi // Pobjeda. Titograd. 16.01.1990. S. 16.
- Aćimović D.* Sjaj i beda prostitutki. Beograd: Draško Aćimović, 1989.
- Apih M.* Intervju // Nova revija. Ljubljana, 1983. Št. 3–4. S. 373–381.
- Apih M.* Leka // Nova revija. Ljubljana, 1985. Št. 41–42. S. 1276–1287.
- Apih M.* Še o Lek i njegovih sodnikih // Nova revija. Ljubljana. 1986. Št. 54–56. S. 1816–1819.
- Aplenc A.* Goli otok še enkrat // Delo. Ljubljana. 15–16.7.1994.
- Armstrong H. F.* Tito and Goliath // The Atlantic. 1949. Oct. P. 30–36.
- Armstrong H. F.* Tito und Goliath. Wels–Starnberg: Verlag Welsermühl, 1954.
- Baciu N.* Des geôles d'Anna Pauker aux prisons de Tito. Paris: L. L. C., 1951.
- Banac I.* Jugoslavenski prostor tolerancije // Danas. Zagreb. 23.8.1988. S. 35–38.
- Banac I.* Crvena shizma '48 // Start. Zagreb. 16.9.1989. S. 48–50.
- Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Zagreb: Globus, 1990.
- Bašeskija M. M. Š.* Ljetopis (1746–1804). Sarajevo: Veselin Masleša, 1987.
- Beimler H.* Four Weeks in the Hands of Hitler's Hell-Hounds: The Nazi Murder Camp of Dachau. London: Modern Books, 1934.
- Bilainkin G.* Tito. London: Williams & Norgate Limited, 1949.
- Bjelica V. J.* Brzometno suđenje // Pobjeda. Titograd. 21.12.1989. S. 16.
- Bjelica V. J.* Iz logora u logor // Pobjeda. Titograd. 22.12.1989. S. 14.
- Bláha F.* Medicina na scestí. Praha: Orbis, 1946.
- Blount H.* A Journey into the Levant. London: Andrew Crooke, 1636.
- Bobić-Mojšilović M.* Dragoljub Mićunović // Duga. Beograd. 28.9.1990. S. 14–17.
- Božović S.* Golootočki genocid // Književne novine komerc. Beograd–Novi Sad: Tehnički fakultet, 1992.
- Bredel W.* Als sozialdemokratisch Arbeiter im Konzentrationslager Papenburg. Moskau–Leningrad: Verlag-Genossenschaft ausl. Arbeiter in UdSSR, 1935.
- Breznik A.* V plamenih rdečega pekla. Celje: Družba sv. Mohorja, 1938.
- Buber-Neumann M.* Under Two Dictators. London: Victor Gollancz, 1949.
- Bulatović M. B.* Specijalitet »ala Goli otok« // Pobjeda. Titograd. 7.1.1990. S. 14.
- Bulatović M. B.* Osmo svjetsko čudo // Pobjeda. Titograd. 6.1.1990. S. 14.
- Bulić V.* Gledajući dolje na izbore // Duga. Beograd. 2.2.1991. S. 74–77.
- Bulić V.* Kako se kalio patriotizam // Duga. Beograd. 30.3.1991. S. 53–55.
- Buxton T. F.* An Inquiry, whether Crime and Misery are produced or prevented, by our present system of Prison Discipline. London: John and Arthur Arch, Buterworth and Sons, and John Hatchard, 1818.
- Caruso I.* Socijalni aspekti psihoanalize. Beograd: Kultura, 1969.

- Celić R. S.* Pakao na zemlji. Kraljevo: Dr. Radisav S. Celić, 1996.
- Christman H. M.* The Essential Tito. Newton Abbot: David & Charles, 1971.
- Cohen E.* Human Behavior in the Concentration Camp. New York: W. W. Norton, 1953.
- Čajkanović V.* Srpske narodne pripovetke. Beograd: Rajković i Čulović, 1929.
- Čajkanović V.* Mit i religija u Srba. Beograd: Srpska književna zadruga, 1973.
- Čanžek L.* Prijatelji po diktatu // Delo: Sobotna priloga. Ljubljana. 23.10.1993. S. 37.
- Čelebi E.* Putopis. Sarajevo: Veselin Masleša, 1979.
- Čupić M.* Đavolji trougao. Beograd: Filip Višnjić, 1988.
- Dallin A., Breslauer G. W.* Political Terror in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970.
- Dalmas L.* Quo vadis, Tito? Frankfurt am Main: Verlag der Parma, 1952.
- Damjanić N.* »Dobrodošli na Golem otoku!« // Nedeljski dnevnik. Ljubljana. 10.7.1988. S. 3.
- Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. Beograd: Rad, 1984.
- Der Kampf J. W.* Stalins und der Kominform gegen den Titorevisionismus. Wien: G. Strobl, 1978.
- Devoto A, Martini M.* La violenza nei lager. Milano: Angeli, 1981.
- Die Belgrader Revisionisten-Clique-Verräter am Marxismus-Leninismus und Agent des Imperialismus. Tirana: Naim Frashrī, 1964.
- Draganja Ž.* Bez nebosklona. Split: Laus, 1996.
- Dragnich A. N.* Tito's Promised Land – Yugoslavia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1954.
- Dragović-Gašpar R.* Let iznad Golog otoka. Beograd: Akvarijus, 1990.
- Draskovich S. M.* Tito, Moscow's Trojan Horse. Chicago: Henry Regnery Company, 1957.
- Dražić M.* Đuro Polak: sudio sam ibeovcima // Osmica. Beograd. 8.3.1990. S. 8–9.
- Drobnjaković B.* Etnologija naroda Jugoslavije. Beograd: Naučna knjiga, 1960.
- Đilas M.* Memoir of a Revolutionary. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Đilas M.* Druženje s Titom. Harrow: Aleksa Dlilas, 1984.
- Đilas M.* Rise and Fall. San Diego – New York – London: Harcourt Brace Jovanovich, 1985.
- Đilas M.* Intervju // Mladina – Prizma. Ljubljana. 19.2.1988. S. 27–38.
- Đilas M.* Intervju // Pobjeda. Titograd. 18.7.1989. S. 15.
- Đuričić M. R.* Još sam na Golom otoku // Duga. Beograd. 16.9.1989. S. 12–13.
- Đurić D.* Potapanje Srbije ili logike // Vjesnik: Panorama subotom. Zagreb. 2.9.1989. S. 7.
- Encyclopaedia of the Social Sciences. New York: Doubleday, 1954.
- Federn E.* Witnessing Psychoanalysis. London: Karnac Books, 1990.
- Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Venezia: Alvise Milocco, 1774.
- Freud S.* Totem i tabu // Odabrana dela Sigmunda Frojda. Knj. 4. Novi Sad: Matica srpska, 1973. S. 119–288.
- Fünfzehn Jahre nach Veröffentlichung der Resolution des Informbüros: „Über die Lage in der Kommunistischen Partei Jugoslawiens“. Tirana: Nentori, 1963.
- Gabor P.* Titovo a Rankovičovo gestapo // Titova klika ve službách imperialist: Sborník statí a článků. Praha: Světové rozhledy, 1950. S. 134–142.
- Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana 1858–1878. Sarajevo: M. Đurđević, 1910.

- Gollancz V.* What Buchenwald really means. London: Victor Gollancz, 1945.
- Golubović N. M.* Pakao u paklu // Pobjeda. Titograd. 8.12.1989. S. 13.
- Golubović N. M.* Dekoracija za doček // Pobjeda. Titograd. 10.12.1989. S. 14.
- Golubović N. M.* Lako je kazati – teže je dokazati // Pobjeda. Titograd. 4.1.1990. S. 16.
- Golubović V. R.* Hod po mukama // Pobjeda. Titograd. 3.1.1990. S. 16.
- Graves R.* Grčki mitovi. Beograd: Nolit, 1974.
- Grlić E.* Sjećanja. Zagreb: Durieux, 1997.
- Grom N.* Skoraj tisoč noći. Ljubljana: Eurospekter, 1993.
- Grosrichard A.* Struktura seraja. Ljubljana: Studia humanitatis, 1985.
- Haft C.* The Theme of Nazi Concentration Camps in French Literature. The Hague – Paris: Mouton, 1973.
- Hahn J. G. von.* Albanische Studien. Jena: Verlag von Friedrich Mauke, 1854.
- Hibbert C.* Zgodovina zločinstva in kazni. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1965.
- Hoess R.* Commandant in Auschwitz. London: Weidenfeld & Nicolson, 1959.
- Hoffman G., Neal F. W.* Yugoslavia and the New Communism. New York: Twentieth Century Fund, 1962.
- Hofman B.* Noč do jutra. Ljubljana: Slovenska matica, 1984.
- Horvat M.* Goli raj za ovce // Mladina. Ljubljana. 22.9.1992. S. 43.
- Horvat M.* Goli otok – stratište duha. Zagreb: Orion Stella, 1996.
- Hrast R.* Spoštovani Koprčan // Mladina. Ljubljana. 15.1.1988. S. 3.
- Hrast R.* Čas, ki ga ni. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1991.
- Ibarruri D.* Tito a jeho banda – zákeřní nepřítel španělského lidu // Titova klika ve službách imperialist: Sborník statí a článků. Praha: Světové rozhledy, 1950. S. 87–93.
- Isaković A.* Tren 2. Beograd: Prosveta, 1982.
- Jajčinović M.* Pomračenje uma // Danas. Zagreb. 19.7.1988. S. 29.
- Jan M.* Primer Goli otok // Delo. Ljubljana. 18.6.1994. S. 38.
- Jelić I.* Šta znači kamen o vratu? Beograd: Rajković i Čuković, 1931.
- Jelić M.* Albanija. Beograd: Geca Kon, 1933.
- Jelinčić D.* Istina o Golom otoku. Šibenik: Solid, 1968.
- Jezernik B.* Zgodovina v zgodbah ustne tradicije // Časopis za kritiko znanosti. Št. 33–34. Ljubljana, 1979. S. 239–277.
- Jezernik B.* Boj za obstanek. Ljubljana: Borec, 1983.
- Jezernik B.* Za zgodovino delavskega in komunistične stranke na Slovenskem // Borec. Ljubljana, 1985. Št. 10–11. S. 554–560.
- Jezernik B.* Marmorni ljudje // Borec. Ljubljana, 1988. Št. 10. S. 972–988.
- Jezernik B.* Človek ne živi samo od kruha // Borec. Ljubljana, 1989. Št. 5–6. S. 578–586.
- Jezernik B.* Od kod ta kamen za vratom? // Borec. Ljubljana, 1991. Št. 4–5. S. 338–341.
- Jezernik B.* Spol in spolnost in extremis. Ljubljana: Borec, 1993.
- Jezernik B.* Politična in imaginativna geografija ali Kje leži Goli otok // Borec. Ljubljana, 1993. Št. 3–4. S. 337–347.
- Jezershek J.* Arhipelag Goli. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1989.
- Jezershek J.* Medaljoni našega časa. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1990.
- Jokić B.* Plovi patka, plovi guska, ova zemlja biće ruska // Delo: Sobotna priloga. Ljubljana. 19.1.1991. S. 21.

- Jovanić D.* Između Golog otoka i Briona // Duga. Beograd. 20.7.1990. S. 77.
- Jovanov N.* Jugoslovanski javnosti // Delo. Ljubljana. 17.9.1988. S. 27.
- Jovanović D.* Muzej živih ljudi. Beograd: Rad, 1990.
- Južnič S.* Neizrabljene priložnosti // Naši razgledi. Ljubljana. 24.6.1988. S. 374.
- Kalajdžić D.* Otok gole istine. Zagreb: Globus, 1985.
- Kalvoda J.* Titoism and Masters of Imposture. New York: Vantage Press, 1958.
- Kanitz F.* Srbija. Zemlja i stanovništvo. Beograd: Srpska književna zadruga, 1985.
- Kautsky B.* Teufel und Verdamate. Wien: Verlag der Wienerbuchhandlung, 1948.
- King W.B., O'Brien F.* The Balkans, Frontier of two Worlds. New York: A. A. Knopf, 1947.
- Király B.* The Aborted Soviet Military Plans Against Tito's Yugoslavia // The Brink of War and Peace: The Tito-Stalin Split in a Historic Perspective / W. Vucinich, ed. New York: Columbia University Press, 1982. P. 273–288.
- Kisch E. E.* Zajatec Hitlerův. Praha: Knihovna Levé fronty, 1933.
- Kjosseff D. G.* Tito ohne Maske. Berlin: Dietz, 1953.
- Klugman J.* From Tito to Tito. London: Lawrence & Wishart, 1951.
- Knežev D.* Dnevnik Golootočanina. Beograd: Multiprint, 1988.
- Korbel J.* Tito's Communism. Denver: The University of Denver Press, 1951.
- Kordić M.* Zloslut. Beograd: Knjiga-komerc, 1989.
- Kosić I.* Goli otok, najveći Titov konclorog. Rijeka: Adamić, 2003.
- Kovačević B., Rastoder R.* Sukob sa infombiroom: Svjedočenja i svjedočanstva // Pobjeda. Titograd. 12.7.–13.11.1989.
- Kozar Đ.* Zaustavite Dunav... // Nedjelja. Sarajevo. 3.6.1990. S. 27.
- Križanovskij O.* Spomini črnogledega humorista. Ljubljana: Borec, 1982.
- Krsmanović V.* Kukala nam majka // Duga. Beograd. 26.5.1990. S. 92–94.
- Krstajić D.* Traganje za pravdom // Pobjeda. Titograd. 7.1.1990. S. 14.
- Kržavac S., Marković D.* Infombiro i Goli otok // Nin. Beograd. 28.6.1981–2.5.1982.
- Kupfer-Koberwitz E.* Die Mächtigen und die Hilflosen. Stuttgart: Friedrich Verlag, 1960.
- La Jugoslavia sotto il terrore di Tito. Roma: Edizioni di cultura sociale, 1949.
- Launay J. de.* Fascisme rouge, contribution à la défense de l'Europe. Bruxelles: Éditions Montana, 1954.
- Lebl Ž.* Ljubičice bela: vic dug dve i po godine. Gornji Milanovac: Dečje novine, 1990.
- Litten I.* A Mother Fights Hitler. London: G. Allen & Unwin, 1940.
- Ljubić B.* Na robu pameti // Borec. Ljubljana, 1992. Št. 1–2–3. S. 153–159.
- Logar C.* Goli otok // Borec. Ljubljana, 1991. Št. 4–5–6. S. 265–335.
- Lončarić V.* Bando, sagni glavu. Zagreb: Trgo-Rast, 1997.
- Lorger E.* Tega kratko malo ni bilo // Mladina. Ljubljana. 16.1.1987a. S. 3.
- Lorger E.* Prosim, pokažite mi pravo linijo! // Mladina. Ljubljana. 25.12.1987b. S. 38.
- Lorger E.* Kdo nas je pehal k Stalinu? // Nedeljski dnevnik. Ljubljana. 26.6.1988a. S. 6.
- Lorger E.* Goli otok ostva še naprej zaviti v tančico skrivnosti // Delo. Ljubljana. 9.7.1988b. S. 16.
- Lorger E.* Medicine nočem politizirati // Delo. Ljubljana. 27.8.1988(=1988c). S. 16.
- Lutovac D.* Ko su režiseri tragične drame // Pobjeda. Titograd. 17.1.1990. S. 16.
- Lutovac D.* Goli otok epicentar svakog zla // Pobjeda. Titograd. 18.1.1990. S. 16.
- Mandić I.* Mlin za ljude // Danas. Zagreb. 26.7.1988. S. 47–48.

- Marić M.* Udba drma // Duga. Beograd. 24.7.1987. S. 66.
- Marić M.* Neumoljivi mač revolucije // Duga. Beograd. 6.2.1988. S. 67–72.
- Marić M.* Čovek sa tašnom revolucijom // Duga. Beograd. 9.7.1988. S. 74–77.
- Marić M.* Jedan susret u Odesi // Duga. Beograd. 1.10.–12.11.1988.
- Marić M.* Poslednja hajdučka vremena // Duga. Beograd. 18.3.1989. S. 87–91.
- Marić M.* Vlado Dapčević: »Žene su mi spasile život« // Duga. Beograd. 3.2.1990. S. 64–68.
- Marić M.* Nisam bio sultan u haremu // Duga. Beograd. 3.3.1990. S. 75–77.
- Marić M.* Tajni život crvenog apostola // Duga. Beograd. 31.3.1990. S. 80–83.
- Marković D.* Istina o Golom otoku. Beograd: Narodna knjiga, 1987.
- Marković D.* Josip Broz i Goli otok. Beograd: Beseda, 1990.
- Marković M.* Preispitivanja. Beograd: Narodna knjiga, 1986.
- Markovski V.* Goli otok. The island of death. A diary and letters. New York: East European Monographs, 1984.
- Maslovarić M. R.* Pakao i posle pakla // Pobjeda. Titograd. 17.12.1989. S. 15.
- Maštruko I.* Hereza i tolerancija // Danas. Zagreb. 21.6.1988. S. 10.
- Mecilošek R.* Goli otok brez skrivnosti // Nedeljski dnevnik. Ljubljana. 21.3.1989. S. 14.
- Mekina I.* Patologija gole resnice // Mladina. Ljubljana. 26.2.1988. S. 30–31.
- Mekina I., Vasović S.* Vladimir Dapčević: »Poslali so mi plačanega morilca« // Mladina. Ljubljana. 20.1.1989. S. 25–28, 60–61.
- Mencej M.* Od Ljubljane prek Bileće na Goli otok // Borec. Ljubljana, 1988. Št. 10. S. 895–912.
- Mičeta L.* Goli otok je nastavak Jasenovca // Politikin svet. Beograd. 18.4.1990. S. 18–21.
- Milanović R.* Ljudi sa Golog otoka // Naši dani. Sarajevo. 16.3.–8.6.1990.
- Miletić A.* Moja istina o Golom otoku // Vjesnik. Zagreb. 7.6.–25.6.1990.
- Milovanović D.* Ko je izmislio Goli otok? // Revija 92. Beograd. 8.9.1989. S. 6–7.
- Milunović R. R.* Golgota prije Golog otoka // Pobjeda. Titograd. 25.1.1990. S. 14.
- Mackanzie G. M., Irby A. P.* Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London: Daldy, Isbister & Co., 1877.
- Moles A. A.* Nesologija ili znanost o otocima // Zbornik trećeg programa Radio Zagreba 23. Zagreb 1989. S. 224–239.
- Musa V.* U Titovim pandžama. München, 1973.
- Newman B.* Tito's Yugoslavia. London: Robert Hale, 1952.
- Niederle L.* Rukovět Slovanské archeologie. Praha: Nákl. Slovanského ústavu, 1931.
- Nikčević T.* Goli otoci Jova Kapičića. Beograd: V. B. Z., 2010.
- Nikolić K.* TITO govori što NAROD misli: Kult Josipa Broza 1944–1949. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2006.
- Nikolić Z.* Ciji je Goli otok? // Vjesnik. Zagreb. 3.9.1989. S. 6.
- Niles B.* Condemned to Devil's Island. New York: Harcourt, Brace and Co., 1928.
- Novak S. P.* Kad su davli voljeli hrvatski. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1988.
- Novosel Đ.* Življenje teče dalje... // Mladina. Ljubljana. 25.12.1987. S. 39.
- Novosel Đ.* Spomini. Ljubljana. s. d. (Неопубликованная рукопись хранится у Павле Ямника.)
- Ogorevc B.* Naked Island // Mladina. Ljubljana. 22.9.1992. S. 41–43.
- Orović R.* Strašna istina // Pobjeda. Titograd. 16.11.1989. S. 14.

- Padev M.* What Happens to Communists? London: Batchworth Press, 1953.
- Pahor J.* Hodil po zemlji sem naši... Ljubljana: Mladinska knjiga, 1951.
- Pelikan J.* Praška pomlad. Ljubljana: Borec, 1984.
- Perković D.* Krvavi pir // Pobjeda. Titograd. 10.1.1990. S. 16.
- Perković D.* Kovačnica i lomača // Pobjeda. Titograd. 11.1.1990. S. 15.
- Perućica K. R.* Kako su nas prevaspitavali. Beograd: Grafički atelje „Dereta“, 1990.
- Perunović S.* Hrabro ste počeli, hrabro i završite // Pobjeda. Titograd. 8.1.1990. S. 12.
- Peteršič V.* Združenje Goli otok // Večer. Maribor. 22.2.1991.
- Petričević J.* Njen odgovor je bilo čutanje // Duga. Beograd. 29.10.1988. S. 87–88.
- Poniž D.* Državna blaznica // Teleks. Ljubljana. 13.4.1989. S. 21.
- Popović M., Savović R.* Pjesma kao svjedok vremena // Pobjeda. Titograd. 8.1.1990. S. 12.
- Popović M.* Udri bandu. Beograd: Filip Višnjić, 1988.
- Popović S.* Uvrede teže od muka // Pobjeda. Titograd. 14.12.1989. S. 15.
- Popović V.* Svojevrsno mučilište // Pobjeda. Titograd. 23.12.1989. S. 17.
- Popović V.* »Prevaspitavanje« na Ugljanu // Pobjeda. Titograd. 24.12.1989. S. 14.
- Pouqueville F. C.* Travels in Epirus, Albania, Macedonia, and Thessaly / New Voyages and Travels. Vol. IV. London: Sir Richard Phillips, 1820.
- Protiv provokatora i izdajnika // Proleter. Br. 28. Dec. 1932. S. 9.
- Quiclet M.* Les Voyages de M. Quiclet á Constantinople par terre. Paris: Pierre Promé, 1664.
- Racković S.* Već '49. ušli smo u Atlantski pakt // Naši dani. Sarajevo. 11.5.1990. S. 34–36.
- Racković S.* Goli otok nam je bio nametnut // Naši dani. Sarajevo. 23.11.1990. S. 33–34.
- Radonjić M.* Goli otok. Ljudsko mučilište. Beograd: Prometej, 1993.
- Radonjić M.* Staljinizam ne miruje // Danas. Zagreb. 16.8.1983. S. 11–15.
- Radovanović R., Sladovljević O.* Moj posao je detektivski // Naši dani. Sarajevo. 16.3.1990. S. 44–47.
- Rajković T. V.* Do Golgote i nazad. Veljkova priča. Andrijevica: Komovi, 2006.
- Randa A.* Der Balkan von Diokletian bis Tito. Zürich: Verlag der NZN, 1950.
- Rebić D.* Gola istina o Golom otoku // Borba. Beograd. 25.3.1991. S. 27.
- Rossi J.* The Gulag Handbook. New York: Paragon House, 1989.
- Rusinow D.* The Yugoslav Experiment 1948–1974. Berkeley: University of California Press, 1977.
- Titova klika ve službách imperialist: Sborník stati a článkù. Praha: Světové rozhledy, 1950.
- Schnabel R.* Die Frommen in der Hölle. Frankfurt am Main: Röderberg-Verlag, 1966.
- Segev T.* Soldiers of Evil. London: Grafton, 1990.
- Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. Beograd: ABC Product, 1990.
- Simić M.* Na Golom otoku. Beograd: Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1990.
- Simić P.* Tito, fenomen 20. veka. Beograd: Službeni glasnik, 2011.
- Simonović S.* Kazamati Titove Jugoslavije // Duga. Beograd. 9.12.1991–4.1.1992.
- Sjovold T.* The Viking Ships in Oslo. Oslo: Universitetets Oldsaksamling, 1985.
- Skledar M.* Vzponi in padci informbirojevca // Mladina. Ljubljana. 3.11.1988. S. 60–61.

- Stevanović M.* Titove fabrike izdajnika // Duga. Beograd. 12.10.–23.11.1990.
- Stojanović M.* Rečnik Golog otoka // Duga. Beograd. 14.5.1988. S. 48–50.
- Stojanović M.* Knjiga pouka // *Popović M.* Udri bandu. Beograd: Filip Višnjić, 1988. S. 157–173.
- Štikovac P. N.* Padaju krstovi pravoslavja // Duga. Beograd. 30.9.1989. S. 10–11.
- Tasić D.* Goli otok // A1. Ljubljana, 1987. Št. 10.
- Tasić D.* Leševi s Golog. Ljubljana: Karantanija, 1990.
- Terra S.* Tre anni con Tito. Milano–Roma: Fratelli Bocca, 1953.
- Tomazin S.* Goli otok v kiosku // Nedeljski dnevnik. Ljubljana. 19.6.1988. S. 6.
- Torkar I.* Umiranje na obroke. Zagreb: Globus, 1984.
- Tornquist D.* Look East, Look West. New York – London: Macmillan, 1966.
- Tozer H. F.* Researches in the Highlands of Turkey. London: John Murray, 1869.
- Trucco G.* Nell' ombra di Tito. Milano: Casa editrice Ceschina, 1954.
- Ulam A. B.* Titoism and the Cominform. Cambridge: Greenwood Press, 1952.
- Ullrich J.* Šest let za ostatným drátem. Plzeň: Volnost, 1945.
- Vasović S., Mekina I.* Mile Perović: »Tito je moral vedeti« // Mladina. Ljubljana. 27.1.1989. S. 25–28.
- Sommières L. C. V.* Travels in Montenegro / New Voyages and Travels. Vol. IV. London: Richard Phillips, 1820.
- Vodopivec P.* Pogovor z Jožetom Jurančičem // Nova revija. Ljubljana, 1985. Št. 39–40. S. 845–857.
- Vodopivec, P.* Pogovor z Janezom Jezerškom-Sokolom // Nova revija. Ljubljana, 1990. Št. 96–99. S. 873–878.
- Vojinović S.* Goli otok, četrdeset godina kasnije // Revija 92. Beograd. 8.9.1989. S. 2–3.
- The Brink of War and Peace: The Tito-Stalin Split in a Historic Perspective / W. Vucinich, ed. New York: Columbia University Press, 1982.
- Vučetić P.* Hod po užarenoj lavi na ostrvu bez kratera: Goli Otok i druge priče. Beograd: Matra, 1993.
- Vujošević M.* Ko je odlučivao o hapšenju // Pobjeda. Titograd. 14.11.1989. S. 15.
- Vujović M. M.* »Mašina čini svoje« // Pobjeda. Titograd. 12.1.1990. S. 14.
- Vujović M. M.* Bili smo van zakona // Pobjeda. Titograd. 13.1.1990. S. 14.
- Vujović M. M.* U žrvnju mučilišta // Pobjeda. Titograd. 14.1.1990. S. 16.
- Vukičević R.* Ponižavanje ljudi // Pobjeda. Titograd. 17.11.1989. S. 14.
- Vukičević R.* »Legalna vlada« // Pobjeda. Titograd. 18.11.1989. S. 15.
- Vukičević R.* Ucjene ljudi // Pobjeda. Titograd. 19.11.1989. S. 14.
- Vulović B.* Od tada ne slavim rođendan // Pobjeda. Titograd. 25.1.1990. S. 14.
- Weiss E.* Ne hodi naprej...! Ljubljana. s. d. (Свидетельства 1945–1985 гг.; неопубликованная рукопись.)
- White L.* Balkan Caesar: Tito vs. Stalin. New York: Scribner, 1951.
- Wingfield W. F.* A tour in Dalmatia, Albania, and Montenegro. London: Richard Bentley, 1859.
- Yndrich J.* Tito v. Stalin. London: Ernest Benn, 1950.
- Zagorski C.* Moje leto osemintirideseto // Nova revija. Ljubljana, 1984. Št. 24/25 – 28/29.
- Zavadil A.* Obrázky z Bosny: Trappisti. – Turci. – Židé. – Cikáni. Praha: Josef Pelcl, 1911.
- Združenje Goli otok: Resnica o Josipu Brozu // Slovenec. Ljubljana. 23.6.1992. S. 10.

- Zemljar A.* Pakao nade. Zagreb: Trgo-Rast, 1997.
- Zilliacus K.* Tito of Yugoslavia. London: Michael Joseph, 1952.
- Žarić T.* Zabranjeno samoubistvo / Obradio A. Dragojević. Zemun: Dokumentacija, s. d.
- Živković S.* Nevin u paklu // Pobjeda. Titograd. 20.1.1990. S. 16.
- Živković S.* »Prevaspitanje« // Pobjeda. Titograd. 21.1.1990. S. 14.
- Živković S.* Dvije žrtve linča // Pobjeda. Titograd. 21.1.1990. S. 14.
- Živković S.* Muzej živih ljudi // Pobjeda. Titograd. 22.1.1990. S. 13.
- Živković S.* Brata nijesam prepoznao // Pobjeda. Titograd. 23.1.1990. S. 16.
- Živković S.* Povratak iz pakla // Pobjeda. Titograd. 24.1.1990. S. 15.

Записано со слов информантов:

- Amon H.* – В Любляне в сентябре – октябре 1993 г.
- Borisov P.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Cenc M.* – В Любляне в июне – сентябре 1993 г.
- Grizelj J.* – В Белграде в октябре 1984 г.
- Jurančič J.* – В Любляне в январе 1982 г.
- Jurančič-Virens O.* – В Любляне в январе 1982 г.
- Košec I.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Lah A.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Ljubič B.* – В Любляне в сентябре 1993 г., июне 1994 г.
- Logar C.* – В Любляне в феврале 1994 г.
- Magajna B.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Majcen F.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Petersič V.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Romih M.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Sulič T.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Šturm M.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Tomazič F.* – В Любляне в сентябре 1993 г.
- Vatovec M.* – В Любляне в сентябре – октябре 1993 г.
- Vesel D.* – В Любляне в сентябре 1993 г.

Научное издание

Езерник Божидар
Голый остров —
югославский
ГУЛАГ

Для возрастной категории 16+

Выпускающий редактор

Ю. А. Созина

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Корректор

А. А. Бельских

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Лингвистика»

109240, г. Москва, ул. Николаямская, д. 4

Отдел реализации издательства:

+7 (495) 915-31-00,

+7 (905) 717-05-20

Адрес электронной почты:

veniamin.a.astrakhantsev@libfl.ru

Подписано в печать 10.03.2018. Формат 60×84¹/₁₆.

Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 23 печ. л.

Заказ № 38

Тираж 1000 экз.